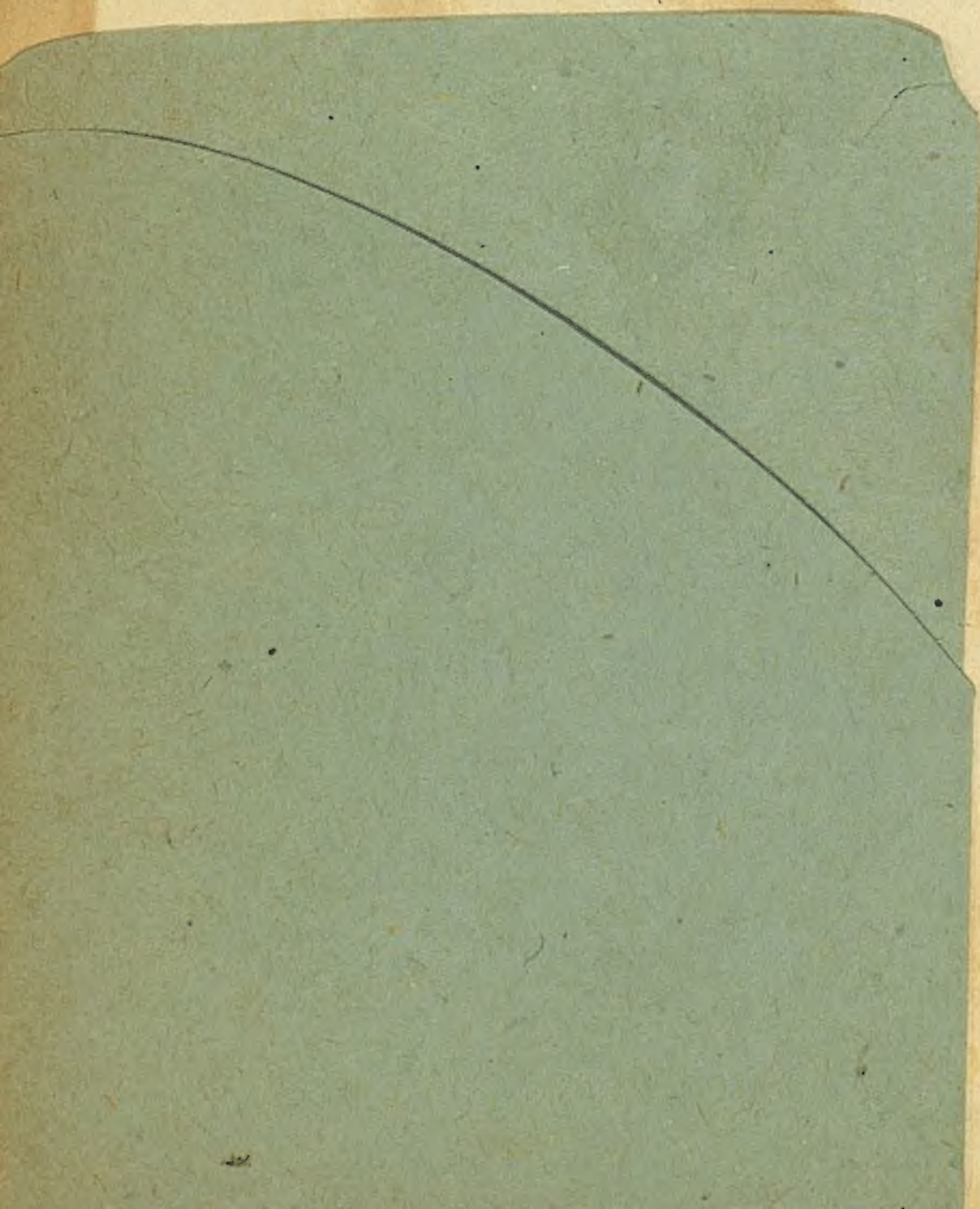
А. ВАЛЛОН

ИСТОРИЯ РАБСТВА В АНТИЧНОМ МИРЕ

ГРЕЦИЯ



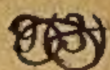
H. WALLON

HISTOIRE DE L'ESCLAVAGE DANS L'ANTIQUITÉ

Tome premier

Deuxième édition

PARIS ★ MDCCCLXXIX



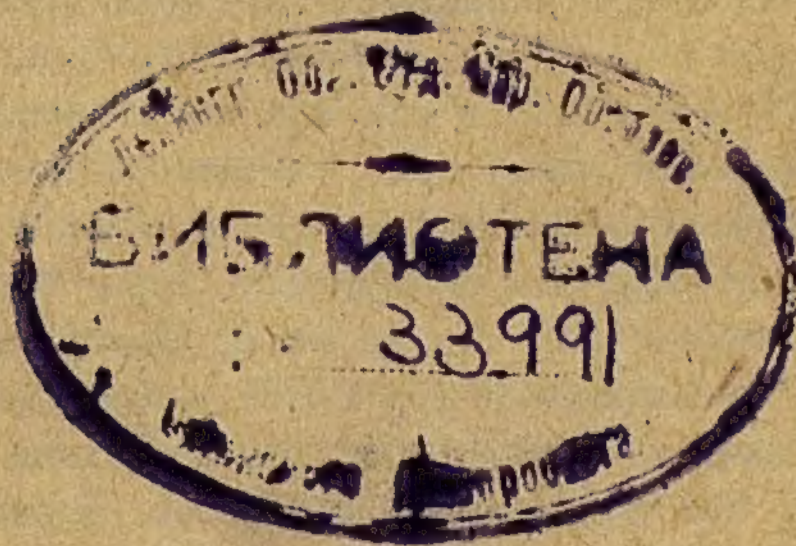
А. ВАЛЛОН

ИСТОРИЯ РАБСТВА В АНТИЧНОМ МИРЕ

ГРЕЦИЯ

Перевод с французского
С. П. КОНДРАТЬЕВА

Под редакцией
А. В. МИШУЛИНА



ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1936

Настоящая книга, посвященная истории рабства в Древней Греции, является переводом I тома работы французского историка Анри Валлона «История рабства в античном мире». При переводе были сделаны некоторые сокращения, имевшие целью освободить книгу от материала, не представляющего в настоящее время научной ценности.

Книга содержит интересный фактический материал, почерпнутый главным образом из произведений греческих и римских писателей; автором частично привлечен также и эпиграфический материал.

Редактора *Е. Зомбе* и *В. Вейс*
Техред *О. Прохорова*

Сдано в набор 21/VI-36 г. Подписано в печать 10/XI-36 г. Формат бумаги $62 \times 94^1/_{16}$, $20^1/_4$ п. л. 44.0 0 зн. в п. л. Огиз № 1754. Заказ № 2404. Тираж 15.000 экз. Уполном. Главлита № Б 2Г1 9.
Цена книги 5 р. 75 коп. Переплет 1 р 25 коп.

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

ВАЛЛОН И ЕГО «ИСТОРИЯ РАБСТВА»

Валлон и его «История рабства в древности»—современники февральской революции 1848 г. и последних волн чартистского движения. Эти движения революционной демократии глубоко претили Валлону, ученику Гизо и его заместителю на кафедре Сорбонны. В законодательном собрании 1849 г. он примкнул к «партии порядка», которая, по меткому и колкому замечанию Маркса, «показала, что она не в состоянии ни господствовать, ни подчиняться, ни жить, ни умереть, ни сносить республику, ни ниспровергнуть ее». Эта беспомощность официальных представителей «крупного землевладения со своими попами и лакеями» и «капитала со своей свитой адвокатов, профессоров и краснобаев» оттолкнула от себя даже массу французской буржуазии, призвавшей себе на помощь Луи Бонапарта и этим признавшей, по словам Маркса, что «одно только воровство может еще спасти собственность, клятвопреступление — религию, прелюбодеяние — семью, беспорядок — порядок».

Правда, Валлон стушевался на все время Второй империи, скрывшись в удобной и малопроницаемой раковине члена Французской академии и сделавшись типичным «бессмертным» романа Додэ; но он выплыл наружу в качестве члена национального собрания 1871 г., когда на его долю выпала своеобразная честь — быть одним из авторов поныне действующей конституции 1875 г., преследовавшей задачу быть республиканской ровно настолько, чтобы допустить безболезненную монархическую реставрацию. Конституционный проект Валлона был принят национальным собранием без всякого энтузиазма — большинством только одного голоса. Но политическая карьера Валлона, хотя и не особенно блестящая, была теперь уже упрочена — одно время он был министром народного просвещения Третьей республики, а затем, до конца своих дней, несменяемым сенатором.

В промежутке между своими политическими выступлениями Валлон показал себя довольно плодовитым писателем, главным образом, по вопросам, связанным с французской буржуазной революцией 1789 г. Исследования Валлона, несмотря на всю свою сыроватость, проникнуты определенной клерикально-монархической тенденцией, не покинувшей автора и в его дальнейшей научной деятельности. «История

рабства», несмотря на все свои недостатки, — наиболее свободный от политической тенденциозности труд Валлона. Можно даже отчасти говорить о довольно бесформенном и безвредном филантропическом либерализме валлоновской «Истории рабства».

Эта расплывчатая сентиментальность, столь свойственная, по крайней мере на словах, политическим деятелям, подобным Валлону, в значительной степени исказила общую характеристику рабства в античности. Для Валлона рабовладельческий строй — не один из основных этапов в развитии человечества, само рабство — не определенная экономическая категория: оба эти факта являются для него только плодом печального исторического недоразумения, своего рода заблуждением греко-римской древности. «Социология» Валлона при рассмотрении рабства сводится к очень элементарным рассуждениям о неравенстве людей по их «умственным и физическим силам, которые создают личность», о том, что в соответствии с этими способностями «необходимо установить порядок и гармонию..., на которых возможно организовать идеальное государственное устройство». Поэтому Валлон полон негодования по адресу «апологетов» рабства, считающих, что этот институт был «воспитателем человеческого рода», что рабство «подняло свободные народы на столь высокую степень цивилизации». По Валлону, «рабство поражало как греков, так и варваров. Что касается греков, то с трудом можно было бы защищать положение, что благодаря ему они могли что-либо выиграть; и для других также этот вопрос не может получить иного разрешения». Как видно, Валлон совершенно не занимается рассмотрением вопроса об экономической сущности рабства. Оно его больше интересует с моральной точки зрения. У него нет даже и попытки подойти к разрешению вопроса о сущности рабства с диалектической точки зрения. И Энгельс подчеркивает губительную роль рабства в античных государствах, замечая, что «не демократия погубила Афины, как утверждают это европейские школьные учителя, виляющие хвостом перед монархами, а рабство, вытеснившее труд свободного гражданина». Но у Энгельса это утверждение диалектически спаяно с другим. «Только рабство создало возможность более широкого разделения труда между земледелием и промышленностью и, благодаря ему, расцвета древнегреческого мира. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима. А без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы также и современной Европы. Мы не должны забывать, что все наши экономические, политические и умственные работы вытекли из такого предварительного состояния, при котором рабство было настолько же необходимо, как и общепризнано. В этом смысле мы имеем право сказать, что без античного рабства не было бы и современного социализма». Именно по адресу писателей, подобных Валлону, и направлено саркастическое замечание Энгельса: «Нет ничего легче, как произносить громкие фразы по поводу рабства и т. п. и изливать целые потоки высоко-

нравственного гнева на такие постыдные вещи. Только, к сожалению, этим не выражается ничего, кроме всем известного факта, что эти древние учреждения не соответствуют более ни современным обстоятельствам, ни нашим выработанным этими обстоятельствами чувствам». Именно поэтому так жалко звучат общие рассуждения Валлона о «среднем положении, которое годилось для рабочих классов». У французского историка нет даже и попытки сколько-нибудь диференцировать положение трудящихся масс при различных экономических укладах. Почтенный французский клерикал из «партии порядка» видит только единственный однообразный идеал для «рабочих классов»: «Надо, чтобы он (рабочий. — *П. П.*) имел семью, неприкосновенные права, чистые радости, доступные для всех; собственность по крайней мере как результат его труда, которая, по прекрасному выражению Тюрго, является наиболее святой из всех видов собственности... Нужно, чтобы этот труд не был безнадежным даже в этом мире и чтобы ценой страданий в настоящем можно было благодаря прогрессу, являющемуся законом человеческого развития, приготовить себе более счастливое будущее». Как раз этих столь священных для французского буржуа вещей не имелось у античных рабов, и потому рабство вместо конкретно исторической оценки вызывает только «высоконравственный гнев» у Валлона. Маркс в одном из писем к Вейдемейеру советовал «господам демократам» «выяснить себе прошлую историю классов..., изучать исторические произведения Тьерри, Гизо...». Валлон совсем не был демократом, к которым относился этот совет Маркса, но зато он был учеником Гизо, который, несмотря на всю ограниченность своего исторического мышления, разбирался в классовой структуре современного ему общества. Тем не менее близость к Гизо мало повлияла на Валлона, и в своих взглядах на рабство он остался позади не только Гизо, но может быть даже и Тюрго, о котором он с таким сочувствием упоминает.

Эта порочность основной установки Валлона делает его совершенно беспомощным при определении всех последствий рабовладельческого способа производства. Марксистско-ленинский анализ рабовладельческой социально-экономической формации приводит к ряду совершенно определенных выводов о характере античной культуры и конечной судьбе.

Античную культуру создал рабский труд. «Только рабство создало возможность более широкого разделения труда между земледелием и промышленностью и благодаря ему расцвета древнегреческого мира. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима» [1].

Но тот же рабский труд послужил главной причиной и гибели античной культуры. Энгельс пишет: «Там, где *рабство* является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то

---

[1] *Энгельс*, Диалектика природы, Партиздат, изд. 5-е, стр. 60.

время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития его рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец (Рим), не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства. Либо же рабство отменяется насильно или добровольно, и в таком случае *прежний способ производства гибнет*... Греция погибла от рабства, в связи с чем еще Аристотель сказал, что общение с рабами деморализует граждан, не говоря уже о том, что они лишают граждан работы»[1].

Для свободного гражданина рабовладельческого общества существовал свой идеал; по Аристотелю, «и физическая организация свободных людей отлична от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов, свободные же люди держатся прямо и неспособны для выполнения подобного рода работ, зато они пригодны для выполнения политической жизни». Величайший энциклопедист классической древности и не подозревал, что подобным возвеличением свободного человека он выносит смертный приговор своей собственной культуре. В своей «Никомаховой этике» он проявляет твердую уверенность в том, что не может быть никакой дружбы между свободным и рабом, так как между этими существами нет ничего общего: раб ведь только одушевленное орудие, все равно как орудие — это неодушевленный раб. И поскольку он — раб, не может существовать дружбы по отношению к нему». Перед нами специфический для античности идеал «свободного» человека, «доблестью—добродетелью» которого было занятие искусством, политикой и чем угодно, кроме производительного труда. Здесь античного человека и подстерегала своя Немезида. Энгельс, говоря о падении древнего мира, замечает, что умирающее рабство все еще проявляло себя тем, что заставляло признавать всякий производительный труд, как рабскую деятельность, недостойным свободных римлян. Это вполне приложимо ко всей греко-римской древности.

Наконец, и сам мелкий производитель, трудолюбие которого так воспевает Валлон, был обречен на неизбежное разорение. Рабовладельческая система хозяйства снижала стоимость труда свободного человека. Мелкий производитель города и деревни пауперизовался, терял землю, орудия своего производства и довершал свое разорение, попадая в хищные лапы городского ростовщика. Разорение имело место везде, куда проникало товарно-денежное хозяйство. Революционные движения мелких производителей происходили всегда под неизменным лозунгом «передела земли» и кассации долговых обяза-

[1] *Энгельс*, *Анти-Дюринг*, Партиздат, изд. 6-е, стр. 129.

тельств. Мелкие производители стремились к реставрации аграрных отношений, к стабилизации независимого положения мелкого производителя. В то же время положение этих мелких производителей отличается своеобразной двойственностью. Все они разоряются под влиянием специфических условий рабовладельческой экономики, но каждый из них — потенциальный рабовладелец, мечтающий о том, как бы выбиться из массы простых «свободных» и сделаться подлинным рабовладельцем. Когда Энгельс говорит о «безвыходном тупике», в который попало рабовладельческое общество в момент своей гибели, он подчеркивает специфику античности, которая кончается «совместной гибелью борющихся классов». Ни один класс античного общества не мог выдвинуть положительной и действенной программы устройства общества на новых производственных началах, и как раз поэтому так ограничены и обусловлены лозунги революционной демократии, действовавшей в специфических условиях античного мира.

Для Валлона подобный анализ последствий рабовладения совершенно недоступен. Он заменяет его громкими декламациями по поводу губительных для каждого индивида последствий рабского состояния. По Валлону, «рабство разрушало в человеке его личность; лишение человека в самом начале самой основы нравственности — плохое средство, чтобы приготовить его к восприятию культуры. Правда, встречаются иногда исключения, вызывающие наше уважение и удивление, так как природа никогда не теряет окончательно своих прав». Все эти общие и бессодержательные, понятные только с точки зрения абстрактного «естественного» права рассуждения сопровождаются рядом примеров, показывающих, как под влиянием рабского положения у раба развиваются якобы самые низменные свойства человеческой природы — обжорство, лживость, половая распущенность. Надо отдать справедливость Валлону — он указывает на ряд аналогичных свойств, возникающих и у «свободного» гражданина античного государства, но основное ударение в своих морализирующих описаниях он делает все-таки на моральном разложении рабов античного мира. Необходимо отметить еще одно характерное свойство этих рассуждений французского историка: большинство их основано на преимущественно литературном материале, на тех типах рабов, которые даются в античной комедии, причем Валлон очень смело пользуется произведениями Плавта и Теренция, этими перепевами поздней греческой комедии на римский лад, не делая никаких поправок к тем элементам этих произведений, которые возникли на римской почве. Незаконность такого приема бросается в глаза. Конечно античная комедия брала свои сюжеты из реальной жизни, но она никогда не стеснялась размерами шаржа поданных ею фигур. Нельзя изображать Клеона только на основании аристофановых «Всадников»; столь же карикатурно и ложно изображение античного раба только по комедийному материалу. Валлон не понимает одного чрезвычайно важного обстоятельства: комедиографы рабовладельческого общества уже по своей классовой установке не стеснялись при-

дать именно рабам все отрицательные свойства свободных граждан. Современный литературный критик должен потратить немало труда, чтобы отличить в греческой и римской комедии характерные черты «свободных» от характерных черт рабов. Именно здесь валлоновские рассуждения имеют несколько наивный характер. Для любого исследования, особенно в области античной истории, зоркое и внимательное отношение к источнику является необходимым условием точности и исторической объективности. Работа Валлона в отношении использования источников страдает большими погрешностями. Особенно показательна глава, дающая характеристику рабства в «героический» период греческой истории. В ней основной источник — гомеровский эпос — систематически иллюстрируется Валлоном большим количеством данных из греческих трагиков — Эсхила, Софокла, Эврипида. Конечно все эти драматурги щедро черпали свои сюжеты из Гомера, но это обстоятельство вовсе не оправдывает использования их для живописания гомеровской старины. Когда Валлон со свойственной ему сентиментальностью описывает судьбу знатных пленниц, захваченных ахейскими вождями, он просто забывает, что трагедия Кассандры или Гекубы в ее полной значимости и осознанности могла возникнуть только в блестящую эпоху расцвета греческого просвещения, когда и была создана проблема трагедийного «патоса».

Вообще очень широкое привлечение чисто литературного материала является и плюсом и минусом работы Валлона. Плюсом потому, что всякое произведение древнегреческой литературы может и должно быть использовано в качестве исторического источника, что, к сожалению, делается далеко не всегда. Но у Валлона совершенно не принимаются во внимание вся специфичность источников этого типа и необходимость найти подлинную историческую реальность, скрытую под покровом художественной стилизации и политической тенденции. Валлон не возлагает на себя столь сложных задач и попросту принимает все высказывания трагических и комических поэтов за чистую монету.

Несомненно, что труд Валлона устарел вследствие того, что со времени его появления историческая наука обогатилась большим количеством новых и очень ценных источников, главным образом эпиграфического характера, и в настоящее время он нуждается в существенных дополнениях, но и в трактовке доступного ему материала Валлон стоит даже не на высоте современной ему науки. Если он не усвоил богатого исторического опыта Гизо, то и источниковедческая деятельность Нибура, Бека, Карла Отфрида Мюллера прошла мимо него, несмотря на его частые ссылки на этих исследователей. Недостаточный анализ использованных Валлоном источников мстит за себя. Рабство в изображении Валлона почти стабильно. Патриархальное гомеровское рабство мало чем отличается в его изображении от развитого античного рабства, почти не учтены им эволюционные сдвиги в развитии античного рабовладения, хотя совершенно ясно, что характер рабовладения в «классической» Греции V в. до

н. э. существенно разнится от характера рабовладения эпохи кризиса греческих рабовладельческих обществ в IV—II вв. Нет у Валлона и ясного понимания революционизирующего значения рабских движений в истории древнего мира. Порой Валлон впадает даже в некоторое противоречие. С одной стороны, он крайне преувеличивает значение труда в рабовладельческих Афинах V в. По Валлону, «труд служил для афинян не только законным средством достигнуть власти в государстве, он был также основой внешней власти афинян», или «труд, поддержанный и получивший поощрение на низших ступенях, должен был развиваться далее на ступенях более высоких». Конечно менее всего подобает изображать античное общество состоящим только из рабовладельцев и рабов и не учитывать значения свободного труда и мелкого производителя, но такой гимн свободному труду уже несколько анахронистичен для эпохи расцвета рабовладельческого общества. Сам Валлон с уже отмеченным и столь характерным для него непониманием прогрессивной роли рабства на известных ступенях общественного развития замечает: «Под властью закона, который звал граждан к труду и предоставлял им свободное распоряжение рабами, они стали вырождаться в условиях крайнего богатства и крайней бедности. Таким образом рабство, это мнимое средство античной цивилизации, было для греческого общества при всяких формах республик действительной причиной деморализации и смерти». Валлон прав в том, что в конечном счете именно рабство погубило античную культуру, но он упорно не желает понять того, что в свое время рабство было вовсе не «мнимым» средством этой культуры, а как раз создало тот материальный базис, на котором эта культура развилась. Все дело в том, что именно рабство, а не так елейно изображаемый Валлоном «свободный» труд, создало знаменитый «век Перикла». Неумение диалектически разобраться в вопросе о значении рабства не дало возможности Валлону свести концы с концами в своих общих выводах об античном рабовладении.

Сомнительны и сумбурны рассуждения Валлона и об экономической природе эксплоатации раба. Для него «доход с раба по своей природе является пожизненной рентой. Он должен был не только возместить проценты с покупной цены, он должен был в определенный период времени восстановить и самый капитал, так как этот капитал, помещенный в личности раба, погибал вместе с ним». Кристально ясные характеристики Маркса, что «раб, вместе со своим трудом, раз навсегда продан своему господину. Он — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого. Сам он — товар, но его труд не его товар» и что «при системе рабства денежный капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы, играет роль денежной формы основного капитала, который возмещается лишь постепенно, по истечении периода активности в жизни раба» — эти характеристики резко отличны от точки зрения Валлона, рассматривающего экономические явления с позиций «вульгарной» политической экономии.

Несмотря на все сказанное, несмотря на перечисленные дефекты, труд Валлона, как одна из немногих сводных работ по истории античного рабства, сохраняет свое значение. Теоретические установки Валлона не только устарели для современности, но не отличались особой прогрессивностью и в эпоху создания им своего труда. Однако французский историк дает достаточное количество конкретного материала, правда, в несколько сыром и критически необработанном виде; для соответствующего использования его необходима некоторая теоретическая и источниковедческая подготовка. Самое главное — Валлон, несмотря на все свои недостатки, нисколько не склонен принижать значение античного рабовладения. В противоположность таким модернизаторам древней истории, как Эдуард Мейер, который проводит почти полную аналогию между античными рабами и современным пролетариатом, Валлон прекрасно сознает отличие античного раба от пролетария нового времени. В этом отношении утверждение Энгельса, что «раб может жить в лучших условиях, чем пролетарий, но пролетарий принадлежит к обществу, стоящему на более высокой ступени развития, и сам он стоит на более высокой ступени развития, чем раб», — может найти себе полную поддержку не только в фактах, приводимых Валлоном, но и в его выводах. Точно так же Валлон не склонен, подобно тому же Мейеру, затушевывать количественное и качественное значение рабства в античности.

Может быть, в современных условиях Валлон пошел бы также по скользкому пути этого германского историка — использовать древнюю историю для точного доказательства того, что весь мировой исторический процесс происходит так же, как в «Острове пингвинов» Анатоля Франса, — человечество вечно и однообразно повторяет один и тот же путь развития, от первобытности до капитализма. Судя по всему, у него были на это все данные. Но для Валлона буржуазно-капиталистическая цивилизация еще не приняла «гиппократова лица», лика смерти; вся история представлялась ему уютным ковчегом, вечно хранящим столь дорогие для члена «партии порядка» начала, как религия, семья и частная собственность, и потому он мог позволить себе роскошь в меру своих возможностей рассматривать и античность и рабство, не прибегая к их прямому искажению. Э. Мейер как историк стоит неизмеримо выше Валлона и по сумме знаний и по критическому отношению к источникам, и все же он более далек от объективного понимания античности, чем Валлон. «Времена меняются...» и историки вместе с ними. Конкретный материал, систематизированный Валлоном, и сейчас имеет известное значение для всякого, интересующегося экономической историей античного мира.

Проф. П. Преображенский.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАБСТВО В ГРЕЦИИ. РАБСТВО В ДРЕВНЕЙШУЮ ГОМЕРОВСКУЮ[1] ЭПОХУ

1

Быть может, нигде рабство не проявляло так ярко своего позорного, мертвящего влияния, как в Греции, этой стране высокоразвитой культуры. Рабство принизило там расы самые блестящие, оно поглотило поколения народов и героев. Один из народов Греции — пеласги, — который в начале своей истории проявляет себя в блеске славы, исчезает, не оставляя после себя никаких видимых следов, сохраняясь только кое-где на окраинах греческого мира. Первые эллинские племена, которые сменяют этот народ, в свою очередь деградируют и смешиваются с его остатками под этим общим гнетом всеуравнивающего рабства. И в историческую эпоху институт рабовладения, расширяясь, захватывает не только варварские народности Севера, цивилизованные народы Азии, но также и греков из самых славных их государств, в результате тех войн из-за личного честолюбия, которые продолжаются между отдельными государствами вплоть до конца греческой истории. Таким образом не без основания Сатурн был сделан богом рабов—не только тот кроткий и добродушный Сатурн, который, лишившись царства на небе и принужденный бежать, старается установить царство равенства на земле среди людей, но Сатурн могучий, Сатурн, еще царящий на гибель своего потомства, как представляет его традиция века Уранидов.

В исторические времена ряд народов Греции считались теми, кто первый ввел в этой стране институт рабства: спартанцы с их системой крепостной зависимости, столь жестоко

организованной ими в Лаконии; жители острова Хиоса, который был одним из первых рынков торговли рабами. Но если хотят найти первые следы организации рабства в Греции, то очевидно надо обратиться к самым древним преданиям: критический анализ может предположить и выявить рабство там, где его нельзя еще доказать прямыми фактами.

Первые поселенцы Греции, родом из Азии, вероятно ничем не отличались от восточных народов, где чрезмерное злоупотребление отцовской властью и применение насилия узаконили рабство в самой семье и в роду. К рабам своего племени должны были присоединиться и рабы иноземного происхождения, потому что в эти первобытные времена, когда разобщенность жизни была почти необходимой, в стране, географические условия которой поддерживали эту разобщенность, эти маленькие народы жили конечно не в бо́льшем согласии, чем республики в более поздние времена; и война в эти варварские времена была ничуть не менее жестокой. Рабство для отдельных лиц, порабощение целых народов — такова была двойная форма, в которую выливалось положение побежденных, смотря по тому, были ли они предназначены лично для пользования победителей или во всей совокупности — для обслуживания общины; таковым мы найдем рабство также и у греков.

Нам мало известно о пеласгах, этой прославленной народности, имя которой господствует в сказаниях о самых древних временах Греции; но конечно они не могли подняться до преобладающего положения среди других народностей, заселяющих эту страну[2], без всяких переворотов, аналогичных тем, которые произошли позднее и дали возможность эллинам утвердиться за их счет в этих местностях. Этот характер насилия и завоевания фигурирует почти во всех преданиях, где имя какого-нибудь древнего пеласга воплощает в себе весь народ пеласгов. Циклопические постройки, внушавшие удивление и страх позднейшим поколениям, со всей очевидностью свидетельствуют о режиме деспотизма и крепостного права, о чем молчат исторические памятники. Если мы мало знаем об обстоятельствах водворения пеласгов в Греции, то в той же степени нам неизвестны и условия их внутренней жизни. С некоторой достоверностью можно только сказать, что повсюду они приспособили образ своей жизни к природным условиям занятых ими стран: земледельцы на равнине, они были скотоводами в горах и разбойниками на море. Но мы вполне законно можем здесь сделать еще несколько умозаключений: возделывание земли, уход за стадами возлагаются на крепостных, когда притеснение или война создают крепост-

ную зависимость, а морской разбой для тех же целей создает рабов, если они не остаются в качестве таких же рабов на скамьях гребцов [3].

Между пеласгами и эллинами различие казалось столь большим, что предание разделяет их существование всемирным потопом и возникновением нового человеческого рода. Это потоп Девкалиона, отца Эллина. С этого момента начинается признанная история Греции; но это предание о происхождении народа, олицетворенного в образе одной семьи, теряет в своей достоверности настолько, насколько оно пытается придать этому вопросу ясность. Реальный факт исчез под этой условной формой, которая заняла место в истории, а критика пришла слишком поздно, чтобы восстановить истину. Из недр этого мрака пробиваются первые лучи греческой цивилизации; это заря нового века, смешанного из истины и сказок, века полубогов и героев. Троянская война представляет нам в некотором отношении как бы его завершение; и это как раз время, о котором у нас осталось наиболее верное изображение в поэмах Гомера; изображение точное и верное, так как ведь музы — дочери Мнемосины (Памяти), и в эти древние времена они, верные своему происхождению, черпают в национальных преданиях содержание своих песен. Но как бы мы ни оценивали реальность лиц и подлинность событий в их песнях, в поэмах Гомера есть правдивое описание нравов, которых нельзя не узнать под сказочными формами, под чудесным покровом этих песен. С этой точки зрения я осмелился бы сказать: поэзия не менее верный руководитель, чем история, потому что если она пренебрегает порядком событий, то тем не менее она выражает их основную мысль и ход жизни; и событие, которое она выдумывает, вытекает из всей совокупности идей, характеризующих эпоху. Под своей индивидуальной формой поэзия является фактом общего значения; факты истории не всегда могут соединяться в достаточно большом числе, чтобы иметь то же значение. Гомер представляет нам целую эпоху цивилизации, через которую прошло греческое общество. Посмотрим же, каково было в тех условиях существования, которые описывает Гомер, положение рабов.

Этот век, блестящий век поэзии, не был уже золотым веком, о котором мечтали поэты, когда люди жили, как боги, не ведая ни волнений, ни трудов, ни страданий; когда плодородная земля приносила сама по себе богатый, обильный урожай и когда люди, свободные и кроткие, делили ее богатства на лоне всеобщей дружбы [4]. Чудесное видение исчезло: это счастливое поколение людей превратилось в

благодетельных гениев, которые еще витают над миром и его охраняют. Век героев, описанный Гомером, это уже четвертый век в нисходящей лестнице веков, о котором рассказывает нам Гесиод [5], век битв и притеснений. Представляет ли поэт перед нами картину битв, описывает ли он сцены домашней жизни,— рабство всегда является фоном картины. Оно является у него как факт глубокой древности, освященный обычаем и под различными видами непрерывно проявляющийся в обиходе народов Востока.

Основной источник, откуда создается рабство, — это война, и общее имя рабов напоминает нам об этом (δμῶος, δμωή от глагола δμάω или δαμάω,—покорять, побеждать).. Дочь жреца Хрисеида и прекрасная Брисеида, бывшие причиной «гнева» Ахиллеса и отстранения его от войны, попали в руки победителей как добыча счастливой военной экспедиции. Палатки Агамемнона, Ахиллеса и большинства вождей полны пленницами, захваченными в окрестных приморских местах во время тех набегов и разбойничьих нападений, которые давали возможность грекам жить во время осады Трои [6]. Избиение мужчин, сожжение домов, пленение детей и женщин — таков был обычай, таково было повидимому общее правило при взятии городов:

> Мужи убиты оружьем, дома превращаются в пепел,
> Дети уводятся в плен и пышно одетые жёны [7].

Эта мысль преследует Гектора, когда он в последний раз видится с Андромахой, а его смерть пробуждает у несчастной женщины те же мысли в еще более горькой форме. Она уже видит близко от себя эту печальную судьбу; ее скорбь и страдания воспевали трагики. «Погиб наш блюститель, — восклицает она, — хранивший твердыню троянцев и защищавший их жен дорогих и детей малолетних. Вскоре их в плен повезут на глубоких судах мореходных. Буду и я между ними!» [8].

И муза Эврипида вторит этому вдохновенному плачу:

> «О ветер, ветер моря, ты, что несешь кормы кораблей,
> Бороздящих смятенное лоно пучины! Куда несешь ты
> Меня, несчастную? За каким владыкою я, рабыня
> Несчастная, должна следовать, в дом провожая его?
> Пойду ли я к гаваням дорийской земли или скорей
> К берегам ненавистной мне Фтии [9]?

Рабство было не только следствием войны, часто оно было и ее причиной: этот обычай, который хотели узаконить как прогресс среди варварства и смягчение права

победителя на убийство, сохранил гораздо меньше человеческих жизней, чем погубил. Во времена Гомера, как и в наши времена, в тех странах, где вербуются рабы, делали набеги на поля, нападали на города, чтобы добыть пленников. Эти грабежи которые занимали свободное время у греков под Троей, служили также во время путешествий вознаграждением за медлительность мореплавания в те времена[10]; вот подлинная жизнь древней Греции на суше и на море. Таким образом морской разбой шел рядом с войной или, лучше сказать, сливался с ней, разделяя с нею одинаковый почет, так как он предполагал одни с нею труды и давал тот же результат[11]. Женщины составляли лучшую часть добычи; их забирали массами, чтобы потом разделить на досуге. Иногда боги получали свою часть, а остаток распределялся, по заслугам и рангу, между людьми[12]. Никакому возрасту не давалось пощады, когда проявлялся этот алчный инстинкт. Молодость конечно служила большей приманкой, но не щадилась и старость. Гекуба, согбенная под бременем несчастий и лет, ожидает себе хозяина так же, как и молодые троянские девушки. «А я,— говорит она глашатаю, — кому рабой должна я быть? В годах, когда руке моей скорее посох нужен, подпорка третья для меня, имеющей уже седую голову»[13]. Одиссею пришлось взять ее себе.

Попадая таким образом во власть хозяина, рабы становились предметом собственности. Их оставляли у себя, их продавали, иногда на играх они являлись наградой победителю[14]; в обыденной жизни они были предметом сделки, ими менялись или их дарили[15]. Обмен или покупка были средствами добыть себе рабов для тех, которые сами не занимались разбоем или войной; цари извлекали из этого такую же выгоду, как и морские разбойники, создавшие себе из торговли рабами ремесло. Например Ахиллес продал царю Лемноса юного Ликаона, сына Приама; старая Гекуба оплакивает своих детей, убитых на полях сражений или проданных в рабство на острова Самос, Лемнос и Имброс[16]. Эту торговлю, которая с давних пор финикийцы вели на побережьях Греции, сами греки продолжали у берегов Сицилии, если не во время Троянской войны, то во всяком случае в то время, когда создавалась «Одиссея»[17]. Наряду с войной и морским разбоем, наряду с продажей тех, кто делался их жертвами, нужно считать еще источником рабства право домовладыки на детей своих слуг. Этот источник, который казался менее одиозным, так как был менее насильственным и считался более почетным[18], быть может, был уже и более редким. Заботы о ребенке слишком много времени занимали у матери; плодовитость рабов

уже во времена Госиода казалась доставляющей меньше выгод, чем беспокойств; он советует не допускать их связей [19].

Итак, рабы вербовались главным образом из свободных классов и насильственным путем. Добровольно никто не ставил себя в такое положение, исключая убийц, которые продавали себя в рабство, как будто бы с отказом от свободы они совлекали с себя прежнего человека и очищались от греха. Сами боги послужили тому примером. Аполлон был рабом у Адмета, чтобы очиститься от убийства Пифона [20]. Когда Геракл, обагренный кровью своей собственной семьи, пришел к алтарю бога-очистителя просить об искуплении преступления, Аполлон в наказание обратил его в рабство. Он был рабом целых девять лет, как был им еще раз у Омфалы, проданный по воле Зевса, чтобы оплатить ценою своей свободы долг крови за Ифита [21].

2

Рабы выполняли все работы и в домашней жизни и на полях. В деревне их заботам были предоставлены как уход за различными видами культур, так и охрана стад. У Гомера мы можем видеть, как они подрезают прутья для загородки старого Лаэрта, а у Гесиода они заняты всеми теми работами, которые поэт описывает с такой мелочной тщательностью [1]. Зрелый возраст считался наиболее подходящим для раба, занятого обработкой земли; но пастухи выбирались среди молодых рабов, наиболее сильных и энергичных [2], так как их профессия не была лишена опасностей: они должны были следить за своими стадами, держа оружие всегда наготове, чтобы отразить нападение диких зверей или разбойников. Эвмей, состарившийся среди этих трудов, но оставленный для общего наблюдения за пастухами и стадами, вооружается, отправляясь сам караулить стада, когда все успокаиваются сном в его жилище [3].

Старики обыкновенно сохранялись для домашних работ более легких. Так, по Эврипиду, в то время как сыновья старого Силена должны сторожить овец Циклопа, сам Силен остается в пещере, выполняя все мелкие домашние работы. Конечно во дворцах царей бывали слуги более бодрые и более проворные. Мы видим, как они колют дрова и выполняют все необходимое для готовящегося праздника: они должны подавать воду, чтобы гости омыли свои руки; они выполняют роль виночерпиев, готовят мясо, запрягают коней и всегда должны быть готовы немедленно выполнить приказания своих господ [4]. Они сопровождают их, когда те

выходят за пределы дома, во время путешествий занимают место на скамье гребцов; они несут свои обычные обязанности и во время лагерной жизни [5].

Домашними работами все же были заняты главным образом женщины; даже на войне, под стенами Трои, они продолжали нести свои обязанности. Пленницы Ахиллеса (δμωαί) под пологом его палатки приготовляют все, что нужно, — идет ли дело о том, чтобы принять гостя или возвратить несчастному Приаму бренные останки его сына. Прекрасная Гекамеда, оторванная превратностью судьбы от любящей груди отца своего Арсиноя, выполняла те же обязанности на корабле Нестора [6].

Все это имело место и в более спокойной жизни во дворцах, картину которой у троянцев рисует нам «Илиада», а у греков — «Одиссея». Женщины-рабыни не ограничиваются тем, что сопровождают своих хозяек или занимаются под их присмотром работами из шерсти [7]: они несут все работы по дому, как самые тяжелые, так и те, которые считаются наиболее подходящими их полу. Между 50 женщинами во дворце Алкиноя распределены занятия ремеслом и работа у мельничных жерновов [8]; из такого же числа женщин, которые собраны во дворце Одиссея, 12 заняты перемалыванием зерна, 20 других идут к источникам, чтобы черпать и носить воду, другие торопятся в отсутствие женихов приготовить все для предстоящего пира, а после их прихода продолжают выполнять свои обычные обязанности [9]. Ключница (ταμίη) распоряжается и направляет их работу. Обычно женщина, носящая это звание, управляет всем домом, ведет все хозяйство, наблюдает за запасами продовольствия и под этим же наименованием прислуживает за столом. Эти важные обязанности выполняют рабыни везде, и у Нестора, и у Одиссея, вплоть до роскошных палат Менелая [10]. Женщины-рабыни гораздо чаще, чем рабы-мужчины, подают воду для омовения рук участникам пира [11]. Это они — странная простота нравов тех, кто жил уже не в золотом веке, — исключительно они ведут в баню новоприбывшего, натирают его маслом, надевают на него тунику и плащ — первый дар гостеприимства, зашедший без сомнения очень далеко. Так красивые рабыни приготовляют Телемаха и его молодого друга к почетному приему в палатах Елены [12]; Одиссей получает те же услуги от одной из нимф Цирцеи [13]; и если выброшенный на берег страны феаков, весь покрытый водорослями и морской пеной, он отказывается от услуг, которые приказала своим спутницам оказать Одиссею наивная Навсикая, то это чувство стыдливости (которое даже в голову не пришло молодой девушке [14])

у него пропадает, когда богиня Афина во дворце Алкиноя вернула ему все преимущества его прекрасной фигуры[15]. Мужчина так же мало был смущен подобным положением, как и женщина, чему мы при нашей застенчивости имеем полное основание удивляться. Это был общепринятый обычай; Гомер никогда не забывает его при описании прибытия любого иноземца, и у него в «Одиссее» есть готовая фраза, выражающая всякую встречу:

Когда же
Их и омыла и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии[16]...

И это не только одна из услуг, которые предупредительно оказываются гостю, но это обычная практика домашней службы; сицилийская рабыня выполняет ее для старого Лаэрта[17].

Рабское положение несло с собой для женщины еще и другие обязанности. Купленные или взятые в плен, они не имели права отказаться разделять ложе со своим господином; но нужно сказать, что в те времена, когда нравы были особенно суровы по отношению к женщинам, нередки были случаи, когда победители щадили женщин. Ахиллес и Патрокл выбирают себе подруг из среды рабынь[18]; и Агамемнон, который оставил при Клитемнестре божественного певца, чтобы звуками своих сладкогласных песен он поддерживал в ней спокойствие чувств и гармонию души[19], этот Агамемнон охотно забывал Клитемнестру рядом с прекрасной Хрисеидой[20] и теми, кто ее заменил. Среди тревог, вызываемых осадой, забота и страх перед возможностью такого положения были наиболее тяжелыми для женщин, а при пленении эта жертва была самой мучительной[21]. Так, Андромаха, этот трогательный пример супружеских добродетелей, должна была подчиниться браку с сыном Ахиллеса, убийцы ее мужа; ослепленная ревностью Гермиона к тяжести ее положения прибавила еще горечь оскорблений, превращая несчастье Андромахи в какое-то преступление. «Ах, младость, тяжкое горе для смертных, — говорит Андромаха Гермионе, — особенно когда ею не руководит справедливость... Могу ли я хотеть быть на твоем месте, чтобы производить на свет детей-рабов и создавать новое бремя горести?»[22].

Однако сыновья, которых они рожали своим хозяевам, были свободными. Их отцы так к ним и относились[23], и в «Илиаде» мы не видим, чтобы Тевкр, сын Теламона и одной из пленниц, подвергался таким оскорблениям, которыми осыпает его Менелай у Софокла[24]; героям Гомера был со-

вершенно незнаком афинский закон, который разыскивал в родословной гражданина социальное положение его матери. Но тем не менее это происхождение накладывало на них некоторого рода пятно и было причиной более низкого положения; чтобы защитить их при нанесении ущерба их интересам, требовался весь авторитет отца или, в случае его смерти, покровительство человека почтенных лет и внушающей уважение силы. Так, Текмесса, рабыня Аякса, став его женою, боится, как бы смерть его не отдала ее и ее сына в рабство другим грекам [25].

3

В кратком виде мы набросали картину обязанностей и труда рабов. Этот труд не являлся чем-то исключительным. В те времена наивной простоты люди не гнушались труда; труду Гесиод посвятил свою основную поэму «Труды и дни». Труд стал неизбежным условием для смертных с тех пор, как боги похитили у них тайну легкой жизни; и похвальное «соревнование», которое господствует в мире, ставит себе целью побудить их к этим трудам [1]. Сам поэт указывает на это своему брату как на долг жизни. «Боги и люди, — говорит он, — равно ненавидят того, кто живет бездельником, как трутень без жала, который, сам ничего не делая, пожирает труды пчел... Работая, ты станешь более милым и для бессмертных и для людей, так как они ненавидят ленивцев. В труде нет позора, он только в безделье» [2]. Эллинские племена в общем усвоили себе эти принципы. Если некоторые из них, более воинственные, возложили тяжесть труда на побежденные народности, чтобы сохранить все свое свободное время для военных упражнений, то большинство из этих племен, завладевая какой-либо страною, брали на себя и бремя труда на ее почве и, не отказываясь от употребления оружия, сами себе добывали средства для существования, возделывая землю, заботясь о своих стадах или отправляясь в далекие торговые путешествия. Гесиод, который в своей поэме знакомит своего брата с практикой земледелия и всем тем, что относится к работам на полях [3], не отказывает ему и в других, полных благоразумия, советах, чтобы сделать его плавание менее опасным, а его торговлю — приносящей бо́льшую выгоду [4]. Пастушеская жизнь, о которой Гесиод говорит меньше, была еще более почетной, так как это была жизнь, связанная с войной и битвами. У троянцев, в лице которых Гомер дает как бы другой облик греков, Парис был пастухом [5], Анхиз охранял стада своего отца, когда он «приглянулся» Афроди-

те[6]; равным образом семь братьев Андромахи пали под ударами Ахиллеса на полях, где они несли те же труды и заботы[7]. Таким образом занятия, связанные с жизнью на полях, как например жизнь земледельцев, объединяли людей свободных и рабов; точно так же не было между ними различия и при выполнении работ по дому. Часто здесь сами цари становились на место своих слуг: Агамемнон и Ахиллес обыкновенно не только принимают у себя гостей, но сами приготовляют все, что нужно для пира[8]. Никакая работа не кажется им слишком низкой: Андромаха отсыпала вкусного ячменя и кормила коней Гектора; братья Навсикаи торопятся, когда она возвратилась, распрячь мулов, которых запрягли в ее колесницу рабы; Гера сама себя обслуживает при тех же обстоятельствах, ничуть не унижая своего достоинства царицы богов[9].

Гораздо более часто, чем мужчины, смешивались со своими рабами в повседневных заботах домашней жизни женщины. Какое бы положение они ни занимали, их уделом был труд, как война была уделом мужчин. Это довольно твердо напоминает Телемах Пенелопе; и она уходит, удивленная таким «мудрым» указанием своего сына[10]. Впрочем и она сама, и все те женщины, которые фигурируют в поэмах Гомера, фактически выполняли это указание. То покрывало, которое Пенелопа распускала каждую ночь с мыслью об Одиссее, она ткала, по ее словам, для погребения Лаэрта, боясь упреков греческих женщин, если бы она допустила старика умереть без этого последнего одеяния. И Андромаха, и Елена ткали тонкие покрывала, украшенные чудесными вышивками, всегда присутствуя и руководя работами, которые служанки выполняли у них на глазах. Искусство в ручных работах, которое так ценилось в рабынях, было одним из тех достоинств, за которые столь высоко восхваляются молодые девушки[11]. И не только в этих работах женщины смешивались со своими служанками. Наблюдая за своим домом, женщина конечно принимала участие в различных заботах по хозяйству. Жена Нестора сама приготовляет ему постель; жены и дочери троянцев, когда война не опустошала еще их полей, ходили к водам Скамандра, чтобы мыть там свои одежды; и Навсикая, дочь царя феаков, с тою же целью отправилась на берег реки, куда незадолго перед тем был выброшен волнами Одиссей[12]. И услуги другого рода, которые она хотела приказать своим спутницам оказать ему, женщины и девушки одинакового с ней положения не стыдились оказывать сами своим гостям. Так, Телемах получил их от прекрасной Поликасты, самой юной из дочерей Нестора[13]; а во время путешествия

Телемаха в Спарту Елена рассказывает ему, как она сама оказала такую же услугу Одиссею в городе Приама [14].

Это смешение рангов, это соучастие во всех домашних занятиях конечно должно было уменьшить число рабов; все эти тысячи («много десятков тысяч имел»), о которых говорит Одиссей в своем выдуманном рассказе [15], на самом деле сводятся к очень скромным цифрам. У него во дворце на Итаке было 50 женщин, как и во дворце Алкиноя, царя феаков [16]; у Одиссея повидимому мужчины использовались только в качестве пастухов. В таких условиях жизни общества рабы были повидимому скорее предметом роскоши, чем настоятельной необходимостью; и если для областей, подпавших под иго завоевателя, рабы неизбежно являлись результатом завоевания, то в других случаях они составляли необходимость только в домах знатных лиц. По свидетельству историков, целый ряд греческих народностей, которые долгое время сохраняли первоначальную простоту жизни, например фокидяне, локры, стали пользоваться рабами очень поздно [17]. Менее богатые умели обходиться без рабов. Наиболее бедные избегали рабства, так как, не теряя безвозвратно своей свободы, они находили способы работать в качестве наемных рабочих частью на полях, частью охраняя стада [18]. Гесиод возлагает на своего брата Перса обязательство честно выплачивать им условленную плату [19]. Кроме того, они могли заняться каким-либо независимым ремеслом [20]. Такие ремесленники не ставили себя в унизительное положение, напротив, многие добивались такого уважения, каким в наши дни пользуются выдающиеся артисты. Большей частью это были художники-строители и те, которые своим трудом по дереву или по металлу украшали дворцы, а для воинов делали их оружие более дорогим. Гомер прославляет искусного мастера, который сделал лук Пандара [21]; он называет по имени и местожительству (а это — знак уважения и почета) того, кто сделал щит Аяксу [22], и в двадцати других местах он указывает на ковачей, на токарей и строителей [23]. Архитектор и плотник ставятся в ряд с врачами, прорицателями и певцами, получившими свое вдохновение от муз, и принадлежат к числу тех, которых можно удостоить чести считать царскими гостями [24].

Между классами художников-мастеров и воинов не проводилось резкой грани: сын мастера, который построил корабль Париса, сражается среди троянцев и умирает, воспеваемый поэтом в той же мере, как и всякий другой герой [25]; а, с другой стороны, и сами герои не стыдились занятий известными ремеслами: разве царь Итаки своей собственной рукой не срубил дикой маслины и не отделал

золотом и слоновой костью то ложе, которое дает возможность его жене окончательно признать его? [26] Наконец, сами боги не ограничивались только тем, что оказывали честь труду своим бесплодным покровительством. Афина, которая имела попечение главным образом о работах женщин, давала им чудесные образцы своего искусства и ловкости [27]; Гефест жил возле своих кузнечных горнов, где Фетида нашла его среди инструментов, всего покрытого потом и копотью [28].

Свободный труд оказывал обратное действие на количество рабов: он уменьшал их число и мог также видоизменять их ценность. Было бы довольно трудно определить их среднюю стоимость для столь отдаленных времен, даже если бы применить к ним гомеровские оценки. Красивая рабыня, искусная в работах, свойственных ее полу, оценивалась в «Илиаде» в 4 быка [29]. Молодая девушка цветущего возраста была куплена Лаэртом за 20 быков, и это не была цена страстной любви: она никогда не была его «подругой»:

...и себе не позволил
Ложа коснуться ее, опасаясь ревности женской [30].

Ахиллес продал на остров Лемнос молодого Ликаона, сына Приама, за 100 быков. Если можно этой фразе придавать какое-либо реальное значение, то конечно только надежда на еще более высокий выкуп могла поднять так высоко его цену.

4

То, что мы сказали об основных источниках рабства в героические времена, об обязанностях рабов по отношению к их хозяевам и о тех работах, в которых они участвовали вместе, может позволить нам сделать несколько предположений о том, как сами хозяева относились к рабам. Рабство не щадило никого; под его уравнивающую власть одинаково попадали и люди самого низкого происхождения и те, чьи головы были увенчаны царскими коронами. Гекуба, всю свою жизнь проведшая в палатах царей и состарившаяся там, на пороге смерти увидала перед собой дни рабства:

О, мать, которая была в домах царей
Всю жизнь! Теперь ты видишь рабства день! [1]

Многие могли воскликнуть вместе с Поликсеной:

Иду на смерть рабой, я — дочь царя-отца! [2]

и многие могли вместе с ней сказать: «Я была владычицей среди женщин, прекраснейшей среди всех молодых дев,

равная богиням, если не считать их бессмертия. А теперь я—рабыня! Ах, это непривычное для меня слово заставляет меня любить смерть. Ведь я могла бы попасть в руки господина, который, купив за деньги меня, сестру Гектора и стольких царевичей, наложил бы на меня тяжкую необходимость приготовлять ему хлеб в его жилище, подметать его дом, который посадил бы меня за ткацкий станок и заставил бы таким образом влачить мои дни, полные горечи. И может быть презренный, низкий раб пришел бы, чтоб обесчестить мое ложе, некогда столь желанное царям. Нет! Я закрываю свои глаза, чтобы не видеть дневного света, и я добровольно и охотно предаю свое тело во власть Аида» [3]. Но все они не могли умереть. Они следовали за победителем и должны были отныне принимать участие во всех его печалях и радостях: так, пленницы Ахиллеса плакали и стонали над трупом Патрокла. Они плакали, говорит поэт, но, делая вид, что они плачут над Патроклом, они оплакивали самих себя [4].

Эврипид особенно хорошо сумел передать на сцене все эти живые и острые переживания. Во многих из его драм хоры состоят из пленниц [5]; их лирические жалобы соответствуют тем чувствам, которые господствуют в диалоге, в «Троянках» и в «Гекубе», а в «Андромахе» хор свободных женщин из Фтии своими словами боязливого сочувствия ободряет великую и благородную страдалицу, которой посвящена эта драма [6]. Рабство не накладывает пятна бесчестия на эти возвышенные души; их достоинство проявляется во всем блеске среди их несчастий. Они всегда царят среди других пленниц. Они повелевают или, правильнее сказать, им добровольно служат [7]. Та роковая судьба, которая поставила их в положение рабынь, вместо того чтобы разорвать прежние узы повиновения, сделала их, наоборот, более священными и дорогими. «О, госпожа,—говорит одна из рабынь Андромахе,—о, госпожа! Ведь я никогда не перестану называть тебя этим именем» [8]; и Андромаха отвечает: «О, дорогая спутница в моем рабстве! Это рабство отныне соединило тебя с той, которая некогда была твоей царицей, а ныне столь несчастна» [9]. Трогательная покорность судьбе, вполне достойная столь чистой преданности!

Такие быстрые изменения судьбы должны были заставлять и самих победителей проявлять известное уважение к своим пленным. Так, Агамемнон отдает Кассандру под покровительство Клитемнестры [10], и дочь Леды принимает ее обращение к ней со словами, которые, хотя и желают быть мягкими, всецело проникнуты гордостью [11]; но какое до этого дело вещей деве, когда она через этот позор рабства уже

провидит кровавые сцены, которые должны ее освободить и отомстить за нее! Это бережное отношение, диктуемое несчастьем, не в меньшей степени вызывалось превратностями судьбы. Кто мог быть уверен, что он застрахован от них, и как не сочувствовать тем несчастьям, которым он мог подвергнуться в один прекрасный день сам? Так, Дейанира, лучше, чем кто-либо другой, чувствующая это, принимая пленниц Геракла, восклицает: «Мое сердце полно горькой печалью, дорогие подруги, при виде этих несчастных, приведенных в чужую землю, без семьи, без родителей, их, быть может, рожденных свободными, которые должны теперь попасть в положение рабынь. О, Зевс-хранитель! Не дозволь, чтобы подобное несчастье упало когда-нибудь на голову моей семьи, или, если этому суждено случиться, чтобы это случилось не при моей жизни; вид этих пленниц будит во мне эти страхи»[12]. Так угроза рабства висела над всеми. Сами боги — для утешения людей — попадали под его власть. Клитемнестра у Эсхила напоминает Кассандре о рабстве Геракла[13], и поэт Паниасис в своем эпосе («Деяния Геракла») пел об этих испытаниях обитателей Олимпа:

Жребий такой перенесть пришлось некогда также Деметре;
Был ведь рабом и Гефест, могучий своими руками;
Был и владыка морей Посейдон; сребролукому также
Фебу было оно суждено, у смертного мужа
В рабстве провесть целый год; даже грозный Арес подчинился
Воле отца неизбежной[14].

Даже тогда, когда не было налицо таких воспоминаний и предчувствий, чтобы, пользуясь ими, взывать к милосердию господина, сам обычный строй жизни героических времен, эти повседневные отношения и зачастую эта общность и жизни и трудов, уничтожая между господами и рабами всякую преграду, должны были способствовать смягчению их положения. Господин имел абсолютную власть над личностью рабов; он мог расправиться с ними, подвергнув их бичеванию, смерти[15]; но закон был менее могуществен, чем обычай, а обычаи, хотя и были грубыми, не были обычно жестокими. Поэты, особенно в трагедиях, реже выводят на сцене жестокость, чем снисходительность и доброту. Гесиод рекомендует давать рабам отдых после жатвы, а Гомер показывает нам, как старый Лаэрт почти во всем разделяет образ жизни своих слуг[16]. Они составляли, так сказать, часть дома, были членами семьи, почтительными и близкими к своим господам. Так, Эвмей бежит навстречу Телемаху и целует его в лоб и

глаза. Женщины во дворце Одиссея также спешат к царевичу с теми же знаками любви и расположения [17], и это благородное чувство древних времен мы находим вновь в «Алкесте» Эврипида, когда она, умирающая, протягивает руку своим рабам, не забывая никого из них при своем последнем прощании [18].

К этому надо прибавить, что у раба нет ничего своего, но часто он распоряжается хозяйской собственностью, с известным чувством страха, если хозяин еще молод, и более спокойно, когда его распорядительность уже испытана [19]. Если Эвмей имеет в своем жилище только то число плащей, которое необходимо пастухам, порученным его наблюдению, то тем имуществом, хранителем которого он является, он распоряжается уже достаточно самостоятельно. Так, он сооружает постройки, о которых ничего не знают ни Лаэрт, ни Телемах, он покупает для себя раба, предварительно не посоветовавшись с ними. И он охотно берет из находящихся под его надзором стад, чтобы хорошо угостить гостя, находя себе в этом награду за труды, которые он несет, чтобы удовлетворять алчность женихов [20]. Иногда сами господа делали положение тех или других рабов более независимым и лучше обеспеченным; они давали им дом, подругу жизни, своего рода «вольную», которая в то же время предохраняла дни их старости от нищеты и беспомощности. Это то, чего в будущем ожидал себе Эвмей от доброты Одиссея; это та награда, которую Одиссей обещает также пастуху Мелантию за его помощь в той борьбе, которая должна ему вернуть царский дворец на Итаке [21].

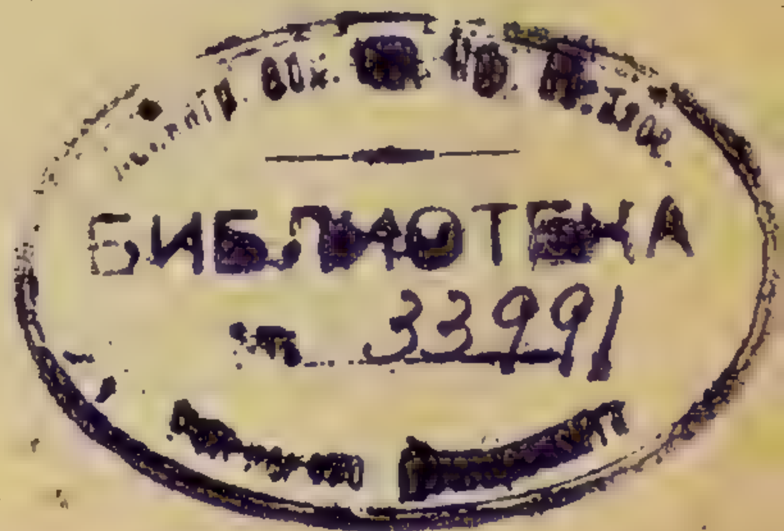
Щедрость господ создавала им привязанность их рабов: во время опасностей, которым подвергается Одиссей при своем возвращении, он нигде не находит себе более верных друзей, как среди них; и трагики при постановке на сцене этих древних преданий выводят рабов с такими именно чертами характера. Женщины-рабыни приобретают у них тот тип наперсниц, который мы встречаем впоследствии в пьесах, заимствованных из репертуара трагиков: они проявляют по отношению к своим хозяйкам преданность, которая простирается до готовности умереть за них, совершить для них преступление. Так, спутница Андромахи пренебрегает ради нее всеми опасностями; кормилица Федры не боится никаких угрызений совести, когда, желая сохранить жизнь Федре, она старается ее утешить и содействует ей в ее преступной страсти; эта низкая преданность вызывает у Ипполита проклятие. «Было бы лучше, — говорит он, — если бы женщины вместо таких рабынь имели своими слугами ехидн, полных яда, но бессловесных» [22].

5

Вот в общем все те факты, которые рисуют нам картину рабства у Гомера; я дополнил их теми местами из трагиков, где они, выводя те же личности, что и Гомер, рисуют те же положения и те же чувства. Но не будем ничего скрывать от себя. Взятые с исторической точки зрения, принимая во внимание столь отдаленные времена, поэмы Гомера требуют огромной осторожности и критического отношения, и для того чтобы извлечь истину из массы фантазии в тех картинах нравов, которые они нам рисуют, нужно тщательно различать то, что составляет основу картины, и то, что составляет ее дополнительные тона. В основном картина верна, и главные черты, которые ее составляют, взяты из действительности; но те краски, которые наложены на нее, принадлежат уже фантазии поэта, идеализирующей и украшающей все, к чему она прикасается. Таким образом основные черты рабства в героическую эпоху, его происхождение, связанные с ним повинности и обязанности рабов — все это вполне правильно изображено в картинах, которые рисует нам Гомер; а та общность, которую можно видеть между хозяевами и рабами на почве занятия одними и теми же работами, дает нам право на некоторые предположения о взаимоотношениях между ними. Но, быть может, не следует создавать слишком больших иллюзий относительно мягкости этого рабства и все эти многочисленные примеры снисходительности и добродушия не надо считать за простую и истинную картину обращения с рабами. Ведь при абсолютной и совершенно произвольной власти господина переход от добра к злу совершается по бесконечной линии оттенков, и при подобных условиях факт очень легко меняет свою природу, если он меняет свою внешность.

Между тем, даже если бы господин всегда проявлял такую осторожность в обращении с рабами, если бы даже положение рабов было не чем иным, как мудро составленным обменом услуг и покровительства, все же эти отношения, с точки зрения правильно организованного общественного строя, не являлись бы для рабов более приемлемыми; ведь нет договора без взаимных обязательств, здесь же мы видим обязанности, возложенные на одного раба. Пусть как хотят восхваляют кротость господина, пусть превозносят положение, дающее рабу чувство счастливой зависимости, которая освобождает его от забот о будущем и при его непредусмотрительности спасает его от печальных случайностей в конце жизни: злом является отнимать у него мысль

о нужде и об усилиях, которые он должен совершить, чтобы ее победить, так как одновременно у него отнимается сознание собственной силы и истинное чувство собственного достоинства. Но это не все. Этот ложный договор, возлагая обязанности на одного раба, оставляет за тем, кто им владеет, полную свободу действий по отношению к нему. Ведь если в первые века жизни какого-либо народа, под влиянием еще только рождающейся цивилизации, свободный человек, благодаря простоте нравов близко подошедший к жизни своего раба, обращается с ним почти так же, как с одним из своих близких, то с течением времени это случайное товарищество разрушится. И раб, опускаясь книзу в силу возвышения своего господина, увидит, что его положение отягчается всем тем, что прибавляется к благосостоянию его хозяина. В этом-то, к сожалению, и заключается слишком актуальный интерес к этим исследованиям, который заставляет нас обратиться к самым началам истории. Надо проследить путь рабства по мере развития человечества и изменения общественных форм и показать, соответствует ли институт рабства праву и разуму. Всякий вывод, который не будет основан на всей совокупности этих фактов, будет неполным и даст повод к ошибкам. Он особенно будет ошибочным, если, взяв за основу эту эпоху сравнительно мягкого рабства, захотят игнорировать все крайности и эксцессы, которые имели место впоследствии; ведь и самые лучшие учреждения в порядке последовательных изменений могут с течением времени и сами подвергнуться изменениям. Кроме того то, что составляет природу известного факта, по словам Аристотеля,—это то, чем он является, после того как он получил свое полное развитие [1]. В самом деле, как сделать заключение относительно рабства, когда оно находится еще в первом периоде своего развития? Разве можно судить о дереве по его цветам? Цветы отцветут, оставив горький плод: судить надо по плодам.



ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОРАБОЩЕННЫЕ НАРОДЫ ИЛИ КРЕПОСТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В ГРЕЦИИ

1

Если в героический период в Греции выявляется еще небольшое количество рабов, то в следующий период, как об этом свидетельствуют те общественные перевороты, которыми он открывается, и тот ход развития, какой приняли общественные отношения, рамки рабства значительно расширяются.

То великое движение, с которого начинаются собственно исторические времена Греции, изменив весь облик страны, во многих местах повело к замене прежнего, более мягкого рабства более суровым и жестоким господством. У Эврипида один из победителей говорит при виде пленных троянок: «Увы! Я очень стар, но могу ли я надеяться, что смогу дождаться конца моих дней прежде, чем и меня постигнет столь великое несчастье?»[1]. Эти беды, роковые предчувствия которых они старались отвратить от себя, постигли второе поколение их потомков. И те народы, которые в этой войне играли первую роль, оказались именно теми, которые главным образом и испытали на себе превратности судьбы. Прошло для одних 60, для других 80 лет после разрушения Трои, и фессалийцы вторглись на родину Ахиллеса, а доряне—в царства Диомеда, Менелая и Агамемнона, обращая в рабство всех, кто не эмигрировал до их прибытия. Эмиграция распространилась за пределы Греции; в ней скоро приняли участие и сами победители, распыляя эллинскую расу по всем прибрежьям, неся с собою туда все права и все тяготы завоевания.

По мере распространения рабства под властью народов, особенно воинственных, оно сильнее внедрялось в экономи-

ку городов, которые стали расти и возвышаться благодаря торговле и мирным ремеслам. Раб, это орудие производства, становился также все более необходимым как домашний слуга для всех классов граждан; он был необходим как при занятии ремеслом и торговлей, так и для обслуживания тех излишеств, которые приносило с собой рабовладельцам богатство, само являвшееся плодом рабского труда. Таким образом новый вид служебных обязанностей, новое применение рабов, более широкое и многостороннее использование их на таких работах, которые прежде им не поручались, — таковы были причины, которые повели к увеличению числа рабов, изменив также и их положение. Посмотрим, каким стало рабство при порабощении целых народов и при личном рабстве отдельных людей.

Когда какой-нибудь народ водворялся при помощи вооруженной силы среди населения, которое он себе подчинял, отношения между старыми и новыми обитателями складывались в зависимости от ряда условий: происхождения тех и других, их численности, строя их жизни. Народы одного языка скорее сближались друг с другом; победители менее численные легче сливались с побежденными. Но различия в строе их жизни зачастую уничтожали и родственность их по языку, и возможность поглощения меньшинства победителей, продолжая углублять ту пропасть, которую между ними создало завоевание. В Греции те народы, которые утвердились силою оружия, в общем сохранили свой воинственный характер, и те условия, которые дали им возможность победить, оказались для них наиболее подходящими, чтобы и в дальнейшем поддержать их господство. Таким образом они остались вооруженными. Но государство может считаться организованным только тогда, когда в нем имеются все условия, необходимые для жизни. Удержав для себя право носить оружие как привилегию, победители должны были возложить труд на покоренные народы. «Побеждать на войне,—говорит один из персонажей Менандра,—присуще свободным людям; возделывать землю — дело рабов»[2].

Фессалийцы, утверждаясь в стране, которая с тех пор приняла их имя, были далеки от того, чтобы занять ее всю, на всем протяжении. Многие народы — на севере перребы, на востоке магнеты, на юге ахеяне из Фтии — потеряли свою независимость, не теряя однако своей национальности. Будучи данниками и подданными фессалийцев («послушные» им)[3], они заседали вместе с ними на собраниях амфиктионов[4]; во время персидских войн Геродот обвиняет их в сочувствии Ксерксу, в переходе на его сторону[5]. Но в среде народов-данников, которых Ксенофонт называет периэка-

ми [6], многие были поставлены в гораздо более тяжелое положение: это те, которые главным образом на себе вынесли всю тяжесть войны и, лишенные своей территории, должны были выбирать между эмиграцией и рабством.

Такими были народы древней Эллады, эоляне и остатки пеласгов, сохранившиеся между ними: я имею в виду перребов и магнетов, которых можно рассматривать как наиболее близких к покоренным народам[7]. Таким образом они были рабами вследствие завоевания и подчинения их силою оружия, но они не носили этого имени. Их называли пенестами [8]—слово, которое, по мнению многих, является видоизменением слова «менесты» («те, которые живут», «вечные рабы», servi manentes), в котором отражалось их происхождение, их социальное положение [9]. Действительно, они были оставлены у себя на родине под условием оставаться здесь всегда. В силу точного договора с ними они не могли быть проданы за пределы своей страны, ни подвергнуты смерти; они должны были возделывать землю, платя оброк [10]. Прикрепленные таким образом к земле и защищенные от произвола, они были не столько рабами, сколько крепостными, права и обязанности которых регулировались взаимным договором [11]. Под этим наименованием они распределялись между свободными [12] или группировались вокруг могущественных домов Алевадов и Скопадов, обладавших таким огромным влиянием в Фессалии [13]. Твердо установленная арендная плата («пенестикон»), которую они платили за свои земли, гарантировала им все выгоды более урожайных годов или разведения культур более высокого качества и производительности. Вполне законное стремление к улучшению своего положения, вызывая у них энергию и ловкость, делало некоторых из них более богатыми, чем их господа [14]. Но воинственные обитатели Фессалии, которые оставили им эти преимущества, наложили на них и другие обязанности. Они должны были сопутствовать им на войне. Во время пелопоннесской войны простой гражданин Фарсала предоставил в распоряжение Афин тысячу двести пенестов [15]; и когда Ясон из Феры задумал распространить на Грецию свое влияние, он рассчитывал на пенестов, чтобы снабдить экипажем те корабли, с помощью которых он хотел оспаривать власть на море у афинян [16]. В обычное время фессалийцы допускали их даже в конницу, жертвуя своими предубеждениями желанию иметь всегда сильным и могущественным этот род войска, который составлял их славу в Греции [17].

Многие из них должны были не только сопровождать своих господ на войну, но постоянно оставаться в их распоряжении; отсюда вероятно и произошло то название, ко-

торое им было дано: «фессалойкеты» — «слуги фессалийцев»[18]; и если можно верить Дионисию Галикарнасскому там, где он не очень удачно сравнивает римских клиентов с пенестами в Фессалии и с фетами в Аттике, то фессалийцы обращались с ними с жестокостью и надменностью, грозя им побоями при малейшей небрежности и третируя их сверх всего прочего как купленных рабов[19]. Но такое порабощение, говорит Аристотель, бывало часто гибельно для самих победителей. Не раз вспыхивали волнения, например по поводу войны фессалийцев против перребов и магнетов, народов в общем еще свободных или по своему характеру непокорных[20]; некоторые находят у Аристофана намек на другое подобное восстание, которое разразилось во время пелопоннесской войны при поддержке афинян[21].

2

Толчок, данный фессалийцами, распространялся все далее и далее, и народы, изгнанные в результате их завоевания, в свою очередь делаясь завоевателями, несли в другие места другим народам то иго рабства, подчиниться которому сами они не хотели. Так, беотийцы из Арне, уйдя из Фессалии во избежание рабства, утвердились в Аонии, с тех пор названной Беотией, и держали в подчинении тех из древних ее обитателей, которые не стали искать другого местожительства[1]. Доряне, независимо от того, было ли их переселение добровольным, или оно было связано с этим приходом новых народов в Фессалию, принесли с собою те же формы порабощения и в Пелопоннес, и в Лаконию, и в Мессению, и в Арголиду, а равно и в другие места за пределами своей страны, где они утвердили свой государственный строй.

У дорян в особенности эти отношения победителей и побежденных приняли вполне четкий и определенный характер. Действительно, только у них порабощение одних другими, разделение на победителей и побежденных являлось целой системой; это фундамент, на котором покоится все их государственное устройство. Государство, или община, для дорян является обществом, все силы которого направлены к одной и той же цели. Это единство действия, самым верным основанием которого является общность интересов, было у них гарантировано не только полным равенством прав всех, но и племенным единством, своего рода однородностью равенства. Таковы основы жизни дорической общины. Организованная таким образом, она будет действовать единодушно, но для того чтобы действия ее

проявились во всей своей силе, необходимо еще одно, новое условие: нужно, чтобы заботы о частной жизни не отвлекали гражданина от занятий общественных, нужно, чтобы он был «обслужен». Необходимость иметь свободное время возложила у дорян труд на плечи чуждых для них племен, т. е. их гражданская свобода основана на порабощении побежденных.

Так было везде там, где доряне образовали государство. Но устойчивость и суровость применения этого принципа и тех отношений, которые на основе его устанавливались между победителями и побежденными, зависели главным образом от той настойчивости, с которой доряне сумели его применить и защищать; и сам Пелопоннес, где они утвердились, представляет тому много различных примеров. Во многих местах их завоевания должны были приостановиться в самом начале; в других местах завоевательная их деятельность распространялась медленно, при очень энергичном сопротивлении. Даже в Лаконии, где они в конце концов остались господами, заняв твердое положение в одном городе, который, по утверждению Мюллера, не имел ничего общего с блестящим городом Менелая, они повидимому должны были заключить с окрестным населением полюбовную сделку как равные с равными [2]. Но вскоре они почувствовали себя достаточно сильными, чтобы отнять у побежденных свободы, гарантированные им в первые дни завоевания. Одни из этих племен безропотно покорились и стали выплачивать ту подать, которую на них возложили; другие сопротивлялись, в частности жители Гелоса, и были покорены силой [3]; наконец, третьи в продолжение более чем трехсот лет смело сопротивлялись всем усилиям спартанцев и лишь позднее подчинились их системе, общей для всех побежденных. С этого момента в Лаконии было только одно государство, в котором роли были распределены согласно этническим группам: право повелевать и общественная деятельность остались за дорянами [4]; повиновение и все тяготы повседневной жизни стали уделом жителей, находившихся на двух различных ступенях порабощения: на первой ступени стояли периэки, на второй — илоты. Периэки имели некоторую аналогию с народами-данниками фессалийцев, которым Ксенофонт дает одно общее название периэков; что же касается илотов, то многие авторитеты сближают их с пенестами [5]. Но наряду с этими чертами сходства, возникшими в результате аналогичных завоеваний, имеются и серьезные различия, являющиеся результатом различной организации двух народов-завоевателей. Я

хочу обратить на это особенное внимание, подвергнув исследованию одну за другой обе ступени зависимости.

Ахеяне, которые не ушли из Лаконии и подчинились дорянам под неопределенным именем периэков («окрестные жители»), сохранили здесь свои города [6] и часть своих полей. Согласно распределению, приписываемому Ликургу, область, которая была им предоставлена, образовала тридцать тысяч наделов, соответствуя такому же числу земледельческих семейств. Они были данниками, «платящими оброк» (συντελεῖς), лишенными политических прав и только в очень узкой сфере удерживавшими право самоуправления [7]. Они обратились к труду все выгоды от него были обеспечены для них теми законами и учреждениями, которые возложили на спартиатов обязанность быть свободными от труда и быть бедными [8]. В то время как многие семейства остались в Спарте и перешли на наследственное занятие известными ремеслами [9], жители городков, более свободные в своей деятельности, прославились своей промышленностью и своим мастерством. Славились обувь из Амиклы, лаконские плащи [10] и пурпур, который придавал им особенный блеск. По Плинию, Лакония была для Европы тем, чем Тир был для Азии — основным побережьем, где собиралась эта драгоценная улитка [11]. Лаконяне производили также с общепризнанным совершенством двери, столы, кровати, повозки и все кузнечные и чеканные работы. Их великолепная закалка стали славилась так же, как и изящные или замысловатые формы кратеров, чаш и других сосудов для питья (κώθων, κύλιξ) [12]. Лаконяне прославились и в искусствах более возвышенных. Храмы, статуи, могильные памятники, которые украшали берега Эврота, не были произведениями чужих рук; лаконская школа насчитывала в своих рядах много славных имен, и Павсаний совершенно неправ, относя некоторые из них к племени победителей [13]. Им нельзя было отказать и в другой славе, менее значительной в наших глазах, но гораздо более важной с точки зрения греков. Они были допущены к олимпийским играм, где в состязаниях принимали участие только свободные греки: один лаконец из Акрий пять раз фигурирует среди списка победителей [14].

Спартиаты дали им место также в своих войсках, где они составляли отряды легковооруженных; и иногда эти периэки, по преимуществу рабочие, труд которых, правда, более скромный, лучше готовил их к перенесению тягот военной жизни, видели, как перед ними открывается дорога в ряды более привилегированных гоплитов [15]. Но они этим не ограничились. Когда война стала охватывать и другие

страны и условием гегемонии над Грецией стало господство над морем («власть над Грецией — это власть над морем»), периэки оказались еще в большей цене. Жители побережий и хозяева в торговле, они без сомнения уже давно поставили мореплавание на службу своему производству [16]; они могли заменить собой неопытных спартиатов в новом для них деле: периэки командовали флотом, который оспаривал власть у афинян [17]. Не раз можно было видеть их командирами и в более крупных военных предприятиях.

В Спарте был обычай воспитывать детей иностранцев, а также вероятно и лаконян, вместе с дорийскою молодежью; их называли мофаками [18]. Свободные по происхождению, они видели в этом обычае общего воспитания своего рода усыновление со стороны победителей и часто в свою очередь вели их к победе. Гилипп, Калликратид и, может быть, даже Лисандр принадлежали к людям, вышедшим из такого состояния [19].

Связанные таким образом с интересами страны, периэки также приняли на себя заботы о ее охране. Их можно было видеть действующими рука об руку со спартиатами в дни величайших опасностей: во время нашествия Ксеркса и в самые критические моменты пелопоннесской войны [20]. Тем не менее отстранение от политических прав, все еще остававшееся абсолютным даже после победы, которой они так много содействовали, поддерживало и распространяло среди них глухое раздражение. Они были готовы принять участие в заговоре Кинадона 397 года [21], и когда Эпаминонд вторгнулся в Пелопоннес, периэки призывали его в Лаконию, заверяя его, что с их стороны Спарта не получит ни малейшей помощи; многие тогда же открыто соединились с ним [22]. То стремление к сепаратизму, которое предвещали эти настроения, завершилось под влиянием римлян. Фламинин вовлек их в ахейский союз, к которому, естественно, должно было привести периэков их происхождение [23], и с тех пор они часто вели открытую борьбу со Спартой [24]. Позднее, когда сама Греция потеряла свою независимость, Август дал автономию для двадцати четырех их городов под именем «Свободной Лаконии» (Eleuthérolacons) [25].

Таким образом можно сказать, что периэки представляли общество рядом со спартиатами, общество, связанное с ними, управляемое ими, но живущее своей собственной жизнью и способное еще предоставить в распоряжение дорян свои силы. Наоборот, илоты не представляли ничего самостоятельного. Они целиком входили в самую организацию и жизнь Спарты. В этом тесном взаимоотношении двух народов один принял на себя власть и командование, на до-

лю другого достался труд. Спартиат властвовал над илотом, благодаря илоту он жил.

3

Я говорил уже о происхождении этой формы порабощения. Согласно обычной традиции, жители Гелоса, которые не захотели принять на себя обязательств, как это сделали периэки, силою оружия были поставлены в более тяжелое положение, и их имя стало нарицательным для тех, которые подобно им попадали в рабство. Эта этимология исторически не заключает в себе ничего невероятного. Это было бы не первым примером того, как город дает свое имя обитателям, которые в нем представляют основную группу: доказательство этого мы увидим у орнеатов в Аргосе и у церитов в Риме; но это объяснение, приемлемое для истории, решительно отвергается грамматикой. Имя илотов не происходит от имени Гелоса (по другому произношению — Ила). Эфор и Феопомп очень точно различают илотов (εἵλωτες), и элеев (ἕλεοι) или элатов (ἑλέαται), жителей Гелоса. «Илоты, — говорит последний автор, — уже издавна были порабощены Спартою, и среди них одни родом из Мессении, другие — элеаты, некогда жившие в городе Гелосе, в Лаконии» [1]. Это слово, как доказал Отфрид Мюллер, является страдательной формой не употребляющегося глагола ἕλω — *беру* (илоты таким образом — «*взятые, завоеванные*»), и большинство грамматиков древности толковали этот термин именно таким образом: илоты — пленные, ставшие рабами [2], словообразование, которое имеет свою аналогию в употреблении слов героической эпохи (δμῶες) от (δαμάω) и особеннно на Крите (κλαρῶτες — «дольщики» от κληρόω) [3].

Отданные таким образом неудачным исходом своей вооруженной борьбы на произвол победителей, илоты были, по словам Эфора [4], некоторым образом государственными рабами; одни из них были оставлены для нужд общины [5]; другие были распределены между гражданами для возделывания их земель, охраны их стад [6] или для того, чтобы прислуживать им в их домашней жизни, — обязанности, которые вместе с ними выполняли и иноземные рабы [7]. Они шли с ними в сражение, как легковооруженные (ψιλοί), неотступно следуя за ними, подобно тем, кто в средние века составляли свиту рыцаря. В битве при Платее каждый спартиат имел при себе 7 илотов [8], и их можно было встретить всюду, где сражались спартиаты, хотя количество их обыкновенно не учитывалось историками [9]. Наконец илоты равным образом служили также и на море. То, что относительно пенестов

Фессалии было только проектом, по отношению к илотам выполнялось в продолжение всего периода борьбы между Спартой и Афинами[10]. Несмотря на столько черт сходства между пенестами и илотами, в одном пункте есть крупное различие: первые подчинились сами, вторые были подчинены; одни заключили договор, прежде чем сдаться, другие получили его после поражения. Те гарантии, которых пенесты требовали для защиты своих интересов, илоты отчасти находили в тех основоположениях и учреждениях, которые управляли их победителями.

Ликург, проводя свои законы с большой строгостью и последовательностью, подчинил их только одной мысли, которой они всецело проникнуты, — единству. Спартиат имеет свою семью, имеет наследство; но и все они, так сказать, представляют не что иное, как одну семью, одно общественное семейство, государство, и этот принцип как расширяет, так в свою очередь и суживает круг обязанностей илота. Каждый гражданин имеет право на различные предметы, принадлежащие общине, а поэтому илотом может воспользоваться любой член этой общины[11]. Он находится в распоряжении всех, но государство сохраняет верховное право над всей общиной в целом. Государству по существу принадлежит и вся собственность, и самая семья, и, говоря по правде, спартиату предоставлено всем этим пользоваться лишь в той мере, в какой это признано соответствующим общему благу. Поэтому илоты не могут быть ни проданы за пределы страны, ни отпущены на волю их господами[12]; как и пенесты, они являются прикрепленными к земле, возделывая ее за определенный оброк, и этот оброк государство фиксировало для них раз навсегда[13], именно в таком размере, который казался достаточным для пропитания спартиата и тех, кто живет под одной кровлей с ним. Ни на иоту меньше, чем необходимо для его насущных потребностей, ни на иоту больше, так как это запрещает государственный интерес: государство, предоставляя спартиату досуг, желает видеть его бедным, чтобы ничто не отвлекало его от государственных дел и военных упражнений. Оброк был фиксирован в размере 82 медимнов (4 265 литров) зерна и соответствующего количества жидких продуктов[14]; к этому вероятно надо прибавить различные сорта плодов. Уплатив все это в первую очередь, остальное илот мог оставить себе. Жизненные потребности спартиата обеспечены; илот один будет подвергаться всем случайностям погоды, страдая от голода или получая все выгоды от урожайных годов и от успехов собственного труда. Покровительствуемые такими условиями, илоты накопляли себе некоторое богатство, и в

более поздние времена многие из них повидимому жили зажиточно. Когда Клеомен предложил илотам получить свободу из расчета 5 мин за человека, то 6 тысяч приняли это предложение; таким образом он извлек отсюда 500 талантов[15].

Таким образом государство оказывает давление и на господина, и на раба, для того чтобы, с одной стороны, ограничить их свободу передвижения, а с другой—чтобы ограничить произвол господ в пределах, требуемых государственными интересами. Все эти меры, как и многие из тех, которые мы встретим в греческих республиках, были установлены не столько в интересах рабов, сколько в интересах граждан[16]. Таким образом илоты были подчинены без исключения всем строгостям этого условия, во всем том, что не затрагивает интересов государства. И с этой точки зрения нет ничего вернее слов древнего писателя: «Нет народа, где бы раб не был большим рабом, а свободный человек — более свободным»[17]. «Илоты,—говорил Мирон,—должны нести труды самые позорные и наиболее бесчестящие. Их заставляют носить шляпу из кожи собаки и одеваться в шкуры животных; каждый год им полагается определенное число ударов, хотя бы они не совершили никакого проступка, чтобы они помнили, что они рабы; более того, если они переходят меру физической силы, которая прилична рабу, их наказывают смертью и на их хозяев накладывают штраф за то, что они не сумели сдержать их развития»[18]. К этим обычаям нужно прибавить, что им не только запрещались мужественные песни дорян и их воинственные пляски, но их спаивали, доводя до скотского состояния, чтобы непристойными песнями и беспорядочными движениями они внушили молодым людям отвращение к невоздержности и чувство собственного достоинства[19]. Конечно в этих указаниях явно видно преувеличение и насильственное толкование. Возможно, как думает Отфрид Мюллер, что этот мнимо позорный костюм был не столько ливреей рабства, сколько обычной одеждой деревенского жителя. Было бы печально думать о гнусных расчетах эфоров, — если таковые были, — расчетах, унижающих в илоте человеческий образ, чтобы преподать спартиатам урок уважения к самим себе. Может быть, они не столько умышленно спаивали, сколько пользовались случаем показать на примере людей, которых никакая узда не могла удержать от их пороков, позорные последствия опьянения[20]. Что же касается других фактов, если даже допустить, что они вымышлены, то нужно по крайней мере признать, что они соответствуют реальному положению илотов; ведь из свиде-

тельств менее подозрительных, чем свидетельства Мирона, известно, с какой жестокостью обращались с ними[21]. Для илотов не было нужды в ежегодном бичевании, о котором говорит данный историк, для того чтобы они помнили, что они были рабами; им не нужен был и особый костюм, чтобы отличаться от спартиата: все в них носило печать рабства, все противоречило тем идеям, в которых были воспитаны и выросли спартиаты. Отстраненный от труда в силу закона, народ Ликурга рос с чувством презрения к труду. Он презирал его в лице поэта, который пел о земледелии[22], с тем большим основанием он презирал тех, которые им непосредственно занимались, и это презрение легко переходило в оскорбление. Так, между этими двумя этническими группами наметилась линия разделения, положенная завоеванием, тем более выглядевшая резкой и абсолютной, что общность жизни бедной и суровой должна была бы, казалось, со временем ее уничтожить.

Эта суровость, созданная спартанским законодательством, была для Спарты повидимому обязательной в силу ее положения. Требовалась вся дорийская энергия, чтобы поддерживать в этих условиях свою власть над порабощенными народами. «Вы прибыли из тех городов, — говорил Брасид, обращаясь к пелопоннесцам, — где весьма малое число господствует над очень большим и обязано своей властью только победе»[23]. И эти слова были особенно справедливы по отношению к Спарте, перед лицом тех народов, которые признавали ее власть и законы.

В том распределении земель Лаконии, которое приписывается Ликургу, в том, которое было установлено по крайней мере с тех пор, как Мессения была побеждена и соединена с исконными землями победителей, 9 тысяч наделов спартиатов и 30 тысяч наделов периэков были назначены такому же числу глав семейств[24]; они показывают, что обе эти части населения относились друг к другу как 9 к 30, а именно от 35 до 36 тысяч первых и приблизительно 118 тысяч вторых. Таким образом одни периэки были более чем в три раза многочисленнее спартиатов. Илоты тут совсем не принимались в расчет, но одна фраза у Геродота доказывает, что отношение там было еще более высокое. В битве при Платеях было 5 тысяч спартиатов и 35 тысяч илотов, 7 рабов около каждого господина[25]. Но здесь были не все спартиаты, способные носить оружие, часть их оставалась для защиты своей территории, и Геродот в другом месте нам говорит, что их было приблизительно восемь тысяч[26]. Кроме того многие илоты были задержаны для обслуживания города или для работ на полях. Можно

допустить для всей суммы обоих классов ту пропорцию, которую мы находим для сражавшихся при Платеях; мы получаем тогда на 8 тысяч спартиатов, способных носить оружие, 56 тысяч илотов того же возраста. Эти цифры позволяют установить общее количество населения в 31 400 спартиатов и приблизительно 220 тысяч илотов.

Числа, полученные с помощью этой гипотезы, соответствуют при этом данным о производительности каждого надела. Мы видели, что илоты должны были вносить спартиатам оброк в 82 медимна зерна и соответствующего количества жидких продуктов; при этом я прибавил, что это количество, достаточное для прокормления 14 или 15 человек, должно было служить не только для спартиатов, но также и для илотов, занятых обслуживанием их. С другой стороны, мы знаем, что илот, по словам Тиртея, платил спартиату половину того, что производила земля:

Сколько земля нам дает, он половину вносил.

Таким образом каждый надел давал 164 медимна зерна и соответствующее количество масла или вина, т. е. количество, достаточное для прокормления 29 человек при расчете $^3/_4$ хеникса на человека в день. Таким образом 9 тысяч наделов могли прокормить 261 тысячу человек, т. е. число, очень мало превышающее общее число спартиатов и их илотов, как мы высчитали раньше.

Таким образом общее число илотов можно фиксировать приблизительно в 220 тысяч человек; прибавим к этому 120 тысяч периэков, и мы будем иметь 340 тысяч подчиненных лиц на 32 тысячи спартиатов. Спарта господствовала над населением, в десять раз превышавшим число ее собственных граждан. Она боролась против этой опасности, заменяя численность смелостью, и нет никакого сомнения, что ее уверенность в самой себе, ее нравственная энергия, а еще в большей степени престиж ее организации и силы вызывали у покоренных народов наряду с уважением и затаенный страх.

Всем известно, к каким ужасным средствам приходилось Спарте тайно прибегать ввиду необходимости охранить себя от этой опасности. Аристотель говорит, что каждый год эфоры, вступая в исполнение своих обязанностей, объявляли войну илотам. Молодые люди, наиболее ловкие и смелые, вооружались кинжалами; рассыпавшись по стране, скрываясь днем в перелесках или пещерах, они вечером подсматривали за илотами вдоль дорог, убивая тех, которые попадались им под руку. Это называлось криптией.

Прежде всего человеческое чувство возмущается против такой гнусности: нельзя себе представить, чтобы целый народ был поставлен, так сказать, в состояние узаконенного вырезывания; чтобы ежегодно и совершенно открыто организовывалась охота на тех людей, которые затем будут регулярно уплачивать свои оброки. Отфрид Мюллер попытался дать несколько иное объяснение этому обычаю и на основании ряда мест у Платона постарался исправить текст Аристотеля, вероятно плохо понятый Плутархом. Криптия является не чем иным, как одним из заданий и упражнений, возлагаемых на молодых спартиатов, преследовавшим двойную цель: приучить их к перенесению трудностей военных кампаний и организовать над илотами наблюдение, столь важное для государства. Однако это можно понять и из самого текста, взяв его почти в буквальном значении; он выиграет тогда в вероятности, не становясь от этого менее ужасным. Действительно, нужно отметить условия, связанные с этим обычаем. Илоты предупреждены, а молодые спартиаты ограничены точно определенным временем и местом. Только тот илот, который вечером рискнет появиться на дорогах, может быть убит. Это как бы оригинальный лаконский «закон о тушении огня» военного времени и упражнение для молодежи в умении устраивать засады. Если бы даже эта практика не имела никакой другой цели, она вполне соответствовала бы спартанским идеям, что немного илотской крови стоит пролить для того, чтобы дать выучку своим молодым воинам. Но если даже все это объяснить простым актом наблюдения и надзора, то такая мера не является от этого менее кровавой. Эти молодые люди были вооружены; никакое постановление не ограничивает их власти, и вполне понятно, какое употребление делали они из своего оружия под влиянием своего воспитания, приучавшего их к сражениям и к хитростям. Криптия, даже если она и не имеет такого жестокого характера, который ей приписывает Плутарх, все же не была простой и безобидной учебой, какую хотел установить Платон в своих «Законах» [27]. В конце концов, независимо от этого обычая, под прикрытием которого тем легче могло быть проведено массовое избиение, что оно не было с ним необходимо связано, Спарта, как всем известно, не раз прибегала к таким отчаянным мерам, когда общественная безопасность, казалось ей, находилась под угрозой. «Всегда, — говорит Фукидид, — у лакедемонян большинство их мероприятий направлено было к ограждению себя от илотов»; и он приводит следующий пример: «они объявили, чтобы были выделены все те илоты, которые, по их мнению, оказали

лакедемонянам наибольшие услуги в военном деле, будто бы для того, чтобы даровать им свободу. Этим лакедемоняне испытывали илотов, полагая, что все, считающиеся наиболее достойными освобождения, скорее всего способны осмелиться обратиться против них. Таким образом отделено было в первую очередь около двух тысяч человек. С венками на головах, как бы уже освобожденные, эти илоты обходили храмы, но вскоре после того исчезли, и никто не знал, какой конец постиг каждого из них»[28].

4

При помощи таких репрессий Спарта поддерживала свою деспотию, но не без сильных потрясений. В течение того времени, которое разделяет две мессенских войны, илоты принимали участие в заговоре так называемых парфениев, так же как и в заговоре Павсания после второй персидской войны[1]. Мессенцы, после 24 лет войны покоренные спартанцами и особенно увеличившие собою количество илотов[2], не раз брались за оружие, чтобы добыть себе свободу; одновременно это была борьба и за родину. Это было уже третье поколение после завоевания, и они одержали бы победу, если бы все воодушевление их высокого героизма имело какое-нибудь значение в сравнении со слепой дисциплиной и непоколебимой решительностью их властителей. Мессенцы возобновили эти попытки перед нашествием Ксеркса[3], а также после него, воспользовавшись землетрясением, которое едва не погребло Спарту под обломками скал Тайгета[4]; затем они возобновляли их не раз: во время войны Спарты с Афинами, когда афинский военачальник захватил Пилос[5], во время войны Спарты с Фивами, когда Эпаминонд собрал остатки этого народа вокруг знамени Аристомена и создал для них подобие прежней родины в новом городе, который напоминал им о ней хотя бы отчасти своим именем — Мессена[6]. С того времени часть илотов вновь становится отдельным народом, среди остальной же части волнения не прекращались никогда, особенно в связи с тем, что в лице новых мессенцев, неизменных врагов их прежних господ, они находили иногда помощь и поддержку, и всегда по крайней мере убежище[7].

Среди всех этих опасностей Спарта принимала против илотов также и другие меры, менее кровавые, но не менее действительные. Она их разделяла, она их удаляла, иногда под почетными предлогами; и Фукидид дает этому доказательство в той главе, где он говорит об избиении двух тысяч освобожденных. Когда занятие Пилоса пробудило на-

дежды мессенцев и в Мессении вновь забродила старая закваска восстаний, 700 илотов были повышены до звания гоплитов и даны Брасиду; он воспользовался ими для завоевания фракийских городов [8]. Триста или четыреста других были посланы позднее на помощь Сиракузам [9]; и даже когда Эпаминонд грозил спартанцам войной почти у порога их жилищ, спартанцы объединились, по словам Диодора, с тысячью только что отпущенных на волю илотов[10]. По свидетельству Ксенофонта, была дана свобода тем, кто предоставил себя на защиту государству, и сразу набралось таких более шести тысяч; правда, спартанцы тотчас же испугались их участия в битве, и пожалуй им пришлось бы сильно раскаиваться, если бы весьма кстати не пришли из Коринфа, Эпидамна и Пеллен менее подозрительные вспомогательные войска [11].

Зачисление в гоплиты, говорит Отфрид Мюллер, равнозначно полному освобождению. Скорее оно было простым званием, на которое смотрели как на возможность получить эту свободу [12], и кажется таких случаев было немало [13]. Право освобождения, запрещенное частным лицам, применялось государством, верховным владыкой. Единственное известное нам место знакомит нас с его формами; и странное дело: это тот самый случай, в котором рассказывается о торжественном освобождении, закончившемся смертью. Но следов подобных освобождений мы находим много в истории [14]. Илоты фигурируют там под различными названиями, которые указывают то на их общественное положение, то на те исключительные условия, в которых они находились. Эпейнактами («наложниками») называли тех илотов, которые получили свободу за свой брак с вдовами спартанцев; такого рода браки, можно думать, имели место лишь однажды и были отмечены печатью порицания. Эриктеры («временно обязанные») и деспосионавты («господские матросы») обязаны были еще оказывать некоторые услуги своим господам в армии или во флоте [15]. Эти названия имеют точное значение и узкий смысл. Другие, наоборот, употребляются в широком и общем значении. Имена «афеты» (отпущенные) или «адеспоты» (бесхозяйные) повидимому не указывают ничего другого, кроме состояния освобождения и отпуска на волю, а наименование «неодамоды», можно думать, является политическим наименованием всего этого класса «новых жителей», приобщенных к дорянам [16].

Такие освобождения, редкие вначале, учащаются в более поздние времена. Создается представление, что Спарта, которой угрожали соперничавшие с ней государства, почувствовала необходимость привлечь на свою сторону до извест-

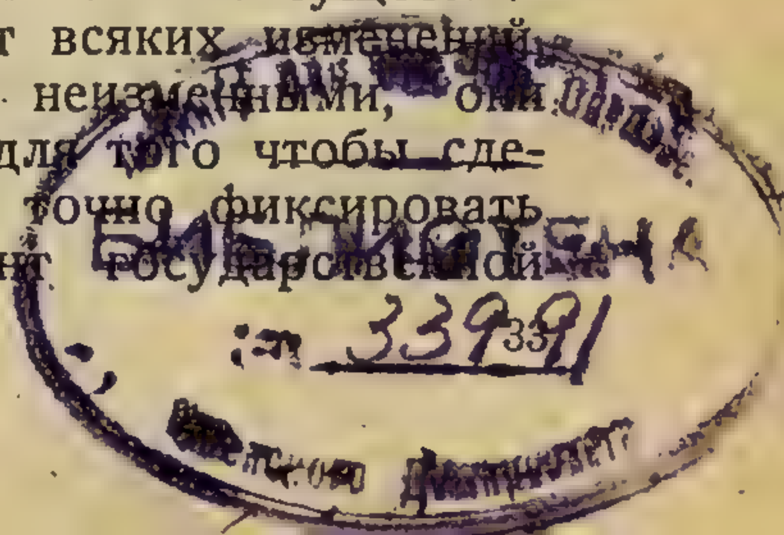
ной степени те слои населения, от которых зависело ее спасение. Только со времени второй половины пелопоннесской войны встает вопрос о неодамодах, и вскоре они получают заметное место в Лаконии [17]. Таким образом в Спарте оформлялось новое сословие; рожденное из труда, оно могло бы вернуть ей изобилие и силу. Но Спарта всегда держалась обособленно. Освободив илотов от их рабского положения, она не подняла их до положения граждан; далекая от того, чтобы оживить себя из этого источника, она продолжала позволять, чтобы постепенно уменьшалось то количество людей, в жилах которых текла дорийская кровь.

Основная причина падения Спарты скрывалась по существу в самой ее организации.

Вводя свои установления, Ликург хотел создать тело, полное сил; и эта сила ему представлялась в образе вооруженного воина. Он строил свое государство, имея перед глазами этот идеал. Семья для него — это человек, готовый к войне; народ — это армия; Спарта — лагерь. Поэтому только военные упражнения — и ни малейшего труда. «Почему, — спрашивали у Алкимена, — спартанцы возделывают свои земли руками илотов, а не сами?» [18]. «Потому, — ответил он, — что мы приобрели эти земли не работой на ней, а работой над собой». Но этот военный организм, который законодатель думал сделать еще более сильным благодаря такой работе над собой, как раз и был лишен основного принципа жизни: труд создает жизнь общества, а как раз труд и был изгнан из его недр. Таким образом Спарта должна была жить чужими соками. И действительно, она жила потом илотов; благодаря своей невероятной энергии она в общем сумела удержать их в подчинении [19]. Но этого было недостаточно. Зародыш смерти, который она носила в себе, развивался в самом ходе жизни и по мере того как все более и более переживали себя законы Ликурга. Да будет мне позволено прибавить несколько слов к этому законному удовлетворению презиравшегося труда: это еще один из результатов рабства.

5

Чтобы обеспечить своим законам длительное существование, Ликург пожелал оградить их от всяких изменений, даже от усовершенствований: будучи неизменными, они должны были оставаться вечными. Но для того чтобы сделать их неизменными, он должен был точно фиксировать такой легко видоизменяющийся элемент государственной



жизни, как народонаселение; ведь его конституция была своего рода броней, созданной для народа в условиях определенного времени; если же народ становился менее мощным, она могла его раздавить; если он рос, она могла лопнуть. Сохранять неизменным число девять тысяч семейств — такова была цель, которую должен был поставить перед собой законодатель; нужно было скомбинировать целый ряд мер, чтобы препятствовать увеличению или сокращению этого числа. Таким образом наделы, неизменные по своей природе, должны были переходить по старшинству, исключая женщин; и эти наделы, точно и навсегда установленные, государство стремилось сохранить всегда занятыми, прикрепляя к тем из них, где не было наследников, детей, у которых не было наследства [1]. Этим законодатель думал устранить все возможности для сокращения численности населения. При помощи другой меры он хотел предупредить обратную тенденцию. Для того чтобы участвовать в государственной жизни, недостаточно было быть дорянином, нужно было иметь место за государственным столом; и законодатель, распределяя между семьями землю и илотов, поставил илотам в обязанность делать взносы с этих участков. Так как труд был в Спарте запрещен, то обладание наделом было единственным законным источником доходов, и необходимым условием для участия в государственной жизни была уплата взносов для общественных обедов. Отец вел туда своих сыновей. Сын-наследник с трудом мог оказывать поддержку своим братьям [2], и если государство не находило средств предоставить в распоряжение этих побочных ветвей свободного надела, то они теряли свое место за общим столом и свои права в государстве. Они опускались ступенью ниже, они становились гипомейонами, «пониженными» в своем достоинстве [3]. Заставить их держаться в пределах необходимого, исключить все излишнее — такова была мысль Ликурга; казалось, что такая задача должна быть неминуемо выполнена, но вот что получилось из этого.

С одной стороны, стали обходить, с другой — открыто нарушать закон, который устанавливал передачу наследства; и эти наделы в конце концов собрались в руках нескольких человек, главным образом женщин, допущенных к наследованию [4]. Кроме того оставался в силе закон об общественных обедах, качество которых повидимому под влиянием богатства повысилось [5]. Труд все еще считался позором, и семьи, лишенные наследства, впадали в бедность; они переставали быть гражданами. Столь неудачными оказались меры к сохранению установленного порядка; задуманный порядок все более и более нарушался. Без

всяких резко выраженных изменений, в силу самих обстоятельств жизни, спартанская демократия превратилась в олигархию, народ становился все малочисленней и равенство граждан (ὅμοιοι — «равные») стало привилегией немногих сравнительно с массой приходящих в упадок жителей (ὑπομείονες — «меньшие»). Это изменение в отношениях между спартанцами повлекло за собой искажение всех основ конституции. Между классом порабощенных и классом господствующих заняли на новых ступенях место люди, получившие свободу от рабства (неодамоды), и люди, отстраненные от управления (гипомейоны). Собственники мало беспокоились о том, что в их руках сосредоточились все государственные права, не замечая того, что, мечтая об усилении своего могущества, они теряли и ту силу, ту мощь, которой они уже владели, и что, присоединяя разорившихся к низшим классам, они увеличивали число своих врагов [6]. Ведь в самом деле, вольноотпущенные не так часто вспоминали о том положении, из которого их извлекли, как «пониженные» — о тех правах, которых их лишили. Потеряв их по рождению или по своему положению, все эти «меньшие», неодамоды, периэки, илоты были объединены между собою одним и тем же чувством зависти и ненависти, которое в один прекрасный день вызвало к жизни заговор Кинадона. «Это был, — говорит Ксенофонт, — молодой человек крепкого телосложения, сильный духом, но который не был в числе равных. Тот, кто донес на него, спрошенный эфорами о средствах, которыми хотели воспользоваться заговорщики, сказал, что Кинадон, отведя его на край городской площади, велел ему сосчитать, сколько было на ней спартиатов; их оказалось там, считая в том числе царя, эфоров и геронтов, приблизительно сорок человек. «На эти сорок, — сказал Кинадон, — смотри как на наших врагов; а все остальные (а было их там до четырех тысяч) — это все наши союзники». Он прибавил, что на улицах он мог бы указать ему то одного, то двух врагов, а все остальные—их союзники; в деревнях—то же отношение: враг только один, хозяин; а на каждом наделе много союзников». Эфоры спросили, скольких заговорщиков мог объединить этот проект? «Для организации заговора,— ответил он, — Кинадон говорил, что имеет немногих, наиболее испытанных, для выполнения же его они столкуются со всеми илотами, неодамодами, меньшими гражданами и периэками. Везде, где среди них он начинает говорить о спартиатах, никто не может скрыть, что с радостью готов был бы съесть их живыми». Заговор не удался; Кинадон был арестован, должен был признаться в своем пре-

ступлении и выдать своих соучастников; и когда его спросили, какую цель он преследовал своим заговором, он ответил: «*Не быть в числе меньших*» [7].

Олигархия одержала победу, но при условии до конца подчиниться закону прогрессивного уменьшения, который сделал ее тем, что она была сейчас, и который в один прекрасный день должен был ее уничтожить. И можно проследить, с какой устрашающей стремительностью шло это развитие. В самом начале было приблизительно 10 тысяч семейств [8], во времена Ликурга осталось уже 9 тысяч [9]—уменьшение на одну десятую часть приблизительно за 300 или 400 лет; во времена Геродота их было уже 8 тысяч [10] — уменьшение на одну девятую часть приблизительно за такой же период; столетие спустя, во времена Аристотеля, число их понижается до тысячи [11] — уменьшение на семь восьмых за сто лет; а во времена Агиса было всего не больше 100 собственников — уменьшение на девять десятых [12]. Напрасно Агис хотел решительными мерами бороться с этим злом, подтачивавшим самый корень государства: создать объединения из новых семей, которые он хотел ввести в жизнь своей гражданской общины, и по-новому распределить наделы — две меры, при помощи которых он хотел если не обеспечить будущее своей страны, то по крайней мере позволить Спарте попытаться возродить свое прошлое. Эти мысли о реорганизации были похоронены в их зародыше, а реформа, которую, следуя его примеру, провел Клеомен, не пережила своего творца. Были восстановлены старые законы, т. е. те злоупотребления, которые разрушали гражданскую общину. С этого момента можно было уже предвидеть конец, можно было уже считать дни. Спарта неуклонно приближалась к той могиле, на которой уже давно Аристотель начертал для нее следующие слова: «Она погибла из-за недостатка людей» [13].

Я уже указал, почему возник этот недостаток в людях.

Эту угасшую этническую группу сменила новая гражданская община, образовавшаяся из периэков и илотов, освобожденных тираном Набисом.

6

Из всех дорических стран Крит является после Спарты той страной, где национальные учреждения удержались наиболее долго, так как законы, приписываемые Миносу, независимо от того, был ли или не был Минос дорянином, являются без сомнения законами дорическими.

В городах Крита, так же как и в Спарте, исполнение общественных обязанностей заставило возложить труд на

плечи иноземцев и государство держалось на порабощении побежденных [1]. Этот основной принцип, получивший благодаря аналогичным условиям завоевания такое же применение, как и в Спарте, разделяет порабощенных также на две группы: во-первых, на периэков, во-вторых, на *крепостных*. Эти последние, соответствуя илотам Спарты, выполняли те же обязанности, но более точно определенные. Они образовывали две различные группы: одни оставались государственными рабами под именем мнойтов, другие же под именем афамиотов или кларотов стали рабами частных лиц [2].

Мнойты, происходит ли их имя от Миноса или оно имеет своим корнем слово, обозначающее завоевание [3], сами разделялись на тех, кто выполнял служебные обязанности для общины, и тех, которые работали на земле. Ведь всякий город-государство имел свои земли и стада, которые, находясь под надзором мнойтов, составляли основной фонд государственных доходов [4]. С другой стороны, образ жизни дорянской общины требовал пребывания мнойтов в среде дорян, частью для того, чтобы обслуживать их в местах собраний, например при общественных обедах [5], частью, чтобы выполнять какие-либо обязанности, в которых община была заинтересована вся целиком: вероятно на них была возложена забота о погребении [6].

Таким образом класс мнойтов объединяет под одним и тем же названием два различных вида рабов; наоборот, два названия рабов частных — афамиоты и клароты — обозначают один и тот же вид службы. Эти рабы возделывали земли частных лиц; они были названы афамиотами от одного критского слова, которое обозначает землю и возделывание [7], и кларотами вероятно от слова «клерос», обозначающего надел каждого гражданина [8].

На каких правах возделывали они землю и каковы были их обязательства по отношению к своим господам? И здесь также мы найдем различие между их положением и положением илотов; это различие отчасти зависит от характера, которым отличаются законы Крита от законов Спарты.

Дорическая община на Крите, основанная на тех же принципах, как и спартанская, имела другую организацию. Здесь государство не считало себя единственным собственником, оставляющим для граждан ограниченное право пользования собственностью в пределах личного потребления. На Крите гражданин — хозяин своего имения. Он им распоряжается, как он хочет; он его эксплоатирует по собственному желанию, своими собственными рабами. Единственно, что он обязан давать государству, — это десятую часть своих доходов, которая идет на общественные обеды [9]. Этот

взнос является единственным налогом, которым была обложена собственность. Во всех других отношениях она является свободной[10]. Нетрудно понять, что раб тем меньше мог рассчитывать на защиту, чем меньше была ограничена власть его господина. Но, может быть, все-таки он не был полностью предоставлен произволу господина. Мы видим, что в городе Ликте рабы должны были вносить для общественных обедов эгинский статер с человека[11], если они могли платить, значит, они владели собственностью. Не пользуясь преимуществами илотов, они, с другой стороны, не испытывали крайней нужды, столь знакомой обыкновенным рабам. Рабы, занятые земледелием, имели сравнительно с илотами еще одно отличие, которое вместе с дорическим происхождением служило для них достаточной компенсацией: это возможность оставаться на полевых работах вдали от своего хозяина[12]. Служба при доме, со всеми неприятностями, которые происходили при столкновении рабов со свободными[13], падала обычно на иностранцев (обязанности по обслуживанию государства исключались для них), которых дорянин мог себе купить, так как он не был совершенно лишен нужных для этого средств. А торговля должна была приводить много рабов на остров Крит, это убежище морских разбойников. Рабов здесь называли именем, которое ясно указывало на их происхождение от покупки: хрисонетами — «купленными»[14].

Народы, стоявшие на более высокой ступени развития, в условиях, созданных завоеванием, сохранили больше аналогии с периэками Спарты; нося имя, которое точно указывало на их зависимость (ὑπήκοοι — «подчиненные»), они имели те же обязанности и те же права. Недопущенные в учреждения победителей, в их гимнасии, сисситии, собрания, они сохраняли свои обычаи[15]; лишенные права сражаться, они работали. Им были оставлены земли, которые они возделывали, уплачивая подать[16], и, как периэки в Спарте, они занимались, без сомнения с немалой для себя выгодой, ремеслами и торговлей. Их города, поставленные вначале в положение подчиненных ради соблюдения интересов дорических городов[17], с течением времени сравнялись с ними и стали бы даже выше их, если бы доряне, забыв о своих учреждениях и предрассудках, не стали подражать им в занятиях прикладными искусствами. Можно найти договоры, касающиеся торговли и земледелия, между городами, некогда связанными отношениями подчинения и господства[18]. Но они не сумели удержаться на этом пути[19], и весь остров, без различия народностей, впал в анархию, которая отдала его во власть морских разбойников до появления римлян[20].

Были ли заимствованы эти формы порабощения Критом у Спарты или же Спарта вывезла их с Крита? В древности держались и того и другого мнения [21]. Но, вернее всего, тут не было заимствования ни с той, ни с другой стороны, так как мы находим их и в Спарте, и на Крите, и везде, где доряне свободно утвердились,— как в Пелопоннесе, так и вне его.

В Мессении доряне не могли взять верх. Укрепившись сначала в одном только городе, они в конце концов смешались с местным населением [22]. Они не сумели взять власть в свои руки; на них было наложено ярмо порабощения, то ярмо, которое создало пословицу: «Больший раб, чем мессенец» [23]. Наоборот, в Аргосе доряне господствовали, и их господство, хотя и ослабленное, представляет еще подобие такого же господства в Спарте. Ниже класса граждан, в который была включена также часть местных жителей, наряду с тремя дорическими трибами образовавшая свою четвертую [24], мы встречаем периэков и илотов. Периэков мы узнаем в лице орнеаров; их положение разделяли, смешавшись с кинуриями и некоторыми другими окрестными народностями, ставшие также данниками жители Орней, имя которых было распространено на всех [25]; илотов мы видим в лице гимнетов, которые получили такое название потому, что, независимо от своих земледельческих работ, подобно периэкам составляли легковооруженную часть войска [26]. Но дорическое племя в Аргосе не сумело удержать в целости этой организации, возникшей в результате завоевания. Восставшие илоты в один прекрасный день оказались хозяевами города, воспользовавшись той несчастной войной против Спарты, в которой погибло 6 тысяч граждан; изгнанные при следующем поколении, они овладели Тиринфом и долго держали под угрозой судьбу освобожденного Аргоса [27]. После такого потрясения периэки могли бы оказаться для дорян не менее опасными, если бы по отношению к ним народ не принял решительных мер. Города, которые сохранились за ними,—Лисы, Орнеи, Мидея—были разрушены [28], и их жителям, переселенным в Аргос и пополнившим поредевшие ряды дорян, были предоставлены гражданские права [29]. Это решение, которое противоречило прежним дорическим установлениям, открыло для государства новую эру процветания и силы [30].

Коринф, который находился во главе Пелопоннеса, как по своему стратегическому положению, так и по своему значению в качестве торгового города — центра тогдашнего греческого мира, был, несмотря на особенности своего этнического состава, более коммерческим, чем военным горо-

дом. В связи с создавшимися условиями его дорические учреждения подвергались еще более быстрому видоизменению. Тем не менее наряду с наличием огромного числа рабов, которые были необходимы при сложившихся условиях жизни, он имел также своих периэков и своих илотов: илотов мы можем видеть в лице кинофилов [31], рабов, живших в деревне; а периэков, может быть, в лице жителей тех пяти округов (κῶμαι), между которыми была поделена территория, — Герей, Пирей, Киносура, Триподиск и Мегара (Мегара, хотя и была дорическим городом, была подчинена [32] Коринфу еще до начала олимпиад [33]).

В конце концов характерным для дорического государства остается отношение между хозяином и илотом. Периэки для дорян не являлись абсолютно необходимыми. Поэтому в других государствах меньшего масштаба мы видим обыкновенно только население, соответствующее илотам, т. е. то, на которое возложен труд, обслуживающий победителей. Так, наряду с дорянами, уже смешавшимися с местными жителями, так же как в Аргосе и в той же пропорции, в Эпидамне можно встретить землеробов, носящих имя конниподов — «людей с запыленными ногами» [34]; в Сикионе — коринефоров, или катонакофоров, имена которых указывают на их манеру сражаться и на их деревенский костюм [35] и тем самым уподобляют их илотам, с которыми сближали их уже древние [36]; в Гераклее Трахинской — киликранов [37]; в Дельфах — кравгаллидов, которые для аристократии, державшей в своих руках храм с его оракулом, возделывали соседнюю с Киррой равнину [38].

Те же порядки в более или менее полной форме встречаются в колониях. Колонии в действительности не могли представлять тех же самых отношений. Если некоторые колонии эмигрантов, например критских, крупные и сильные, состоявшие из племен, которые любили всегда находиться в движении, основались на побережьях, где они высаживались, то другие, возникшие благодаря коммерческой деятельности или в связи с другими потребностями, были счастливы, если их принимали там в качестве гостей. Но все-таки во многих случаях встречаются аналогичные подразделения. Гераклея Понтийская, колония Мегары, соединилась с местными народами. Мариандины признали свое подчинение власти дорян, как пенесты в Фессалии, под твердым условием: не быть продаваемыми за пределы страны; отсюда древние писатели вывели заключение, может быть, слишком смелое, что мариандинов можно было продавать внутри страны [39]. Повидимому они скорее были данниками, чем арендаторами той земли, которая была им

оставлена, и их взносы рассматривались не как оброк, выплачиваемый их хозяевам, но как приношение их правителям (ἄνακτες). Отсюда их наименование: дорофоры — «приносящие дары» [40].

Другая колония Мегары — Византия — держала в такой же зависимости вифинцев на европейском берегу, и, подобно мариандинам Гераклеи, их также сравнивали с илотами [41]. В Эпидамне, колонии Коркиры, на общественных рабов было возложено занятие ремеслами [42]. В Сиракузах под различными пластами переселенцев, которые приходили из той же метрополии, чтобы стать ядром господствующей части населения, можно было найти местных жителей, порабощенных под именем килликирийцев, или калликарийцев [43]. Аполлония, на берегу Ионического залива, и Фера указываются Аристотелем как города, где свободные граждане властвуют над массой рабов [44], а Кирена, колония Феры, подобно Сиракузам демонстрирует наряду с остатками многих последовательных колонизаций, как побежденное племя близко связывалось с семьями первых основателей, их первых и основных владык: это периэки — неопределенное название, даваемое земледельцам, зависящим от лиц дорического происхождения, которые в конце концов были включены вместе с жителями Феры в одну из трех триб, установленных Демонаксом [45].

7

Мы уже видели, что доряне не были единственными, которые хотели закрепить таким образом результаты своей победы. Этолийцы, их спутники и сотоварищи по трибам при завоевании Пелопоннеса, повидимому поставили в такое же зависимое положение народности, жившие на территории Элиды, где они сами основались, а еще раньше послужили им в этом примером фессалийцы. Кроме того я уже говорил, что племена, порабощенные в местах своего прежнего жительства, делались сами властителями в тех местах, куда они переселялись. Так, эоляне из Арне стали властителями Беотии; равным образом ахеяне, покоренные дорянами в Лаконии и Арголиде и прикрепленные к сельским работам, образовали свои города в Эгиалее, в которых они частично и утвердились, выселив в деревню побежденных ионян [1]. Ионяне в Аттике представляли то же зрелище. В недрах этого древнего племени, которое всегда хвалилось тем, что оно никогда не меняло своего местожительства, выдвинулись роды, без сомнения иноземные и обозначаемые именем Эвпатридов. Они занимали город (τὸ ἄστυ) [2],

откуда они властвовали над населением, рассеянным по местечкам. Расчленение, столь явно проведенное при реорганизации фил, приписываемой Иону[3], проявляется также и в установлении классов при Тезее, который во главе поставил Эвпатридов, а ниже их — население земледельческое и ремесленное[4]. Те же явления, которые мы видели в колониях дорических, повторяются, может быть, во многих колониях эолийских и ионийских. В Малой Азии маленькие общины, выросшие на континенте за счет местного населения, не раз должны были выбирать средний путь между полным изгнанием и полным поглощением первых владельцев этих областей. Так бывало с народами Великой Греции, какого бы происхождения они ни были.

Такой образ действий, который главным образом вошел в обычай при организации дорических государств, не был свойственен исключительно этому народу. Он не был даже особенностью греческого племени. Народы, находившиеся с греками лишь в очень отдаленном родстве, применяли тот же образ действий. Македоняне, как и фессалийцы, имели своих пенестов[5]; и по соседству с ними, среди народов Иллирии, жители Ардии владели 300 тысяч проспелатов,— это число, может быть, как обычно, несколько преувеличено Афинеем[6]. По его словам — и тут уж налицо несомненное преувеличение — каждый из дардан лично имел по тысяче и больше крепостных, которыми он пользовался как работниками в мирное время и как солдатами во время войны[7].

Таким образом это был почти повсеместный обычай как новых народов, появившихся в Греции, так и главнейших племен, которые ее окружали. Повсюду победители властно правили побежденными. На двух концах того мира, где жило первичное греческое племя, а именно в Италии и Малой Азии, два самых древних в его истории названия народов остались связанными с порабощением их в качестве рабов: название пеласгов у италийцев и лелегов у карийцев[8].

Столь общее явление имело без сомнения свое происхождение в самых отдаленных временах греческого общества; но удивительная распространенность его представляет нечто новое. Поэмы Гомера показывали нам различные греческие народности, объединившиеся под стенами Трои; они представляли как бы единое тело некоего племени, хотя и не имевшего для своего обозначения отдельного имени. В то время, когда жил поэт, это имя имелось, но повидимому чувство национального единства переставало уже ощущаться. Греческие народности, осевшие одна около другой на

троянском побережье — так, как они жили у себя на родине, — подверглись различным потрясениям и смешались в этом почти всеобщем движении. Они не были и не чувствовали себя едиными. Перегородки между отдельными государствами, низвергнутые завоеваниями, воздвигались вновь еще более крепкими: в каждом из этих раздробленных государств вы найдете сверх всего прочего деление на победителей и побежденных, на рабов и господ. Таков был результат утверждения фессалийцев и дорян, такое зрелище представляла тогдашняя Греция. Мессения, Лакония, Арголида, Коринф, Сикион, Ахайя, Элида, Аркадия, наконец весь Пелопоннес, наиболее значительные части Эллады, Аттика, Беотия, Фессалия, не говоря уже о колониях различного происхождения, — все они показывают нам население, разделенное на господствующих и порабощенных, создание совершенно обособленной военной организации, переложившей труд на плечи безоружной массы, которую они презирали. «Моим копьем, — говорил в одной древней песне критский поэт Гибриас, — я пашу землю, я жну, я собираю виноград» [9].

Сделало ли все это Грецию действительно очагом мировой цивилизации? Какую выгоду представляло это разделение для развития земледелия и ремесл? Ощущался ли тогда недостаток рук в Фессалии? Представляли ли собою пустыню Арголида и Лакония в те дни, когда они были свободны? Те города, где царствовали герои Гомера, имели ли они менее блеска? Рабство внесло сюда свое всеуравнивающее принижение, и потомки этих благородных племен, соратников Ахиллеса, Менелая и Агамемнона, стали пенестами и илотами. Повсюду порабощенные народы остановились в своем развитии, народы-завоеватели не шли дальше военных привычек; одни опускались под гнетом труда, другие ожесточались и грубели под влиянием раздражающего их безделья; одни подвергались гнету, другие сами его применяли. Но труд восстановил свои права. Трудящиеся классы, поставленные сначала в положение крепостных и лишенные гражданских прав, поднялись против аристократии частью сами, своими силами, частью под руководством какого-либо тирана, который воплощал в себе их силу и если не поднимал их до высокого положения «благородных», то по крайней мере этих «благородных» понижал до их уровня. В Коринфе, где доряне уже с ранних времен занимались коммерческой деятельностью, Кипселид Периандр посылал граждан работать на полях [10]. В Сикионе Клисфен, потомок повара по имени Ортагор, возвеличил свою трибу, местную трибу эгиалеев, поставив ее на пер-

вое место в государстве под именем архелаев — «народоправов», а трибам дорийским дал позорные имена гиатов, онеатов и хореатов (свинопасов, погонщиков ослов и мужланов)[11], имена, которые показывают, быть может, такое же изменение их положения, которое произошло и в Коринфе. Другие города предупредили такие перевороты рядом благоразумных уступок. Аргос, просветленный тяжкими испытаниями, открыл свое лоно для порабощенных народностей, без которых он бы погиб; вместе с трудом вернулись к нему сила и богатство[12]. Ахейские города Диме, Патры, Эгиона закончили тем, что впитали в себя пригороды, над которыми они властвовали; равным образом и в Аркадии подавленные в своей изолированности народности объединились в могущественные республики. Мантинея, Мегаполис под покровительством Афин и Фив (тех самых Фив, в которых некогда ревнивая олигархия не допускала к власти тех, кто в течение десяти лет не воздержался от коммерческой деятельности[13]; тех Афин, знатные фамилии которых удерживали за собой все привилегии царского достоинства) допустили низшие классы к участию в управлении, в одном случае после известных потрясений, в другом — в результате медленного, но верного прогресса. Афины были всегда как бы очагом демократии; они помогали укрепить ее там, где она удержалась, они защищали ее повсюду, где ей что-либо угрожало. На этом основании они имели друзей в Фессалии и в остальной части Северной Греции, как и в Пелопоннесе. Спарта, которая всегда боролась против этих тенденций даже у других и имела успех в борьбе с тиранами, была менее счастлива в борьбе с этим народным движением и не могла помешать ему проникнуть в самое сердце своего подвластного мира. Мессения разбила свои оковы и, получив назад свою свободу, ничего не потеряла от своей ненависти к Спарте; города Лаконии объединились в Ахейский союз. Только город Ликурга ни в чем не уступил: он замкнулся в своем одиночестве и зачах в своей надменности.

Но во всех этих республиках демократические слои общества, освобождаясь от рабства, вовсе не думали уничтожить самое рабство. Оно оставалось в недрах самых демократических городов-государств; количество рабов становилось тем более многочисленным, чем большего числа рук требовали производство и торговля, чем большего количества услуг требовало растущее богатство. Государства с радостью смотрели на этот рост рабов, видя в нем признаки развития производства и роста богатства своей общины; да и слои демократического населения сначала смотрели

на это явление без недоверия, так как их политические права от этого не несли никакого ущерба. Что же стало с трудом в таких исключительных условиях и каков был результат всего этого для класса свободных граждан и для класса рабов? Этот вопрос я и предполагаю разобрать более подробно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СВОБОДНЫЙ ТРУД В ГРЕЦИИ И В ЧАСТНОСТИ В АФИНАХ

1

Труд еще в героические времена пользовался почетом и в деревенской жизни, где хозяин трудился вместе со своими рабами, и в занятиях различными промыслами, — вследствие высокой цены на его произведения и благодаря небольшому количеству рабочих. Этот труд переставал пользоваться почетом по мере того, как овладение производством делалось все более общедоступным, а у народов-победителей все более и более развивались воинственные настроения и аристократические наклонности. Если труд не был уделом только рабов, то во всяком случае он уже не выходил за пределы низших классов; но там по крайней мере он был свободным и прежде всего, в силу сложившихся обстоятельств, он должен был возвысить эти презираемые семьи, так как в нем выражалось их участие в общественной жизни.

Среди городов-государств, которые выросли и окрепли в этих новых условиях, первое место принадлежит Афинам, как Спарте принадлежит первое место среди исключительно военных городов. Уже очень рано труд приобрел здесь вполне обеспеченное место. Государственное устройство, приписываемое Тезею, удерживая полностью древнее деление жителей Аттики на четыре трибы, устанавливает среди граждан три класса: эвпатриды, геоморы и демиурги; эвпатриды — это благородные, в силу условий своего рождения или завоевания державшие в своих руках власть, а может быть, также и землю; геоморы—люди, связанные с земледелием; демиурги — прикрепленные к производству. Эта кон-

ституция, которая поставила класс благородных над классами трудящихся города и деревни и на плечи последних возложила двойную тяготу социальной жизни, конечно была очень аристократической. Но если она ставила труд на более низкую ступень, она все-таки не отказывала ему в правах гражданства; и, преобразовывая положение трудящихся, находившихся прежде в четырех трибах, конституция гарантировала им силу, которая должна была дать им возможность развиваться даже в этих тяжелых условиях. С этой точки зрения можно рассматривать Тезея как отца демократии [1]. Он дал народу гражданскую свободу, первое основание для свободы политической, и конституция Тезея, далекая от того, чтобы установить непререкаемые формы афинского управления, положила первые основы для его развития. Аристократия, ставшая более сильной благодаря своему объединению, одержала верх над своими царями и кончила тем, что присвоила себе их привилегии. Но и простой народ, подвергшийся в свою очередь притеснениям, нашел в своей организации средства для сопротивления. Если он допустил неудачу попытки Килона, плохо поддержанной иноземной тиранией, то он не позволил знати использовать до конца свою победу. Осквернение святынь, которое положило несмываемое пятно на эту победу, дало возможность подготовить путем изгнания самых знатных фамилий пришествие демократии с архонтом Солоном во главе.

Когда Солон был призван, чтобы реорганизовать государство, он нашел его принесенным в жертву всем тем беспорядкам, которые влечет за собою вырождение аристократии: уменьшение количества знатных, развитие классов трудящихся в земледелии, в производстве и особенно в торговле далеко за те пределы, которые наметил им законодатель. Знать, — чьи привилегии увеличивались вместе с уменьшением числа ее членов,—скупая земли, обработку которых она предоставляла народу только за известный оброк [2], грозила самой свободе вследствие связанного с этим роста бедности и ростовщической задолженности [3]. Классы трудящихся тем более протестовали против этих тенденций, что они видели свое численное превосходство и сознавали свое большое значение для блага и процветания государства. Нужно было ввести порядок в этот хаос, поставить всякую вещь на свое место, указать свободное и в целом закономерное применение тех сил, которые должны будут соревноваться в развитии демократии. Такова цель, которую поставил себе Солон.

Тезей дал место труду в социальном устройстве афинского государства, Солон учел его при своей реорганизации.

Трибы были удержаны, принцип деления изменен. Непереходимая грань, которая была установлена между знатью и остальным народом, между начальствующими и подчиненными, безусловное право рождения — все это уступило место разделению, где основным признаком было богатство и которое должно было изменяться вместе с изменением богатства. Законодатель предоставляет всем то, что требует только патриотизма и справедливости, сохраняя исключительно за богатыми то, что сверх всего этого требовало и свободного времени. Так, феты, или наемные рабочие, т. е. чернорабочие и ремесленники, те, которые вследствие бедности, говорит Поллукс, выполняли рабский труд за плату[4], были организованы в четвертый класс, который принимал участие в голосованиях и даже в законодательстве на общих собраниях и в публичных судах. Если кто-нибудь из них поднимался на одну ступень выше по своему богатству, он мог принимать участие в администрации и магистратуре и отличался от самых богатых только тем, что в меньшей степени привлекался к выполнению государственных обязанностей. Труд, совершенно перестав быть причиной лишения власти, стал средством достижения ее; он был как бы общей связующей нитью для всех сословий. В особенности для бедных классов труд становился основанием похвального соревнования, а для государства — гарантией порядка и внутреннего мира. Солон всячески способствовал распространению труда, осудив безделье. Закон повелевал, чтобы каждый гражданин знал какое-либо ремесло; он требовал, чтобы отец научил хотя бы одному ремеслу своих детей, и если он не выполнил этой обязанности, закон лишал его поддержки со стороны детей, которой он имел право ожидать от них в старости[5].

Труд служил для афинян не только законным средством достигнуть власти в государстве, он был также основой внешней силы афинян. Фемистокл, создатель их флота, хотел основать его на твердом фундаменте трудолюбия и деятельности народа: «В то время, как он увеличивал число их кораблей, он посоветовал народу освободить от всяких налогов съемщиков квартир и мастеров, чтобы привлечь в Афины больше жителей и объединить здесь сколь возможно большее число профессий и ремесл. Эти средства, как думал он с полным основанием, способны благоприятствовать возрастанию морских сил государства»[6]. Труд, поддержанный и получивший поощрение на этих низших ступенях, должен был развиваться далее на ступенях более высоких. После падения 30 тиранов насчитывалось едва 5 тысяч граждан, у которых не было участков земли[7]; значит,

все остальные находили какой-то интерес в труде, по крайней мере хоть в этой области. Ксенофонт в своей «Экономике» («Домострое» древнего мира) показывает нам, какое еще большое значение приписывали тогда этому занятию; это мы видим из его многочисленных указаний на расположение имения, управление им, на роль хозяина и хозяйки, на работу и обязанности рабов, на разные заботы, которые занимают деревенского жителя [8]. Чем больше трудностей представляла природа местности [9], тем больше искусства и ловкости проявлял афинянин в преодолении их. Но если почва Аттики в связи со своим бесплодием толкала людей на занятие производством, то как можно думать, что счастливое расположение берегов и удобство гаваней, составлявшие преимущество этой маленькой Греции, не побудили бы афинян к занятию торговлей? Их морское могущество, поддержанное торговлей, способствовало в свою очередь ее развитию; а политическое господство, которое торговля давала афинянам, привело к тому, что их город стал центром торговых дел и интересов тысячи союзных или подчиненных городов. После Фемистокла Перикл, больше чем кто-либо другой, способствовал развитию республики. Значительный приток иностранцев, которых привлекали сюда решения афинских народных собраний и юрисдикция их судов, оживлял все отрасли промышленности и торговли[10]. А те памятники, которые Перикл воздвиг во славу своей родины на деньги, собранные в Греции, вызывая на соревнование все роды искусств, повели к расцвету самых специальных, самых узких отраслей искусств. Таким образом находился труд для всех, а следовательно и довольство и зажиточная жизнь для всех тех, кто хотел приняться за труд [11].

Но такое равновесие не могло удержаться везде и всегда. В высших отраслях труда продолжался прогресс; практические знания, как и искусства, продолжали пользоваться заслуженным уважением; они усовершенствовались в недрах свободного класса благодаря тем выгодам, которыми оплачивало их расположение народа [12]. Города брали врачей на свое содержание; как говорят, это сделали Афины по отношению к Гиппократу [13]; великие художники были, так сказать, на жалованье у всех народов, носящих имя греков, которые оспаривали друг у друга их шедевры; все искусства, которые доставляли удовольствие, оплачивались щедро: певец Амбей в древних Афинах получал по таланту всякий раз, когда он выступал перед публикой [14]. Изучение искусств разделило судьбу самих искусств. Во времена Сократа медицина изучалась так же, как изучалась грамота, и во многих городах были специальные учителя медицины,

подобно врачам оплачиваемые государством [15]. Еще большее число занималось преподаванием от своего имени, с очень различным успехом, начиная с Протагора, который, как говорят, первый стал давать уроки за деньги и за свой полный курс обучения требовал 100 мин, вплоть до того бедного учителя, который видел, как пустуют скамейки в его школе в те месяцы, когда большее количество праздничных дней, уменьшая его труды, не уменьшало его заработка [16].

Что касается промыслов, имеющих целью обслуживать повседневную, текущую жизнь, которые должны были являться наследственным делом простонародья, то от них конечно ни в коей мере нельзя было отказаться. Закон возвысил этих людей, как бы они ни были бедны, до уровня самых богатых, дав им то же место в управлении государством. «Мы не стыдимся признаться в нашей бедности, — говорил Перикл в своей речи над умершими за отечество воинами, рисуя блестящую картину своего родного города, — стыдно не уметь избавиться от нее своим трудом; мы умеем заниматься одновременно и нашими частными делами, и делами государственными, и те же люди, которые отдают свои руки для труда, могут также ведать государственными делами» [17]. И в деревне и в городе также и граждане заняты работой. Фукидид рассказывает, с каким отчаянием афиняне видели себя изгнанными войной из своих ферм и поместий, а Аристофан — с какой жадностью ждали они от мира возможности вернуться на свои поля [18]. Земледельцы, виноградари часто фигурируют в пьесах поэта, выступая всегда сторонниками мира [19]. Честный виноградарь Тригей отправляется на небо, чтобы просить вернуться богиню мира, «эту величайшую покровительницу виноградных лоз» [20]; только земледельцы одни могут помочь извлечь ее из пещеры, где ее держат пленницей и где столько других, делающих вид, что хотят помочь ее освобождению, с удовольствием оставили бы ее там [21]. Земледельцы сами, своими руками занимались возделыванием матери-земли. Когда на «собрании женщин» [22] был поставлен вопрос о том, чтобы сделать все имущество общим, и одна из них спросила: «Кто же тогда будет возделывать поля?», другая ей ответила: «Рабы». Итак, люди свободные продолжали заниматься трудом. Но пелопеннесская война произвела изменение в их образе жизни [23], и с этих пор лишь в виде исключения, или опускаясь на более низкую ступень, свободный человек принимает участие в такой работе, как это нам показывают в своих речах ораторы во многих местах, а также новая комедия Плавта и Теренция, где греческий оригинал проглядывает сквозь латинское подражание [24].

То же самое было и в городе. Свободное гражданство включало в свои ряды мастеров всякого рода производства: булочников, плотников, башмачников, сукновалов, чесальщиков шерсти и т. д.; оно включало также всех видов работников торговли на внутренних рынках: торговцев хлебом с их фальшивыми мерами [25]; торговцев рыбой с их обманными ценами [26], мелочных торговок, настолько скомпрометированных своим положением, что закон воздерживался применять по отношению к ним преследование за нарушение супружеской верности [27]. На всех ступенях производства или торговли они оставались гражданами, они сохраняли свое право участвовать в управлении государством [28]. Одно место из Аристофана, аналогичное тому, которым мы воспользовались выше, доказывает, что никто не ожидал, что они будут так скоро заменены рабами в своем труде [29]. Были граждане, находившиеся на ступени, очень близкой к рабству, и все же, если можно придавать какое-нибудь значение щедрым цифрам Аристофана в его комедиях, самые низкие профессии обеспечивали достаточно хороший заработок; переноска вещей в Афинах оплачивалась от 4 до 12 оболов—в четыре раза выше жалованья судьи; носильщик из загробного мира требует не меньше этого с Диониса, сошедшего в ад [30]. Но Дионис находит эту цену чрезмерной, и надо думать, что таких заработков не было и в этом мире [31]. Не столько приманка такой наживы, сколько нужда, бедность заставляли граждан спускаться до таких работ; но некоторые падали еще ниже. Иные из них были вынуждены итти и разделять с их рабами положение на предприятиях и мельницах [32]. Было одно место, которое называлось Колоном, где они нанимались открыто, вперемежку с рабами [33]. Также и женщины, свободные и афинянки по происхождению, должны были наниматься в богатые дома служанками [34]; напрасно закон покровительствовал тому, что презирало общественное мнение. Таким образом свободный труд, гарантированный и признанный обязательным Солоном, расширенный Периклом, не был уже более в состоянии поднять низшие классы и вывести их из нищеты [35]. Государство должно было притти им на помощь в этих несчастиях, которые оно не сумело предотвратить. То пособие, которое, как говорят, установил Писистрат для увечных, пришлось распространить на всех нуждающихся: не только на тех лиц, которых болезнь или старость заставила отказаться от труда прежде, чем они успели себя обеспечить, но и для тех, которые, даже работая, уже не могли себя обеспечить, как показывает тот ремесленник, в защиту которого выступил Лисий со своей речью («За неимущего

инвалида»); и это пособие, которое составляло всего 1 обол в день, было увеличено позже до 2 оболов ввиду прогрессирующей бедности среди рабочего класса [36]. Мы можем даже сказать, что если он продержался еще так долго, то этим он обязан тем средствам, которые были введены Периклом, правда, с другой целью, для поддержания демагогии: жалованье легальное и сверхлегальное, заработок в судах, с дополнением того, что сюда прибавлял обвинитель благодаря конфискации частного состояния [37], заработок от народных собраний вместе с тем, что честолюбивые политики умели к этому присоединить, расточая для этого финансы государства [38].

2

Каким образом граждане могли дойти до такого упадка? Почему у них уже не было больше честных возможностей заработка, которых им хватало бы для жизни, как это было в древних Афинах? Был ли для них недостаток в труде или они сами бежали от труда? И если они сами от него уклонялись, откуда получилось такое изменение в их образе мыслей и нравах? Чтобы вернее понять причины этого явления, перейдем к фактам. Огромная революция произошла в организации труда. Чем был труд в самые цветущие эпохи Афин? Я отметил раньше роль граждан в трудовых процессах. Но граждане не были при этом одинокими. Посмотрим, какая часть труда отошла другим и было ли такое разделение полезно или опасно для государства.

В массе того многочисленного и деятельного населения, которое Фемистокл хотел сделать основой морского могущества Афин, иноземцы были объединены с афинянами. Устанавливая для этих последних обязательность труда, конституция устанавливала в их пользу и ряд привилегий: так, в основном только для их торговли предназначался внутренний рынок [1]. Даже более: закон разрешал иностранцам право жительства только под известными условиями — они должны были вписаться в общественные списки и стать под покровительство какого-либо гражданина [2]. Эта двойная гарантия влекла за собой два вида обязательств — по отношению к патрону и по отношению к государству. Иностранцы, ставшие метеками (поселившиеся в Афинах), по отношению к своему патрону имели определенные обязательства частного характера; по отношению к государству они были обязаны, во-первых, платить ежегодный налог в 12 драхм, так называемый метойкион, обыкновенные подати в такой пропорции, которая сближала их, как бы они

ни были бедны, с классом самых богатых[3]; во-вторых, делать экстраординарные взносы для устройства игр и празднеств; кроме того они были обязаны лично служить во флоте и даже в гоплитах. Для того чтобы напомнить метекам, что они не афиняне, на празднике великих панафиней — а это был праздник объединения всех афинян как таковых, — метекам было предписано выполнять известные обязанности рабов: мужчины должны были нести сосуды, нужные для возлияний и жертв, женщины — урны с водой или зонтики, которыми они должны были закрывать от солнца афинянок[4]. Ксенофонт от их имени поднимает протест и требует уничтожения части этих повинностей. Он хочет, чтобы патронаж над ними в некотором отношении был похож на опеку над сиротами[5]; чтобы государство, удовольствовавшись ежегодным налогом, освободило их от несения военной службы (почет слишком обременительный, принимая во внимание их производственную работу) и от выполнения тех услуг, единственной целью которых было повидимому унизить их, напомнить им об их подчиненном положении[6]. Он предлагал также уступить метекам определенные участки в черте города, оставшиеся незанятыми, с правом построить там для себя дома[7]; эти меры должны были иметь результатом привлечение большего числа метеков в Афины и таким образом вести к росту благосостояния государства.

Из этих повинностей метеков ничего не было уничтожено; выполнения их продолжали требовать со всей суровостью. Малейшее уклонение от них встречалось со всей строгостью законов. Преследовали судом апростасию, т. е. как уклонение от выбора себе патрона среди граждан, так и попытки освободиться от его надзора. Если метек не вписывался в общественные списки, он заключался в тюрьму; если он не уплатил обычных налогов, он продавался[8]. Никакого поручительства не допускалось до суда, а в случае оправдания судом он мог быть снова арестован как подкупивший судей[9]. Метеки, выполнявшие все предписания закона, пользовались с его стороны покровительством в своих занятиях ремеслами и торговлей; и во многих случаях условия, на которых они пользовались жилищами, были очень смягчены. Метеки могли быть освобождены от специальных податей и приравнены в отношении налогов к остальным гражданам (исотелия)[10]; иногда даже они получали права полного гражданства[11]. Таким образом, несмотря на обязательства, унижающие их положение, несмотря на все придирчивые требования и зачастую на оскорбления со стороны афинского народа, положение метеков не было хуже положения периэков в Лаконии. Хотя никакой закон

о рабстве их не задерживал насильственно в стране, их всегда было много в Афинах, где они занимались торговлей и разного года ремеслами. В эпоху переписи Деметрия из Фалеры они составляли половину всего числа граждан [12].

Однако не этот класс трудящихся являлся наиболее опасным конкурентом для демократического слоя граждан. Находясь под ревнивым надзором закона, ограниченные в своем количестве, увеличить или уменьшить которое по мере необходимости государство имело право, они могли смешаться с афинским населением без опасности поглотить его своей численностью, стимулируя его активность и его рвение, никогда не угрожая подавить его своими успехами. Но наряду со свободным трудом граждан или метеков был еще труд рабов, подчиненных воле господина вне контроля государства и оставленных на произвол всех случайностей эксплоатации,— сила подвижная и удобная, которую можно было также увеличить или уменьшить, исходя из частных интересов, а не в меру общественной необходимости. При наличии государственной власти, которая претендовала на исключительное право распоряжаться рабами для обслуживания общины, класс свободных пришел в упадок от безделья, от бесплодной обособленности. Под властью закона, который звал граждан к труду и предоставлял им свободное распоряжение рабами, они стали вырождаться в условиях крайнего богатства и крайней бедности. Таким образом рабство, это мнимое средство античной цивилизации, было для греческого общества при всяких формах республик действительной причиной деморализации и смерти. Из всего этого остается сделать только выводы; но для того чтобы не остался без внимания и анализа ни один из фактов, на которых основываются эти выводы, я дам, так же как я сделал это для Спарты, полную картину рабства как в Афинах, так и у других народов, которые развились при тех же условиях и, если так можно сказать, по тому же закону. Я изложу последовательно источники, откуда получали рабов, отдельные случаи и причины их использования, их стоимость, их численность сравнительно с свободным населением. Мы тотчас же увидим, в какое положение их ставили обычай, закон, общественное мнение, и тогда только мы будем в состоянии оценить, какую роль играло рабство в движении человечества, то двойное влияние, которое оно должно было оказать на классы порабощенные и на те, которые над ними властвовали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИСТОЧНИКИ РАБСТВА В ГРЕЦИИ

До наших дней те, которые хотят оправдать рабство в колониях, противопоставляя себя «филантропам» в качестве защитников культуры, объявляют его средством, при помощи которого негритянская раса получает возможность участвовать в высоких судьбах расы белой. В таком вынужденном порядке приобщается негритянская раса к цивилизации, необходимости в которой она сама никогда не почувствовала бы. В древности даже не прибегали к таким «благопристойным» мотивам, стараясь скрыть принцип насилия и расчеты на выгоду, которые везде и всегда были истинной причиной рабства. Греки, а после них и римляне прежде всего брали себе рабов из наиболее культурных племен и народов; они гораздо менее ценили настоящих варваров и удовлетворялись ими только тогда, когда других нехватало.

1

Рабы, которыми уже владели, были первым источником, откуда пополнялось рабское население благодаря рождению: это было одно из следствий твердо установившихся принципов. Закон, который отнял у человека право распоряжаться самим собой, тем более не был расположен дать ему право распоряжаться своими детьми. Он жил для своего господина, он работал, он наживал для него, и это состояние человека, нравственно изуродованного и глубоко павшего, переходило и на его потомство со всеми ограничениями, которые из этого вытекали. Человек так сказал; природе оставалось повиноваться. Но во всяком случае этот источник (рабства), который кажется наиболее естест-

венным, не был наиболее общим. Так было в древности, так оно было и у современных народов, пока торговля рабами оставалась без перемен: среди рабов мужчины были гораздо более многочисленны, чем женщины; женщина, менее выносливая в труде, была наиболее пригодна для работ внутри дома. Уже прежде всего с этой точки зрения отношения между обоими полами были ограничены, и даже в этих границах они обыкновенно не имели формы правильных брачных соединений: когда хозяева разрешали браки, они делали это скорее из расположения к хорошему рабу, чем из соображений спекуляции [1]. Так в основном было в этих городах, более торговых, чем земледельческих, где гораздо более выгоды находили в продуктах ремесла, не знавшего соперников, чем в *естественных продуктах,* так легко приобретаемых путем обмена. Исключая известные могущественные дома, где масса рабов, лучше подобранная, работала более производительно, а дети их могли быть воспитаны вместе с ними без больших расходов [2], считалось более выгодным покупать раба уже взрослого и сильного, чем подвергаться всякому риску, воспитывая его с первых дней жизни до возраста, когда он сможет работать. Надо прибавить к этому, что такие рабы, стоившие так дорого, в смысле труда ценились не выше других; но они, пользуясь доверием или расположением хозяина, могли носить другое звание: в актах об отпуске на волю под видом продажи божеству, в актах выкупа, условия, следствия и формы которых мы увидим дальше, они фигурируют в очень большом числе под общим именем «*рожденных в доме*» (*οἰκογενής*)[3]. Во всяком случае, нужно прямо сказать, что прошли уже те времена, описанные Гомером, когда дети рабыни, воспитанные в недрах семьи, были некоторым образом как бы усыновлены и приняты в ее члены. С тех пор как более значительное расстояние стало отделять хозяина от его слуг, с тех пор как и самый характер этих последних, по естественным причинам, снизился до уровня их класса, воспитанного в этой испорченной атмосфере рабства, раб, рожденный дома, слишком часто был самым дурным и самым бесполезным. Одно из имен, которым его называли — οἰκοτριβής («трущийся дома, лодырь»), — стало в переносном смысле применяться как выражение крайнего презрения [4].

Итак, рабская масса набиралась главным образом из среды свободных классов; ис.очники для этого имелись как в самой Греции, так и вне ее.

Обычай относился в общем терпимо к продаже детей, исключая Аттики, где закон Солона ограничил ее только

дочерьми, которые позволили себя совратить[5]. Обычай позволял также подкидывать детей, исключая Фивы, где в подобных случаях закон, наоборот, заставлял их продавать, при участии магистрата, с составлением подлинного акта, первому желающему гражданину, какую бы маленькую цену он ни предложил[6]. Но везде в других местах придерживались обычая подкидывания — этого ужасного злоупотребления, которое, не желая отдавать детей законным образом в рабство, тем не менее ставило их перед роковой альтернативой смерти или рабства, часто худшего, чем смерть; и нужно думать, что примеры подобного рода составляли довольно частое и обычное явление в жизни, если они так часто служили предметом развязки в комедии[7]. Бедность, которая заставляла иногда продавать или подкидывать детей, принуждала также свободного гражданина продавать самого себя[8]. Независимо от этого двойного источника, вытекающего из недр самой семьи, рабство могло быть результатом действия самого закона. До Солона должник отвечал свободой за свой долг[9]; с тех пор иноземцев в Афинах, метеков, всегда держали под угрозой наказания рабством, если они не исполняли обязанностей своего сословия или когда они обманным образом проникали при помощи брака в семью гражданина[10].

Наиболее богатым источником, поставлявшим рабов, был всегда первичный источник рабства: война и морской разбой[11]. Троянская война и наиболее древние войны греков по азиатскому и фракийскому побережьям дали им многочисленных пленников. Когда они основали колонии, то постоянные отношения, в которых они находились с местными жителями, продолжали поддерживать прилив рабов за счет тех же местных жителей; рабство как результат войны казалось вполне законным; по словам Аристотеля, сама война казалась законной при единственной цели — сделать побежденных рабами. Аристотель не претендовал, как в наши дни, при помощи порабощения довести побежденных до культуры, — античность, как мы видели, презирала эту маску филантропии, — нет, он просто видел в них людей низшей породы и потому предназначенных служить людям более просвещенным и более высокой культуры[12]. Но конечно рабство и неволя находили своих жертв не только среди «варваров». С троянской войны до войн персидских, с персидских войн до эпохи Александра или, лучше сказать, до последних дней существования Греции войны чаще всего происходили между греками; а пленение побежденных вело у них к рабству. Я не говорю о тех, кого превратности войны отняли у их прежних господ: они были уже

рабами и тем самым они ничем не отличались от стад и других вещей, которые составляли часть добычи [13]; но часто даже свободные люди ставились в такое положение. Так, можно даже не вспоминать о народах, порабощенных Спартой и другими племенами, укрепившимися в стране после завоевания: сами спартиаты были рабами у тегейцев, отягченные теми цепями, которые они приготовили для них [14]; в Сицилии Гиерон, владыка Мегары Гиблейской, продал все бедное население за пределы страны и т. д., и т. п. [15]. Войны, которые следовали за борьбой против персов, те войны, которые послужили прелюдией к великой внутригреческой борьбе, дают нам новые примеры того же явления [16], а пелопоннесская война, пробудив во всех жажду борьбы и сражений, оставила после себя повсюду разрушение или рабство. Жители Платеи, которые сдались спартанцам, были вырезаны, а их женщины обращены в рабство [17]; жители Мелоса, которые сдались афинянам, испытали ту же судьбу [18]; в Сикионе [19], в Тороне [20], в двадцати других местах мужчины как правило избивались или изгонялись, женщины и дети обращались в рабство; и афиняне, родоначальники и вдохновители таких насилий, сами не раз подвергались такому же возмездию. Самосцы, которых афиняне заклеймили печатью рабства и еще насмехались над ними с подмостков их же театра (самосский народ был «ученый»), выжгли на лбу своих пленников афинского происхождения фигуру совы. А после разгрома сицилийской экспедиции, этого тяжкого искупления за высокомерное благополучие, те, которые могли избегнуть каменоломен, были проданы в рабство и заклеймены печатью со знаком лошади [21]. Можно было видеть не только, как соперничающие народы взаимно разоряют друг друга: можно было видеть, как братья порабощают братьев. На Коркире, где особенно полно выявился весь ужас этой братоубийственной войны, избиение и порабощение поочередно уничтожали обе враждующие партии [22]. Вожди более податливые подчинялись при таких обстоятельствах настроениям толпы. После взятия Метимны—города, бывшего на стороне Афин, союзники настаивали перед Калликратидом, чтобы он продал в рабство всех ее жителей. Калликратид им в этом отказал, заявив с негодованием, что, пока он главнокомандующий, ни один грек не будет обращен в рабство. Действительно, он отпустил метимнейцев на свободу, считая, что конечно этим актом снисходительности он скорее завоюет их на сторону Спарты. Но всех афинян, которые составляли гарнизон города, Калликратид продал вместе с рабами [23].

Эти побуждения Калликратида, столь редко встречаю-

щиеся в истории, которым он так мало следовал сам в позднейших истребительных войнах, при новых столкновениях, продолжавшихся между греческими республиками, философы пытались воскресить и сделать их принципом дальнейшей общественной жизни, внедрить их в нравы населения. И, как говорят, это стало правилом для Эпаминонда и Пелопида в тех войнах, которые они предприняли во имя независимости и главенства Фив [24]; но после них такие настроения были забыты. Попросту следовали аксиоме, на которую намекает Сократ, что несправедливо обращать в рабство друзей и справедливо обращать в рабство врагов [25], не подчеркивая того, что греки для греков являются братьями. Сам Филипп, хотя он вышел из школы Эпаминонда и политически был очень выдержан, даже он не следовал его благородному примеру, обращая в рабство тех, которые с оружием в руках боролись против его поползновений на гегемонию. Так, жители Олинфа, после того как был взят их город, были проданы на *публичных аукционах;* и во время празднеств, справлявшихся в честь этой победы, греки старались получить свою долю из числа тех, которые оставались еще в руках царя [26].

Рабство нависло над головами всех. И тщетны были восклицания, подобные восклицанию Елены у Феодекта:

Рожденной с двух сторон от божеских ветвей,
Кто дать решится мне название рабы? [27]

Самые знатные, говорили моралисты, должны помнить, что они всегда могут попасть под иго рабства. Предания гомеровских поэм, к которым прибегали, чтобы поддержать это положение, напоминали о фактах, которые не переставали быть верными: старая Гекуба, принужденная пройти путь от трона до могилы через рабство; Андромаха, волею победы доставшаяся как добыча сыну того, кто был убийцей Гектора; Кассандра и дочери самых знатных фамилий, переносящие все несчастия рабства и дополнительно весь тот особый позор, который доставался на долю их юности и красоты; все эти великие несчастливицы, которых трагики выводили в своих пьесах [28], представляли всегда жизненный интерес. Жертвы греков, эти благородные женщины были гречанками как по своим чувствам, так и по своему языку. Скорбь троянок, уведенных далеко от их родины, будила в сердцах многих людей их собственные воспоминания [29]. Для скольких из них рождало своего рода роковое предчувствие трогательное прощание, которое Эврипид вкладывает в уста пленных женщин! «О, друг мой, о, супруг! Твоя тень блуждает здесь, на этих скорбных берегах, не получив почетных

возлияний и погребального костра; а меня — меня уносит корабль на своих быстрых крыльях туда, к равнинам Аргоса, где поднимаются до самых облаков массивные циклопические стены! И наши дети — их было много — орошают слезами порог дверей, стонут и кричат, кричат: «О, мать моя! Увы, увы!»[30]. А слова Гекубы:

Увы, увы! Какое зло рабою быть!
Терпеть приходится, чего терпеть нельзя:
Насилие сломило нас[31].

Разве эти слова нельзя отнести, например, к молодому Федону, обреченному на разврат гнусным хозяином, а затем купленному Кебетом?[32]. Он заслужил, чтобы Платон поставил его обесчещенное имя над самым прекрасным, самым чистым из своих диалогов, посвященных рассказу о смерти Сократа, доказательству бессмертия души. Сам Платон был продан по приказу тирана Дионисия[33] на остров Эгину; также и ряд других философов, не считая Диогена-киника, были рабами[34]. Эти великие несчастия порой вызывали акты трогательного милосердия. Стольким примерам злоупотребления силой с чувством глубокого удовлетворения можно противопоставить поступок философа Бианта, который, выкупив пленных молодых мессенянок, воспитал их как своих дочерей, дал им приданое и отправил их на родину, к их родителям. Они рассказали, что сделал для них Биант, и добились того, что ему был присужден медный треножник, найденный афинскими рыбаками, треножник, на котором стояла надпись: «Мудрому»[35]. Никто больше его не заслужил этой награды.

Если не считать этих отдельных примеров, Афины, это государство Греции, которое по легкомыслию совершило преступлений, может быть, больше других, но у которого в конце концов было больше сердца, чем у других, внесли некоторые гарантии в положение пленных. Закон оратора Ликурга запрещал афинянам или всякому, кто жил среди них, продавать военнопленного без разрешения его первого хозяина[36]. Удерживая пленного в положении раба, ему повидимому давали возможность более легкого возвращения на свободу.

2

Война пополняла ряды рабов, но с известными перерывами; морской разбой содействовал этому более постоянно и непрерывно. Этот обычай, который в Греции предшествовал торговле и сопутствовал первым попыткам море-

плавания, не прекратился даже тогда, когда сношения между народами стали более регулярными и цивилизация более широко распространенной; нужда в рабах, ставшая более распространенной, стимулировала активность пиратов приманкой более высокой прибыли. Какую легкость для этого представляли и край, окруженный морем, и берега, почти всюду доступные, и острова, рассеянные по всему морю! Тот ужас, который североафриканские варварийцы не так давно распространяли по берегам Средиземного моря благодаря своим быстрым и непредвиденным высадкам, царил повседневно и повсеместно в Греции [1]. Одна надпись из Аморга, довольно старая (конец III или начало II в. до н. э.), рассказывает об одном из этих инцидентов, столь обычных в жизни древних народов, слишком обычных, чтобы история их старательно собирала: «Пираты ночью наводнили страну и взяли в плен молодых девушек, женщин и других, числом более тридцати. Гегесипп и Антипапп, которые сами находились среди пленных, убедили начальника пиратов вернуть свободных людей и некоторых из вольноотпущенников и рабов, предлагая себя как гарантию (исполнения данных обещаний) и проявляя крайнее рвение, чтобы помешать тому, чтобы кто-либо из граждан и гражданок был распределен как часть добычи, или продан, или испытал что-либо недостойное их положения» [2].

Им был назначен в награду венок. Сама приведенная надпись является декретом народа в их честь.

Раб или свободный — все годилось для пирата. Но свободный был более желателен. Не столько принималось во внимание, каким достоинством или какой силой он обладал, сколько было важно, какая цена может быть предложена за его свободу из его личных средств. Морской разбой, хотя и поставленный вне закона, имел свой законный способ действия: свободный гражданин, будучи продан, становился рабом того, кому он должен был возместить заплаченную за свой выкуп сумму. Таким образом Никострат, который вышел в море, чтобы поймать трех своих беглых рабов, попал в руки пиратов, был доставлен в Эгину и продан. Его выкуп стоил ему не меньше 26 мин, и он должен был бы сделаться рабом, если бы не нашел средства вернуть то, что ему ссудили, чтобы заплатить этот выкуп [3]. Это был поразительный закон, который, борясь с морскими разбойниками, в то же время покровительствовал их торговле под прикрытием подставного лица или укрывателя. В конце концов пираты становились также и корсарами, и государства давали им каперские свидетельства на право похищения людей враждебного племени, если государства сами не по-

сылали свои корабли для подобного рода разбойничьих набегов[4].

Морской разбой проявлялся не только в этих формах и под этим прикрытием военных действий: он действовал в недрах самих городов при помощи хитрости и тайных средств. Люди, которым дали имя андраподистов («делателей рабов»)[5], а также женщины занимались этим гнусным ремеслом, похищая детей во время игр или на празднествах, если бедность не отдавала детей в их руки, выставляя их по большим дорогам[6]. Одна из пьес Антифана выводила на сцену некоего сирийца с отвратительным характером, привезшего в Афины мальчика и его сестру, которых он похитил у их родителей[7] (явление очень частое в жизни и нашедшее отражение на сцене). Зло это было тем больше, что враг оставался как бы невидимым. Государства принимали иногда меры, чтобы добраться до похитителей и их задержать. Трибунал «одиннадцати» в Афинах имел в своем ведении между прочим и заботу отыскивать таких похитителей и наказывать их преступления[8]; для того чтобы возможно скорее предупредить последствия такого похищения, было разрешено вмешиваться в пользу лиц, которых уводят в рабство, чтобы обеспечить им предварительную свободу[9].

Торговля была другим источником рабства, источником производным, к которому в сущности приводили все другие пути. Она питалась главным образом поступлениями из стран внегреческих, где внутренние войны, победа, злоупотребление отцовской властью или произвол царей поражали местных жителей тяжестью этого отвратительного налога. Все побережья, где цвели греческие колонии, были данниками этой торговли. Сирия и области Малой Азии, Понт, Фригия, Лидия посылали целыми толпами рабов на их рынки[10]. Фракия в некотором роде стала страной рабов, как Фессалия — страной купцов[11]: фракийцы, по словам Геродота, продавали иностранным купцам своих собственных детей. Египет точно так же доставлял в Грецию своих жителей в качестве рабов для черной работы[12] и своих чернокожих—как рабов для роскоши[13]. Подводя итоги, мы видим, что Запад доставлял довольно мало рабов; в дельфийских надписях, которые в сущности все относятся ко II или III вв. до н. э., мы находим только одного италийца, одного самнита, одного лукана, двух женщин из Месапии и из Бруциума и даже одну римлянку[14]. Наоборот, Север и Восток оспаривали друг у друга первенство. Но человек с Севера был груб и необразован; иногда он любил свою свободу с какой-то дикой страстью; так, пленные женщины из Дар-

даны бросали в море своих детей, чтобы избавить их от рабства[15]; скифы, фракийцы, равно как галлы и иберы, мужчины и женщины, иногда убивали себя или своих детей, чтобы избавить их от власти врагов[16]; точно так же и Македония была той страной, из которой нельзя было получить хорошего раба, — упрек, который Демосфен бросает Филиппу, который впрочем предпочитал сохранять своих подданных для другой роли[17]. Такими людьми дорожили мало, их часто посылали на такие работы, где их развития было достаточно и где их строптивость могла быть усмирена; но очень ценили рабов из Азии—народ, приученный к повиновению привычкой к деспотическому управлению[18] и подготовленный для служения искусствам или потребностям роскоши благодаря влиянию восточных цивилизаций или, может быть, благодаря влиянию Греции, распространявшемуся на наиболее близкие к ней страны Востока. Имена рабов у комиков указывают на их различное происхождение, и в связи с тем, насколько часто употребляются те или другие имена, можно установить относительную пропорцию каждой страны в доставке рабов. Это название той самой страны, откуда они происходят: Фракка[19] — женщина из Фракии, Лид, Фриг, Сирвот—наиболее обычные имена; немного реже — Киликс, Миз, Дориас; имена Гета и Дав (человек из Дакии) очень употребительны в более позднюю эпоху; имеются имена действительно национальные: таковы Манес, указывающий на лидийца, Мидас — на фригийца, Тибий — на пафлагонца, Карион — на карийца[20].

С этой точки зрения дельфийские надписи, правда, для ограниченной области и для определенного отрезка времени (II и III вв. до н. э.), дают нам возможность прямого контроля. Приблизительно на 300 надписей, где отмечено происхождение раба, мы находим 18 фракийцев — 7 мужчин и 11 женщин; 15 сирийцев, из которых 10 женщин; фригийцы и лидийцы менее многочисленны: по одному мужчине и женщине из каждой страны; 7 галатов — все мужчины; 3 каппадокийца; 3 армянина и 1 армянка; 1 иллириец и 3 иллириянки; 1 мужчина и 2 женщины из области сарматов, 1 женщина из бастарнов, 2 араба, 1 еврей и 1 еврейка. Мизия, Вифиния, страна тибаренов, Меотида, Сидон, Кипр, Египет — каждая область фигурирует в лице одного раба. И здесь, как и в комедии, мы найдем, что имя страны становится собственным именем, является обычно как бы знаком происхождения: Мид или Мида, Лид, Армен, Карион, Эолис, Ион, Родион. Однако не следует думать, что иноземные рабы носят только имя их страны или эти варварские имена. Мы читаем имя Битис, данное фракийцу, и имя

Родион, данное молодой девушке, рожденной в доме. Многие из них — фракийцы, бастарны, армяне, галаты, арабы, сирийцы — носят имена чисто греческие. Хозяева давали им имя по своей фантазии, и некоторые из них, меняя господина, меняли в то же время и имя [21].

Восточные рабы были наиболее ценимыми среди остальных варваров, но они в свою очередь уступали первое место другим, рабам греческого происхождения. Среди дельфийских надписей, о которых я только что говорил, мы находим довольно большое число рабов местного, греческого, происхождения или выходцев из греческих колоний. Македония (это Македония после Филиппа и Александра!), Пэония, Эпир, страна перребов и афамантов, Беотия и особенно Элатея и один из городов Оропа (Макета), Фокида, Локрида (Амфисса и Опунт), Эвбейская Халкида, Мегара, Лакония, Гераклея Понтийская, Александрия, Апамея и т. д. — все они значатся в надписях на стенах святилища Аполлона как родина рабов (даже Лакония дает 6 мужчин и 3 женщин!). Это не иноземные рабы, привезенные из этих стран; это местные жители, обращенные в рабство, как можно это заключить из общей формулировки этих надписей и как это специально указывается в нескольких случаях[22]. Но этим не ограничивалось участие Греции в ужасах рабства. Греки, сделавшие восточные народы своими данниками, сами в свою очередь платили им ту же позорную дань своими детьми [23]: именно к ним азиатские сластолюбцы и маленькие царьки посылали приобретать себе рабов для своих удовольствий и празднеств. Пелопоннес давал гетер, Иония — музыкантш, вся Греция в общем давала тех молодых девушек, которые в качестве танцовщиц или флейтисток претерпевали общую участь [24]. Наряду с греками из этой позорной торговли извлекали выгоду сирийские купцы и другие иностранцы. Вслед за победителями они входили в занятые города, они приходили и в мирное время в расчете на силу нищеты и золота [25], стараясь подстеречь и обмануть бедняка, чтобы вырвать у него его детей. Среди многочисленных случаев, которые закон или игнорировал или на которые он не мог наложить своей руки, мы находим (в речи против Неэры) вольноотпущенницу Никерату, умевшую очень хорошо разбираться в том, кто из маленьких девочек самого юного возраста будет отличаться красотой. Она покупала их, чтобы перепродавать с барышом, торгуя ими, когда они были еще совсем юными [26]. Но этого мало; нужно ли еще говорить об этих отвратительных приемах, которые применяли даже к детям, для того чтобы заставить их служить развратникам и женщинам [27];

или о молодых девушках, которые подвергались такому обхождению, имени которому нет на человеческом языке, для того чтобы дольше сохранить у них цвет красоты и юности за счет обременяющей плодовитости[28].

Афины, которые выслеживали похитителей свободных людей (ἀνδραποδισταί), покровительствовали торговцам рабами (ἀνδραποδοκάπηλοι)[29] всякий раз, когда они не могли выявить в их лице указанных выше похитителей. Было запрещено обижать их под страхом исключения из граждан[30]. Причина этого специального покровительства заключалась в тех выгодах, которые отсюда извлекало государство: торговля рабами была обложена крупным налогом, а Афины являлись одним из главных мест этой торговли. Афины находили себе соперников в торговле подобного рода только на известных рынках Азии, более близких к обычным источникам рабства, на Кипре, Самосе, в Эфесе и главным образом на Хиосе, где, по Феопомпу, впервые начали если не пользоваться покупными рабами, то по крайней мере ими торговать[31]. Лукиан в своем «Аукционе душ» и Плануда, описывая жизнь Эзопа, рисуют много примеров из практики такой торговли, которые они вероятно подметили в обычаях Рима и которая тем не менее была в ходу и в Греции. Действительно, во все времена купец отличался способностью выставлять особенно ярко наиболее благоприятные качества своих рабов или скрывать их недостатки: уродливый раб, например Эзоп, ловко помещенный в группе других рабов, контрастом своей уродливости давал возможность подчеркнуть красивую фигуру своих сотоварищей; или, например, внимание публики привлекала блестящая одежда рабов[32]. С своей стороны и покупатель применял меры предосторожности против слишком хорошо известных приемов обмана и не давал себя провести внешним блеском: он заставлял рабов раздеваться, рассматривал и оценивал их, заставлял их ходить, прыгать, бегать, совершенно так же, как при покупке лошадей[33]; у них тоже были пороки, которые давали право на расторжение сделки[34].

Все это происходило на народной площади в Афинах. Посредине, говорит Гесихий, было огороженное пространство (κύκλος, περίβολος), где продавали домашнюю утварь и живые тела (σκευὴ καὶ σώματα)[35]: так назывались люди. Дошли даже до того, что у раба отрицали существование души. Как у преступников, которых лишали человеческого достоинства, прежде чем поставить их к позорному столбу, так повидимому и у рабов хотели уничтожить все человеческие черты, чтобы уподобить их на этих позорных рынках обыкновенным животным. Это лишение раба человече-

ского достоинства является самым ярким обвинением против рабства. Если человека нельзя подвергнуть этому возмутительному обращению, не извращая его природы, то значит сама природа отвергает рабство. И обычаи Афин и всей древности, которая приняла их и практиковала без зазрения совести, ничуть не оправдывают его. Кто не знает, насколько выгода и интерес заставляют быть изобретательными, для того чтобы скрываться под маской справедливости, умело подменяя полезность понятием справедливости? Кто не знает, как личный интерес может подменять одни понятия другими, как бы ни было велико расстояние между ними? И как удивляться, что грек, столь гордый своим умственным развитием, столь ревниво относившийся к своей свободе от труда, поддерживал под этими предлогами рабство по крайней мере для иноземных народов, если во времена христианства, проповедующего учение об образе и подобии всех народов Адаму, о равенстве всех людей во христе, могло восстановиться рабство со всеми теми последствиями бесчестия, которые неизбежно связаны с его природой? Нет, современность ни в чем не может упрекать древний мир. Если Афины, при всем своем презрении к ним, поддерживали торговцев рабами, то христианские государства сами стали торговцами, потребовав для себя монополии этой торговли, от которой потом они отказывались в чью-либо пользу, в знак милости, или продавали за деньги. И в пределах одной только Франции все эти государственные грамоты, которыми королевская власть узаконивала общества для торговли рабами, эти почти королевские гербы, которыми они украшены, эти наследственные титулы, обещанные тем, кто будет с успехом вести такую торговлю, все эти привилегии с обязательством ввозить ежегодно определенное число негров в колонии; эти премии, назначенные за ввоз рабов; все эти налоги, взимаемые с каждой головы при продаже в розницу, в период свободы торговли, — не являются ли они в такой же степени актами соучастия благодаря поощрительным премиям и покровительству? [36] Как и рабы в древности, негры становятся объектом торговли; за них платят таможенные пошлины, менее льготные, чем за золотой песок; во многих местах их помечают в торговых книгах как товар, их клеймят раскаленным железом — древние пользовались для этого мелом. Где больше бесчеловечности, среди древних или среди наших христианских народов, которые в лице своих правительств, отрекаясь от прошлого, торжественно осуждали все это как преступление? Нужно ли рассказывать все эти обычные эпизоды торга рабами, подтвержденные слишком многими

свидетелями, чтобы не быть истинными? Страдания при доставке на берег, случаи голодной смерти, установленная смертность в количестве 50%, выбрасывание рабов в море, когда при преследованиях была неизбежна потеря «товара»,—вот чего не знала древность и что дал нам XIX век, который показал нам эти ужасы в тем большей степени, чем сильнее преследовалась эта торговля как таковая, не уничтожая самого основного принципа, т. е. рабства. После всего этого можно себе представить, на много ли лучше рынки Бразилии и Гаванны, чем площадь Афин. Но даже в тех колониях, где торговля рабами не существовала, тем не менее раб был объектом торговли. Негры были всегда продажными вещами, наряду с животными и другим движимым имуществом; при молчаливом попустительстве законов все гарантии предоставлялись покупателю против продавца, все способы исследования были дозволены; если к ним прибегали меньше, то это делалось из уважения лично к себе, а не к рабу. Напрасно будет раб носить на своем лбу печать христианского обращения—все равно это вещь, стоящая ровно столько, сколько за нее заплатили как за вещь; как вещь он вступает в дом своего господина, где его и применяют как вещь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБОВ

1

Рабов использовали для обслуживания дома и для различных работ в городе и в деревне.

Обслуживание дома совершенно естественно перешло в руки рабов, как бы мало их ни было. Они исполняли всевозможные обязанности по дому, и нет необходимости приводить тексты в доказательство того, что им поручалась охрана дома, поддержание порядка в нем, покупка провианта, приготовление обеда, служба за столом и т. д.[1] Они служили также провожатыми, иногда даже надсмотрщиками над женщинами[2] и во всяком случае являлись слугами хозяина, которые сопровождали его повсюду, в места исполнения им своих обязанностей, на прогулках, на зрелища и в бани, на охоту, туда, где он занимался своими коммерческими делами или выполнял свои гражданские обязанности, на войну или в посольства[3]. Считалось невозможным обойтись без их услуг, если не путешествовать в компании с таким кудесником, который, прибыв на постоялый двор, брал кол, задвижку двери или палку от метлы, надевал на них одежду и при помощи нескольких слов делал их лакеями, поварами, прекрасными слугами: фокус легкий, но опасный, если в то же время не обладать искусством вновь вернуть этих новоявленных слуг в их прежнее состояние палки и задвижки[4]. Те, которые по своему уму или честности приобретали со стороны своего хозяина большее уважение, использовались для обучения молодых рабов[5], были воспитателями хозяйского сына или управляли делами господина и вели домашнее хозяйство.

Рабы не несли всех забот по внутреннему обиходу дома; женщина продолжала там сохранять свое место. В том уединении, в которое она была поставлена обычаями греческого общества, труд был для нее необходимостью. «Тки свои полотна, — говорит у Аристофана один муж, — а то у тебя заболит голова» [6]. Пословица напоминала ей, что ее дело — ремесло, а не собрания [7]; в «Облаках» жена Стрепсиада, несмотря на любовь к роскоши, не бросала заниматься приготовлением одежды, как это было во времена Гомера [8]. Но в этих работах она не оставалась одинокой; как это было и прежде, рабы приходили ей на помощь [9], и, по мере того как росло довольство и богатство, она увеличивала их число, заставляя мужчин и женщин служить этому своему интересу, этой новой страсти, которая проникла в гинекеи и стремилась проявить себя и во внешней жизни.

Не одного раба подобного рода можно найти в этих нескольких стихах Плавта, которые можно считать переводом с греческого:

Уж тут приведет целый дом:
Та за платьем, та за мазью смотрит, та за золотом,
На руках у этой веер, у другой сандалии,
И шкатулочки у третьей; взад-вперед посыльные
Расхитители запасов кладовой любовника.

Действительно, слишком стремительно было введение [10] эллинских обычаев в нравы Рима, который должен был в будущем превзойти в этом отношении Грецию, но пока еще не сравнялся с ней. Роскошь в домах богачей увеличила число красивых мальчиков, составлявших украшение праздников, — они подавали пирующим воду для омовения рук и раздавали им венки [11], — увеличивала число молодых девушек, как бы украшавших своей миловидностью хозяйку — занятия девушек держали их рядом с нею, — вводила черных рабов из Эфиопии, более редко евнухов [12], и всякого рода рабов, которые при важных событиях пополняли собой кортеж господина. Но нужно предупредить, что только при преемниках Александра подобная роскошь могла безнаказанно выставляться на показ перед глазами афинян [13].

Кроме обслуживания дома рабы обычно использовались на всех видах работ в поле, в ремесле и торговле.

Мы видели, что в аристократических государствах все работы без исключения были возложены на порабощенные племена, потому что все внимание поработителей было обращено на войну и потому что военные упражнения требовали свободного от труда времени. В торговых республиках выполнение земледельческих работ должно было находиться приблизительно в таких же условиях, потому что здесь, есте-

ственно, все внимание поработителей было обращено на торговлю и ремесло. Так было в Коринфе; этот город, во всем остальном столь чуждый дорическому духу, в этом отношении следовал Спарте. Наоборот, Афины очень долго удерживали свой земледельческий характер. Даже под управлением Перикла, когда город, получивший столь высокое политическое значение, обогатившийся торговлей, украшенный произведениями искусства, привлекал к себе всю Грецию, даже тогда афинянин любил жизнь в деревне; Фукидид нарисовал перед нами со всей суровой энергией своего стиля печаль семейств, оторванных от своих очагов при приближении пелопоннесцев и считавших, что они покидают родину, когда им приходилось покидать свои старые поселки. Они не вернулись уже к ним, как в былые времена. Настоящая революция произошла в жизни афинского народа, и хотя много граждан еще удерживало земельную собственность, но стало гораздо более частым явлением применение труда рабов для возделывания ее [14]. В своей книге «Трактат о хозяйстве» («Экономика») Ксенофонт показывает нам Исхомаха и его жену, которые руководили своим имением, но самый труд несли под их надзором управляющий, ключница, работницы [15].

Раб, который почти вытеснил свободного гражданина из полевых работ, начал становиться для него опасным конкурентом также в ремесле и торговле, которые Афины, казалось, хотели сохранить исключительно для своих свободных граждан. То развитие, которое получили эти занятия, и та важная роль, которую рабы стали играть в Афинах, привели к этому изменению. Гражданин, который обогатился трудом, не отказывался совершенно от средств, которые раньше открыли ему путь к богатству; но чтобы еще расширить и укрепить свои предприятия, он занял в них более высокое место. Он больше уже не работал сам — он заставлял работать других; он больше уже не торговал сам — он заставлял торговать других и послужил образцом для знати, которая, не имея больше привилегий кроме своего богатства, не сочла для себя предосудительным прибегнуть к самому верному способу — укрепить вместе со своими богатствами и свое политическое значение. В качестве хозяев ремесленных мастерских или купцов они нашли для себя более выгодным иметь в рабах «инструмент», «орудие» производства для своих предприятий или поверенного во всех своих операциях; и таким образом рабское население, увеличиваясь численно, проникало также и в ту область, которая была предназначена для свободного населения. Стали покупать работника. Никакое помещение денег для всех классов граж-

дан не было более выгодным. Для более богатых это был особый род спекуляции, для других — средство поправить свои дела. По словам Дионисия Галикарнасского, это становилось средством существования [16], а, по словам Сократа в «Воспоминаниях» Ксенофонта, многие находили в использовании рабского труда возможность обогащения и составляли себе такой капитал, который позволял им выполнять все тяготы государственных повинностей [17]. Этим способом многие увеличивали, даже утраивали свои доходы; даже врачи имели рабов, которые от их имени занимались лечением наименее состоятельных граждан [18]. Благодаря такому способу можно было в любой отрасли заниматься каким угодно незнакомым производством; ведь вместе с ремесленной мастерской покупали и заведующего ею, как руководителя всего этого предприятия. Так, Сократ, видя, как гетера Феодота выставляет на показ на себе и на сопровождавшей ее толпе слуг все тогдашнее великолепие и роскошь, спросил ее, есть ли у нее имение, или доходный дом, или рабы, искусные в «ручных работах» (ειροτέχναι) [19]. Вопрос по существу может показаться наивным, но он подчеркивает, что в тех слоях общества, к которым принадлежал философ, такие формы эксплоатации были обычны. Прежде наблюдали, как люди от простого ремесла поднимались до знания и мудрости: Протагор был носильщиком, когда Демокрит угадал в нем философа по его манере складывать дрова [20]. Теперь же можно было видеть, как философы занимаются производством. Эсхин, один из учеников Сократа, приобрел фабрику духов [21]. Хотел ли он на практике применить те уроки по экономике, которые некогда, согласно Ксенофонту, Сократ преподавал Аристарху? Однако это не принесло ему чести, и его пример был плохим доказательством в пользу таких мероприятий. Чтобы пустить в ход свою фабрику, он занял деньги по 3 драхмы с мины, т. е. из 3% месячных, или 36% годовых. Вполне понятно, что при таких условиях он должен был разориться. Равным образом он занял деньги у Лисия из расчета 9 оболов на мину, т. е. 1½% месячных, или 18% годовых [22]. Оратор не говорит, вел ли при таких процентах философ свои дела лучше, но он говорит, что он сам не мог получить с него ни процента, ни капитала [23].

Таких мастерских различного рода, вполне организованных, не требующих ничего кроме денежного вклада, могло быть много в распоряжении одного и того же гражданина. В наследстве Конона одновременно были рабы-позументщики и рабы, выделывавшие лекарства [24]. Отец Демосфена оставил ему два предприятия на полном ходу: одно—оружейное, другое—кроватное [25]; отец Тимарха—девять

или десять кожевников, одну красильщицу в пурпур, которая носила на торговую площадь драгоценные вещи, выходившие из ее рук, искусного вышивальщика и т. д. Кроме того он владел двумя кузницами в Авлоне и во Фрасилле, в районе Лаврийских рудников [26].

Для эксплоатации этих рудников обычно применялись два способа. Согласно одному, тот, кто получал рудники от государства, предоставлял управляющему весь риск, но и всю выгоду предприятия: он давал ему рабов и за твердо установленную плату оставлял ему все плоды их труда, возлагая на него обязанность их кормить [27]. При другом способе владелец рудника сам брал напрокат рабов, нужных для этой работы. Действительно, очень многие, вместо того чтобы самим эксплоатировать какую-либо отрасль торговли или промышленности или давать ее другим на эксплоатацию с использованием своих рабов, предпочитали отдавать рабов напрокат предпринимателям или частным лицам. Людей этого рода, которых часто называют в наших источниках наемными рабочими, было без сомнения не меньше, чем людей свободных, на той афинской площади, где происходил наем работников. Этот способ применялся в наибольшем масштабе. Филонид имел 300 рабов, Гиппоник — 700, а Никий даже 1 000, которых он отдавал напрокат для работы в рудниках. Быть может, отсюда извлекали меньше выгоды, но зато она была более верной. Этот прокат рабов был подобен прокату скота: он гарантировал хозяина от всяких потерь от болезней и даже от бегства рабов, так как наниматель брал на себя обязательство представить их обратно по окончании контракта в том же числе, в каком он получил их [28].

Этот прием применялся не только по отношению к рудникам и ремесленным предприятиям, им пользовались иногда и по отношению к внутридомашнему обслуживанию. Были граждане, которые, применяя известную экономию, вместо того чтобы держать постоянных рабов, из тщеславия нанимали на время лиц, которые должны были сопровождать и охранять их женщин или следовать за ними самими во время их прогулок [29], — очень удобный прием, который и теперь применяется в самых знатных и элегантных домах [30]. Еще чаще практиковался такой прием при экстраординарных обстоятельствах, в дни свадеб и больших празднеств. Так, нанимали поваров, которые приготовляли обед [31] для пиров; танцовщиц и флейтисток, которые появлялись в конце пира. Во все времена музыка и танцы — два искусства, которые философы ставили, можно сказать, в основу греческого образования, — занимали заметное место на праздниках. Но в поэмах Гомера молодые люди в хорово-

дах выказывали гибкость своего тела и изящество движений [32], а старый певец — «аэд», вдохновленный музами, пел о славных подвигах героев, а иногда и о похождениях богов [33]. С тех пор дело сильно переменилось. Производство благодаря рабству нашло даже в этом материал для спекуляции. Молодые девушки сладострастной Ионии и соседних с Пафосом (священным островом «золотой» Афродиты) прибрежий собирались по зову богача в пиршественных залах целыми хороводами; были ли они одеты? Об этом можно спросить, но ответить вполне точно едва ли возможно [34]. Больше того, дети, обученные каким-либо подлым учителем, изображали почти естественно похождения, воспетые Гесиодом в его «Эоях» (ἠοῖαι). Это — обычай, засвидетельствованный, отраженный в комедии всех веков, от Эвполиса и Аристофана до Менандра и Филемона [35], отмеченный сатирой [36], допущенный самой философией. Ксенофонт не видит никакой неловкости вывести этот обычай на пиру, где участвует Сократ. Во всем этом диалоге царит какой-то тон испорченности, от которой лицам, присутствующим тут, даже самому Сократу, едва ли удается очистить все ведущиеся речи. Как раз ведь Сократ просит учителя заставить двух молодых рабов танцовать под условным видом граций, нимф или гор [37], он, который, несмотря на все свои прекрасные речи о небесной любви, является виновником той бесстыдной сцены, которой заканчивается пиршество [38].

Рабов нанимали также и для других дел. Нужно ли говорить о бесчестном промысле Никераты [39], личности вполне достоверной, тем более, что и комедия часто выводила на сцену лиц подобного рода? [40]. Но имеет ли право современное общество бросать обвинение в лицо античному обществу? Являются ли наши «либеральные» времена более нравственными, чем эти времена рабства? По крайней мере у них больше стыдливости. Аспасия, которая была не кем другим, как Никератой высшего тона, Аспасия, которая своим ремеслом (оно не было ни хорошим, ни честным, по словам Плутарха)[41] в некотором отношении как бы оправдывала то, что комики рассказывали о ее личности [42], была подругой и, может быть, женой Перикла, мыслями и планами которого она владела. Она была наставницей целого ряда ораторов[43]. Ее дом служил школой для самого отца греческой философии [44]. Сократ, нравственную чистоту которого мы не подвергаем сомнению (это указывает на широко распространявшуюся порчу общественной нравственности), часто посещал ее со своими друзьями [45]. Его ученики ходили к ней учиться устраивать хорошие браки[46]. Афиняне приводили к ней своих жен [47], вероятно для того, чтобы она сооб-

щила им какие-либо секреты того очарования, которое в ней находили, того дара нравиться, тайной которого она одна владела. Гетеры, как и все остальное, были предметом гражданских сделок. Иногда двое граждан складывались, чтобы приобрести одну гетеру [48], и закон санкционировал статьи этого позорного контракта: ведь он мог дать место судебному процессу [49]. Иногда эти грязные споры решались третейским судьей, который часто привлекался к таким скандальным делам: «Третейские судьи,— говорит Демосфен в цитированной выше речи, — в споре Фриниона и Стефана решили, чтобы она (гетера) принадлежала им поочередно, по два дня каждому; на этих условиях они должны были стать друзьями и забыть прошлое» [50].

2

Рабы для труда и рабы для удовольствия, находившиеся в распоряжении простых граждан для их собственных нужд и чаще в целях спекуляции для нужд других, были иногда и собственностью государства. Солон купил женщин, чтобы основать публичные дома в Афинах [1]; и храмы, главным образом храмы Афродиты, в крупных торговых центрах иногда имели рабов подобного рода под священным именем «гиеродулы» (священные рабыни). Подобно баядеркам современной Индии, они были посвящены тому же культу в Эриксе, в Сицилии, и — если не выходить из пределов Греции — в Коринфе [2]. Благочестие одних, чванство других находило удовольствие приходить на помощь храмам, делая им приношения рабами; это — обычай, который восходил к героическим временам [3], обычай, который подтверждают многие надписи, найденные на стенах святилищ; в конце концов для рабов установилось, как особая форма отпущения на волю, «посвящение богам», своего рода «вольная» под гарантией бога [4]. Этот обычай распространился и на самые храмы и на их рабов. Ксенофонт из Эфеса, отправляясь на олимпийские игры, обещал Афродите своей родины в дар толпу девушек, если он вернется победителем; и ода Пиндара — памятник «вечнее меди» (по словам поэта) — прославляет выполнение им своего обета [5]. В этом храме было собрано более тысячи гетер, которых и мужчины, и женщины обыкновенно посвящали таким образом богине: они способствовали, по словам Страбона, приливу иностранцев и тем увеличивали богатство города, так как многие из иностранцев там окончательно разорялись [6]. Равным образом и в Коринфе гетеры пользовались своего рода общественным уважением. У них были свои собственные празд-

ники[7], и в важных случаях древний обычай доверял им заботу приносить богине обеты за государство[8]. Храм в Эриксе, соперник храма в Коринфе, во времена Диодора Сицилийского процветал более чем когда бы то ни было. Нужно сказать, что он стал таким вследствие благочестивой щедрости римских проконсулов и преторов, «которые засыпали его дарами, и, слагая с себя всю гордость своего важного положения, они предавались до самозабвения играм и сношениям с женщинами, не думая, — прибавляет историк, — что есть для них другая возможность сделать свое присутствие приятным для божества»[9]. Но Страбон уже говорит об этом блеске как о давно исчезнувшем[10]. Неизвестно, под влиянием каких обстоятельств эти места могли так быстро «очиститься» в правление Тиберия.

В свою очередь и города имели своих священных рабов, которые без сомнения выполняли свои обязанности при жертвоприношениях и во время празднеств[11]. Чаще рабы выполняли работы, связанные с потребностями городского благоустройства. На их обязанности лежали общественные работы и даже, по словам Аристотеля, им поручались определенные должности, считающиеся чисто рабскими, тогда, когда государство считало себя достаточно богатым, чтобы их оплачивать[12]. Отсюда определение государственного раба: «посвященный службе при судах (вообще при должностных лицах) или общественным работам»[13]. В Эпидамне все делалось руками государственных рабов, и афинянин Диофант хотел, как говорят, соединить в этой категории всех тех, которые занимались каким-либо ремеслом[14]. В Афинах сверх того было 1 200 скифских стрелков в качестве городской полиции[15] и много других городских рабов[16], число которых Ксенофонт предлагал значительно увеличить, чтобы предоставить государству выгоды от эксплоатации рудников[17]. Рабы частных лиц могли со своей стороны содействовать своим трудом государственным интересам, служа во флоте или в армии. Во флоте их присутствие было явлением обычным. Они служили простыми матросами за счет триерархов, которым надлежало заботиться о снаряжении и поддержании кораблей[18]. В войске мы их обычно находим как рабочих[19] и лишь в виде исключения как солдат, когда к этому вынуждала опасность, угрожавшая государству. Таких примеров мы находим много, начиная с великой эпохи персидских войн вплоть до последних времен Греции, до тяжких дней ее борьбы против римлян. Тогда, так же как в дни Марафона[20], освободили рабов, чтобы заинтересовать их общим делом борьбы за независимость[21]. Но было уже слишком поздно, и победитель Муммий про-

дал на одних и тех же аукционах хозяев, взятых в плен, и рабов, получивших свободу.

Как случилось, что государства были доведены до необходимости доверить рабам заботу о своей защите, давать им знаки отличия и вскоре даровать права гражданства? Это было результатом того, что рабство распространилось на весь жизненный обиход, рабы стали обслуживать семью, взяли на себя заботы о земледелии; в их руках оказались различные виды ремесла и искусства; рабы занимали все низшие ступени государственной службы, вытесняя гражданина; и ничто уже не могло бороться против этой революции, которая в демократических республиках действительно шла на смену старому государственному строю. Чего больше всего здесь боялись, это—численного увеличения членов общин. Законодатели видели в этом затруднение для своих строго установленных конституций, а граждане — уменьшение привилегий, достающихся на долю каждого из них. Как раз при помощи рабов стремились увеличить ресурсы государства; и, в противоположность мнению великих политиков и самых мудрых философов, рабов даже предпочитали поселившимся в стране иностранцам, так как они гарантировали, что исключительно граждане будут пользоваться всеми выгодами от цветущего производства и растущей торговли. Это было плохое предвидение будущего. Даже тем государствам, которые сумели удержать свое свободное население количественно почти неизменным, не удалось сохранить свою прежнюю мощь, так как они не могли защитить характера общественного строя от тех влияний, которые стремились его разрушить; и их рабы, даже еще более многочисленные, не могли дать им нужной дополнительной силы, так как не в союзе с рабами можно сопротивляться свободному народу, каким в день борьбы была Македония, а впоследствии — римляне.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЦЕНА НА РАБОВ

Тот беглый обзор различных обязанностей рабов, который я сделал, позволяет мне подойти к двум новым вопросам: о цене на рабов и об их числе в Греции вообще и в частности в Афинах. Два ученых, стоящих на первом месте по своим научным заслугам,— Бёк в Германии и Летронн во Франции — оба избрали эти вопросы предметом своего исследования: первый — в своей «Политической экономии Афин», второй — в работе о населении Аттики. Это говорит за то, что после них остается сделать уже немного, и повидимому можно было бы ограничиться простым пересказом результатов их исследований. Однако более подробный анализ их работ не будет бесполезным. Опираясь на их эрудицию, руководясь тем методом, который они указали, с таким блеском применяя его в своих изысканиях, новый анализ будет в состоянии в некоторых пунктах изменить их метод доказательств и даже их выводы. Сначала я буду говорить о цене на рабов, отсылая читателя к концу этой главы, если он захочет узнать только окончательные результаты, минуя путь довольно сухих и тяжелых доказательств и анализа [1].

1

В одном из своих диалогов Лукиан, желая выразить ту оценку, которую давали различным философским школам, устраивает публичную продажу и назначает цены на всех философов. Это рынок рабов. Зевс (торговец) старается вывести их в возможно чистом виде, чтобы прельстить этим покупателей, а Гермес (глашатай) созывает публику, устанавливает в порядке толпу продаваемых рабов и открывает аукцион [2].

Пифагореец продается за 10 мин, но его покупает целое общество заморских греков, его адепты из Кротона и Тарента. Сократ без торга приобретается за 2 таланта; стоик Хрисипп, с помощью удивительного искусства и тонкой хитрости, идет за 12 мин. За перипатетика просят двадцать, потому что в нем — два человека: тайный и явный, и кроме того Гермес дает понять, что он может получить немножко золота благодаря своим чудесным секретам; поэтому с назначенной цены сбавляется только 4 мины. Скептик Филон (Пиррон?), ленивый и невежественный, продан за мину; эпикуреец — за 2 мины; это человек компанейский, но дорого стоящий и мало полезный. Киренаик, который объявлял себя способным напиваться вместе с хозяином, не находит себе покупателя, как и прославленная чета, неотделимая друг от друга по своему контрасту,— Демокрит и Гераклит, эти два лика мизантропии. Я забыл Диогена-киника, эту «душу мужского пола», этого гражданина всего мира, который всюду и при всяких обстоятельствах чувствовал себя свободным, как у себя дома, и который по своей нечистоплотности казался способным только на то, чтобы копать землю. Однако Гермес восхваляет его как очень подходящего для обязанностей привратника (эти обязанности не всегда выполняли мужчины); но покупатель боится подобного сторожа; он скорее хочет сделать из него матроса или садовника и предлагает 2 обола. Его ловят на этом слове [3].

В этой игре остроумия, где Лукиан сумел так хорошо подметить обычаи и формы продажи, он повидимому должен был взять за основание различные ставки данного тарифа. Кроме Сократа, который стоит вне конкуренции, и Диогена, за которого была заплачена цена самой плохой собаки [4], остальные расценки держатся в общем в пределах рыночных цен: мы это увидим на дальнейших примерах; но я не думаю, чтобы мы могли извлечь отсюда какие-либо точные указания о стоимости того или другого вида рабов. Мне кажется, что Бёк ошибается, думая найти в оценке Филона — 1 мина — цену людей, предназначенных для работы на мельнице. Тогда на примере Диогена нужно было бы назначить цену в 2 обола за матроса или садовника — такое заключение более соответствовало бы прямому указанию текста. Наоборот, в другом месте покупатель, чтобы заставить Филона итти и доказать скептику свои права как хозяина, грозит ему отослать его на мельницу; отсюда ясно, что он взял его не для этой цели и заплатил за него мину, как за раба ленивого и который ни на что не годится [5].

Одна фраза у Ксенофонта, цитируемая Бёком, дает нам некоторое представление о расценках, которое более подходит к описываемой эпохе.

Желая показать, что в оценке дружбы существует много ступеней, Сократ берет сравнение с продажей рабов: «Среди нас,— говорит он,— один стоит две мины, другой едва полмины; вот этот пять мин, а тот вот даже десять. Больше того: говорят, что Никий заплатил целый талант за заведующего работами в его копях»[6]. Последняя цена является совершенно исключительной, и скромная сумма в полмины тем более не могла быть ценой крепкого, сильного раба. Но цена раба уродливого или бесполезного могла падать еще ниже, как например было с Эзопом[7], который, по преданию, был продан за 60 оболов. Остальные цены, указанные Сократом, должны были являться более обычными. Поищем этому доказательства и посмотрим, к каким различным видам рабов можно отнести подобные цены.

Цена на рабов видоизменялась сообразно с тем, к чему они были пригодны: мужчины, пригодные для работ на мельницах или в копях, были дешевле всего; затем шли рабы, пригодные для какого-нибудь ремесла, и наконец предназначаемые для роскоши или для удовольствий.

Для рабов труда их цена, естественно, определялась тем количеством продукта, который они могли дать. Эти два момента, взаимно друг друга определяя, дают возможность пользоваться ими для взаимной проверки. Так, рабы, нанятые для эксплоатации Лаврийских копей, давали хозяину чистого барыша в день 1 обол, или в год 360 оболов[8]; кроме того предприниматели должны были учесть возможность случайных болезней или бегства рабов, так как по окончании срока контракта они должны были вернуть их в том же числе, в котором они их получили. При 12% на капитал, обычном в Афинах проценте для денежных обязательств, этот доход представлял бы капитал в 3 тысячи оболов, или в 5 мин. Но доход с раба по своей природе является пожизненной рентой. Он должен был не только возместить проценты с покупной цены, но должен был в определенный период времени восстановить и самый капитал, так как этот капитал, помещенный в личности раба, погибал вместе с ним. Чтобы извлечь из раба доходы, соблазнительные и для государства, хозяева должны были из своего капитала извлекать двойной доход сравнительно с обычным. Этот доход, который не был ничуть преувеличенным для большей части рабов, в эпоху, когда можно было поместить капитал без нареканий за большие проценты (18% были вполне законным[9] процентом), не может рас-

сматриваться, как чересчур высокий для рабов в рудниках. Ведь известно, как быстро изнашивалась жизнь рабочего от такого труда в нездоровых[10] местностях. И конечно никто не подумает, что оговорка, которая возлагала на предпринимателя обязательство вернуть по окончании договора то же число рабов, могла установить к выгоде хозяина действительную «вечную ренту». Если несчастные случаи шли за счет предпринимателя, то, без сомнения, при периодическом возобновлении контракта использование и физическое ослабление раба относило эти убытки за счет хозяина. При 24% 360 оболов ежегодной выручки представляют стоимость в 250 драхм, или 2½ мины, за раба; и если хоть немного поднять отношение дохода к капиталу (например процентов 20—30), цена раба должна была упасть еще несколько ниже. Вот какой вывод повидимому мы можем сделать из текста Ксенофонта. Приведя примеры Никия и других, которые нанимали себе рабов из расчета одного обола в день, предлагая государству тот же план финансовой операции, автор говорит: «Если объединить 1 200 рабов, то в пять или шесть лет один доход с них даст не меньше шести тысяч»[11]. Допустим, как это вполне позволяет продолжение фразы, что государство уже владеет или приобретает на свои собственные деньги первые 1 200 рабов и что доход с них будет употребляться начиная с конца первого же года на приобретение новых рабов; так как этот доход с каждым годом возрастает и в той же пропорции возрастает число приобретаемых рабов, то можно будет в пять лет приобрести 6 тысяч рабов по 122-123 драхмы, а в шесть лет—по 193-194 драхмы[12]. Так как Ксенофонт должен был показать возможность реализации своей системы в самом близком будущем, то наиболее близким к истине будет срок, наиболее отдаленный, который он указывает, а именно 6 лет, который предполагает стоимость раба в 194 драхмы; и если допустить, что автор, сам того не замечая, несколько преуменьшает обычные цены, чтобы уложить их в свои сметы, то, как можно заключить, реальной ценой раба будет 200 драхм, или 2 мины[13].

Две цены, довольно близкие друг к другу, установленные выше (одна — стоимость общей продукции довольно значительного числа рабов, другая — полная стоимость еще большего количества), являются неизбежно средними ценами. Это говорит за то, что индивидуальные цены могут быть ниже и выше этой нормы. И действительно, в этой массе людей было много ступеней в зависимости от производственной работы, начиная от рабов, которые были заняты копанием ям и траншей, чтобы получить руду, и кончая

теми, которые в мастерских обрабатывали это сырье и выделяли чистое серебро. Итак, существовало заметное различие в продукции, даваемой рабами, и в их стоимости, различие, которое не давало себя чувствовать, когда составлялись сметы на аренду и покупку в большом масштабе, но которое должно было быть учтено при договорах менее общего значения. В одной из речей Демосфена, в которой Бёк думает найти указание на менее высокую цену на рабов этого рода, мне кажется, наоборот, указывается для них более высокая цена. Чтобы можно было судить об этом, разобравшись во всех обстоятельствах, я изложу это дело, о котором идет речь.

Пантенет поручил Мнесиклу приобрести ему кузнечную мастерскую в районе Маронейских копей с 30 рабами, нужными для этой мастерской [14]. Для этой покупки он одолжил 105 мин [15], которые получил в ссуду от Эверга и Никобула. Мастерская и 30 рабов должны были служить залогом этого долга, и для того чтобы этот залог был лучше обеспечен, Пантенет составил договор на продажу на их имя. Однако отдельным актом кредиторы условились предоставить ему эксплоатацию мастерской из расчета обычного процента — 1 драхма в месяц, или 12% годовых; и они устанавливают срок, когда Пантенет получит мастерскую в полную собственность, выплатив занятую сумму [16].

По ходу речи видно, что мастерская была куплена специально на деньги Эверга, кредитовавшего на это 1 талант, а 30 рабов были куплены на деньги Никобула за 45 мин [17]. Отсюда сделали вывод, в том числе и Бёк, что эти 45 мин представляют стоимость рабов, и таким образом определяют стоимость каждого в 1½ мины. Но правильна ли эта цена? Это вовсе не вытекает со всей необходимостью из природы всей этой сделки. Под видом продажи и аренды все эти контракты на самом деле являются не чем иным, как закладной. Если первый передавал заимодавцам вполне реальную собственность, то второй своими ограничительными оговорками оставлял за Пантенетом реальные права на собственность. С этой точки зрения и заимодавец и должник могли говорить об этом имуществе, как о своей собственности [18], но они были связаны друг с другом. И подобно тому как Пантенет не мог располагать рабами без того, чтобы Никобул не отказался от своего права, точно так же и Никобул, который их купил в присутствии и с согласия Пантенета, не может продавать их без его подтверждения [19]. Таким образом тут нет полной продажи, и цена, поставленная в контракте, может и не обозначать полной цены. Вполне возможно, что деньги, данные кредиторами, служили не для

полной уплаты за мастерскую и за рабов, но для доплаты к той сумме, которую Пантенет остался должен тем, кто дал ему раньше деньги для этой покупки. Действительно, он говорит несколько ниже, что стоимость спорных вещей была гораздо выше той суммы, которую они дали ему взаймы [20]. И это подтверждается тем, что защитник приводит это заявление и не оспаривает его. Пантенет, вернув себе право собственности на рабов и на мастерскую, вновь продает их за 3 таланта 2 600 драхм (в общем за 206 мин) [21]. Это почти вдвое больше тех денег, что дали ему взаймы оба кредитора (105 мин). Применяя к этой новой цене мастерской и рабов то отношение, которое нам было дано первым договором, где один обязался талантом, другой 45 минами, мы получим, что мастерская и соответствующая часть копей будут стоить около 2 талантов, а 30 рабов — немногим меньше 90 мин, допустим, 3 мины каждый [22]. Эта средняя цена в 2—2½ мины была ценой рабов, употребляемых на самых простых работах в городе или деревне. Два раба, оцененных по 2½ мины в речи против Никострата, были отданы в наем, один для какой-то работы вне дома, другой для жатвы, сбора винограда и других земледельческих работ [23]. Можно сказать, что это была цена тех рабов, у которых ценилась только их физическая сила.

Цена тех, чей труд требовал больших умственных способностей, поднималась значительно выше. Многие тексты Демосфена, Эсхина и других ораторов дают нам для известного числа рабочих этого рода и полную сумму и точный доход за год или за день. Но в этих оценках есть некоторые ошибки, которые зависят частью от характера оратора, частью от самой природы исследуемых объектов. Оратор есть прежде всего адвокат, и следовательно поставлен в необходимость преувеличивать или преуменьшать свои оценки, смотря по обстоятельствам и требованиям своей судебной речи; с другой стороны, даже не предполагая в нем интереса извращать истину, можно думать, что те цифры, которые он приводит, могут иногда представлять лишь приблизительную стоимость рабов. Один пример из Демосфена нам объяснит и подтвердит эти оговорки.

В наследстве, оставленном отцом Демосфена, находились две фабрики: одна оружейная, на которой было 32 или 33 раба и оцененная в 190 мин, другая кроватная, на которой было 20 рабов, заложенная за 40 мин, всего 230 мин для 52 или 53 рабов, которые были у него в тот день, когда опекун взялся за управление его состоянием [24]. Когда он сдавал отчет, то 14 из этих рабов с суммой денег в 30 мин и домом той же ценности всего составили 70 мин, т. е.

10 мин за 14 рабов[25]. Комментатор Демосфена приписывает это обесценение их старости, инвалидности и т. д.; поверим, что и соображения оратора способствовали этому. Но эта стоимость, приписываемая обеим мастерским (190 и 40 мин), допуская всю ее точность, может ли она одна служить для определения стоимости рабов? Могло бы показаться, что согласно первой цифре нужно установить среднюю цену на оружейников в 6 мин, и в 2 мины—для рабочего по кроватному делу. А между тем это совсем не так. Последние не были куплены, но были наняты в числе двадцати под кредит в 40 мин, а обычно бывает, что залог превышает по стоимости сумму, которую он гарантирует. Эта оценка, которая дает 2 мины за человека, может быть ниже действительной стоимости. В другом случае, наоборот, сумма в 190 мин за всю мастерскую может быть много выше цены одних только рабов; ведь сам Демосфен говорит нам, что эти рабы стоили по меньшей мере 3 мины, а другие — 5 и 6 мин, и по конъюнктуре Рейске их нужно различать так: тридцать по цене не меньше 3 мин, а два или три, являвшихся, без сомнения, руководителями производства, по цене от 5 до 6 мин. Сочтем 105 мин для первых тридцати из расчета по $3^1/_2$ мины за каждого и 15 мин для двух или трех остальных; всего получится 120 мин; остающиеся 70 мин будут представлять стоимость оборудования, помещения и орудий труда.

Текст Демосфена дает нам прямо цену в 3 и 6 мин за раба-кузнеца: 3 мины за простого рабочего, 6—вероятно за руководителя производством. Один текст Эсхина позволяет нам подойти, правда, окольной дорогой, к очень близкому результату. Он говорит нам, что отец Тимарха имел 9 или 10 рабочих, сапожников, приносивших по 2 обола в день дохода, а руководитель мастерской давал 3 обола[26]. Сколько давали они в год? Исходя из годового дохода по известному уже отношению, можно подойти к определению основного капитала. Другими словами, сколько в году было у них трудовых дней? В общем это зависит от условий, в которые поставлен раб. Если он нанят на год, то цена его труда должна быть распределена на все дни из расчета 360 дней в году, как это показывает Ксенофонт в своих вычислениях; в других случаях трудовыми днями нужно считать дни, когда рабы дают какую-либо продукцию, и таких дней нельзя считать больше трехсот в году[27]. Таков вероятно был случай с рабочими Тимарха: годовой доход с них был таким образом равен 600 оболам с человека, а с руководителя мастерской — 750 оболам; допуская между этим доходом и капиталом обычное отношение 25 : 100, по-

лучим, что раб будет стоить 400 драхм, или 4 мины, а руководитель — 6 мин[28].

Если можно установить обычную цену рабов, занятых добыванием серебра или тяжелыми сельскими работами, в 2 или 2½ мины, то повидимому средняя цена раба-рабочего должна быть более высокой, например от трех до четырех мин, а для заведующего мастерской — в полтора раза больше: от 5 до 6 мин. То, что Никий заплатил за своего управляющего целый талант (60 мин), является случаем исключительным и не может приниматься в расчет при установлении средней цены раба.

Домашние рабы ценились так же различно, как и рабы на других работах, в зависимости от того, используются ли они для простого обслуживания или же для работ, требующих большего умственного развития, или для более интимных услуг. Демосфен в процессе о наследстве Спудия называет раба ценою в 2 мины, но не дает точного указания о его занятии[29]. В речи против Феокрина одна рабыня оценена в 5 мин, но эта цена, являясь результатом судебной оценки, может быть рассмотрена здесь как максимальная[30]. Цена в 5 мин была довольно обычной, если раб приносил на службу своему господину какой-либо свой талант. У Планудьг мы находим, что вместе с Эзопом был продан певец за тысячу оболов (155 драхм, или 1⅔ мины) и «грамматик» (ученый) за 3 тысячи оболов (5 мин)[31], цифры, которые в конечном счете, если их признать правильными, дают невысокое представление о голосе певца и о знаниях «грамматика»: один стоил дешевле, чем рабочий на рудниках, а другой — дешевле заведующего сапожной мастерской[32]. Софисты, которых Афиней хотел поставить вне всякой цены[33], продавались так же, как и другие; это доказывается на тысяче примеров. Цена в 10 мин, данная Ксенофонтом, и цены Лукиана на учеников Пифагора (10 мин), стоиков (12 мин) или учеников Аристотеля (16 мин) скорее могут дать представление о стоимости образованных рабов, хотя последние цены и использование подобных рабов относятся скорее к римскому периоду. Рабы, занятия которых специально предназначались для удовлетворения потребностей в роскоши, стоили много дороже. Самого плохого повара нельзя было нанять дешевле одной драхмы (6 оболов), а у Плавта один из поваров уверяет, что его нельзя нанять дешевле, чем за один nummus, — это двойная драхма, или 12 оболов; латинский поэт всегда этим словом обозначает стоимость этой монеты[34]. За эту цену нанимались флейтистки, вольноотпущенницы или рабыни[35]. Что касается других рабов, цена ко-

торых вполне зависела от прихоти или от фантазии, то эта цена могла быть еще более высокой. Два афинянина, которые составили компанию, чтобы купить Неэру, заплатили за нее 1/2 таланта, или 30 мин, а когда ею пресытились, предложили ей свободу за 20 мин, внеся каждый по 500 драхм под условием, что она не останется в Коринфе[36]. Эту же цену в 20 и в 30 мин приводит и Исократ[37]. Эти же цены можно найти наиболее часто в новой комедии, у Филемона, Дифила и Менандра, лучшие произведения которого Теренций перенес в римский театр. Теренций оценивает маленькую рабыню, некоторую обстановку и мелкие расходы в 10 мин; флейтистка стоит 20 мин; любовница Федрия — 30 мин[38]; маленькая негритянка и евнух — 20 мин[39]. Но здесь мы уже подходим к временам после Александра, и, как мы увидим ниже в связи с Римом, эти цены тогда были приложимы даже к рабам, приобрести которых господа не так уж стремились.

2

Если могли явиться некоторые сомнения относительно зачастую очень интересных вычислений ораторов или совершенно свободных оценок поэтов, то в историческом материале мы находим основания для того, чтобы их рассеять. Правда, историки говорят реже о рабах, чем о пленных, менее о повседневных ценах, чем о выкупных деньгах; но выкупные суммы за пленных обычно должны были регулироваться средней стоимостью рабов. Ряд документов, приводимых Бёком, дает нам возможность проследить постепенное повышение цен из века в век. Незадолго до начала персидских войн выкуп составлял 2 мины[1]; во времена Дионисия Старшего — 3 мины[2]; во времена Филиппа — от 3 до 5 мин[3], при эпигонах Александра — 5 мин за раба и 10 мин за свободного[4]. Именно за эту цену в 5 мин Клеомен, не имея возможности восстановить гражданское население Спарты, предложил илотам свободу и право с оружием в руках вместе со спартанцами защищать наводненную врагами страну[5]. Как можно видеть, эти цены вполне соответствуют средней цене рабов, установленной ораторами, и той, которая должна была быть ходовой в те времена[6]. Я оставляю в стороне выкупные суммы некоторых лиц, выдающихся или по своим нравственным качествам или по богатству: Платон был выкуплен за 20 или 30 мин[7]; Никострат — за 25 мин[8], а известный Амфилох, посланный Филиппом, чтобы вести переговоры о выкупе пленных и арестованный Диопитом, мог получить свободу только ценой уплаты 9 талантов[9].

Но эти цены, определенные жадностью пирата, спекулировавшего на своей добыче, не могут считаться мерилом стоимости, равно как и цены за какую-либо рабыню, диктуемые страстью или капризом.

Источники другого рода возвращают нас к тем средним ценам, которые мы приняли.

Прежде всего это египетский папирус, этот хрупкий документ, из которого Летронн сумел извлечь столько исторических данных специально по рабству, сообщающий нам о двух беглых рабах. Вознаграждение, обещанное за них тому, кто приведет беглеца, равно 2 талантам 3 тысячам драхм; тому, кто укажет, где они скрываются, — 1 талант 2 тысячи драхм, если это место священное; и 3 таланта 500 драхм — если это жилище состоятельного человека, — разница, которая может показаться странной, но которая вполне объяснима. Если раб находится под покровительством места, обладавшего правом убежища, то более трудно получить его обратно; но если он нашел убежище у частного человека, имеют право потребовать его выдачи со всеми проторями и убытками, если это человек состоятельный.

Цена, даваемая тому, кто приведет раба, освобожденная от этих привходящих моментов, точнее представляет нам стоимость, которую тогда имел раб: 2 таланта 3 тысячи драхм. Летронн указал, что тут дело идет о медном таланте, соответствовавшем мине серебра. Таким образом эта сумма равна $2^1/_2$ минам, — цена умеренная для этой эпохи. Это объявление, найденное среди бумаг более позднего времени, имеет свою дату благодаря гениальной прозорливости ученого критика; она датируется 25-м годом царствования Птолемея Эвергета II (Фискона), 9 августа 145 года до н. э. Может быть, действительно вознаграждение было несколько ниже настоящей цены за раба; нужно считать более или менее несомненным, что и хозяин был заинтересован найти его и что этот интерес его не был бескорыстным. Заметим кроме того, что дело идет о двух беглецах, и это само по себе понижало их стоимость. Больше того, у одного из них это уже было не первой попыткой к бегству: он носил на себе печать прежней вины; и наконец, повидимому они были употребляемы для самых низких работ в домашнем обиходе[10].

Кроме этого папируса у нас есть средство для контроля этих данных при помощи довольно большого числа надписей из Дельф[11]. Они указывают на посвящение или на освобождение рабов под видом продажи, где бог является покупателем; цена, внесенная рабом в руки того, кто выполняет этот акт, точно обозначена в этом торжественном

контракте. Эта цена чаще всего равна 3 или 4 минам. В 431 надписи из собранных Вешером и Фукаром приблизительно 150 рабов, мужчин и женщин почти в равном числе, были проданы по цене 3 мины каждый и 120 — по 4 мины. От этих средних цифр цены уклоняются в сторону повышения и понижения очень заметно. Так, 45 человек, из них 20 женщин, были проданы по 2 мины; 14, большей частью молодые мальчики и девушки, — немного дороже 1 мины, трое или четверо — дешевле одной мины; но, с другой стороны, мы там находим 40 человек, женщин и мужчин, проданных по 5 мин; от 20 до 25 человек проданы по 6 мин; один мужчина — за 7 мин; один купленный раб и один сидонянин — за 8 мин; еще другой — за 9 мин; 3 женщины, рожденные в доме, проданы за 7, 8 и 10 мин; другая женщина — за 8 мин; еще одна, которая умела играть или выделывать флейты (τεχνῆτιν αὐλητρίδα),—за 10 мин; одна женщина рожденная в доме, — за 15 мин [12]. Варвары не исключены из числа тех, за кого платятся самые высокие цены. Из пяти человек, оцененных по 10 мин, — два фракийца и один галат. Некий армянин один дошел до цены в 18 мин [13]. Другие подобные же надписи, найденные а Халеоне (недалеко от Амфиссы) и в Тифорее (в Дориде), дают цифры, которые достигают и даже превосходят самые высокие цены дельфийских надписей. В Халеоне было внесено за раба 1 000 драхм (10 мин); в Тифорее раб был оценен в 5 мин, одна женщина по двум надписям—в 10, один мужчина дошел даже до 20 мин [14]. Что касается средних цен в 3 и 4 мины, то если они несколько ниже тех, которые мы получили в других случаях для того же времени, то нужно заметить, что эти акты в сущности являются актами не продажи, а отпущения на волю на довольно тягостных условиях, и что многие из них соединяют с выкупной суммой требование оставаться у продавца определенное время, иногда в течение всей его жизни, или платить ему, или кому он укажет, определенный оброк. Подобного рода условия создавали дополнительную плату, которая должна была необходимо отразиться на первой. Женщина, проданная богу за 5 мин при условии оставаться у своих хозяев до конца их жизни, тотчас откупается от этого обязательства за 3 мины; второй акт написан сбоку на той же плите, как и первый [15].

Многие из этих надписей очевидно относятся к римскому периоду, как например надпись Гиамполиса, которая упоминает имя Траяна; все надписи принадлежат по меньшей мере к эпохе после Александра: Курциус, а за ним и Вешер и Фукар полагают, что ни одна из них не может быть отне-

сена ко времени ранее македонской эпохи. Таким образом, они принадлежат к тому времени, когда деньги, став менее редкими, подняли цену вещей; поэтому надо думать, что и средняя стоимость будет несколько выше, чем во времена Демосфена. Но эта средняя стоимость, которую, принимая в расчет все привходящие обстоятельства, можно установить в 4 или 5 мин, подтверждает более низкие цифры, к которым мы пришли для предшествующего времени. Исключения в ту или другую сторону не имеют здесь значения. Цены в мину и меньше касались детей или имели место в особых случаях[16]. Если такие особые условия отсутствовали, то можно думать, что тут были основания, которые подразумевались: основания привязанности, как в том случае продажи рабыни, рожденной в доме, когда она была оценена в 20 статеров (80 драхм) молодой девушкой, которая отдает ее богу с согласия своей матери и своих братьев; это своего рода среднее между дарением и продажей, освобождение на волю почти даром; но тут может быть также основание выгоды: раб может быть настолько бесполезным, что есть полный расчет для хозяина избавиться от него за мину, за 20 статеров и даже еще дешевле[17]. Что же касается цен в 10, 15 и 20 мин, в них нет ничего экстраординарного для отдельных случаев. Ведь даже во времена Демосфена, как мы видели, двое граждан купили Неэру за 30 мин и дали ей вольную за 20 мин; заметим кстати, что обычно такие повышенные оценки мы встречаем при женских именах.

Подводя итог, мы можем сказать, что в период между пелопоннесской войной и владычеством Александра цены на рабов были 2—2$^1/_2$ мины; это были рабочие в рудниках и на работах низшей квалификации; от 3 до 4 мин — для рабов-ремесленников; от 5 до 6 мин — для руководителей мастерских; соответствующими были цены на домашних рабов, смотря по их служебным обязанностям; цены повышаются до 10 и 15 мин для рабов выдающихся умственных способностей или знаний; эта цена повышается еще более для рабов, предназначенных для специальных целей роскоши или личных удовольствий (об этом можно судить по многим примерам найма или продажи); цена поднимается в этих случаях до 20 или 30 мин. Здесь не может быть установлено границ. Но когда мы имеем дело с большими массами, каково бы ни было положение каждого отдельного лица, средняя цена остается 2 мины во время персидских войн, около 3 мин в течение пелопоннесской войны и правления Александра и от 4 до 5 мин при царях, наследовавших ему.

Вот что стоил человек у греков! Образованный человек во времена Демосфена мог стоить столько же, сколько и лошадь [18]; правда, Аттика имела мало лошадей и много образованных людей. Действительно, человек, как только он становится простым орудием, которым можно торговать, не стоит больше того, что он дает в обиходе; и если при стечении известных обстоятельств этого товара предлагают больше, чем требуется, то и цена на рабов понижается и будет ниже цены самых обыкновенных вещей: во Фракии часто людей меняли на соль [19]. Положение рабов, без сомнения, не будет всегда меняться в соответствии с этими изменениями в цене, так как нельзя совершенно отрешиться от их природных качеств; но, с другой стороны, невозможно, чтобы их стоимость не влияла на их положение; человек, попавший в разряд вещей общего хозяйства, плохо или хорошо, но подчиняется жестокому закону собственности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О КОЛИЧЕСТВЕ РАБОВ В ГРЕЦИИ, В ЧАСТНОСТИ В АТТИКЕ

Стоимость рабов является вопросом интересным, но имеющим лишь специальное значение. Он ничего не прибавляет нам к знакомству ни с положением рабов, ни с характером их работы; он только классифицирует их в зависимости от стоимости среди других *вещей*, в число которых они занесены. Определение числа рабов имеет гораздо большее общее значение. Пока численность рабов не определена хотя бы приблизительно, трудно заключить, в какой степени те источники, которые питали рабство, способны были регулярно содействовать его распространению, каков был удельный вес рабства в труде и какое место занимало оно в законе. Было бы еще более трудным делом определить, как я попытаюсь сделать это несколько ниже, то влияние, которое этот институт рабства должен был оказать на классы свободных и на классы порабощенных. Чем объясняется частая необходимость сдерживаться господину при всей полноте его абсолютной власти? Почему, испытывая такие мучения, такую безнадежность, раб проявлял терпение, безропотную покорность, вплоть до тех дней общего брожения и смуты, когда были поколеблены самые основы античного общества? Для того чтобы ответить на все эти вопросы, касающиеся общества, состоящего из свободных и рабов, выяснить все проблемы, которые могут возникнуть по поводу его конституции, характера и духа,—для этого нужно прежде всего, чтобы было установлено, в каком соотношении участвуют оба эти элемента в его формировании. Таким образом простой, казалось бы, вопрос о цифрах поднимается на высоту вопроса социального. Этот вопрос является одним

из основных вопросов истории рабства. Эта его важность оправдывает, без сомнения, тот подробный разбор отдельных вопросов, к которому я приступаю.

I

То, что мы видели относительно применения рабов и той выгоды, которую можно было от них получить, заставляет нас думать, что они были очень многочисленны в Афинах и в тех городах, которые, подобно Афинам, занимались ремеслом и торговлей. Если верить участникам пира у Афинея, то перепись Деметрия из Фалер подсчитала в Афинах 20 тысяч граждан, 10 тысяч метеков и 400 тысяч рабов; в Коринфе, по его же словам, было 460 тысяч рабов, а в Эгине — 470 тысяч [1]. Эти цифры, в общем принятые современными авторами, были подвергнуты Летронном пересмотру. Прежде всего он отметил обычную неточность компилятора и исключительные преувеличения в этом отрывке; на пиру каждый старался перещеголять своего соседа по столу, приводя цифры и произвольно повышая их сравнительно с ранее указанными. Достаточно будет одного примера: Эгина, бесплодный утес в 4 квадратных мили,—и на нем 470 тысяч рабов! Таким образом, поставив под сомнение правдивость этих данных, Летронн занялся вопросом о населении Аттики. В блестящем исследовании, где данные современной статистики приходят на помощь, чтобы объяснить и проверить тексты древних писателей, он показал, что число афинян, достигших гражданского возраста, т. е. старше двадцати лет, довольно устойчиво держалось в пределах от 19 до 21 тысячи для обоих периодов: и от пелопоннесской войны до битвы при Херонее, и от херонейской битвы до первых преемников Александра. В среднем для каждого из этих периодов мы получаем цифру 20 тысяч. После нового закона о населении это число выражается цифрой 33 434 для всего мужского населения, а вместе с женщинами мы получаем общее число жителей Афин в 66 868 человек [2]. Затем 10 тысяч метеков, отмеченных в списках по переписи в возрасте, способном носить оружие, т. е. от двадцати до шестидесяти лет; это дает для мужского населения 19 629 человек и для всего населения — от 39 до 40 тысяч [3]. Таким образом первые две цифры Афинея, касающиеся граждан и метеков, вполне приемлемы; остаются рабы, которые учитывались не по полу, не по возрасту, но поголовно, как скот, без различия возраста, пола или положения; их количество нас интересует особенно, и преувеличение их числа особенно хотел доказать Летронн. Фразе Афинея, который насчитывает в Лаврийских

рудниках десятки тысяч рабов (там можно предположить, говорит он, более чем 720 тысяч человек), он противополагает отрывок из Ксенофонта по поводу эксплоатации этих рудников. По словам Ксенофонта, государство должно было бы, для того чтобы вести там работы, иметь рабов в количестве, превышающем в три раза количество афинян. Если допустить, что тут говорится только о собственно афинянах, об афинянах, вписанных в гражданские списки, тогда дело идет здесь только о 60 тысячах рабов, и автор, советуя далее прибавить 10 тысяч, повидимому хотел этим достичь той цифры, которую он наметил, и оправдать таким образом свои предположения. Таким образом в действительности могло быть 50 тысяч только рабочих; женщины и дети не должны были приниматься в расчет при этом исчислении. Но, как это явствует из многих мест, среди рабов женщин насчитывалось гораздо меньше, чем мужчин, еще меньше семейных и мало детей. Поэтому Летронн считает для этой группы слабых и хрупких вполне достаточным удвоить то число, которое он определил для мужчин, способных к труду, т. е. всего 100 тысяч [4].

Когда вопрос прошел через такие искусные руки, когда тексты в достаточно большом количестве уже собраны и сопоставлены, тогда более легко еще раз проверить их критически. Таким образом я позволяю себе возвратиться к некоторым пунктам работы Летронна, конечные выводы которого я изложил, и прежде всего остановиться на двух основных для нас пунктах. Мне не представляется необходимым, как это делает Афиней, увеличивать количество рабского населения Аттики до 720 тысяч душ или снижать его вместе с Ксенофонтом до 50 тысяч рабов-мужчин в возрасте, пригодном для работы. У Афинея мы имеем два момента: есть число 400 тысяч рабов — число, заимствованное из переписи Деметрия Фалернского, по авторитетному указанию Ктесикла; и затем мнение, высказанное другим участником пира, единственно под гарантией самого автора, что все эти десятки тысяч рабов работали в рудниках. Если бы он сказал даже «все» или «большей частью»(а он не говорит определенно ни того, ни другого) [5], то и это утверждение во всяком случае было бы преувеличением. И это преувеличение объясняется как формой беседы, так и ролью того лица, которое в качестве римлянина хотело возвысить Рим перед Грецией: в Риме столько тысяч рабов употребляются единственно для роскоши, тогда как в Греции этот Крез Никий употреблял их на тяжелых работах с целью наживы [6]. Таким образом, какова бы ни была в сущности мысль Афинея, сопо-

ставление этих двух фраз совершенно ясно представляет не продолжение и не дополнение его мысли, но два различных, противоречащих друг другу, утверждения [7]. Нужно выбирать между толкованием автора и текстом, который, будучи дан как результат переписи, включает в себя необходимым образом общее количество населения, в том числе и население рабское, женщин и мужчин всех возрастов и всех профессий. Я не ставлю здесь вопроса ни о подлинности, ни о верности этого места, я стараюсь найти только правильный смысл его, и он не может быть сомнительным.

Основной текст Афинея относится таким образом ко всем рабам, а не только к рабочим в копях. У Ксенофонта, наоборот, вопрос идет только о рабах, работающих в копях в пользу государства; содержание этой главы совершенно точно объясняет его мысль. Он говорит о доходах Аттики и главным образом о средствах, скрытых в Лаврийских копях, таких средствах, которые повидимому все увеличиваются, вместо того чтобы уменьшаться [8]; он указывает, что нехватает рук для их эксплоатации [9], что ресурсов копей хватит для всякого предприятия; никакая конкуренция не может быть им страшна [10], никакое изобилие материала не может понизить их стоимости [11]. Таковы были выставленные им принципиальные положения (я не берусь их защищать); таковы выводы, которых в дальнейшем я не поддерживаю. Государство уступало частным лицам некоторую часть копей за известное вознаграждение; с другой стороны, богатые граждане, не эксплоатируя никаких участков лично сами, держали рабов, которых они отдавали в наем предпринимателям на известных условиях. Филонид, Гиппоник, Никий, как мы видели, имели по 300, 600 и 1 000 рабов, из которых каждый приносил им в день по 1 оболу дохода за вычетом всех расходов; время Ксенофонта дает нам много других аналогичных примеров. Так, рудники, гарантируя предпринимателю определенную выгоду, становились источником новых доходов: для государства, которое сдавало участки, для богача, который отдавал в наем рабов. Пусть государство тоже владеет рабами и имеет возможность сдавать их в наем тому, кто получил от него в аренду на определенный срок участок; таким образом оно могло бы удвоить свою прибыль [12]. Нет ничего проще этого плана; нет ничего легче его реализации. Государство больше, чем кто-либо другой, в силах приобрести рабов; оно их возьмет от всех, кто только захочет ему продать их. И это будет справедливо по отношению к тем, кто боится такой конкуренции. Лучше, чем кто-либо, государство может отдать рабов в наем, так как те, кто занимается эксплоатацией этих копей, уже

обязаны ему по самой природе своего предприятия [13]. Итак, пусть государство приобретает столько, чтобы на каждого афинянина приходилось по три раба, всего приблизительно 60 тысяч [14]. Это чистых 60 тысяч оболов в день, за вычетом всех расходов, без малейшего риска; это, считая в году 360 дней, 600 талантов в год дохода; такой доход, который афиняне получали с союзников во времена Перикла! Без сомнения, нельзя найти лучшего помещения общественных денег; и прибавьте, что нет помещения более верного. Ведь в конце концов, говорит Ксенофонт, так как серебро частных лиц ничем не отличается от серебра государственного, кто может помешать откупщикам доходов обратить его обманным образом в свою пользу? Украсть так просто государственных рабов будет нельзя, так как на них будут клейма [15].

Анализируя эту главу Ксенофонта, я отчасти ее и комментировал тем, что к словам автора я прибавил свою интерпретацию. Но те тексты, которые я здесь цитирую, подтвердят, думаю, мой комментарий. Я остановлюсь более специально на том мнении, с которым я считаю нужным не соглашаться. Ясно, что Ксенофонт не говорит, будто нужно увеличить рабское население Аттики до 60 тысяч человек, способных к труду, но он предлагает установить, независимо от частных рабов, корпус в 60 тысяч рабов государственных, которых можно будет отдавать в аренду в интересах государственного казначейства для эксплоатации копей. Предложение «до тех пор, пока не будет по три на каждого афинянина» относится к подлежащему, которое непосредственно предшествует ему: «государственные рабы» — слова, неотделимые в этой фразе, неотделимые и в мыслях автора, который как раз и устанавливает эту противоположность между рабами, находящимися в частном владении, и теми, приобретение которых он рекомендует государству, вплоть до доведения их до установленного числа. Если предполагаются оба вида рабов (текст, по моему мнению, абсолютно не дает нам на это права), то эти выражения должны были бы в дальнейшем по необходимости применяться или к общему официально засвидетельствованному числу рабов без различия пола и возраста (и отсюда пришлось бы заключить, что это число во времена Ксенофонта не поднималось выше 60 тысяч человек), или к рабам, о которых специально идет речь в этой главе, к рабам из копей, и это соответствует тому смыслу, которого я считаю нужным придерживаться.

Но что делать с этими 60 тысячами человек помимо этого труда в копях? Всегда ли Лаврийские копи требовали такого количества рук? Ксенофонт предвидел такое

возражение, и у него есть ответ на него. Когда будет много людей, которых можно нанять, будет много и лиц, готовых их нанимать, и те, которые имеют уже рабочих, будут еще брать их у государства, так как в копях еще много работы [16]. Но он допускает, что его проект не будет выполнен целиком; он просит, чтобы его хотя бы признали в принципе и чтобы по мере надобности его начали выполнять, и при этом на те средства, которые это предприятие будет само приносить ежегодно. В результате последует увеличение рабов с 1 200 до 10 тысяч, приносящих 100 талантов дохода. Но, говорит он, доход на этом не остановится [17]; высчитывая этот доход с каждого раба отдельно, он полагает, что их число не перестанет увеличиваться. «Ведь все доказывает теперь,— говорит он, — что там никогда не будет столько рабов, сколько требует работа», и он указывает еще на неиссякаемое количество этих рудных богатств, их безграничное распространение в ширину, их беспредельную глубину [18]. Однако, чтобы продолжать развитие этого дела до такой высоты, чтобы Аттика могла извлекать из своей собственной почвы те доходы, которые она некогда получала извне, «чтобы она могла удовлетворять свои собственные нужды и перестала беспокоить греческие племена своими честолюбивыми планами» [19], одного частного производства недостаточно. Частные лица не настолько богаты, чтобы предпринять новые разведки и решиться на новые работы в надежде на более или менее счастливую находку. Нужно, чтобы шансы на выгоду и потери стали общими; с этой целью автор предлагает объединение десяти фил, с тем чтобы сообща эксплоатировать эти недра при помощи государственных рабов [20]. Вот последнее слово ксенофонтовой системы и вот также полное объяснение этой фразы относительно государственных рабов, предназначенных к этому труду: «с тем чтобы их приходилось по трое на каждого афинянина».

Было необходимо изложить эту античную утопию во всем ее объеме, чтобы лучше понять эти цифры, лучше оценить их значение. Очевидно, эти 60 тысяч рабов, приобрести которых предлагает Ксенофонт, относятся лишь к одной отрасли афинского ремесленного производства, к эксплоатации копей, и существуют только в теории. Таким образом отсюда нельзя сделать никакого заключения об общем числе афинских рабов. Можно сказать лишь следующее: так как он, не отказываясь от выполнения своих надежд в будущем, в данный момент ограничивает выполнение своей системы пределами соответствующей действительности [21], то число 10 тысяч человек, на которых он основывает

свои расчеты, может быть и есть число тех рабов, которые тогда употреблялись частными лицами на работах в Лаврийских копях; это как раз то число, к которому пришел и Летронн после ряда точных и убедительных доказательств, где он сравнивает предполагаемые доходы от Лаврийских рудников с доходами при современной эксплоатации подобных копей [22].

Таким образом ясно, какое заключение можно вывести из текста Ксенофонта, сопоставив его с указанным местом Афинея. Как было сказано, у Афинея даны два момента: число рабов в количестве 400 тысяч, данное как результат переписи Деметрия из Фалер, следовательно число, включающее всю группу рабов целиком; и утверждение, что эти *мириады* рабов работали в копях, утверждение, неясное даже по самой форме выражения и являющееся в меньшей степени убеждением и мыслью автора, чем особым приемом диалога. Это мнение, взятое в буквальном смысле слова, уже сразу опровергается тем самым текстом, который оно хотело комментировать, и никогда нелепое примечание не может сделать сомнительным ясный и точный текст; даже если взять его приблизительно, не в буквальном значении, оно опровергается Ксенофонтом, как это неопровержимо доказал Летронн. Но цифра переписи остается неоспоримой, и нужно искать в другом месте оснований, чтобы ее опровергнуть или подтвердить.

Единственный текст, который можно привести для опровержения, текст, которым не пользовались при обсуждении этого вопроса и который между тем должен быть наиболее известным, это текст Фукидида.

В VIII книге, гл. 40, говоря о Хиосе и о волнениях рабов при нападении на этот остров афинян (413 год), он говорит, что рабы «были там очень многочисленны, более многочисленны, чем в каком-либо другом государстве, за исключением Спарты». Если бы афиняне имели рабов больше, чем в Спарте, зачем бы он искал сравнения где-либо в другом месте? Спарта имела во времена Геродота 8 тысяч человек, способных носить оружие, т. е. от 20 до 60 лет, и очень вероятно, что на каждого из них приходилось 7 илотов в том же возрасте, т. е. всего 56 тысяч; по сделанному ранее расчету, спартанцы составляли 31 400 человек, илоты — 220 тысяч [23]. Только ли на них намекает Фукидид или сюда нужно присоединить также и покупных рабов? Их было мало в Спарте, но конечно много у периэков, которых обыкновенно зачисляют в ряды лакедемонян. Периэков же, как мы видели выше, было приблизительно 120 тысяч и их 30 тысяч участков было вполне достаточно для существования 240 тысяч жителей. Можно было

бы со всей точностью считать здесь число рабов равным числу свободных людей, и эти рабы, присоединенные к илотам, дали бы всей массе рабов приблизительное цифровое выражение в 340 тысяч душ—число, сильно преувеличенное и тем не менее ниже того, которое приписывает афинянам, по словам Афинея, перепись Деметрия из Фалер.

Этого достаточно, чтобы разрушить достоверность текста, но совершенно недостаточно, чтобы установить максимум рабского населения у афинян: число, колеблющееся в пределах от 220 до 340 тысяч, является поистине не поддающимся точному определению. Но мы имеем еще данные для сравнения Спарты и Афин. Хиос имел рабов меньше, чем Спарта, и больше, чем какое-либо другое государство, значит больше, чем Афины. Каково могло быть рабское население Хиоса и с какой цифрой населения Лаконии можно было бы его сравнить?

Остров Хиос был одной из самых цветущих колоний. Фукидид называл его жителей самыми богатыми среди греков; он восхваляет их выдержанный и умеренный образ жизни, который они сумели сохранить при растущем благосостоянии [24]. Они были первыми среди афинских союзников. Историк всюду называет то их одних, то вместе с лесбосцами среди тех, которые доставляли афинскому государству наибольшее количество кораблей [25]; и когда жители Хиоса отделились от Афин, у них был флот в 60 кораблей [26]. Такое богатство, такое процветание, такое могущество предполагали в те времена очень большое число рабов. Но могло ли это число доходить до 340 тысяч? Весь остров имел приблизительно 32 900 квадратных олимпийских стадий, или 329 квадратных географических миль, равных 1 126 квадратным километрам. Предполагая, что число свободных было почти равно афинскому населению — приблизительно 65 тысяч человек,— нужно было предположить на Хиосе около 400 тысяч жителей. Более вероятно, что Фукидид при своем сравнении имел в виду коренное рабское население Лаконии, государственных рабов Спарты, илотов, с которыми впоследствии Стефан Византийский в свою очередь сравнивает рабов на Хиосе [27]. Тогда максимум составил бы 220 тысяч. Но, с другой стороны, принимая во внимание все элементы процветания, присущие этому государству с его прекрасно обработанной территорией [28] и при безграничной легкости иностранного ввоза, учитывая те частые мятежи, от которых ему приходилось так страдать [29], можно думать, что истинное число его рабов было очень близко к пределу, указанному Фукидидом: примерно 210 тысяч, а всего населения 275 тысяч; приблизительно трое рабов

на одного свободного и 245 жителей на квадратный километр. Это не так уж много, принимая во внимание исключительное положение Хиоса, и не так много для острова, который славился среди греков, как первый и самый большой их рынок.

Этот факт кроме того подтверждается тем, что мы будем ниже говорить о рабском населении Аттики. Если, по Фукидиду, наибольшее количество рабов было на Хиосе, то, с другой стороны, все данные историков, комиков и ораторов не позволяют оценивать его ниже 200 тысяч душ. Я попытаюсь это показать в дальнейшем, просматривая различные работы, на которые посылались рабы, и, может быть, возражения, выдвинутые против такого числа, дадут дополнительно доказательства для поддержки моего положения.

2

Условимся заранее: не следует ожидать встретить у греков легионы рабов, прикомандированных к обслуживанию знатных римлян. В Аттике могли быть богатые дома[1], но она совсем не имела настоящих дворцов, жилищ, огромных, как целые города, и организованных, как целые государства. После подозрения в задолженности государственному казначейству обвинение в роскоши и великолепии было тем обвинением, которого при судебных процессах особенно боялись для себя тяжущиеся стороны[2]. Крупное богатство, выставляемое с большим блеском, будило алчные инстинкты толпы в эти времена крайней демагогии, когда ее страсти властвовали над законом. «Не нужно, — говорит Аристофан, — чтобы у одних видели многочисленную толпу рабов, а у других не было даже одного провожатого»[3]. Это было народное мнение, и народ имел два средства провести его в жизнь: конфискация и обмен. *Конфискация* — закон несправедливости, еще более несправедливый по своему применению при той форме правления, когда народ был судьею и судил по своему произволу; *обмен* — закон уравнения, простое и суровое выражение основного положения конституции, доведенного до крайности; могучее средство, установленное в недрах самого народа, чтобы между всеми поддерживать равенство в выполнении государственных обязанностей; это средство, поражая наиболее крупные состояния, казалось, должно было во всякий данный момент непреложным образом вновь вернуть их к общему уровню[4]. Но народ вовсе не был так слеп в своих демократических устремлениях, чтобы во имя идеи химерического равенства жертвовать своими насущными интереса-

ми. Он чувствовал, что крупные состояния, которые несли на себе всю тяжесть государственных повинностей были для других и защитой и средством избавления от этих повинностей. Поэтому закон гарантировал промежуток минимум в один год для выполнения литургии — этого добровольного выполнения экстраординарных государственных повинностей [5], и за это время торговые предприятия, банки, спекуляции могли дать средства, чтобы покрыть ими расходы на устройство общественного празднества или снаряжение корабля.

В Афинах всегда были богатые [6]; Платон утверждает, что обычно у каждого из них было в среднем по 50 рабов [7]. При таком количестве их широко использовали для всех видов домашней работы; можно сказать вместе с Демокритом: «Я пользуюсь рабами как членами своего тела, каждым для отдельной цели» [8]. И Теренций, этот изящный и верный подражатель Менандра, этот столь точный истолкователь нравов Греции с подмостков римского театра, дает в некоторых из своих пьес ясное представление о разделении разнообразных функций в домашней жизни между довольно большим числом рабов [9]. Но все же старались избегать слишком бросаться в глаза своим богатством, чтобы оно не очень кололо глаза народу, и по крайней мере старались проявлять видимость равенства. В общем было вполне принято иметь при себе провожатого-раба. Не иметь его при себе было почти признаком бедности [10]; иметь же троих рабов было уже доказательством роскоши. У Кимона было их не больше, когда он ходил по улицам Афин, раздавая народу деньги и накидки [11]; и сын богатого банкира Пасиона, по общему мнению, поступал очень неблагоразумно, имея при себе целую свиту. Демосфен бросает ему в этом упрек в своей обвинительной речи, а защищая его дело, он старается найти извинение этой его привычке [12].

Таким образом нужно сказать, что в Афинах в общем не переходили известных границ в пользовании рабами для домашнего обслуживания. Греки, поклонники меры во всем, охотно выполняли указание Аристотеля, что множество слуг не столько полезно, сколько обременительно [13]. Был ли сам Аристотель и его ближайшие ученики верны этим наставлениям? Мы можем об этом судить довольно точно по завещаниям первых четырех руководителей Ликея. У Аристотеля было больше 13 рабов; в последнем акте своей воли он освобождает из них 5; он передает по завещанию 8, и еще остается много детей, которых он приказывает не продавать, но воспитать и освободить позднее, согласно с их заслугами [14]. Теофраст, который после

него был руководителем школы, имел 9 рабов: 5 он отпустил на волю, 3 подарил и последнего велел продать [15]. Стратон, преемник Теофраста, имел их больше 6, так как 4 он отпустил на волю и 2 подарил, позволяя своему главному наследнику выбрать из тех, которые остались [16]. Наконец Ликон, четвертый из руководителей школы, имел их 12; кроме женщины, которую он дарит одному из своих вольноотпущенников, он по завещанию всем дает вольную, назначив для этого сроки — для одних сразу после своей смерти, для других — по истечении определенного периода времени [17]. Надо думать, что обладание таким числом рабов, вероятно домашних, не являлось превышением норм умеренности, предписанной этими философами. Была ли это обычная норма? Конечно нет; другие могли удовлетворяться меньшим числом. Но редко при среднем достатке количество рабов опускалось ниже 3 или 4. В комедиях отводятся рабам такое место и такие обязанности, которые для своего выполнения требуют не меньшего числа лиц [18]; и то, что можно видеть в пьесах, часто столь верно отображающих греческое общество, мы встречаем в картинах реальной жизни, которые рисуют ораторы перед судьями. Неэра, считающаяся женой Стефана, имеет одного раба и двух женщин, которые были даны ей для личного пользования [19]. К ним она присоединяет еще двух молодых девушек, которые впрочем, надо признаться, использовались не исключительно для ее обслуживания [20]. В домах, менее подозрительных, гораздо большее число женщин, предназначенных для выполнения многочисленных обязанностей, изобретенных страстью к роскоши и бездельем, как и вообще большое число рабов, могло служить признаком богатства [21]; но в тех пределах, которые указаны здесь, нет ничего, что не было бы, я бы решился сказать, общераспространенным.

Насколько женский труд был редок в мастерской [22], настолько он был обычен в домашнем хозяйстве. У греков дело обстояло совершенно так же, как и у нас. Женщина, стоившая дешевле мужчины, использовалась преимущественно на тех работах, где ее личная сила могла соответствовать условиям труда. Мы встречаем женщин-рабынь во всех случаях домашней жизни, которые доступны нашему наблюдению. В доме убийцы Эратосфена, доме маленьком, где женская половина занимала верхний этаж над мужскими аппартаментами, насчитывалось минимум трое женщин: две служанки, из которых одна занята по хозяйству, другая — для ухода за ребенком, которого кормит сама мать, и третья («девочка»), без сомнения, исполняет обязанности горничной [23]. В наследстве Кирона, которое едва превышает 2 та-

ланта, имеется независимо от рабов-рабочих еще 3 женщины, несущие те же обязанности («прислужницы и девочка»)[24]. В завещании Теофраста мы видим одну только женщину, в завещании Ликона — их одна или две[25]. Но в наследстве Аристотеля мы насчитываем не меньше семи: одна оставлена по завещанию его другу Фалесу; другая, занимавшая, быть может, у своего хозяина более высокое положение, получила вольную и сохраняет при себе служанку, которую она имела уже и раньше; три других подарены вместе с «девочкой» Герпиллиде, от которой у Аристотеля был сын[26]. Женщины значились в приданом, которое Пасион назначил своей вдове, передавая ее в завещании в качестве жены своему вольноотпущеннику Формиону[27]. Их можно найти, опять-таки в числе больше одной, в свите любовницы Леократа[28], и у Арастона[29], и у того клиента Демосфена, который говорит, что он разорен государственными повинностями[30].

Но тут является одно возражение. Во многих случаях домашнего обслуживания пользовались наемными рабами, и, насколько можно судить, эти наемные рабы во многих домах заменяли рабов, купленных в собственность: доказательством служит перечисление имущества, где совершенно не говорится о рабах. Феофон, о котором идет дело в речи Исея о наследстве Агния, оставил земли на 2 таланта, 60 баранов и овец, 100 коз, обстановку, лошадь и т. д.[31]; и вот автор, который так мелочно точен в перечислении своего инвентаря, не говорит ни слова о рабах. Этого мало: Стратокл, дочь которого получила наследство от Феофона, оставил ей состояние в 5 талантов 3 тысячи драхм: дом, деньги, долговые расписки, обстановку, стада и т. д.[32]; и здесь опять — ни слова о рабах. Наконец состояние ответчика, который к своему наследственному имуществу присоединил наследство от Агния, оцениваемое в 2½ таланта, составившее в общем 3⅔ таланта, вовсе не включает упоминания о рабах[33]. Но, может быть, эта семья порвала с повсеместно распространенным обычаем и изгнала рабство из своего жилища? Этого никто не подумает! Прежде всего скажем, что в последнем случае нет перечисления, а для первых двух оно неполное. Так, в первом случае, после перечисления различных предметов, упомянутых выше, мы находим слова: «и другие домашние принадлежности»; а это выражение, которое включает в себя «все остальное», применяется специально к рабам, как в другом месте на это обратил внимание Летронн[34]; что же касается второго примера, то рабы могут очень хорошо подразумеваться в той части наследства, которая после смерти Стратокла была об-

манным образом скрыта и которую оратор обещает перечислить позднее [35]. (Тут или потерян текст, или забыто это обещание.) Кроме того могло конечно быть и то, что рабы сами собой подразумевались, так что нет никакой возможности найти в тексте хоть какие-нибудь следы, касающиеся их. Часто они молчаливо подразумеваются вместе с землей, к которой они прикреплены, или вместе с домом, который они обслуживали; сопоставление двух фраз из речи против Беота дает этому прямое доказательство [36]. А вот другие, не менее точные. В наследстве отца Демосфена, которое превышало 15 талантов, ни в приданом, которое он назначает своей жене, ни в имуществе, которое он оставил своему сыну и которое оратором перечисляется очень детально, нет никаких указаний на домашних рабов [37]. Между тем они конечно там были, так как в своей речи Демосфен говорит, что Афоб должен ему 108 мин: 80 мин за то приданое, которое он взял, не женившись на его матери, и 28 за тех женщин-рабынь, которые были отправлены к нему сверх этого приданого [38]. Эта сумма не могла быть опущена в счете, столь точном, помещенном в начале речи. Надо думать, что эти женщины-рабыни в числе восьми или девяти, если судить по их обычной стоимости, были включены в раздел мебели, ваз, драгоценностей, «всего, что служило для украшения матери» и что было оценено в 100 мин. В доме Эвктемона, хотя инвентарь, перечисленный оратором, ничего не говорит о рабах и ничем не заставляет подозревать их присутствия, все-таки было несколько рабов, использовавшихся для домашнего обслуживания, так как по ходу речи видно, что они были приговорены к смерти своим хозяином, чтобы предупредить разглашение какого-то известия, и впоследствии были допрошены относительно обстоятельств получения наследства [39].

Итак, надо сказать, что обычай употреблять рабов в частной жизни был очень распространен. Что рабы были почти во всех домах и что почти всегда они были предметом собственности, а не только временного найма—это несомненно. Но конечно точно так же широко был распространен и наем. Мы уже видели, что при известных обстоятельствах добывали себе таким способом поваров, танцовщиц и флейтисток. Но это доказывает только одно: что афинский дом в общем не обладал постоянно тем количеством рабов, какое требовалось при подготовке таких экстраординарных празднеств [40]; каждая семья имела их столько, сколько ей было нужно для повседневного обслуживания. Во времена Филиппа люди со средним состоянием уже производили большие затраты на «рабов роскоши», на

поваров и т. д.[41]. Тот клиент Демосфена, который говорит, что продал почти все свое имущество для того, чтобы выполнить государственную повинность, тем не менее имеет еще у себя, по его собственному признанию, независимо от женщин, которых мы находим у него, еще пастуха с 50 овцами и молодого слугу[42]. Ксенофан из Элеи жаловался Гиерону, что он настолько беден, что не может содержать двух рабов[43]; то же самое при подобных обстоятельствах можно было услыхать и в Афинах. Алексис, описывая домашнюю жизнь одной бедной семьи, считает там наряду с хозяином, старухой матерью, женой и ребенком еще няньку, «и очень подходящую»[44]. И в той же книге, у того же автора можно видеть, как гражданин, у которого один только раб, некоторым образом пытается изобразить их большое количество, называя его двадцатью разными личными именами[45]. Те же потребности или, если хотите, та же сила общественного мнения вызывала необходимость иметь при себе рабов вне дома. Одни только паразиты могли безропотно подчиняться необходимости возвращаться домой с их ежедневных ужинов без раба, который освещал бы им путь светильником[46]; и Лукиан поднимает насмех человека, который принужден сам месить муку и нести в баню свою склянку с маслом[47]. Лисий очень мало преувеличивает, когда он, выступая с защитой одного человека, обвиняемого своими рабами в безбожии, в заключительных словах своей речи восклицает: «Это дело есть дело всех жителей этого города. Ведь не только в этой семье есть рабы; они есть у всех; они возьмут пример с участи вот этих и будут стремиться заслужить себе свободу не хорошей службой своим господам, но клеветническими обвинениями, возводимыми на них»[48].

На основании текстов я показал, как широко применялся рабский труд в домашней жизни. В каких цифрах можно было бы это выразить? Ясно чувствуется, что здесь мы переходим в область гипотез. Но, чтобы хоть приблизительно подвести итоги указанным разногласиям, можно сказать, что те две или три женщины, которых мы находим на службе у граждан среднего состояния, свидетельствуют, как мне кажется, о наличии одного или двух рабов для личных нужд хозяина; и компенсируя те семьи, где рабов было меньше, теми, где их было больше, повидимому мы можем, не боясь очень сильно переступить границы истины, считать двух взрослых рабов, обслуживавших если не каждую семью, то по меньшей мере каждый дом. В Афинах считалось более 10 тысяч домов, занятых отдельными семьями, и сверх того там были дома-коммуны,

где более бедные семейства помещались вместе[49]. Число домов и в остальной Аттике не могло быть меньше: там был Пирей, являвшийся центром торговой деятельности, были многочисленные поселки, которые покрывали всю страну. Сведем все это к числу 20 тысяч домов как для афинян, так и для метеков: это уже дает нам 40 тысяч рабов, употребляемых для домашних надобностей.

Не будучи чрезмерным, число рабов для частного обслуживания было все же достаточно многочисленным. Но конечно число рабов, занятых работой на производстве или в торговле, было несравненно больше, и если бы текст Афинея хотел найти себе признание, то именно по этой линии он должен был бы искать доказательств для своего подтверждения.

3

Рабство было не только орудием, но, если так можно выразиться, и движущей силой труда в античности. То, что теперь делают машины, то, что делали до наших машин лошади, — все это делалось в пределах естественной возможности руками рабов; даже доставка руды из глубины шахты на поверхность земли производилась тем же путем[1].

Рабы были в гораздо меньшей степени аксессуаром роскоши, чем силой, создающей богатство; развитие торговли и производства в том или другом городе можно было в некотором отношении измерять числом и мощностью их рук. Афины были не только городом торговым, но также и городом различного рода производств; и они производили не столько для себя, сколько для остальной Греции; сама необходимость, которая заставляла их получать часть своего продовольствия извне, принуждала купцов, и местных и иноземных, соглашаться на обмен своих товаров на произведения афинских мастерских. Таким образом производство было занятием не только частных лиц, но и государства в целом, под покровительством законов. Граждане всех профессий — военачальники и государственные деятели, ораторы и философы — пускали в оборот свои капиталы, вкладывая их частью в земледелие, частью — в городе — по линии банков, производства, торговли, иногда сразу по всем этим трем линиям и всегда при помощи рабов.

Число граждан, заинтересованных в земледелии, было довольно значительным, если верно то, что после низвержения «тридцати» было не больше 5 тысяч не имевших земельной собственности[2]; таким образом от 15 до 16 тысяч граждан имели в качестве собственности некоторые участки зем-

ли и рабов, необходимых для их обработки; и на земле, которая требовала за собою столько ухода, будет вовсе не много считать двух рабов на каждый участок. Между этими мелкими собственническими участками были кроме того и имения более обширные[3], как это можно заключить из дошедших до нас правил и поучений, которые касаются земледелия. В своей книге «Трактат о хозяйстве» Ксенофонт показывает нам в доме Исхомаха все ступени повиновения и власти: хозяина, управителя и рабов, а затем хозяйку, ключницу и женщин, которые должны работать под ее наблюдением. Эта двойная иерархия предполагает довольно многолюдный дом[4]. Земледельческий труд, культура виноградников и оливковых деревьев и все то, что составляет область сельского хозяйства, воспитание молодняка и уход за стадами, которые паслись на горных пастбищах, — все это должно было занять от 30 до 40 тысяч рабов; допустим, 35 тысяч.

Но богатство Аттики было не только на поверхности ее земли. Ее недра скрывали в себе те сокровища, которые уже с давних пор извлекала оттуда промышленность; я хочу сказать о копях и о каменоломнях. Именно копи в продолжение некоторого времени были богатейшим источником доходов и для государства и для частных лиц. Государство, оставаясь неотъемлемым их собственником, поощряло к занятию этой отраслью производства всевозможными привилегиями; так например, желающие эксплоатировать рудники освобождались от указания на них в заявлении о своем имущественном положении, как это требовалось при всяком требовании об «обмене» (см. стр. 98). Таким образом многие принимали участие в этом деле и довольно значительное число лиц было занято на этих работах[5]. Может быть, покровительство, которым вначале пользовались эти предприятия, вызвало к жизни обычай нанимать для рудников рабов, что было неизбежно при развитии этого предприятия. Действительно, при организации какого-либо нового предприятия нужны были люди, уже опытные в данном производстве. В древности рабочего, так как он был несвободным, нельзя было привлечь на свою сторону жалованьем. Его приходилось покупать у такого же хозяина-конкурента; и если даже конкуренция не создавала здесь никаких затруднений, приходилось, особенно вначале, вкладывать довольно значительные средства в предприятие, результат которого был довольно рискованным. Этих неудобств отчасти избегали тем, что нанимали рабов на работу. Этот прием содействовал закладке новых копей и таким образом, помогая увеличить число эксплоати-

руемых мест, мог также способствовать еще и увеличению числа рабов. Во всяком случае, как было указано выше, я далек от того, чтобы принять целиком это сильно преувеличенное число одного из собеседников Афинея, и я склоняюсь на сторону столь основательно мотивированного мнения Летронна, по которому их число несколько превышает 10 тысяч, — число, подтверждаемое, по моему мнению, самим Ксенофонтом, так как, ставя государство на место частных лиц, владевших рабами, он принимает это число как достаточное для нужд данного момента. Он не хотел ограничиться этим на будущее время, но его надежды не осуществились, и уже во времена Деметрия из Фалер видно было, как эти запасы серебра, которые он считал неисчерпаемыми, с каждым днем уменьшались. Тем не менее интенсивность работ не уменьшалась, как не уменьшалось и число рабов, еще рывших недра этих холмов, которые вскоре оказались уже совсем истощенными[6].

После земледелия и эксплоатации копей различные отрасли производства или торговли разделили между собой остаток рабов в пропорции, быть может, меньшей для каждой из них, но более значительной, если взять их все вместе. Мы видели, что отец Тимарха, кроме копей, имел 9 или 10 рабочих-башмачников и т. д.; наследство Демосфена включало в себя две мастерских, одну на 33, другую на 20 рабов. Рабы-рабочие были также в списке имущества Леократа, в наследстве Эвктемона[7]. Торговля, будь это мелочная торговля на рынке Афин или торговые предприятия, разбросанные по берегам самых отдаленных стран, — все они пользовались одним и тем же орудием, и нужно записать в счет Аттики всех этих многочисленных рабов, числящихся в списке ее населения и распыленных по всем морям греческого мира[8]. Ксенофонт особенно подчеркивает, что морское могущество Афин было одной из основных причин, которые со всей настойчивостью делали этих рабов необходимыми. И это касается не одних только афинян, но — это следует особенно отметить — и *метеки* или иностранцы, получившие гражданские права, все владельцы мастерских или купцы, — все они владели рабами так же, как и сами афинские граждане. Так, оратор Лисий и его брат, оба метеки, владели вместе более чем 120 рабами, слугами или ремесленниками[9].

Как и при эксплоатации копей, здесь были люди, которые, не решаясь из-за риска заняться лично производством, имели рабов, которых они отдавали в наем. Таких рабов «на жалованье» мы например встречаем в деле о наследстве Кирона[10]. Это обстоятельство объясняется здесь столь

же естественно, как и при эксплоатации копей, или при обслуживании каких-либо экстраординарных празднеств и банкетов. Производство и торговля не требуют всегда одного и того же числа рук. То, чего они требуют в моменты наибольшего подъема, во много раз превышает то число, которое им необходимо в обычное время. Когда труд свободен, то нанимают и рассчитывают рабочих по мере текущих потребностей. Когда же рабочим является почти исключительно раб и когда надо еще приобретать орудия труда, то интерес хозяина предписывает ему иметь их не свыше среднего количества. Этим в общем и определялось количество рабов для производства и торговли; когда дела расширялись, то к обычным рабочим-рабам нанимали рабочих поденных [11]. При колебаниях спроса на труд в большом городе эти наемные рабы были теми пружинами, которые держали производство на уровне потребностей; то, что приходилось пользоваться такими рабочими, доказывает, что старались устроиться так, чтобы не иметь лишних рабов; но это не доказывает, что их не было много. В колониях европейских государств, где рабское население было очень многочисленным по сравнению с людьми свободными, все-таки были наемные рабы, и мелкие собственники жили исключительно на доходы от их работы [12].

Было бы очень смело предлагать какое-либо определенное число для каждого из различных видов этого огромного афинского производства, по которым были распределены рабы; но, я думаю, что, взяв их общее число по всем отраслями производства, их никак нельзя считать меньше, чем троих на каждого афинянина или метека, в возрасте, позволяющем ими пользоваться. Вернемся к тем частным случаям, о которых было сказано раньше, и вспомним, насколько был всеобщим при всех формах владения обычай пользоваться ими таким способом: гражданин, который получал от государства пособие, представлял как доказательство своей абсолютной бедности тот факт, что у него нет ни одного раба, которого он мог бы использовать в своей работе [13]. Взяв за основание число граждан и метеков, внесенных в списки при переписи, т. е. приблизительно 30 тысяч, мы будем иметь 90 тысяч рабов для всех видов производства и торговли, для всех видов морской и флотской службы, будь то работа афинской гавани или плавание по заграничным портам.

Таким образом мы можем считать 175 тысяч рабов взрослых и годных для службы, например от 12 до 70 лет. Сюда нужно прибавить детей и стариков. Но вперед уже заметим себе, что обычные законы, применяемые при ис-

числении населения, не могут быть применены полностью к рабскому населению. Состав и сумма рабов пополнялись не только рождением, но главным образом покупкой. Этот исторический факт великолепно согласуется с другим фактом, что предметом этой торговли были в гораздо большей степени мужчины, чем женщины. Во всяком случае не следует слишком преувеличивать численную разницу между этими двумя полами и как следствие редкости браков между ними—малое количество детей. Если женщины редко применялись на производстве, они, наоборот, в гораздо большей степени, чем мужчины, как я, надеюсь, доказал это, были заняты в домашнем обиходе. Допустим, что на каждую семью афинянина или метека для домашней службы требовалась только одна женщина; мы получаем 30 тысяч и 10 тысяч исключительно только для различных работ в деревне, в мастерских или в мелкой торговле. Конечно это не будет означать 40 тысяч браков, так как хозяева — это можно видеть у самого Ксенофонта — находили, что когда рабы вступают в сожительство, это создает больше неудобств, чем выгод, и разрешали это только при известных условиях[14]. Но, принимая во внимание общую испорченность языческих нравов и неизбежную вольность поведения афинских рабов[15], лишенных всех природных прав, чего можно было требовать от простых женщин, которым отказывали в понятии достоинства, считая его привилегией свободных! Таким образом дети у рабов были уже не так малочисленны, как можно было бы об этом думать: доказательство — завещание Ликона и особенно завещание Аристотеля, распоряжение которого я приводил раньше. Обобщая все это, я думаю, что число детей у рабов в тех пределах, которые я указал для количества женщин, не могло быть много ниже числа детей, рождающихся у свободных. Какую же приблизительную цифру можно назвать? Во Франции на 10 миллионов населения мы получаем (по данным 1842 г.) 7 127 606 взрослых (от 12 до 70 лет), 2 562 237 детей моложе двенадцати лет. Если применить эту пропорцию к Аттике, то на 40 тысяч мы могли бы ожидать детей моложе 12-летнего возраста немногим более 29 тысяч. Признаем, что затруднения при заключении союза, обычные условия рабства, та беспорядочная жизнь, которую оно влечет за собою, уменьшают это число на целую треть[16]; мы будем иметь 20 тысяч детей, которые следует прибавить к найденным уже нами 175 тысячам; итого всего 195 тысяч моложе 70 лет. Что касается стариков, то закон народонаселения нам дает пропорцию 1 : 32, т. е. немногим больше 6 тысяч.

Таким образом, подсчитав все вместе, мы получим:

Домашних рабов	40 000
Рабов в сельском хозяйстве	35 000
Рабов в копях	10 000
Рабов, занятых в ремесле, торговле и мореплавании	95 000
Детей моложе 12 лет	20 000
Стариков старше 70 лет	6 000
Всего	206 000

Сюда не причислены государственные рабы, между которыми 1 200 скифских стрелков [17].

Сюда же нужно прибавить и свободное население:

Афинян	67 000
Метеков	40 000

Всего от 308 до 313 тысяч жителей, или приблизительно 122 человека на квадратный километр.

4

Но число, до которого мы нашли нужным поднять количество населения Аттики, руководясь данными, основанными на свидетельствах древних писателей, не должны ли мы отвергнуть его на основании тех положений, которые мы извлекаем из природных условий самой страны? Опровергая текст Афинея, Летронн выставляет против него двойное положение: невозможность сохранить во время войны столь большое число рабов и невозможность кормить их в обычное время. Эти возражения, правда, направленные против числа, которого не принимаю и я, касаются всякого исчисления свыше 100 тысяч — того предела, на котором он остановился. Рассмотрим оба эти возражения.

Прежде всего, невозможно ли было сохранить рабов во время войны? Что касается этого вопроса, то я думаю, что можно было бы защищать даже цифру, данную Афинеем. Конечно двух небольших укреплений, Анафлиста и Торика, даже присоединяя к ним то, которое Ксенофонт советует построить на промежуточных высотах, было недостаточно для 400 тысяч человек. Но ведь здесь шел вопрос только о рабочих в копях [1], и как бы ни была велика любовь к преувеличениям у этого собеседника Афинея, я не думаю, чтобы всех рабов страны он сводил к горнякам. Рабы, как и свободные, были распределены по городам, гаваням, деревням и поселкам. В случае вторжения маленькие крепостцы, рассеянные по всей территории, например такие, какие намечает декрет, упоминаемый Летронном [2], принимали

к себе ближайшее население. Афины, которые одни заключали в себе такое большое число рабов, принимали в свои стены еще и других, так же как они принимали и сельское население, начиная с первых этапов пелопоннесской войны и во время чумы при Перикле[3]. Кроме того можно было бы спросить себя: были ли всегда необходимы для Аттики такие предосторожности и нужна ли была, чтобы сдерживать рабов, столь сильная охрана, все эти укрепления и применение всех этих сильных средств? Конечно, времена вторжений бывали всегда критическими для хозяев, и афиняне это испытали, когда спартанцы, по совету Алкивиада, укрепили Декелею, чтобы поднимать оттуда восстания или собирать там бежавших рабов, труд которых применялся вне дома[4]. Уже в следующем году их перебежало туда более 20 тысяч, из них большинство—рабочих[5]; это была внезапная и непредвиденная потеря, которая привела в беспорядок труд в производстве, потрясла общественное доверие и осталась в памяти афинян вплоть до времен Ксенофонта[6], как роковое черное время. Между тем в общем нужно сказать, что хозяева повидимому меньше боялись бегства рабов, чем их восстаний. Дело в том, что древность никогда по отношению к рабам не практиковала системы подстрекательства, которое имело бы целью затронуть самые основы рабства. Было не принято смотреть на раба как на человека: это — вещь, а на войне — один из предметов добычи. В большинстве текстов, во всех тех, которые цитирует Летронн, упоминается много пленных, которым победители вернули свободу[7]; но нет ни одного случая отпуска на волю раба. Их продают, их делят между собою. Об отпущении на волю рабов думают так же мало, как и о стадах[8]. Это конечно должно было влиять в известном смысле на образ действия рабов по отношению к неприятелю. И если грек, обращенный в рабство, выжидал приближения своих сограждан, чтобы избавиться от своего положения, то раб-варвар, который обычно менял только господина, не стремился к этому без достаточных оснований[9]. Илоты с мессенской территории массами эмигрировали в убежище на Пилосе, воздвигнутое руками афинян для порабощенных соплеменников; равным образом и на острове Хиосе, где хотели удержать в повиновении рабов, противопоставляя их численности суровость обращения с ними, как делали спартанцы, рабы непрерывно уходили в укрепленный лагерь афинян[10]. Но Декелея в руках спартанцев для Аттики была совсем не тем, чем были эти афинские укрепления для острова Хиоса или для Спарты — стены Пилоса. Она прежде всего получила 20 ты-

сяч перебежчиков, и с тех пор была для Афин как бы постоянной угрозой; у Аристофана можно узнать, что с тех пор хозяева не решались наказывать своих рабов из страха толкнуть их в ряды врагов[11]. Ценой такой осторожности стали меньше бояться их отпадения, и их число не представляло уже опасности: свидетель этому Ксенофонт.

В трактате «О доходах», где Ксенофонт, всячески советуя государству приобретать рабов, не боится вызвать воспоминание о Деккелее, он высказывает предположение о том, какие возражения могут быть выдвинуты против его проекта: опасаются ли, что эти люди в случае вражеского вторжения поднимутся против своих господ или что их с трудом можно будет удержать от этого? Нет, высказывается только опасение, как бы эта затрата не осталась тогда бесприбыльной. Что думает Ксенофонт? Он считает, что, наоборот, вся эта затрата пойдет на пользу государству против врагов, «так как, — прибавляет он, — какое имущество во время войны более дорого, чем люди? Одни смогут составить экипаж для большого числа государственных кораблей, а другие — с оружием в руках будут страшными для врагов в сухопутных армиях с условием, чтобы с ними обращались хорошо»[12]. Такова была политика афинян; и Ксенофонт, который здесь дает это руководящее указание, в приписываемой ему «Афинской Политии» свидетельствует, что это было так проведено и на практике: он говорит о той большой свободе, которой пользовались рабы в Афинах, и о причинах, которые ее гарантировали им[13]. Но в таком случае опасность вторжения не является больше основанием для сокращения числа рабов. Эта самая политика в то же самое время повидимому доказывает, что их было очень много, так как рассчитывали удержать их только тем, что ослабляли связывающие их узы.

5

Допустим, что Аттика могла удержать и защитить такое число рабов. Но могла ли она их прокормить?

Бёк и Летронн показали, что хеникс зерна, или $^1/_{48}$ часть медимна, был ежедневным рационом солдата и рабочего[1]. Но они думают, что эта норма слишком велика в применении ко всему населению, считая всех — и мужчин, и женщин, и детей, и стариков. Поэтому они делают с нее очень крупную скидку. Сохраняя ее для взрослого раба, для детей-рабов Бёк принимает только половину, и половину этих количеств он принимает соответственно для взрослых и детей свободного населения, питание которых состояло не

исключительно из хлеба; всего требовалось приблизительно 3 миллиона медимнов в год для населения Аттики, принимая его, по Афинею, в количестве 500 тысяч человек[2]. Принимая во внимание современное питание, особенно в юго-восточных областях Франции, сильно напоминающих Аттику, можно принять в общем ежедневное питание в 2/3 хеникса; это даст 5 медимнов в год, или 2,60 гектолитра на человека[3]. Таким образом общее потребление не составило бы больше 1 550 тысяч медимнов. Но чтобы избегнуть возражений по поводу легкости зерна в Аттике и в той стране, которая больше всего доставляла его для ввоза, я буду держаться числа 1 743 750 медимнов, или 907 180 гектолитров, при расчете 3/4 хеникса потребления на человеко-день.

Вот какова потребность страны, предполагая в ней 310 тысяч жителей. Хватало ли у нее средств для ее удовлетворения? Как согласуются данные о ее собственной продукции и о ее ежегодном ввозе с наличием столь многочисленного населения? Если мы обратимся к Бёку и Летронну за разрешением этих вопросов, то мы окажемся в недоумении, имея перед собой разногласие двух столь крупных авторитетов. Один находит, что можно прокормить 500 тысяч человек, другой же утверждает, что с трудом хватит для 240 тысяч. И при этом оба получают два столь различных вывода, основываясь на одном и том же материале: на данных ввоза; на сравнении, которое сделано Демосфеном о количестве зерна, доставляемого в Аттику из Понта, с тем, которое она получает из других стран; на собственной продукции; на отношении, которое можно установить между всей Аттикой и имением Фениппа, величина и продукция которого даны в другой речи того же оратора.

Что касается цифр ввоза, я заранее скажу, что данные, указываемые Демосфеном, не являются столь безусловно точными и определенными, чтобы можно было с уверенностью опираться на них в таком вопросе, который требует крайней осторожности. Статистика, наука, которая по необходимости оставляет столько неясностей в своих расчетах, должна по крайней мере основываться на данных, не вызывающих сомнения. И как раз с этой точки зрения тексты Демосфена не представляют никакой гарантии. Выступая против закона Лептина, который отменял всякие послабления при уплате налогов, Демосфен хочет показать афинянам, какой опасности подвергаются они со стороны Левкона, царя Боспора, по которому больно ударил этот закон. Он говорит, что ежегодно из Боспора в Афины приходит 400 тысяч медимнов зерна; и так как немного выше было указано, что привоз из Понта в Пирей состав-

ляет почти половину того, что поглощали рынки Афин из привозного зерна[4], то Летронн заключил отсюда, что ввоз зерна из-за границы ограничивался 800 тысяч медимнов. Но даже игнорируя те неясности в выражении, которые имеются у Демосфена, надо учесть, что его мысль вполне естественно находилась под влиянием того судебного дела, которое он защищал, и она вела его к преувеличению. Надо присмотреться ближе к той цифре, которую он дает для ввоза из Боспора: это та цифра, на которой он основывает права Левкона на благодарность ему со стороны афинян; он ссылается на записи ситофилаков (наблюдателей за зерном). Но их авторитетом он не подкрепляет того баланса, который он устанавливает между ввозом из Понта и остальными иностранными поставками: это сравнение чисто ораторское, и было бы в высшей степени неделикатно требовать у него в данном случае полной точности.

Прибавим, что среди стран, которые доставляли зерно в Афины, были также смежные области — Беотия и Эвбея, которые в обычное время выгружали свой подвоз в гавани Оропа[5]. Так вот, хотя ввоз зерна подлежал пошлине[6] или, быть может, именно потому, что он подлежал пошлине, он часто ускользал от контроля государства. Можно ли думать, чтобы откупщик этого налога мог предупредить контрабанду своей бдительностью, и в частности север Аттики разве не мог найти средства пополнять таким образом свои запасы, не прибегая к содействию Пирея? Итак, оставляя цифру 800 тысяч медимнов, которые, если принять буквально слова Демосфена, все же не выражали со всей точностью всю сумму ввоза, я охотно соглашаюсь с Бёком, который, увеличивая это количество до 1 миллиона медимнов, не погрешил против истины. Если эта часть Понта, подчиненная царю Левкону, т. е. область Боспора, составляя лишь часть побережья Эвксинского моря, давала $^{4}/_{5}$ всей суммы ввоза зерна, которым другие страны — остров Кипр, Эвбея, Беотия, Фессалия — снабжали Аттику[7], то конечно надо сказать, что доля Понта была еще достаточно значительной[8]. Я не думаю, чтобы можно было фиксировать ввоз зерна в Аттику меньше чем в 1 миллион медимнов; но в то же время я не вижу никакого способа установить в этом отношении вполне точный предел.

Но допустим, что этот предел не был перейден. Тогда сама Аттика должна дать разницу между этим числом и тем, какого требует пропитание ее жителей, т. е. приблизительно 744 тысячи, и кроме того посевной материал, нужный для того, чтобы в следующем году дать зерно для потре-

бления и воспроизводства. Прежде всего, какой цифры должно достигнуть это необходимое дополнительное количество?

В Сицилии, говорит Бёк, высеивали 1 медимн (52 литра) на 1 югер (0,25 гектара), т. е. 2,08 гектолитра на гектар; эта плодоносная почва давала урожаи сам-восемь, сам-десять [9]. Нельзя сравнивать Аттику с Сицилией; но можно взять средний урожай всей Франции и особенно ее юго-востока, дающий отношение 1 : 5 или 1 : 6. Это как раз те цифры, которые указываются для современной Аттики, несмотря на истощение страны и упадок культуры. Бёк цитирует английского путешественника Хабхауза (Hobhause), который говорит, что средняя урожайность зерна в Аттике сам-пять или сам-шесть и никогда не бывает выше сам-десяти. Возьмем наиболее низкое отношение — сам-пять. 740 тысяч медимнов потребуют 158 800 медимнов для посева; для этого посевного фонда, который входит в ежегодное потребление, понадобится еще 31 760 медимнов на воспроизведение: всего таким образом приблизительно 930 560 медимнов. Была ли когда-нибудь Аттика способна дать их? Это наиболее трудный пункт вопроса, и доныне разрешаемый самым различным образом. Неплохо однако проверить те основы, откуда сделаны столь противоположные выводы.

6

Эту задачу, стоящую перед нами, Летронн решает самым простым и неожиданным способом: для него — это пропорция, устанавливаемая между площадью и продукцией земли Фениппа, указанными Демосфеном, с одной стороны, и площадью Аттики, как она дана современными картами, и тем, что она производит, — с другой. Это соотношение и есть та искомая величина, которую должны определить три остальные величины.

Землю Фениппа Летронн определил в 75 стадий, и она производила 1 тысячу медимнов зерна; площадь Аттики равна 53 тысячам стадий, из которых $^4/_5$, или приблизительно 44 тысячи, годны для обработки. Эта площадь, превосходящая первую в 600 раз, должна производить в 600 раз больше, т. е. 600 тысяч медимнов. Но отсюда нужно скинуть $^1/_5$ на семена, которые должны итти на воспроизводство; остается 480 тысяч — это вовсе не много для населения Аттики, по исчислению Летронна; к этому числу еще надо присоединить проходящих через Аттику иностранцев [1]. Это будет тем более недостаточно для того количества населения, какое выше было установлено мной. Но рассмотрим каждый член этой пропорции в отдельности.

Прежде всего, все ли обстоит благополучно с площадью Аттики? Летронн, который, особенно по отношению к принятой им гипотезе, вполне удовлетворительно опроверг текст Афинея, не потрудился с его помощью доказать первый член этого отношения. Он заимствовал его у Барбье де Бокажа, который так определяет поверхность этой страны:

	Квадр. олимп. стадий		Стар. квадр. миль
Аттика	53 000	=	74
Саламин	2 925	=	$4^{8}/_{45}$
о. Елена (Макронизи)	450	=	$^{2}/_{3}$
Всего[2]	56 375	=	прибл. 80

Но эти измерения, составленные названным географом по карте 1785 года, были основаны на неправильных данных. Страна была крайне преуменьшена в направлении от гавани Оропа до мыса Херсонеса, и от Пирея до каждого из этих пунктов. Карта, переделанная тем же автором в 1811 г., несколько исправляет эти недочеты, и Бёк, который произвел измерение поверхности Аттики уже по этой карте, дал следующие цифры:

	Нем. миль		Кв. геогр. миль		Кв. олимп. стадий
Аттика	$39^{1}/_{16}$	=	625	=	62 500
Саламин	$1^{5}/_{8}$	=	26	=	2 600
о. Елена	$^{5}/_{16}$	=	5	=	500
Всего[3] . . .	41	=	656	=	65 600

Это исчисление, принятое в большинстве немецких работ, вышедших после работы Бёка[4], уже является недостаточным с того момента, как французская наука картой, составленной в 1838 г. Альденговеном по Греции, как некогда по Египту, можно сказать, реформировала географию этой прославленной страны. Но все же я считал, что нужно пересмотреть расчеты древних историков, и я не отказался от этой длительной операции.

Прежде всего нужно было точно определить сухопутную границу Аттики. Со стороны Мегариды она упиралась в горы Керата (скалы Теркери) и шла, без сомнения, от этих скал до Киферона (гора Элатейя) по линии возвышенностей, которые определяют водораздел между этими двумя областями. Со стороны Беотии, и в прежнее время, как еще и теперь, она была отделена цепью гор, которая от Киферона до Парнеса (гора Озейя) отделяет маленькие долины Аттики от долин, склоняющихся к течению реки Асо-

па[5]. За Парнесом она поворачивает к северо-западу, спускаясь сама к этой реке, и соприкасается с областью Оропа, находящейся в том месте, где река впадает в море: страна, долго оспариваемая двумя народами, с территориями которых она граничила. Город Ороп, который Фукидид в период пелопоннесской войны считает находящимся в зависимости от Афин, испытал много превратностей в течение следующего столетия. То свободный, то союзный или подчиненный иной раз Фивам, иной раз Афинам, он был отнят из-под власти последних Фемисоном, тираном Эретрии (в 366 г. до н. э.); фиванцы, приглашенные в качестве третейских судей в этом споре, получили этот город для временной охраны и сохранили его за собой[6]. После битвы при Херонее он был опять отдан Филиппом афинянам; после смерти Александра он стал свободным благодаря Полисперхону. Вслед за тем он был взят Кассандром и почти тотчас же освобожден Птолемеем, генералом Антигона (в 312 г.); с тех пор несомненно его интересы привязывали его к афинянам[7]. Таким образом Афины были той страной, с которой он был обычно тесно связан[8]. Дикеарх называет жителей Оропа, наравне с платейцами, беотийскими афинянами[9]. Страбон, который сначала помещает этот город между этими двумя странами, дальше при описании Беотии зачисляет его в эту страну[10]; но Тит Ливий присоединяет его к Аттике[11], а Павсаний определенно говорит, что он в конце концов остался за ней[12]. Таким образом этот город со своей областью может быть причислен к территории Аттики. Но так как он не составлял части ее в ту эпоху, когда Демосфен в своей речи против Лептина (около 355 г.) подсчитывал ввоз зерна в Аттику, я не буду принимать его в расчет при своих вычислениях. От этой границы до Киферона по всей той линии, которую я наметил, находится целый ряд развалин, последние остатки укреплений, которые прикрывали границу и господствовали над проходами. Они находились и около Оропа. Ограничиваясь теми, о которых сохранились некоторые воспоминания, можно назвать около Бигла-Турри, на юге, развалины Филы; на запад более значительные развалины Энои и наконец еще немного западнее очень значительные развалины Гифто-Кастро. Барбье де Бокаж думал найти в них Элевтеры. Отфрид Мюллер указал, что огороженное пространство слишком обширно, что башня, господствующая над горным проходом, крепкая до сих пор, должна принадлежать месту, более значительному в военной истории Афин. Он видит в них Панактон. Элевтеры, жители которых, не фигурируя среди населения городов Аттики, были

поставлены под покровительство Афин и делили с ними все права и жертвы, были расположены на равнине или в направлении к первым склонам Киферона, по дороге от Элевсина и Мегары к Фивам, может быть, около нынешней Кондуры [13].

Определив эти различные пункты, мы можем взять за основу вычислений треугольник, основание которого простирается от мыса Сунион до горы Киферон, имея в длину 48,2 географической мили; вершина этого треугольника находится на расстоянии 46 миль от первого и 42,4 мили от второго из этих пунктов. Площадь этого треугольника и тех частей, которые должны быть сюда прибавлены или откинуты, чтобы дать нам точную величину искомой поверхности, приводит нас к следующим результатам:

	Квадратных географических миль		Квадратных олимпийских стадий
Аттика	700,48	=	70,048
Саламин	33,66	=	3,366
о. Елена	6,02	=	0,602
Всего . . .	740,16	=	74,016

Переводя на наши современные меры, мы получим 2 532,65 квадратных километров, или 253 265 гектаров [14].

Если мы перейдем к первому члену первой пропорции, т. е. к отношению площади всей Аттики к имению Фениппа, то встретим тут затруднение другого рода. Клиент Демосфена, который хочет избавиться от выполнения государственной повинности за счет Фениппа, предлагает ему «обмен». Главным объектом этого обмена является земля, которую он сам посетил и познакомился со всеми ее окрестностями и которая имеет не меньше 40 стадий — чего? Окружности или площади? Текст не вызвал сомнений ни у Бёка, ни у Летронна. Они высказались без колебаний: один — за площадь, другой — за окружность. Так как термин «стадий» наиболее часто употребляется как мера длины, то прежде всего появляется соблазн высказаться за окружность. Самая форма фразы обычно заставляет переводчиков решать вопрос именно в таком направлении [15]. Но иная пунктуация (она как раз предложена Рейске) дает совсем другой смысл [16], и выводы, которые следуют как из самой речи, так и из общих положений, имеющих известное отношение к данному вопросу, повидимому подтверждают эту интерпретацию.

Я уже раньше, основываясь на работах Бёка, показал, что земельная собственность в Аттике была исключительно

мелкая; и если некоторые из имений были значительно большего размера, особенно у границ, где и был расположен участок Фениппа, то все же они не переходили известной грани. Общераспространенная цена за обыкновенный наследственный участок была от 20 до 30 мин и 1, 2 или 3 таланта за более значительные. Был только один участок, который стоил немного меньше 5 талантов; и как раз это тот, величина которого нам известна. Какова она? Немного больше 300 плетров (28,58 гектара), откуда получается стоимость плетра приблизительно в 90 драхм [17]. Отсюда земля Фениппа, предполагая в ней только 40 квадратных стадий, будет уже в 1 440 квадратных плетров (137,17 гектара). Но если мы предположим в ней 40 стадий в окружности и предположим вместе с Летронном (это самый умеренный расчет) 15 стадий длины и 5 ширины, она получится уже в 75 квадратных стадий, или 2 700 плетров (257,2 гектара), и пропорционально выше найденной нами цене она будет стоить 40½ талантов; допустим, что это является слишком повышенной ценой, и снизим ее до 60 драхм за плетр; она все-таки будет стоить 27 талантов. Неужели у клиента Демосфена хватило нахальства и хитрости, чтобы претендовать на такое имение со всеми продуктами, которые оно производит? [18]. Откуда эти жалобы на то, что там сломаны судейские печати, что оттуда вывезен хлеб? [19] Как он мог предложить для обмена свое имущество ценою в ½ таланта [20], состоявшее из истощенных уже копей, взамен этого огромного и богатого имения, требовать полного возвращения зерна, вина и всего того, что оттуда было вывезено? [21] Эта земля, даже просто как таковая, разве не была бы одним из крупных состояний Афин? А с другой стороны, как могло случиться, что при таком состоянии Фенипп не выполнял никаких государственных повинностей? И каким образом — а это вытекает из хода самого процесса — не был он в числе тех 300 граждан, которые прежде всего должны были взять эти повинности на себя? [22]

Все заставляет нас притти к убеждению, что даже при самом ограничительном толковании нужно признать здесь большую долю преувеличения в интересах дела, согласно адвокатским привычкам. Мы имеем для этого прямое и решительное доказательство. Земля Фениппа, которая давала, как говорят, зерно и вино (виноградные лозы культивировались между ячменем или между деревьями) [23], земля, которая находилась таким образом в условиях, наиболее благоприятных по отношению к тем культурам, урожай которых хотят установить, дает 1 тысячу медимнов зерна.

Допустим, что она имела 75 стадий по своей площади, что дает 257,2 гектара; мы будем иметь, допустим, 250 гектаров, производящих 1 тысячу медимнов, т. е. 2,8 гектолитра с гектара, почти столько же, сколько на юго-востоке Франции, наиболее похожем на Аттику, требуется только для посева. Допустим, что под эту культуру была занята только одна треть земли (т. е. 25 квадратных стадий — 85,75 гектара), мы получим урожайность в 6 гектолитров с гектара, т. е. урожай, значительно более низкий, чем в самых неплодородных и плохо обрабатываемых департаментах Франции. Аттика — страна конечно малоплодородная, но замечательно обрабатываемая; разве ее можно поставить ниже самых непроизводительных областей Франции? И если бы это было так, то класс земледельцев разве мог бы так смело конкурировать с владельцами самых плодородных побережий Средиземного моря [24], не имея тех преимуществ, которые создают для местного производства, находящегося вдали от моря, затрудняя импорт, без тех привилегий тарифа, которые так долго поддерживали английское сельское хозяйство? Было ли имение Фениппа размером в 75 или 40 квадратных стадий, в нем под посевом зерна не могло быть занято больше 15. Остальное было занято или виноградниками (я сказал выше, что они занимали мало места), или главным образом лесом, от регулярной рубки которого Фенипп получал ежедневный доход до 12 драхм [25].

Но если это имение, приблизительно в 75 квадратных стадий, имело только 15 под зерновым посевом, то ясно, что едва ли оно находилось в столь благоприятных условиях, чтобы служить мерилом для зерновой продукции Аттики. Тем не менее примем это отношение; введем только в наши расчеты Саламин, который был неотъемлемой частью Аттики и поэтому может также считаться базой внутренних ресурсов питания; допустим также, что фермы и другие здания, пути сообщения, виноградники и леса, которые по этой гипотезе занимают в этом имении 60 стадий, т. е. $^4/_5$ всей земли, представляют собой обитаемые места, места невозделанные или предоставленные под другие культуры во всей стране, так что эти площади можно поставить в прямое отношение. Они будут относиться между собою как 75 : 73 000 или как 1 : 973. Тогда, имея 1 тысячу медимнов для первой части отношения, мы получим для второй 973 тысячи, т. е. на 42 тысячи медимнов больше, чем требовалось бы вместе с иностранным ввозом для пропитания 310 тысяч жителей.

При всем том это количество очевидно не преувеличивает меры плодородия, которую можно предположить для

Аттики. Страна была гористой — это верно,— особенно на сухопутной границе вдоль Беотии; и во внутренних частях у нее было несколько горных хребтов — Гиметт, прославленный своим медом, Пентеликон со своими мраморными каменоломнями и Лаврийская область с ее серебряными рудниками [26]. Но горы, говорит Бёк, не были настолько высоки, чтобы быть бесплодными. «Правда, — продолжает он, — скалы были нередки; но они занимают небольшую часть поверхности, и даже там, где камень был хоть немного смешан с землей, можно было возделывать ячмень. Это уже дело земледельческой техники» [27], а ведь известно, что сельскохозяйственное дело в Аттике было поставлено высоко.

Во всяком случае даже при этих условиях и при территории более обширной, чем исчисляет ее Бёк, я не могу согласиться с ним, что страна могла производить 2 500 тысяч медимнов зерна, этого необходимого дополнения к ввозу для пропитания населения по его системе [28]. В этом случае нужно было бы допустить, что почти половина страны находилась под посевом. Пример Франции указывает, что отношение площади посевных культур к общей площади страны составляет для северо-восточных и северо-западных областей приблизительно одну треть, для юго-западных — одну четверть и для юго-восточных — одну пятую. Очевидно, что Аттика площадью посева не превышала первые, но очень вероятно, что она не была ниже последних. Можно предположить, что минимум пятая часть ее поверхности была под зерновыми культурами — пшеницей и ячменем — в эпоху, когда область культурного земледелия менялась так мало и при той системе земельной эксплоатации, которая например позволяла сеять ячмень между виноградными лозами. Допустим таким образом, что пятая часть ее площади была занята этими культурами. Аттика с Саламином имеют площадь в 734,14 квадратных географических миль; возьмем круглое число 730 миль, равное 249 842,41 гектаров, пятая часть которых равна 49 968 гектаров. Принимая урожай в 11 гектолитров с гектара — самая низкая урожайность юго-востока Франции,— мы будем иметь 549 653 гектолитра, или 1 056 526 медимнов, которые, будучи прибавлены к миллиону медимнов ввоза, составят количество, более чем достаточное для нужд страны, считая в ней 310 тысяч жителей [29].

7

Всем вышесказанным, я думаю, установлено следующее:

1. Число 60 тысяч рабов, на которое делает указание Ксенофонт, когда он предлагает покупать рабов «до тех

пор, пока их не будет три на одного афинянина», относится только к работам в копях, и никогда это число нигде, кроме как в его теории, не имело реального существования; поэтому отсюда нельзя сделать никакого вывода, касающегося в целом числа рабов в Аттике.

2. Число рабов в 400 тысяч, даваемое Афинеем на основании слов Ктесикла, базировавшихся на результате переписи Деметрия из Фалер, является общим числом, включающим в себя все рабское население; слова другого собеседника, который относит эти десятки тысяч рабов к рабочим в Лаврийских копях, ни на чем не основаны, сознательно преувеличены и противоречат тексту, совершенно ясному и точному.

3. С другой стороны, в одном месте Фукидид говорит, что остров Хиос имел рабов больше, чем какое-либо другое государство кроме Спарты. Но Спарта не могла иметь илотов больше чем 220 тысяч. Хиос мог вполне собрать у себя 210 тысяч рабов. Таким образом рабское население Аттики не могло быть выше 200 тысяч человек.

Этот предел, который не может быть повышен, был ли он достигнут? Ни один текст не указывает нам положительно более низкого предела. Совокупность всех свидетельств, касающихся рабства, — столь широко распространенное использование рабов, особенно женщин, для внутридомашнего обслуживания, применение мужского труда в земледелии, в каменоломнях и рудниках, во всех видах производства, для всех нужд торговли и мореплавания у народа, у которого все эти занятия находились на первом плане и были так широко поставлены, — все это конечно предполагает, что общее число рабов было довольно значительным. Прибавим, что доказательство, полученное нами из данных ввоза зерна в Аттику и его производства внутри страны в тех нормах, которые были указаны выше, может служить для получения цифры низшего предела населения, которого нам нехватало, и тем подтверждает полученные мною выводы. Действительно, потребление я высчитывал по максимуму, а производство по минимуму, какие можно было допустить в разумных пределах. Я принял за потребление на одно лицо 2,93 гектолитра в год, тогда как во Франции оно колеблется от 2,71 до 2,42 гектолитра; я считал посевной фон в 1/5 всего полученного зерна, хотя есть много оснований считать его значительно ниже. По урожайности я взял цифры ниже, чем во Франции в соответствующих областях; наконец, что касается величины площади, отведенной под посевные культуры для питания населения, я не перешел норм, имеющих место во Франции. А между

тем Франция и Аттика с этой точки зрения находятся не в одинаковом положении. Франция может ограничить свои посевные культуры в указанных пределах, так как в этих пределах она может дать достаточно зерна для удовлетворения потребностей всех своих жителей. Аттика же, принужденная прибегать к ввозу из-за границы, естественно, должна была стремиться поднять свою внутреннюю продукцию возможно выше, до уровня своих потребностей. Лишь допустив крайнее неплодородие страны, можно считать, что при подобных обстоятельствах Аттика не могла данную грань перейти. Таким образом конечную продукцию в 549 653 гектолитра, или в 1 056 526 медимнов, надо признать наиболее низкой, какую только можно предположить для Аттики. Выкинем отсюда 200 тысяч медимнов для посева; остается для потребления 856 526 медимнов, и так как ввоз был минимум 800 тысяч, мы будем иметь 1 656 526 медимнов как наименьшее количество зерна, которое потреблялось в Аттике. При расчете $^3/_4$ хеникса в день на человека, или $5^5/_8$ медимна (=2,93 гектолитра) в год, получается минимум 294 500 жителей.

В этих пределах, от 295 тысяч до 310 тысяч человек, мы должны установить цифру населения Аттики, по всей видимости ближе к 310 тысячам, чем к 295 тысячам. Принимая бесспорно количество афинского населения приблизительно в 67 тысяч, население метеков в 40 тысяч, получаем, что рабское население составляло от 188 тысяч до 203 тысяч человек.

Афиней повидимому удвоил число рабов, ссылаясь на данные, имеющиеся в переписи Деметрия из Фалер. Мне придется сказать то же, и даже в большей еще мере, относительно того, что он говорит о рабах в Коринфе и в Эгине, несмотря на авторитеты, на которые он ссылается, и несмотря на согласие с ним в этом отношении Бёка. Действительно, дальше в той же беседе Афиней говорит, что, по данным Тимея, в Коринфе было 460 тысяч рабов, а согласно Аристотелю в Эгине было 470 тысяч [1]. Без сомнения, эти два города, в руках которых некогда была почти вся торговля по побережью Средиземного моря и которые главным образом торговали с Эвксинским Понтом, должны были иметь большое количество рабов. Но сам Бёк признает, что эпоха их процветания конечно предшествовала развитию могущества Афин, и таким образом свидетельства Аристотеля и Тимея, даже при признании их подлинными, не являются для рассматриваемой эпохи современными. Итак, можно только строить смелые предположения на основании воспоминаний о древнем морском гла-

венстве этих двух государств. Нет ведь ни одного факта, который подтверждал бы эти предположения; а против себя они имеют все правдоподобные доказательства, вытекающие из наблюдений над устройством страны. В самом деле, Коринф обладает очень узкой областью и каменистой почвой на подступах к перешейку, Эгина же — очень гористый остров в $25^1/_4$ квадратных миль, или 2 425 квадратных стадий (= 83 квадратным километрам). И вот, определяя для него свободное население в 130 тысяч человек, значит, всего 600 тысяч, мы получим на квадратный километр 7 230 человек, т. е. вдвое больше, чем в промышленных районах Франции, приблизительно только в три раза меньше, чем в Париже. Одним словом, весь остров, покрытый домами в два или три этажа!

Эти цифры мы должны отвергнуть и найти другие, более соответствующие истинному положению этих государств. Эгина, менее благоприятствуемая своим природным положением, более ущемленная в своей торговле растущим значением Афин, должна была всегда в отношении численности рабов отставать от Аттики; с каждым днем она отставала все больше. Коринф, находившийся на подступах к Пелопоннесу и на главной торговой дороге между востоком и западом, остался свободным и продолжал эксплоатировать тех многочисленных рабов, которые позволили дать его жителям прозвище «отмеривателей хениксов» [2]. Мегара, дорическая, как и Коринф, и не менее неверная духу этого воинственного племени, посвятила себя тем же торговым интересам, хотя и при худших условиях. Оттесненная Афинами с арены крупной торговли, она занялась главным образом ремеслом: большинство мегарцев, по словам Ксенофонта, жило производством туник и трудом рабов-варваров, которых применяли при этой работе [3]. Кроме того рабы могли быть объединены в известном количестве в других местах, где практиковался тот или другой вид спекуляции: например, на Делосе или в Дельфах, где все жители превратили свои дома в меблированные комнаты для иностранцев [4], и т. д. И то, что я сказал о европейских греках, в еще большей степени относится к их колониям, к этим городам, действительно промышленным и торговым, в которых находились главные рынки рабов: на востоке — Хиос, о котором говорят, что его жители первыми занялись такой торговлей; Эфес, который вел такую торговлю с азиатскими народами в ущерб самим грекам; Милет, Фокея, Родос и т. д.; на западе — Тарент, Сибарис, столь известные большим числом рабов и своей роскошью [5], и Кирена, где существовал обычай на пиру, который великий

жрец устраивал своим предшественникам, каждому из участников давать по рабу, который ему служил [6].

Таким образом у народов, обратившихся к производству и торговле, всюду мы находим рабов, как мы нашли крепостных у народов, осевших в той или другой стране в силу завоевания и более продолжительное время оставшихся верными учреждениям, благодаря которым они здесь утвердились. Наряду с этими государствами, торговыми или воинственными, есть также другие, которые не являются, точно говоря, по своему характеру ни теми, ни другими и повидимому образуют особую категорию, как например локры или фокидяне. По словам Тимея, с рабством они познакомились очень поздно; жена Филомена (около 355 г.) была первой, которая у фокидян появилась публично в сопровождении двух служанок; приблизительно в то же время Мнасон, который содержал тысячу рабов, был обвинен как отнимающий тем самым нужное пропитание у такого же числа граждан [7]. Вообще нужно сказать, что Тимей — писатель подозрительный, особенно когда он возражает Аристотелю. И как раз здесь он имеет претензию критиковать его по поводу учреждений локров, и вполне возможно, что в своих возражениях он заходит слишком далеко. Кроме того в этом месте он говорит только о покупных рабах и о домашнем обслуживании; как раз в этом отношении самые молодые обслуживали самых старых, как говорит Тимей [8]. Вполне возможно, что локры и фокидяне, как и многие другие эллинские племена, имевшие крепостных для работ на полях, могли уничтожить или сильно сократить другую форму рабства [9].

Констатируя повсюду в Греции существование в это время порабощенного населения, то как крепостных в результате завоевания, то как рабов в государствах торговых, я не рискну выразить в цифрах то число, до которого это население доходило. Тексты слишком неполны, чтобы позволить делать общие выводы, хоть чуть-чуть претендующие на достоверность; и такие пробелы в истории большинства этих народов не должны нас удивлять — ведь самая их политическая жизнь известна столь несовершенно. Но у нас есть возможность сравнивать тот и другой типы государств, тех государств, которые являются как бы двумя полюсами греческого мира, в которых лучше всего выразились эти две тенденции греческого духа — уважение к древним обычаям и безотчетное стремление к прогрессу, гений войны и гений цивилизации, — я имею в виду Спарту и Афины: первая безраздельно господствовала над целым покоренным народом; вторая властвовала над целой массой купленных

рабов. В Спарте в эпоху Геродота число порабощенного населения было в семь раз больше числа народа-победителя, и если в число свободных мы зачислим периэков, а в число порабощенных — массы тех рабов, которыми должны были пользоваться периэки при работе и на земле и в мастерских, то число порабощенного населения поднимется еще выше, более чем вдвое превосходя свободное население, вплоть до того времени, когда Мессения была освобождена. В Афинах рабское население было почти вдвое больше числа свободных афинян и иностранцев. У других народов это отношение должно быть ниже и по необходимости изменяться под влиянием многих причин. Быть может, их можно распределить таким образом: что касается крепостных, то за Спартой идут Фессалия, Аргос и различные дорические колонии Азии, Африки, а также Сицилии и Италии [10]; что касается рабов, то за Афинами мы можем назвать Коринф, Эгину, Мегару, а в числе колоний более всех других Хиос, который Фукидид ставит следом за Спартой, хотя в несколько другом отношении. В конце концов, подводя общий итог, можно сказать, что порабощенное население, рабы и крепостные, является населением, более многочисленным, чем свободные; это база, на которую нужно опираться при изучении греческого общества, взятого во всем его целом. Но в частности для истории рабства, так как наши тексты чаще всего касаются внутренней жизни Афин, мы в результате нашего анализа дали цифры, при помощи которых с большей или меньшей точностью можно определить место рабов в государстве и влияние, которое они должны были на него оказать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ В СЕМЬЕ И В ГОСУДАРСТВЕ

Во всех спорах о рабстве, какое бы влияние на судьбы государств ему ни приписывали, нужно всегда отправляться от установки политической к точке зрения гуманности. Ведь в конце концов тут идет дело о человеке: теперь нет никого, кто осмелился бы этого не признавать. И прежде всего надо подсчитать все то добро и зло, которое проистекает для него из такого положения. Конечно, по этому вопросу возможны различные точки зрения; и в зависимости от принятой точки зрения можно найти основание, чтобы нападать на самый факт или защищать его. Одни, пораженные злоупотреблениями, допускаемыми при домашних порядках, без дальнейших рассуждений отказываются от какого бы то ни было примирения с подобным общественным строем; другие, не отрицая злоупотреблений, видят очень крупную компенсацию их в выгодах этого режима: это жизнь труда, но жизнь уверенная, где человек без забот и беспокойств за завтрашний день обеспечен насущным хлебом, одеждой и кровом; разве это даже для нашего времени не является как бы отблеском золотого века? И обычно этому колониальному обществу противополагают общество европейское, столь гордое своей цивилизацией и своими свободами, где человек перестал быть собственностью, не переставая быть орудием, т. е. где он имеет труд, где он бывает очень рад иметь его, не будучи всегда уверенным найти с его помощью все необходимое для себя и для своей семьи. Если бы он всецело принадлежал своему хозяину, которому он все равно обязан отдавать все свое время и все свои силы под влиянием еще более повелительного хозяина — голода [1]; если бы этот хо-

зяин, который заставляет его работать, был заинтересован беречь его, поддерживать, воспитывать его детей, то не было ли бы это разрешением, и быть может лучшим, чем всякие другие, того вопроса, который так различно и оживленно обсуждается и который хотят сделать поводом к революции: организация труда? И тем не менее никто не осмеливается серьезно предложить такого решения. Не говоря уже ни о чем другом, простой здравый смысл, инстинкт народа отвергает его. Я покажу дальше, что этот инстинкт его не обманул; и чтобы доказать это, нам не нужно будет форсировать факты, сгущать краски. Я представлю положение раба таким, каким оно является по памятникам и произведениям того времени, когда применяли рабов, не думая об уничтожении когда-либо рабства. Я возьму его во всех его видах, вместе с тем не отказывая себе в праве исследовать вопрос до конца, до той основы, на которой все это зиждется. Что страдания и лишения семей рабочих часто превосходят страдания рабов, на это я конечно не буду закрывать глаза, да в отрицании этого я вовсе и не заинтересован. Это честь для народных масс, что они предпочитают все бедствия своего положения тому состоянию, которое обеспечивает их существование ценою унижения. В этом сознании собственного достоинства сказывается истинная природа человека.

1

Высший закон для рабов, закон общий для всех, это быть ничем, кроме как вещью в руках своего господина; и это положение имело своим непосредственным результатом то, что они были исключены из класса *лиц* и подчинены законам, которыми регулировалась собственность на *вещи*. Но хотя отношения между господином и рабом и были основаны на этой единственной базе, они могли видоизменяться по месту, времени и племени раба; явление, в сущности неизменяемое, могло в этих формах испытать на себе влияние тысячи всяких внешних условий, зависящих от различных характеров и нравов; и законы, которые опираются на эти обычаи, а иногда им предшествуют, под воздействием более совершенной, более возвышенной мысли, стремящейся поднять эти нравы на более высокую ступень, могут дать свою санкцию обычному поведению и установить как правило *для всех* образ действий, усвоенный лишь немногими. Возьмем человека у самого порога его рабской жизни и посмотрим, как развивалось и видоизменялось в основном его положение.

Рабы, рожденные в доме, росли, так сказать, без призора, в полной заброшенности, вдали от гимнасий и всякого воспитания, способного пробудить в них представление о нравственности, до того дня, когда они могли принять участие в труде [1]; если их покупали, то их покупка сопровождалась — по крайней мере так было в Аттике — такими обрядностями, которые должны были сделать для рабов более приятным дом, где им придется служить. Их сажали к очагу, и хозяйка обсыпала их сухими фруктами и другими «лакомствами» с пожеланиями, чтобы новая покупка пошла на благо дому [2]; это было своего рода посвящением их для приема в недра семьи, *орудиями* которой, но не *членами*, они должны были стать. В то же время им давали имя, которое иногда обозначало или их происхождение, или положение, известные черты их характера, физические или моральные свойства, но которое наиболее часто бывало взято по прихоти хозяина из числа имен, наиболее употребительных у свободных людей и даже наиболее прославленных в мифах или истории: Европа, Эвридика, Ясон, Мелеагр, Филипп, Олимпиада, Александр, Антигон, Деметрий, Арсиноя, Сапфо, Платон, Феокрит, Апеллес и т. д. [3]. Затем, не обращая внимания на эти блестящие имена и на происхождение своих рабов, им назначалась одна из служебных обязанностей по прихоти той же хозяйской воли, которая теперь распоряжалась ими по своему произволу. Вместе с работой они получали вещи, необходимые для жизни: для питания — определенное количество муки, фиг, сколько им отвешивала рука хозяина, чесноку, который они иногда делили с хозяином [4]; для одежды — кусок материи, из которой они делали себе пояс [5] или очень короткую накидку [6], небольшую шерстяную тунику [7], шапочку из шкуры собаки и в лучшем случае еще какой-нибудь грубый мех, чтобы завернуть в него ноги или тело [8], — но все это лишь по доброй воле хозяина и в зависимости от того, насколько этим рабу гарантировалось повышение работоспособности или сохранение здоровья, так как раб был его имуществом.

Таким образом раб был отстранен от всех человеческих прав, от всего, что предполагает личность. Нет никакого брака: слово, которое обозначает его (γάμος), никогда не употребляется греческими писателями для того, чтобы выразить союз мужчины и женщины из числа рабов [9]. Нет никакой семьи: раб не обладает формальным правом, которое создает семью благодаря закономерному и урегулированному объединению родителей и детей; его дети — это продукт, который является частью имущества господина и увеличивает «стадо» его слуг. Никакой собственности:

разве может приобрести что-либо для себя тот, кто не принадлежит сам себе? Что бы он ни приобрел своим трудом, все это составляет имущество его господина, равно как и то, что может ему достаться в качестве подарка или наследства[10].

Однако строгость этих логических выводов на практике могла быть значительно смягчена. Иногда рабам разрешались брачные союзы. Один закон Солона, вводивший для рабов целый ряд других ограничений, не препятствовал им вступать в подобные отношения. Ксенофонт, который в общем осуждает этот прием и считает, что дурные рабы станут от этого еще хуже, наоборот, одобряет его по отношению к верным рабам, как одно из средств закрепить еще сильнее узы их преданности[11]; а это предполагает известного рода фиксацию, если не легальную, то по крайней мере условную, в отношениях между мужчиной и женщиной, между отцами и детьми, т. е. некоторую форму брака, призрак семьи. Если в этом можно верить свидетельству Плавта, такие браки, неслыханные в Риме и, как можно было бы предположить, не имеющие прецедентов в других странах, практиковались в Греции, в Карфагене, в древнейших поселениях Апулии; и эти свадьбы рабов, продолжает он, устраивались там с большей заботливостью, чем браки свободных[12]. Это последнее выражение есть дань сатире; но важно уже и то, что не все в этом отрывке является сплошной иронией. Мы уже видели в гомеровскую эпоху, что хозяин награждает верного слугу, давая ему подругу жизни, и Ксенофонт свидетельствует о непрерывности этого обычая, санкционируя его своим одобрением. Казалось, что интересы хозяина встречали тут больше гарантий, когда раб брал на себя целиком тяготы ответственности за ту или другую часть хозяйства, за ферму, за стада; бдительность и различные заботы по управлению лучше распределялись между мужчиной и женщиной, связанными между собою в браке, и это точно так же было и в Риме, как мы увидим позднее. Разница только в том, что в Греции такой союз мог быть поставлен под охрану определенных форм, в подражание обычному браку. Точно так же раб в «Хвастливом воине», в сцене, изображающей, как он одурачивает своего хозяина, говорит о своей помолвке и своем будущем браке с горничной предполагаемой метрессы солдата[13]. Плавту пришлось прибегнуть к этим правовым формам, чтобы представить более торжественным и следовательно более комическим брак фермера с мнимой Казиной, формам, невозможным в Риме для этого сословия, почему ему и пришлось вперед их оправды-

вать, чтобы освободить от всех законных сомнений грубоватую веселость своей публики.

Наряду с зачатками семейного права обычаи Греции иногда давали рабам известные права на собственность. Разумеется, это не было неизменным правилом: скупой, который конечно не составлял в этом случае исключения, не имеет другого способа, чтобы вознаградить себя за разбитое рабом блюдо, как вычесть его стоимость из предметов первой необходимости у несчастного, уменьшая ему порцию пищи [14]. Но исключения из этого были по меньшей мере достаточно часты. Так (главным образом в городе), имели место случаи, когда рабы, отдаваемые в наем, получали от хозяина часть его арендной платы на частичное покрытие издержек своего существования [15]. То, что раб экономил на предметах первой необходимости, составляло фонд его благоприобретенной собственности, его пекулий, который мог увеличиваться различными способами. Старались стимулировать его рвение по дому и его активность к труду, предоставляя ему часть благ. Так, управляющему имением предоставлялся лично для него известный участок земли, пастуху давали овцу [16]. В «Горшке» Плавта старая служанка скряги владеет в качестве собственного имущества... петухом [17]. Равным образом рабов, используемых на многочисленных работах в ремесле и торговле, пытались иногда материально заинтересовать в работе — в вещах, которые они должны были изготовлять или которыми им приходилось торговать [18]. К этим продуктам труда прибавьте те маленькие доходы, которые получались от друзей дома и о которых говорит Лукиан в своей статье «О наемных писателях»; он дает там несколько образцов, приложимых как к Греции, так и ко временам империи. Раб вознаграждался в самых различных случаях — при приглашении на обед [19] или при каком-либо другом выражении милости своего господина; ему платили за хорошее известие, за то влияние, которое он оказывал на хозяина, участвуя в назначении или выборе подарков [20]. Прибавьте еще то, что рабам удавалось перехватить самим благодаря щедрости или небрежности хозяина. Когда хозяином был молодой мот, который расточал свое состояние, то «быть скромным — это значило вредить себе без пользы для него», — говорит один из персонажей Менандра [21]. Раб старался получить свою долю из того, что погибло в бездонной пропасти, увеличивая при случае издержки вдвое, крадя, грабя, отхватывая часть добычи. Так, Гета в «Грубияне» проводит как раз ту политику, которую я изложил выше [22], равным образом и честный Стасим в «Трехгрошевом», после

того как он напрасно старался поставить преграду расточительности своего молодого хозяина, кончает тем, что решает сам использовать обстоятельства и получить свою часть, как собака со стола. И он даже не очень старается скрыть приписки в тех счетах, которые он представляет ему: «А то, что я украл? Гм, да, это самая большая часть расхода!»[23].

Оставляя в стороне эти мошенничества, хозяин с удовольствием смотрел на то, что сбережения его рабов росли: ведь частное имущество раба, как и сам раб, были имуществом его господина. Обычно он не трогал сбережений рабов — частое злоупотребление этим, уничтожая доверие, заставило бы иссякнуть и самый источник. Но по букве закона хозяин имел на них право собственности, и в отдельных случаях к этому прибегали все еще довольно часто. «Увы! — восклицает Дав, подсчитывая вместе с товарищем по рабству свои средства, которым угрожала необходимость взноса на свадьбу его господина, — увы! какая несправедливость судьбы, что более бедные должны давать более богатым!». Эти сбережения, которые он так нищенски собирал грош к грошу, отнимая их у своего рациона, крадя их у себя самого, его хозяюшка обдерет в один прием, не считаясь с теми страданиями, которых они стоили. Другой подарок, которым их обяжет обоих Гета, будет, когда у нее родится сын; затем, когда ему будет год, когда он будет введен в круг семьи[24]. Но по крайней мере в промежутках между этими событиями рабы могли располагать своими средствами и для того, чтобы купить самому себе раба, и для того, чтобы сберечь себе, как мудрый Стасим, некоторые средства, которые могли бы оградить его от последствий безумств своего господина[25], и для того, чтобы подражать ему в сумасбродствах и в тягостный ход своей трудовой жизни вплести несколько дней опьянения и удовольствий[26].

В силу законов лишенные всех естественных человеческих прав — прав брака, семьи и собственности, — они тем более были лишены гражданских прав и права участия в религиозных обрядах. Рабы были исключены из общества, но так как они должны были жить здесь, чтобы обслуживать его, их старались выделить иногда рядом внешних признаков: грубой одеждой, бритой головой[27]. Но в Афинах эти правила соблюдались не настолько строго, чтобы рабов можно было отличить по внешности от граждан любого класса: от бедных, которые зачастую были одеты в ту же одежду, как и они[28], от богатых, подражать которым во внешнем виде они так любили, употребляя духи, вопре-

ки постановлениям Солона[29], пробираясь вперед, не уступая дороги свободным[30] и предаваясь оргиям, изображение которых в римском театре вызывало возмущение. «Вы конечно будете удивлены, — говорит Стих у Плавта, — видя, как эти низкие рабы пьют, любят и участвуют в пирах своих хозяев; все это нам дозволено, должны мы помнить, в Афинах»[31]. И эти слова римского поэта находят себе доказательства и в других случаях. Эсхин в речи против Тимарха выводит некоего Питтолака, государственного раба Афин, богатого, развратника, игрока, устраивавшего петушиные бои[32]; и Ксенофонт в общих выражениях рисует нам такой же портрет: «Может быть, будут удивляться, что позволяют рабам жить в роскоши, а некоторым даже пользоваться великолепием; но этот обычай однако имеет свой смысл. В стране, где флот требует значительных расходов, пришлось жалеть рабов, даже позволить им вести вольную жизнь, если хотели получить обратно плоды их трудов»[33]. Таким образом можно поверить Плавту, и если он несколько и преувеличивает, то много правды в «Дивертисменте», прибавленном к «Стиху», и в изображении того раба, который является главным действующим лицом в пьесе «Перс». Токсил, раб, управляющий домом, в отсутствие своего господина выкупив и отпустив на волю рабыню, которую он любит, имеет паразита, предоставляющего к его услугам свою собственную дочь, свободную гражданку; последняя участвовала в их плутнях, а затем продана бесчестному купцу с опасностью для своей чести. Раб-управляющий организует и руководит всеми этими хитрыми планами с наглостью человека, захватившего права хозяина в доме; свои удачи он сопровождает оргиями, в которых принимают участие его сотоварищи по рабству, чтобы посмеяться над этим гулякой и выпить за счет отсутствующего хозяна.

Рабы были лишены права участия в религиозных церемониях и общественных жертвоприношениях; их допускали в святилища, когда здесь требовались их услуги; а это были такие «услуги», которые оказывали гиеродулы храмов Афродиты в Коринфе, в Эриксе и т. д.[34]. Иногда даже и их услуги не допускались, отвергались: у афинян уже одно присутствие раба на празднике Эвменид или при мистериях Деметры считалось святотатством[35]; на острове Косе они должны были выходить из храма Геры, когда приносились жертвы в честь богини[36]. Но они были допущены в фиазы, или религиозные ассоциации частного характера, подобно иностранцам, которым также было разрешено организовывать их как в Афинах, так и в других местах. На Родосе

государственные рабы образовали такое общество под покровительством Зевса Атабирия[37], и один из этих рабов был его жрецом[38]. Позднее, приблизительно во II в. н. э., у ворот Афин, недалеко от Лаврийских копей, можно было видеть святилище; один раб из Ликии, по имени Ксанф, принадлежавший римлянину Каю Орбию, который наверно использовал его на работе в копях, посвятил это святилище богу Мен, или Луне, и организовал здесь религиозное братство, в котором он сам был жрецом и в которое были допущены иностранцы. Повидимому он сам составил регламент и велел его высечь на камне, сохранившем нам память о нем[39].

Но в Афинах существовал ряд народных празднеств, от участия в которых рабы не были отстранены[40]. Более того, рабы имели свои специальные празднества, например в Афинах—первый день Антестерий, посвященный Дионису[41], когда им разрешалось наравне с другими испробовать новое вино, дар бога; равно в Трезене в первый день месяца Герестиона им было позволено участвовать вместе с гражданами в играх и пирах; в Спарте они участвовали в празднике Гиакинфий, повидимому специальном празднике жителей Лаконии[42]; также участвовали они и в ряде других праздников: в празднике Элевферий в Смирне, где их жены носили костюм и украшения свободных женщин[43]; в одном празднике в Аркадии, где мужчины-рабы занимали места за столом своих господ[44]; в празднике Зевса Пелория в Фессалии, когда господа даже служили им[45]. Они имели своих жрецов, как например в Эпидавре в храме Афины, великий жрец которого должен был всегда быть беглым рабом, победителем в мономахии (единоборстве)[46]. Рабы имели даже среди богов Олимпа своих богов: Гермеса, который покровительствовал их воровству и принимал в нем участие[47], и Сатурна, который ежегодно в свой праздник (нового года) возвращал им то время, когда они не были рабами, возвращал им чудное время «золотого века»[48].

Отметим еще одно противоречие. Эти самые люди, почти полностью исключенные из гражданских и религиозных обществ при жизни, по смерти не были лишены тех почестей, которые предназначались для граждан. Хозяин включал их в семейную гробницу и не раз он воздвигал над ними какой-нибудь памятник, который свидетельствовал об его расположении и об его печали[49].

В итоге надо сказать, что от равенства древних времен, которое в гомеровские времена еще продолжало существовать под видом простоты и благородной фамильярности между господином и старым слугой, не осталось и следа в

эту эпоху более высокой цивилизации. Развиваясь, общество отметило более резкой и жестокой чертой расстояние между двумя классами. Рабы, более многочисленные, более различные по своему происхождению, стали также и более чужими для семьи господина; и Теофраст, который в своих «Характерах» выражает точку зрения своего века, называет «деревенщиной» тех, которые, как некогда Одиссей, приходили провести время среди своих слуг, занятых работой [50]. Но это не значит, что исчезла всякая интимность между хозяином и рабом. В постоянном общении, в условиях домашней жизни, расстояние, которое их отделяло, как бы велико оно ни было, еще очень часто преодолевалось. Но место беседы, простой и естественной, как сама патриархальная жизнь, заняла фамильярность беспутной жизни, в которой иногда руководящая роль переходила к рабу в силу того влияния, которое сильный или сильно порочный характер может оказывать на характер более слабый как в пороке, так и в доблести.

2

Таков тот раб, которого комики видели в афинском обществе, и таковым они нам его изображают. В древней комедии его роль отмечена еще мало. Комедия в первое время своего существования не делала из раба основного персонажа в той же мере, в какой он им не был и в действительной жизни. Она обращала свои нападки на правительство, на народ, на государственных людей и общественные явления. Это — сцена исторического характера или сцена нравов свободных граждан; здесь нет интриги, в которой рабы были бы действующими лицами, выступали бы в роли советчиков. Они фигурируют там как необходимый аксессуар или чаще даже в качестве третьестепенных лиц, задачей которых являлось развлечь и потешить зрителей криками, которые они испускают, когда их бьют [1]. Такова была их двойная роль, которую они играли до Аристофана. Этот поэт сохранил их как аксессуар и уничтожил их как интермедию; можно сказать, он заставил их войти более активно в ход комедии; сократив у них элементы шутовства, сближающие их с паразитами, он дал им более определенный характер. Если в большинстве своих пьес он заставляет их появляться только в роли обслуживающих [2], то существуют другие комедии, где он ставит их на то место, которое они часто имели в жизни. В «Осах» и в «Мире» они играют более активную роль, не становясь еще существенным элементом всего хода действия пьесы, не особенно выявляя

себя в диалогах. В «Лягушках» и в «Богатстве», которые находятся на грани комедии древнегреческой и среднегреческой, они оживляют все действие своим присутствием и своими комическими дурачествами. В «Лягушках» Ксанфий, грубый на словах, смелый в своих репликах, издевающийся над бахвальством своего хозяина, изнеженного Диониса, который играет роль Геракла[3], господствует над ним благодаря твердости своего характера в опасные минуты[4]; он готов на все: и взять на себя первую роль и предоставить ее Дионису, в зависимости от того, что это влечет за собой для него — удары или удовольствие, и очень комично сваливает на бога последствия своей трусости, когда при угрозе наказания за дурные поступки Геракла, знаки отличия которого он хотел взять в последний раз, он хочет оправдать себя, представляя на допрос своего мнимого раба, сына Зевса[5]. В «Богатстве» Карион оплакивает в начале пьесы печальное положение раба, связанного с судьбой своего господина и фатально увлекаемого по следам его безумств, но со своей стороны он предлагает и обещает помочь этому: он расспрашивает, он советует[6], он хочет во все вмешиваться и он действительно вмешивается, начиная с того самого момента, когда он узнал слепого бога богатства, вплоть до резких изменений, которые производит бог, став зрячим, в распределении своих даров. Он тут как тут, чтобы встретить человека, ставшего богатым по заслугам или чтобы выразить презрение разорившемуся сикофанту-доносчику, чтобы дать занятие Гермесу, покинутому своими почитателями, и старухе, потерявшей своего молодого любовника. В этих двух ролях, так же как и в «Осах» и в «Мире», мы видим всегда одну и ту же фигуру любопытствующего по отношению к господину приставалы, бесстыдного насмешника, желающего быть с господином за панибрата, в связи с вопросами, которые тот ему предлагает, с теми советами, которые он ему дает, споря с ним с некоторым видом превосходства[7].

Тот характер отношений раба к своему хозяину, изображение которого мы находим со времен древней комедии, отмечен в еще большей степени новой комедией, переходом к которой служит «Богатство» Аристофана. Являясь картиной частной жизни, эта комедия конечно должна была дать более видное место рабу. Так как комедия, прибегая к интриге, ставит раба в центр завязки, то она должна представить в более ярком свете те отношения, которыми раб связан с другими лицами и главным образом с хозяином. Комедия, столь богатая шедеврами, комедия Филемона, Дифи-

ла, Менандра, до нас не дошла в виде цельных произведений, но мы ее знаем благодаря Плавту и Теренцию. Плавт, при всей оригинальности своего комического темперамента, сохраняет по крайней мере основной фон той пьесы, которую он заимствует из греческого театра; к этому относятся интрига и те положения, которые не могут быть устранены без того, чтобы не пострадал и сам основной фон; таким образом, даже под этой латинской оболочкой, эти комедии все же прекрасно остаются пьесами греческими; и не раз, когда контраст с римскими нравами был уже очень резким, Плавт считал нужным предупредить об этом свою публику. Теренций, чуждый Риму и по своему происхождению и по воспитанию, путешествуя и создавая свои пьесы под покровительством знатных консуляров—какого-нибудь (Сципиона) Эмилиана или Лелия, занимавшихся изучением Греции, — меньше вдохновлялся римскими нравами и Плавтом, своим предшественником, чем теми образцами, которыми пользовался Плавт. В этой отделке формы, в этом языке высшего общества, в этом совершенном чувстве меры, которое даже самим шутовским выходкам придает блеск и изящество, как сквозь прозрачный и чистый хрусталь, мы можем узнать аттического писателя. Таким образом мы вправе вскрыть у обоих этих поэтов то, что они заимствовали из Греции, и указать, что эти столь общие им обоим картины отношений между прислугой и хозяевами в сущности принадлежат Греции [8]. Почти все рабы у Плавта обычно держатся со своими господами тона развязности и наглой фамильярности, которая могла не быть чуждой и Риму при известных обстоятельствах, когда хозяин, являясь сам игрушкой своих страстей, давал к этому повод своему рабу, но которая конечно была характерным явлением для афинского общества. Такими в сущности являются Либан и Леонид в «Ослах», Хрисала в «Вакхидах», Палинур в «Проделках паразита», Аканфий в «Купце», Милфион в «Пэнуле» и превзошедшие всех три героя мошенничества — Транион в «Привидении», Эпидик и Псевдол в пьесах, названных их же именами и посвященных их подвигам: Эпидик, ручающийся, что он заставит танцовать под свою дудку хозяина и его друга, умнейших сенаторов, затем, когда он откровенно им в этом признается, принимая их гнев со всей смелой покорностью, он заставляет их бояться какого-либо нового подвоха с его стороны [9]; Псевдол смело является к господину [10] и заявляет ему, что он сегодня же хочет его надуть: заставив его побиться об заклад, что не удастся сделать этого, Псевдол, выиграв пари, заставляет господина своими собственными руками взвалить ему на плечи 20 мин,

которые он выиграл[11]. Таковы рабы, и у Теренция—то беспечные и насмешливые по отношению к мучениям ревности их молодых хозяев, как Биррий в «Андрянке»[12], то преданные им и берущие в свои руки их дела; таков Дав в «Андрянке» или Сир в комедии «Сам себя наказавший». Первый проявляет самоотверженность и усердие, которые заслужили ему расположение Памфила[13]; второй — с авторитетом, право на который дают ему его заслуги, предписывает господину свой план действий, не желая излагать его подробно, не терпя ни вопросов, ни возражений[14], выставляя за дверь молодого ветреника, боясь, что его присутствие испортит все планы, которые он составил[15]. Оба направляют свой обстрел против отцов, ведя с ними беседы в достаточно фамильярном тоне, но в таких выражениях, которые подчеркивают различие их характеров: первый с шутливым добродушием, придающим ему вид человека, попавшего в ловушку, приготовленную стариком; он пускает в ход свои тонкие остроты и смущает внутреннее чувство старика несколькими эпиграммами, ведущими прямо к цели[16]; второй ведет беседу под маской откровенности, смело накладывая руку на слабые стороны старого развратника, чтобы тем сильнее господствовать над ним:

Ты что там? — Да ничего. Явлюсь тебе, Хремес;
Так рано! А вчера подвыпил столько! — Ну,
Не слишком много. — Что ты! Не рассказывай!
Как не увидеть здесь орлиной старости,
Как говорится! — Хе! — А интересная,
Изящная ведь женщина! — Согласен я.—
Тебе как показалось? И красивая
Такая с виду, господин![17]

Чтобы воспроизвести этих афинских рабов, мы могли бы не останавливаться на Плавте или Теренции, но заимствовать у Мольера многие из его портретов, не менее остроумных, но более нам близких. Эти лакеи Мольера — все эти Скапены и Лафлеры, столь нахальные не только по отношению к их молодым господам, рабам их услуг, но и по отношению к их отцам, которых они также водят за нос,— не были никогда, я по крайней мере так думаю, отражением отношений лакея к маркизу в реальной жизни, а являлись только свободной и оригинальной имитацией Теренция и Плавта, которые в свою очередь подражали Менандру; а Менандр выражал только то, что было в действительности. Нельзя сказать, чтобы все рабы походили на рабов его комедий, но рабы его комедий имели своих представителей в афинском обществе, и конечно его типы были достаточно общими, чтобы они могли найти место наряду с

вероломным развратником, прожорливым паразитом и «хвастливым воином». Верность изображений этих персонажей подтверждена историей. По словам Демосфена, рабы в Афинах имели столь большую свободу слова, какой не имели и граждане во многих других государствах[18]; а Ксенофонт нам показал, что эта свобода слова была ничуть не меньше, чем и свобода их действий.

3

Но несмотря на всю эту видимость «командования», рабы на самом деле были только рабами, и это им основательно доказывали. Эта свобода в высказывании своих мнений, эта свобода действий, это «могущество» были у них только грезою, призраком. Чтобы рассеять этот призрак, чтобы вернуть их к пониманию действительности, что нужно было для этого? *Палка!* Палка хозяина, которая играет такую большую роль в новой комедии, перенесенной в Рим, была уже могущественным средством и в древней комедии. Аристофан в одной из своих парабаз (песен хора, обращенных к публике) хвалится тем, что

> ...от беды он избавил рабов горемычных,
> Суетящихся, строящих плутни везде, а в конце избиваемых палкой,
> Чтобы раб-сотоварищ их мог поддразнить, над побоями зло насмехаясь:
> «Ах, бедняк, это кто ж изукрасил тебя? Или с тылу с великою ратью
> На тебя навалилась треххвостка? Или ты к лесорубам попал в переделку?»
> Вот такую-то рухлядь и пакостный вздор, болтовню балаганную эту
> Уничтожил поэт, он искусство свое возвеличил до неба...[1]

Аристофан, не имея возможности положить конец тем нравам, которые были столь распространенными, что не могли быть устранены в результате театрального действия, должен был ограничиться показом того, как самые пошлые вещи могут быть возвышены талантом и хорошим вкусом. Палка была тем, что в обычной жизни и в законодательстве наиболее ярко проводило черту различия между рабом и свободным человеком. Там, где свободный присуждался к уплате 50 драхм штрафа, раб должен был получить 50 ударов бича[2]. Палка во всех случаях была орудием суда, самым сильным аргументом, самым высшим доводом в руках господина и во всех случаях самым верным истолкователем его воли. Сколько раз совет даже хорошего слу-

ги прерывался этим сухим и резким словом «стони», οἴμωζε, и удар следовал за этим словом. Сколько раз мог он воскликнуть, как раб Ксанфий в «Осах»: «О, черепаха! Как я завидую твоему щиту, который покрывает твою спину!»[3]. В минуту возбуждения, когда ярость требовала себе выхода наружу, били своего раба: «Когда наши хозяева чем-нибудь очень взволнованы, удары сыплются на нас»[4]. Равным образом Аристотель имел полное основание сделать замечание, что домашняя служба такова, что при ней чаще всего несешь последствия дурного настроения хозяина[5]. И между тем это было особенно желательно рабам. С того времени, как они покорились всем этим неприятностям, когда они взвесили как следует, что может вынести их спина,

Что вынести могут
Плечи, что им не под силу[6],—

они находили достаточную компенсацию за эти моменты гнева в том праве злоупотреблять фамильярностью, которая была тесно связана с их домашней службой.

Рабы в мастерских, более удаленные от своих господ, находились не в лучшем положении. Не пользуясь этими случайными выражениями признаков расположения, они в то же время не выгадывали в отношении обращения с ними, находясь под надзором и в зависимости от заведующего, их же товарища по рабству; однако он не был расположен облегчить их несчастия, наоборот, он стремился дать себе отдых от чувства своей подчиненности тем, что проявлял в жестокой форме свое право командования[7]. Что касается рабов в деревне, еще более удаленных от хозяина, то и их положение было точно так же достаточно тяжелым; плохая пища, грубое одеяние — все, что составлял обычный удел раба, — не находили у них для себя ни в чем компенсации; они несли свой обычный тяжкий труд, не дававший никаких надежд на то, что он когда-нибудь окончится; и чем труд был тяжелее, чем сопротивление ему казалось более естественным, тем более жестокими были управление, надзор и меры воздействия. Часто раба-земледельца заковывали в цепи из страха, чтобы он не забыл своего рабского положения и не вспомнил бы свою свободную природу среди свободы полей[8]. Его работа и обращение с ним напоминали работу и обращение с вьючным скотом, с применением тех предупредительных мер, которых не требовали вьючные животные, рожденные для ярма; таким образом, чем ниже спускаемся мы по этой иерархии труда, тем более обнажается перед нами общая основа рабства с его страданиями и бедствиями, а оковы, которыми

хотели его сдержать, убедительнее всего доказывали прирожденное право человека на свободу.

Распределение рабов по различным отраслям труда зависело от положения или от доброй воли хозяина. Их распределяли обычно по их качествам или по их заслугам. Наиболее грубых или наиболее мятежных отправляли на более тяжелые работы, на мельницы или в копи, чтобы искупить вину, проистекающую из их дикой природы, или их преступную непокорность [9]. Это было первое средство ввести среди них дисциплину; но были еще средства более быстрые и более энергичные, и хозяин, который в этом отношении имел вообще полную власть, применял их по собственному выбору и в той мере, в какой он хотел. Грамматик Поллукс перечисляет нам все виды мельниц, тюрем и мест заключения [10], все виды исполнителей и палачей, все виды плетей и розог, назначенных для того, чтобы пороть рабов, чтобы им «чесать хребет» [11]. Но он забыл оковы, колеса, виселицы, дыбы—все эти машины, чтобы выворачивать у них члены или разбивать у них кости [12]. Все это были обычные вещи, применение которых могло удержать только одно соображение — заинтересованность хозяина в рабе как в своей собственности.

Против этих эксцессов хозяйской власти раб находил иногда защиту и убежище в обычаях и в законе. Обычай греков открывал ему в качестве убежища храмы, священные рощи, алтари богов. Изгоняемый из этих священных мест во время празднеств как непосвященный, он был допущен к ним как молящий, так как вещее слово бога гласило: «молящие святы и чисты» [13]. Напрасно ссылались на их недостойность, на их преступления. «Жилище богов,— говорит поэт, — есть общая для всех защита» [14]. Он же говорит, что алтари, можно думать, специально сохранены для них под влиянием всеобщего понимания жестокости судьбы: «И лесные звери находят убежище; алтари служат убежищем для рабов, а города — для городов, разрушенных грозою; ведь в мире нет, чтоб кто-нибудь был счастлив до конца» [15]. Один из пунктов устава религиозной ассоциации, связанной с храмом, воздвигнутым около Андании, на дороге от Мессении к Мегаполю, специально открывает в этом храме убежище для рабов. Члены ассоциации должны были там указать для этого место; одно им было запрещено под угрозой двойного возмещения и штрафа в 500 драхм: лично давать приют или брать для служения себе такого беглого раба [16]. Покровительство богов сообщалось простым соприкосновением со священными предметами: повязка, венок из лавра, посвященного Аполлону, гарантиро-

вали рабу защиту против гнева его господина[17]. Иногда, говорят, эти убежища делали больше: они разрывали цепи рабства. Храм Геракла в Канопе, по сообщению Геродота, удерживал у себя рабов, которые приходили туда искать убежища[18]; храм Гебы во Флиунте, по свидетельству Павсания, возвращал им свободу; освободившись, они вешали свои цепи на деревья священной рощи[19].

Но хозяева не совсем безоговорочно соглашались на такое умаление своих прав. Если они не осмеливались открыто восставать против этой привилегии, то они действовали против нее, так сказать, обходом и, делая вид, что они ее не нарушают формально, они фактически ее уничтожали. Было бы святотатством убить раба, когда на нем надеты эмблемы покровительства богов; начинали с того, что с раба снимали их[20]. Нельзя было оторвать рабов от алтаря: их заставляли покинуть его «добровольно», при помощи голода[21], при помощи огня. «Я пойду искать Вулкана, этого врага Венеры», — говорит Лабракс, угрожая тем, кто просил богиню о защите[22]. Таким образом обычай, всем известный, не всеми уважался, и в той войне, которую коварство объявило суеверию под влиянием столь могущественного интереса, было очень трудно, чтобы раб нашел у подножия алтаря убежище, я не говорю уже против несправедливых законов, но даже против злоупотреблений хозяйской власти.

Афины, которым принадлежала честь признания священных прав молящих о защите, распространившегося затем во всем [эллинском] мире, в связи с тем, что это право нарушалось, пожелали подтвердить его новыми установлениями в пользу рабов. Не идя до такой крайности, как во Флиунте, они пошли дальше того, что было в обычае; и, целиком поддерживая обычай, введенный религией, они пожелали внести этот же дух в свое законодательство. Они дали известные гарантии рабу даже вне убежища. В то время как Спарта отдавала его на публичное издевательство, Афины, наоборот, оказывали покровительство как его личности, так и его жизни, применяя по отношению к нему действие закона об оскорблении[23], как и к свободному человеку, и мстя за его смерть, как за убийство гражданина[24]. Афиняне сделали больше: они проникли к самому очагу хозяина, чтобы наблюдать, как он пользуется своими правами. Раб принадлежит хозяину, но хозяин не мог по произволу его истребить. Закон запрещал ему это под страхом применения санкций, правда, менее тяжелых, чем в обычных случаях: изгнание и религиозное покаяние и очищение[25]. Платон в своих «Законах» не признавал за

этот проступок никаких других наказаний, кроме смерти[26]. Даже тогда, когда раб заслуживал крайнего наказания смертью, если бы он убил своего господина, родители умершего не должны были сами присуждать его к смерти, но на основании древнего закона отдать его в руки магистратов[27]. Господин не мог сам злоупотреблять средствами поддержания дисциплины, которые, как было сказано выше, в других местах были предоставлены неограниченной воле господина: раб, который имел законные основания для жалобы, мог требовать продажи себя и перейти таким образом с дозволения суда к хозяину более мягкому[28]. Закон даровал ему право на защитника, как во всяком споре, касающемся свободы[29]; и святилища, главным образом храм Тесея, храм Эвменид и Эрехтейон, открывали ему убежище до момента окончательного решения[30].

4

Такой образ действий Афин диктовался не только соображениями гуманности — это была хорошая и умная политика. Действительно, когда ярмо гнета делалось чересчур тяжким, рабы имели два средства избавиться от него — восстание и бегство: восстание является орудием масс, когда рабы имеют возможность сговориться и действовать заодно, бегство — средство каждого в отдельности в обычной изолированной рабской жизни. Без сомнения, оба приема, самые различные в своем проявлении, тем не менее являются одинаково гибельными для интересов хозяев: один более сильный, но более редкий, другой — более слабый, но непрерывно повторяющийся. Конечно, против этого двойного зла государство и хозяева не были совершенно безоружными. Чтобы предупредить восстания рабов, старались делать более трудным их общение друг с другом, насколько возможно, способствовать изоляции их друг от друга, объединяя их в группы, различные по происхождению и языку[1]; особенно считали нужным их запугивать и сдерживать при помощи того превосходства незначительной по численности группы над большой массой, которое создается единой и крепкой организацией: на какие бы группы ни делилось государство, против рабов должно было всегда быть единство интересов среди хозяев[2]. Не было недостатка в таких средствах, которые позволяли удержать рабов или вернуть их под ярмо: цепи на ноги[3], кандалы на руки[4], железный ошейник на шею[5] и после первого преступления—клеймо на лоб[6]. Если, несмотря на это, раб убегал, то все это по меньшей мере являлось уликами, которые

всюду следовали за ним и свидетельствовали против него. Раз он был заклеймен, то хозяину было достаточно предъявить на него свои требования, объявив его своим беглым рабом. Он это делал при помощи письменных или устных объявлений [7], которые сверх того обещаниями вознаграждения поощряли желание его разыскать и вселяли уверенность, что он будет выдан; это является содержанием папируса, опубликованного Летронном со столь интересным и обширным комментарием [8]. Мы даже можем видеть зачатки организаций, имеющих целью такие преследования: были договоры о выдаче между отдельными городами, контракты взаимного страхования между частными лицами. Как пример такой статьи о выдаче беглых рабов можно указать на Никиев мир между Спартой, с одной стороны, и Афинами и их союзниками, с другой [9]; известно, что позднее Персей, желая обеспечить себе помощь против римлян и привлечь ахеян на свою сторону, указывал им на этот союз как на средство положить предел бегству рабов от ахеян, для которых Македония, благодаря их взаимным несогласиям, была местом убежища [10]. Что касается договоров о взаимном страховании, то у нас есть интересный образчик подобных документов: у Антимена, или Антигена, получившего от Александра приказ о поддержании дорог в Вавилонии, родилась идея подобного рода спекуляции. За премию в 8 драхм в год он застраховывал хозяину всякого раба в определенной сумме и извлекал, по словам Аристотеля, огромные доходы: вещь, вполне понятная, несмотря на неизменность таксы страхования для рабов различной оценки. Условленную премию за всех получал он; если же один из рабов бежал, то на сатрапа провинции возлагалась обязанность, или найти его, или уплатить деньги [11].

Все эти меры, как бы многочисленны они ни были, лишь констатируют зло, но вовсе не доказывают, что они служили действительным средством для его искоренения. Когда эксцессы деспотизма бросали в среду рабов зерна брожения, они вспыхивали ярким пламенем восстаний, и если рабы не ломали всех преград, то исчезали тысячами неожиданных и непредвиденных путей. Иногда рабы находили для бегства широкие возможности в тех потрясениях, которые производили в государствах внутренние волнения или иноземные вторжения: доказательство — 20 тысяч афинских рабов, большей частью рабочих, бежавших к спартанцам в Декелею. Хитрость и насилие были тогда уже бессильны. Разве ненависть к ярму и жажда свободы у порабощенных классов не окажутся более изобретательными и более плодотворными в создании своих военных хитростей? Насилие и все сред-

ства принуждения часто вызывали взрыв, тем более ужасный, чем дольше они применялись. Так, не было совершенно восстаний в Афинах, где рабы были почти свободны, но они были в Лаврийских копях, где рабы были приставлены к труду более тяжелому и подвергались более жестокому обращению. Однажды они перебили своих сторожей, овладели укреплением на Сунионе и долгое время опустошали страну [12]. Не менее значительные восстания были на острове Хиосе, в государстве, которое после Спарты имело наибольшее число рабов и которое, не будучи так крепко организовано (как Спарта), желало держать их в своем повиновении такими же актами суровости. Рабы поднялись почти все, когда в 412 г. афиняне пошли войной на Хиос; вследствие своего прекрасного знания местности они причиняли жителям чрезвычайные беды [13]. Они еще раз подняли восстание незадолго до времени, в которое жил сиракузянин Нифодор, который сохранил воспоминания об этом событии в своей «Поездке вдоль берегов Азии» [14]. Бежав в горы, они оттуда устремлялись на те дома, где некогда были рабами, и предавали их грабежу и опустошению. Все усилия свободных не имели никакого успеха против таланта и счастья вождя беглых рабов Дримака; свободные должны были принять условия, которые он предложил, и, так сказать, предоставить в его полное распоряжение все свои богатства. В этом договоре Дримак ставил условия от имени всех рабов; для себя и своих товарищей в частности он потребовал признания права брать во всех житницах по своим весам и мерам, сколько ему покажется справедливым; для других рабов он открыл убежище или скорее трибунал для беглых, принимая тех, обиды которых были основательны, и возвращая назад тех, которые бежали без основания [15]. Мы видим здесь, как под надзором прежнего раба устанавливается по всем формам суда право бегства, как производится, так сказать, узаконенное мародерство, как он сам для себя устанавливает границы этого закона. По какой-то странной превратности судьбы хозяин работал на своего раба и отдавал ему отчет в результатах своего труда. Повинность не была так точно фиксирована, как это было в положении илота: раб узнавал, сколько собрано, и брал, сколько он считал правильным; а затем печать Дримака, поставленная на ферме, предохраняла ее от вторичной контрибуции. Он сам, обладавший властью как господин, и даже больше, чем господин, среди своих, страшный для всех свободных — своих данников, отправлялся в дни праздников по деревням как новый сеньор, получая приношения, вино и живность, преследуя «дурные мысли» и наказывая за заговоры, устраиваемые против него.

В конце концов на Хиосе стали приходить в негодование от этого долгого и унизительного подчинения. Но положить ему конец сумели только подлостью: за голову Дримака была назначена высокая цена, и он, уже престарелый, вследствие ли утомления жизнью или вследствие недоверия к своим рабам, приказал одному молодому человеку, которому он хотел добра, отрубить ему голову. Жители Хиоса заплатили с удовольствием, но им не пришлось долго радоваться. Действительно, Дримак не был единственной силой восстания, скорее он один был сдерживающим его началом. Число рабов не уменьшилось, и они уже не имели сдерживающего начала. Случаи бегства продолжались, но уже без контроля; продолжались и грабежи, но уже без меры и веса. При таком усилении бедствий жители Хиоса прибегли к тому, кого они поставили вне закона, и воздвигли ему алтарь с надписью: «Герою-благодетелю»[16].

Но это не было для Хиоса концом всех несчастий; этот народ, который первым освятил обычай торговли рабами, погиб из-за рабства и в рабстве. Попавший в руки своих собственных рабов, переселенный в Колхиду после победы Митридата, он сохранился только в пословице как величайший пример отомщенной несправедливости: «Хиос купил себе своего господина»[17].

5

При наличии таких тяжких неизбежных последствий строгости должны были лучше понимать мудрость мягкого образа действий. Как было указано выше, так действовали Афины; как мы увидим ниже, этому учили философы: Платон — с ясным сознанием опасности рабства; Ксенофонт — с тем преувеличением, которое все проникнуто влиянием Спарты, где раб боится своего господина, и своего рода сожалением о демократических принципах, которые заставляют вас бояться своих же слуг; наконец Аристотель — с тем знанием меры, которое составляло силу этого великого гения[1]. В общественном мнении, как и в обычаях, в теории, как и в законе, надо сказать, было гораздо менее гуманности, чем благоразумия, менее сочувствия к рабу, чем беспокойства за своих сограждан. Исключительно с этой точки зрения уже тогда находили в справедливом обращении и сдержанном отношении не только большую политическую выгоду, но и выгоду моральную. Действительно, при всяком насилии, при всяком злоупотреблении властью страдает не только раб, который подвергается оскорблению, но и свободный гражданин, который его наносит. Раб

чувствует его на своем теле, хозяин оскверняет свою душу[1]. Так, Платон никогда не бил своего слугу, провинившегося перед ним... он поручал другим бить его[2]. Это отчасти было мыслью закона, когда он защищал скромность раба против покушения на нее со стороны свободного; и Эсхин в своей речи против Тимарха даже не старается это скрыть[3]. Лишь имея в виду интересы свободного, по какой-то странной привилегии закон запрещал позорное обращение с рабом[4]. В известном отношении закон преследовал одну и ту же цель и тогда, когда он наказывал за убийство раба, и тогда, когда он поднимал судебный процесс против тех, кто глумился над ним[5]: он боялся, как бы при таком обращении с людьми не привыкли чересчур легко совершать убийства, насилия и наносить оскорбления. По крайней мере что касается закона об оскорблении, то Демосфен перед лицом всех варваров объявил его величайшим проявлением гуманности со стороны Греции, той самой Греции, которая после стольких обид откинула наследственную ненависть, желая только поработить их, не причиняя им никаких обид[6]. Ксенофонт более зло, но и более просто объяснил этот закон страхом, как бы не ударили гражданина, думая ударить только раба[7]. Если мысль закона была темной, то одной из форм афинского судопроизводства достаточно, чтобы ее разъяснить. Раб не был [юридической] личностью и вследствие этого не имел права вести дело в суде. В единственном случае, когда хозяин не мог заменить его, а именно: когда шел закономерный спор между тем и другим по вопросу о свободе, закон давал рабу защитника, который и вел его дело[8]. Но если он не мог фигурировать как заинтересованная сторона, бывало иногда необходимым призвать его туда в качестве свидетеля. Раб, всегда привязанный к свободному, обычный свидетель его частной жизни, был часто единственным, кто мог дать показания перед судом[9]. Но при наличии закона, не признававшего в нем человека, логика вещей толкала к тому, чтобы не доверять его совести. Его свободное показание бралось под сомнение, его допрашивали только под пыткой, как будто требовались оковы и мучения, чтобы напомнить ему о его настоящей природе и извлечь из него истину. Этот обычай продолжался с таким постоянством, которое было необычно для Афин, и мы не только встречаем его следы во всех процессах, но слышим восхваления его у всех ораторов. Лисий, Антифонт, Исократ, Исей, Демосфен, Ликург не только помнят об этой традиции, но своим примером, своими речами дают ей новую санкцию. Лисий не сомневается в непогрешимости этого средства и говорит

о нем с простотой убежденности[10]. Антифонт в своей речи «За Хоревта» вызывающе сопоставил в виде контраста две природы, человека свободного и раба, равно и приемы, которыми можно заставить их давать свои показания: для человека свободного — это клятва, для раба — пытка, «которая обязательно извлечет из него истину даже тогда, когда она будет стоить ему жизни, так как чувство боли в данный момент действует гораздо сильнее, чем страх несчастия, предстоящего в будущем»[11]. Но как выбирать между присягой свободного и пыткой раба, так ярко сопоставленными Антифонтом, в случае их расхождения? Тут никогда не было сомнения. Исократ, кончая свою речь против Пасиона, который отказался представить на допрос одного из своих рабов, говорил судьям с полным убеждением, что его слова никогда не могут быть опровергнуты: «Я всегда видел и знаю: вы считаете, что в делах и частных и государственных нет ничего более надежного и верного, как пытка, и вы полагаете, что свидетели могут дать вымышленные показания, но что пытка обнаруживает совершенно ясно, где истина?»[12]. И Исей в аналогичной ситуации развивает ту же мысль. «Что касается граждан или государства, — говорил он, — то вы твердо убеждены, что пытка есть самое верное средство доказательства; так, когда в вашем распоряжении находятся рабы и свободные и когда вы хотите выяснить себе спорный пункт, то вы не прибегаете к свидетельству свободных, но, призывая на допрос и пытку рабов, вы стремитесь этим путем открыть истину фактов»[13]. Демосфена в речи против Онетора не нашел ничего лучшего как заимствовать именно это рассуждение своего учителя; в конце концов и в других речах, подлинность которых вызывает меньше сомнений, он не раз находит случай высказаться по этому поводу. Пытка кажется ему всегда наиболее верным показанием[14] (это один из пяти видов доказательств, изложенных в «Риторике» Аристотеля[15]). «Что могло быть лучше, — говорил оратор Стефану, — как поставить этого раба на пытку, чтобы уличить нас во лжи»[16]. Что касается его, он никогда от этого не отказывается: даже тогда, когда он может подтвердить улику другими способами, когда он имеет на своей стороне и факты и массу свидетельских показаний, он сохраняет еще в запасе, чтоб увенчать все эти факты, чтобы санкционировать все эти показания, пытку раба[17]. Таким образом пытка была общепризнанным важнейшим средством открытия истины, была в некотором роде в глазах этих людей с жестоким сердцем свидетельством, уподобляющимся самому факту. «В спорных вопросах, — говорил оратор Ликург, — вам кажется

всегда более справедливым и поистине демократическим, в том случае, если рабы — мужчины и женщины — одинаково видели то, о чем идет дело... допросить их при помощи пытки и таким образом верить больше фактам, чем их словам» [18]. Таким образом выше доказательств письменных или доказательств устных были, если я могу употребить особое выражение для этого чуждого нам обычая, *доказательства телесные, свидетельства тела,* как их называл Демосфен: «давать показания на собственном своем теле», «показание тела». Это было свидетельство раба. На самом деле, чем был раб в представлении общества, в самом словесном выражении? [19] *Телом* (σῶμα) [20]. Вот почему, когда нужно было заставить его говорить на суде, обращались к его телу; не хотели слушать и верить тем словам, которые сходили с его губ: были убеждены, что надо использовать тот голос его природы, который слышится в криках боли [21]. Чем глубже проникала эта боль, тем более искренними и верными, казалось, должны быть эти свидетельства крови и мяса. В Афинах употреблялось не в переносном смысле известное образное выражение «добираться до сердца и печени» — исследовать тайные мысли!

Комедия, которая и здесь дает нам дополнительные доказательства, или, скорее, которая на этом материале, столь хорошо известном благодаря таким жизненно близким чертам, находит возможность подтвердить историческую правдивость выводимых ею характеров, несколько раз изображала на сцене, перед глазами зрителей, эти формы допроса и описывала их процедуру. Так, когда раб Ксанфий, принятый за Геракла и привлеченный к ответственности по поводу известных совершенных им преступлений, хочет оправдаться, предлагая для допроса своего мнимого раба (бога Диониса), то Зак (судья подземного мира) спрашивает его: «Какой допрос я учиню ему?» — «Все виды: дыбу, лестницы, ремни; бей его, рви, крути, лей уксус в ноздри, прикладывай к его бокам раскаленную черепицу и все остальное... только не бей его стеблями порея и молодого лука» [22]. Если к «кобыле», употребляемой для того, чтобы растягивать члены, мы прибавим еще «колесо», которое являлось другим видом этой пытки, то перед нами — все обычные средства, употребляемые для наказания рабов; ими же пользовался и судья для допроса [23]. Существовали, я бы сказал, эксперты или палачи (и тех и других называли одинаково ἐπιτιμηταί, βασανισταί) [24], приставленные к этому делу. Но часто стороны выступали здесь сами, лично: тот, кто давал своего раба на пытку, не отказывался в то же

время предоставить своему противнику руководство всеми деталями этого кровавого допроса [25].

Правда, у ораторов мы находим известные сомнения относительно действительной ценности этого средства. Ораторы являются адвокатами и в силу своего положения обречены на противоречие, лишь бы только это противоречие не имело места в одном и том же процессе; только в этом Демосфен и упрекает своего противника Афоба [26]. Иногда они являются просто софистами и по поводу одного и того же дела выступают и за и против: когда Антифонт в своих образцах «контроверс», защищая одного убийцу, отвергал показания раба, который не был подвергнут пытке, что мог он противопоставить этому в своей реплике? Противоположное требование [27]. Но это была необходимость, обусловливаемая его положением, и таково было правило Аристотеля. «Пытка, — говорит он в «Риторике», — есть тоже один из видов доказательства; и она повидимому внушает доверие, так как она сопровождается известным принуждением. Нетрудно представить те средства, которые можно извлечь из нее. Если результаты ее для нас благоприятны, нужно настаивать на ней и указывать, что из всех показаний те, которые получены пыткой, являются самыми верными. Если же они нам невыгодны и благоприятны для нашего противника, можно разрушить самые очевидные показания, говоря против пытки вообще; принуждение может вырвать столь же ложное, сколь и истинное показание, так как одни готовы вынести все, чтобы только не сказать правды, другие готовы сказать все что угодно, лишь бы только избавиться от нее скорее. Можно привести много примеров того и другого, известных судьям» [28]. В конце концов, как учил философ, можно было спорить по поводу того или другого частного случая, но никогда не удавалось поколебать самый принцип. Слова, которые в этих антифонтовских «контроверсах» указывали на их действительность, вполне выражали общественное мнение, и это доказывается как фактами, так и всеобщностью применения пыток. Предлагали и требовали рабов на допрос, подобно тому как у нас происходило прежде с принесением присяги сторонами, но гораздо чаще, так как, прибегая к этому способу доказательств, не лишали себя этим самым и других возможностей. Требования были часты, и отказ был опасен перед лицом этой толпы судей, столь жадных до судебных пыток [29]. В судебных речах можно видеть, какую выгоду ораторы извлекали отсюда для защиты и нападения [30]. Благодаря Плутарху нам например известно, что Андокид, отказавшийся выдать на пытку одного из своих

рабов, которого требовала обвиняющая сторона, был признан виновным и изобличенным в том преступлении, которое ему приписывали [31]. Ни пол, ни возраст не давали права на исключение; женщины подвергались пытке наравне с мужчинами, быть может, даже чаще как более обычные свидетели тех сцен внутридомашней жизни, события которой разбирались перед судьями[32]. Какими выходили несчастные из этих кровавых пыток? Полумертвыми, искалеченными; но все это делалось за счет того, кто этого потребовал [33], и исполнители сами оценивали убытки [34]. Считали, что они удовлетворяют самым строгим требованиям благоприличия, когда стараются не нарушать интересов хозяина, предлагая ему оценить сломанные руки или еще более тяжелые повреждения [35]. И между тем — заметим себе это особенно — раб не рассматривался здесь как виновный; наличие этого при варварском законодательстве все же так или иначе объясняло бы эти меры жестокости; он даже не считался соучастником, он был просто допрошен как свидетель:

> Виновный, на суде свободным оставаясь, говорит;
> Свидетели ж — в оковах и под пыткой! [36]

А Афины были, по свидетельству всей Греции, той страной, где раб находил для себя наиболее гуманное обращение!

6

Чтобы подвести итоги и, заканчивая этот отдел, выразить в наиболее общих и наиболее верных определениях действительное положение рабов в греческом обществе, надо вернуться к исходной идее учреждения рабства. Раб принадлежал господину; сам по себе он был ничем; он ничего не имел. Вот основное положение, и все, что можно отсюда извлечь путем логических выводов, являлось таким образом действительной картиной положения рабов во всех странах. Во все времена, при всех условиях жизни власть господина царит над ними и по произволу меняет их судьбу. В том возрасте, когда они сильны и обладают всей полнотой своих способностей, их обрекали, по выбору хозяина, или на труд, или на разврат: на труд — людей более грубой физической природы; на разврат — более нежных, воспитанных для наслаждения хозяина; когда же он пресыщался ими, они отсылались, чтобы заниматься проституцией в его пользу [1]. И до и после трудового возраста они были предоставлены своей слабости или дряхлости; детьми они росли без призора; стариками они часто умирали нищими;

мертвыми они часто бывали покинуты на проезжих дорогах; начальники демов в Аттике должны были приглашать хозяев пойти и взять их[2].

Но эти обычаи с течением времени претерпели некоторое изменение, особенно в Афинах. Общим выводам о рабстве можно противополагать афинскую практику как наиболее благоприятное исключение, делаемое из общего правового положения рабов. Эти исключения были двух видов: одни — порядка общественного, установленные законом, другие были отношениями частного характера, ставшими обычаем. Так, в принципе раб был вещью и, как следствие этого, был чужд тем законам, которые руководят жизнью людей. Отвергнутый судом как свидетель, он допрашивался как машина, орудие, и тем не менее закон предоставлял ему иногда если не право ведения судебного процесса, то по меньшей мере выгоду от результатов его. Он давал ему гарантии чисто личного свойства: против иностранцев, защищая его не меньше, чем свободного, от насилия над его нравственностью, личностью, жизнью; против самого господина, покровительствуя рабу, хотя и с меньшей твердостью и ставя если не его нравственность, то по крайней мере его личность под свою охрану от слишком вопиющих эксцессов в проявлении власти хозяина. В принципе раб сам по себе был ничем, ничего не имел и закон тут ничего не менял в положениях общего права; но обычай внес сюда некоторые послабления, позволяя иногда, чтобы он имел жену, чтобы у него были отдельные сбережения и чтобы он, не нанося ущерба правам хозяина, проявлял некоторую власть по отношению к своей жене, детям, своему имуществу. Но обычай, каким бы всеобщим он ни был, не является абсолютно обязательным. И этот закон, специально афинский, хорошо ли он соблюдался? Опыт подтверждает более чем достаточно наши сомнения в этом: закон не подобен истории. Эти исключения, эти формы послабления не составляли нового права. Обычное право оставалось всегда неизменным, независимым от обычая и более сильным, чем закон, если бы он захотел от него освободиться; и раб, в свою очередь, доведенный до крайности, поднимался против суровости этих обязательств, выходящих далеко за пределы того, что хотела возложить на него разумная политика. Исключенный из религиозных празднеств, он устраивал себе другие, или даже ему их устраивали, и в некоторых местах хозяева фигурировали на них в качестве слуг; отделенный от общества, он проникал туда под покровительством или без покровительства свободных, чтобы разделять с ними их удовольствия и их роскошь. Пред-

мет презрения и исполненный дерзости, считаясь существом испорченным по своей природе и реагируя на все извращенными странностями, он искал и находил возмещение за свою жизнь раба в этой распущенной фамильярности, которую он проявлял иногда под гнетом домашней жизни, в тех свободных выходках, которые были ему разрешены этой безудержной демократией, в дни пьянства и дебошей, сменявших время от времени его страдания, наказания и труд. И ни хозяева, ни тем более государство не старались ни регулировать эти скотские порывы, ни сдерживать эти безобразные выходки, будучи уверены, что найдут в нем опять раба, когда рассеются в подобных беспорядочных кутежах его слепые инстинктивные и непреодолимые стремления к свободе.

Отсюда ясно, что действительное положение раба нельзя определить так просто, как закон, который им руководил. Это — вечный конфликт между порядком, который вытекает из самой идеи рабства, и исключением, которое обычай и закон должны были ввести туда или которое должно там быть терпимым. Это только доказывает, что рабство, как состояние противоестественное, по необходимости обречено на противоречие. Оно всегда имеет в наличии два момента: право хозяина, которое установлено при помощи насилия, и право раба, которое, будучи оспариваемо, тем не менее остается в глубине его души как вечная основа для сопротивления. Таким образом при состоянии рабства невозможны никакая гармония, никакой мир: это или война или перемирие; и перемирие, наилучшим образом сохраняемое, было в то время, когда суровость права испытывала наибольшее число исключений; это афинское рабство, которое может быть определено в немногих словах: деспотизм, умеряемый своеволием; две крайности, в которые почти фатально упирается человечество, когда оно отходит от своего естественного состояния, имя которому — свобода и равенство.

Рабство не имело ничего общего с тем средним положением, которое годилось для рабочих классов. Если действительно общество со всем тем разнообразием обязанностей, которые оно распределяет между своими сочленами, хочет, чтобы оно жило без потрясений и чтобы каждый занимал то место, на которое он поставлен, то нужно по крайней мере, чтобы даже и занимающий последний ряд получал законное удовлетворение потребностей, живущих в душах всех, как доказательство их природного равенства и общности их положения перед лицом создавшей их природы. Надо, чтобы он имел семью, неприкосновенные пра-

ва, чистые радости, доступные для всех; собственность, по крайней мере являющуюся результатом его труда, которая, по прекрасному выражению Тюрго, является наиболее святой из всех видов собственности; регулярный отдых, который предписывается в древнейших легендах и сказаниях человечества; и в этой жизни, исполненной тяжких трудов и кратковременных радостей, законное уважение, заслуженное выполнением долга, какой бы он ни был, и в первую голову уважение к труду, который является началом нравственного совершенства. Нужно, чтобы этот труд не был безнадежным даже в этом мире и чтобы ценою страданий в настоящем можно было благодаря прогрессу, являющемуся законом человеческого развития, приготовить себе более счастливое будущее. И как раз всего этого не было в обычном праве рабства. Не допускалось, чтобы раб имел семью, и когда ему это разрешали, то ограничивали его права и создавали без сомнения очень горькие радости при наличии развратных господ, которые имели полную волю над его детьми. Труд был возложен на него навсегда; это была для него наследственная необходимость. И на этом тяжком жизненном пути, длину которого он не мог измерить, а конец предвидеть, отдых давался ему из милости, освобождение — по исключению. Наконец, в таких городах, как Афины, где эти «милости» были более широко применяемы, эти исключения более общи, все то же презрение, исполненное превосходства, абсолютное и непобедимое, тяготело над состоянием раба и следовало за ним до самого его освобождения.

Нам остается сказать несколько слов о том, как ему даровалось это «освобождение», на каких условиях и с какими оговорками; затем я изложу, каковым было общественное мнение в Греции по вопросу о рабах, о вольноотпущенниках, о самом труде, чтобы показать со всех точек зрения положение рабочих классов в законодательстве, в обычаях, в общественных воззрениях. К установлениям законодателей я прибавлю философские системы, касающиеся этих вопросов; а бесплодность их усилий в области теории, как и в мире явлений, поможет доказать, что если учреждение плохо по своему принципу и по своей сущности, то единственное средство его исправить — это уничтожить его.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОБ ОТПУСКЕ НА ВОЛЮ

1

Данте дал точное определение ада, когда он над тем входом, которым вел его туда Вергилий, поместил надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

Таковой же была сущность и основа всех бедствий рабства. Служить без надежды, служить без конца, служить лично самому, служить в своем потомстве, служить всем — таков был закон: наследственность, непрерывность! Но как раз эта часть закона, конечно самая жестокая, потребовала облегчения положения раба. Те мучения, которые он там претерпевал, даже если бы они были в общем умеренными, в духе более благоприятных для него афинских законов, все же оставались адом, так как по необходимости они оставались бесконечными. Нужно было, чтобы туда проникла хоть смутная надежда. В этом мире, где все подвергалось изменению, раб, поставленный своей печальной судьбой на последнюю ступень счастья или, вернее, несчастья, должен был иметь столько же надежды, сколько богач—страха. «Нет нигде, друг мой,—сказал ему поэт,—нет нигде города рабов, но судьба влечет всех с занимаемых ими мест. Многие, сегодня лишенные свободы, завтра будут вписаны в дем Суниона, а через три дня будут иметь место на агора; рок для каждого из нас поворачивает кормило жизни, куда хочет» [1].

Раб мог получить свободу на условиях тягостных, за плату, или на условии дарственности, путем выкупа или через отпущение на волю.

Прежде всего он мог выкупиться на свои сбережения. Как было указано выше, это было поощрением труда,

наградой за хорошее поведение. И в конце концов хозяин тут не терял ничего. Взяв столько контрибуций со сбережений раба, он получал сверх того полную его стоимость в обмен на свободу. Но было ли у раба право заставить хозяина согласиться на такой обмен? Самюэль Пти вывел такое заключение — совершенно неправильно — из одной фразы Плавта[2] и с бо́льшим правдоподобием — из «Златоуста» Диона (речь о свободе): «Ну так что же, безумец,— восклицает он, — или нельзя сделаться свободным, не будучи отпущенным на свободу хозяином?». Он приводит целый ряд примеров таких освобождений, с помощью или без помощи государства перед лицом великой опасности или после поражения, и продолжает: «Но разве я не могу освободить сам себя, найдя деньги, чтобы выкупить себя?»[3]. Однако авторитет Диона не настолько уже велик, чтобы изменить общее право в столь важном пункте при полном молчании на этот счет всех древних авторов. Может быть, он делает намек на принудительную продажу раба в случае плохого обращения с ним: подобно тому как он мог быть куплен другим, он мог выкупиться сам, имея деньги. Но, может быть, тут дело идет о выкупе исключительно добровольном, так как автор просто отмечает, что можно стать свободным, не будучи освобожденным хозяином, а выкуп, т. е. свобода, купленная на тяжких условиях, не является, в сущности говоря, освобождением.

Отпуск на волю в подлинном смысле слова производился или хозяином или государством в формах, часто аналогичных, но с результатами иной раз различными.

Когда хозяин, умирая, отпускал на волю своего раба, гарантией этого служило его завещание; мы уже встречали много подобных фактов у Диогена Лаэртского. Когда же он давал ему свободу при жизни, он старался найти несколько иные средства оповестить об этом. Объявление делалось в различных местах, где собирался народ, например в театре[4]; и народ слушал с вполне законным нетерпением и неудовольствием эти выкрикивания глашатая, прерывавшие или покрывавшие голос актера; поэтому впредь было запрещено нарушать народные увеселения выполнением этого обычая. Такое объявление делалось также в суде, где оно было более уместно[5]; на празднествах, в храмах, как можно сделать заключение из рассказа Свиды, когда он говорит, что Кратес, взойдя на алтарь, громко провозгласил: «Кратес освобождает Кратеса!»; вероятно это была одна из обычных форм освобождения рабов на волю, которую он заимствовал, чтобы торжественно освободить себя от собственного ига[6]. Наконец, освобождение на волю

могло быть подтверждено еще или при помощи особых документов, вроде той надписи на камне, которая была найдена на Косе, по которой рабы и их дети были отпущены на волю под условием выполнения известных религиозных обрядов в честь Геракла [7]; или же при помощи внесения в государственные списки, на что нам указывает положение вольноотпущенных в Афинах — формальность, которая подтверждалась также специальным декретом, написанным на камне, как это доказывают многочисленные документы, открытые в Фессалии [8]. Почти всегда там дается расписка в сумме, которую отпущенные на волю платили государству как бы для того, чтобы получить право на регистрацию [9].

Этот вид гарантии приводит нас к другой форме отпущения на волю, дарственного ли или по выкупу, с которой мы могли уже познакомиться из собрания надписей Бёка, но которую на основании новых надписей гораздо лучше выяснил Курциус в своей вводной статье большого научного значения. Речь идет об отпущении на волю под видом продажи или дарения божеству [10].

Эти надписи, найденные в Дельфах и в нескольких других соседних городах, указав, как и все государственные акты, имя архонта эпонима, месяц его магистратуры и т. д., называют имя продающего и его отчество, имя раба, его пол, очень часто его возраст, всегда его происхождение и указывают продажу или дарение, которое сделано богу, иногда с согласия родителей, мужа, жены или даже детей [11]. В большинстве случаев этот дар представляется бесплатным, и можно себя спросить, не идет ли выгода от всего этого в пользу храма [12]; в других случаях делается специальная оговорка, что раб, посвящаемый подобным образом, не может быть опять обращен в рабство [13]; таким образом он отпущен на волю, и бог не имеет на него никаких других прав, кроме защиты его свободы, если она с какой-нибудь стороны подвергнется угрозе. Если дело идет о продаже, что является более частым случаем, надписи указывают цену, свидетельствуют, что она была внесена целиком богу, чтобы передать ее хозяину, и на каких условиях; после этого они объявляют ее ненарушимой и священной. Но для того чтобы выполнение этой оговорки было лучше гарантировано прежнему рабу, этому акту дается гарант. Этот гарант должен под своей личной ответственностью охранять свободу отпущенного на волю против всяких покушений; при отсутствии гаранта всякий человек приглашается взять на себя его защиту и привлекать насильника к суду и при этом с полной гарантией свободного выпол-

нения этого долга против всех жалоб и претензий прежнего господина; что же касается насильника, то ему угрожают штрафом, который поднимается в некоторых надписях до десятикратной стоимости раба и должен быть разделен между тем, кто донес на насильника, и храмовым казначейством [14]. Акт оканчивается именами свидетелей: это два жреца, два или три архонта и частные лица.

Условия, которые обыкновенно сопровождают формулы дарения или формулы продажи во всех актах, где раб вверяет сумму выкупа богу, ясно указывают, что под этой скрытой формой идет дело об освобождении на волю и что новый гиеродул уже не раб. Все это делается для свободы (ἐπ'ἐλευθερίᾳ), для того, «чтобы иметь право делать, что он хочет, итти, куда он хочет, в течение всей своей жизни» [15]. Чего же еще надо больше, чтобы быть свободным? Гарант, который должен охранять условия договора, часто бывал иностранцем по отношению к храму, к тому месту, где он находился, что предполагает, как это отметил Курциус, что раб не обязан был здесь оставаться. Но в очень большом числе случаев эта фикция уничтожается, и голый факт проявляется без всякого прикрытия. Рабы принесены в дар Аполлону, но они должны оставаться при дарителе до самой его смерти и только с этого момента могли быть свободными [16]. Какую пользу мог извлечь бог из такого дарения? В Стирисе отпуск на волю при подобных условиях выражен просто, без соблюдения формы дарения или продажи; и если в том же акте, несколько ниже, его аннулируют вследствие невыполнения условленных пунктов, то прибегают к выражению, встречающемуся при многих других случаях такого мнимого дарения: ἀάθεσις — посвящение [17].

Эти примеры, которые с такою ясностью определяют характер подобных посвящений, точно так же доказывают, что эти отпуски на волю не всегда были полными и окончательными. Хозяин, который дарит или продает раба, мог сделать некоторые оговорки. На 435 надписей Вешера и Фукара приблизительно сотня (такая же пропорция в надписях приходится и в других случаях) возлагает на проданного богу раба обязательство оставаться при своем хозяине, а в двух или трех случаях — при человеке, который указан хозяином (№№ 29 и 427). Это обязательство, в сущности привязывающее его на всю жизнь к тому, при ком он должен был оставаться, иногда ограничивается определенным временем (от двух до восьми лет [18]) или сроком, который может даже перейти за время смерти господина: одна женщина должна оставаться у своего господина,

сколько он проживет, а после его смерти — у его сына, пока он не женится[19]. Иногда после смерти хозяина раб мог быть свободным, только заплатив определенную выкупную сумму лицам, указанным хозяином[20]; иной раз ему позволялось «выкупить» это обязательство дальнейшего своего пребывания или за деньги, или подставив вместо себя другого раба[21].

Раб своими собственными деньгами приобретал таким образом, если так можно выразиться, только голую собственность на самого себя; доход с него принадлежал хозяину. Он должен был ему повиноваться, что включало необходимость выполнять все обязанности под страхом аннулирования контракта. Но иногда эти обязательства определялись особо и тем, надо полагать, ограничивались. В одной надписи выражается желание, чтобы раб приготовил своего ученика в качестве заместителя для потребностей хозяина (№ 213); в другой — чтобы он в продолжение пяти лет занимался совместно с хозяином медициной, получая только одежду и пропитание. Хозяин дает своей рабыне свободу делать все, что она хочет, исключая прав жить вне его города или стать здесь его гражданкой (№ 53); другой продает богу молодого раба на условии, что он будет жить у мастера, где он научится ремеслу сукновала и будет им заниматься в его, хозяина, пользу[22]. Имущество продаваемого таким образом раба, равно как и его труд, является предметом многих договоров. Иногда хозяин оставляет за собой полное право наследования в такой мере, что не только деньги, которые раб приобрел, служа ему, но и все, что он приобретает в новом своем состоянии свободы, должно будет принадлежать ему, хозяину; и чтобы предупредить всякие сделки или какой-либо обман, вольноотпущеннику запрещалось при своей жизни распоряжаться своим имуществом через продажу его или дарение под страхом аннулирования не только этой продажи, но и самого договора, в силу которого он стал свободным[23]. Иногда, не ожидая этого, лишь вероятного, наследства, хозяин делает оговорку, что отпущенник заплатит ему «выкуп» или предоставит ему вместо себя долю в той ассоциации, членом которой он состоял[24]. Вольноотпущенник платил свою долю, а «патрон» ел его обед; существуют также обязательства, которые держат раба под своей властью даже после смерти хозяина. Во многих надписях хозяин возлагает на раба обязанности относительно своей могилы. Раб, обязанный по условиям продажи жить у того, кто его продал, кормить его, платить за него взносы на расходы по трибе, должен также после его смерти похоронить его и воздать ему все

погребальные почести[25]; другие должны были каждый год возлагать венок на его могилу (№ 110), в новолуние и в седьмой день увенчивать венком его статую (№№ 136 и 140). В этих надписях отображен один оригинальный случай: молодая девушка была продана богу, без сомнения, за деньги, данные ее отцом и матерью — оба рабы — на условии, когда она вырастет, притти им на помощь, будут ли они рабами или свободными; если она этого не сделает, то у отца и у матери или у тех, которых они укажут, сохраняется право ее за это наказать (№ 43).

Эта продажа раба божеству часто продолжает связывать его достаточно большим рядом обязательств не только по отношению к богу, но и по отношению к хозяину, который его продал; и тем не менее даже в этом случае он мог считаться вольноотпущенным: даже при этих путах, наложенных на его свободные действия, можно видеть признаки того, что он свободен. Хозяин имеет еще право его наказать, если он остается в его доме, но только как человека, стоящего ниже его, а не как человека, ему принадлежащего[26]; хозяину запрещено передавать его другим. Он мог быть хозяином его труда, он мог оставить себе часть его заработка и все его наследство, но он уже больше не был хозяином его детей. Обратное обстоятельство оговорено в надписи: женщина, продавая богу двух женщин-рабынь под условием, что они останутся при ней, прибавляет, что дети, которые родятся у них во время этого пребывания, будут принадлежать ей[27]. Это исключение подтверждает правило, по которому они рождались свободными. Это обстоятельство вытекает из тех оговорок, которые охраняют свободу этих рабов или детей, которые могут у них родиться[28], или из тех, где хозяин оставляет за собой право на их наследство в случае, если у них не будет детей (№ 213); и, с другой стороны, эти оговорки относительно наследства, как и штрафы, которые на них иногда накладываются в случае неисполнения ими договора[29], показывают также и то, что в общем они оставались господами своего имущества. Другим признаком их свободы являются те гарантии, которые им даются и которые я отметил выше, давая общую формулировку этих актов. Они не только имеют, в качестве своего защитника, того гаранта, который подписывается под условиями продажи и обязуется наблюдать за их выполнением под угрозой определенных наказаний; они имеют сверх того для разрешения всех своих споров со своим прежним хозяином судей в числе трех, приговор которых не подлежал обжалованию, и эти третейские судьи выбирались хозяином и его прежним рабом — обстоятель-

ство, которое и того и другого делает равноправными перед лицом закона[30].

Торжественность формы освобождения, санкции, которые ему придавались, угрозы насильнику, штраф, который поднимался до пяти- и десятикратной стоимости раба[31], должны были делать его особенно желательным, заставляли особенно добиваться его. Казалось даже, что при наибольших гарантиях оно обеспечивало и наибольшие выгоды в обычном течении жизни. Хозяином, «патроном», является бог; требовал ли он от своего «клиента» каких-либо особых услуг? Может быть, хотя ничто не говорит за это; но во всяком случае он был менее суровым и менее требовательным господином по отношению к этой массе вольноотпущенников, чем обычно хозяин по отношению к незначительному числу своих рабов. В конце концов этот обычай относится только к последним временам Греции: нет ни одной надписи, по указанию Курциуса, — и таково же мнение Вешера и Фукара, — которая относилась бы ко времени раньше III в. до н. э.; многие надписи относятся только к императорской эпохе. С другой стороны, этот обычай ограничивался довольно незначительным числом священных мест. После храма Аполлона Дельфийского, который является главным местом, — это храмы Диониса в Навпакте, Афины Полиады в Давлии, Асклепия в Элатее и Стирисе, храмы Афродиты в Этолии[32], Сераписа, который повидимому унаследовал роль Асклепия, в Херонее, Тифорее и Коронее. В эти храмы обращались не только исключительно жители данных городов; с аналогичной целью приходили сюда из окрестных мест — из Харадры, Бойоны, Эринеи, Амфиссы; можно было бы найти единичные примеры, охватывающие более широкий круг жителей более далеких стран, как например те два раба из Галлиполи, на берегах Фракии, о которых сообщает Курциус[33].

2

Освобождение на волю ставило раба в совершенно новое положение по отношению к своему старому хозяину и к государству. Из его положения абсолютной зависимости проистекала двойная опека: в силу свободы он поступал под опеку государства, в силу патронажа он оставался под опекой своего хозяина; для государства, по крайней мере в Афинах, он становился метеком, для своего старого хозяина — клиентом.

Таким образом прежде всего он был подчинен всем обязанностям метеков: занесению в списки, что служило в

то же время подтверждением его освобождения, регулярному налогу в 12 драхм и всем тем обязанностям, которые были указаны раньше[1]. Метек, независимо от внесения в списки, должен выбрать себе патрона; для вольноотпущенника возможности выбора не представлялось: это, естественно, был его старый хозяин[2]. Обязанности вольноотпущенника по отношению к нему были такими же, как и обязанности метека по отношению к патрону; кроме того они могли быть пополнены хозяином, который мог оговорить это при отпуске на волю.

Действительно, вольноотпущеник обыкновенно оставался тем, чем был раньше, во времена своего рабства. Флейтистка продолжала наниматься поденно в дни празднеств[3], как и гетера; когда же она входила в приклонные года, она становилась тем, чем была Никерата, и находила способ продолжать в лице других свое старое ремесло[4]. «Если бы Формион был продан повару или какому-либо другому специалисту, — говорил Аполлодор, выступая против ложных показаний Стефана, — он научился бы его делу. Купил его мой отец, научивший его банковскому делу»[5]. Став вольноотпущенником, раб еще не освобождался от обязанности выполнять в пользу господина свою обычную работу, притом на условиях, какие тому было угодно назначить; иногда он должен был оставаться при нем (παραμένων), откуда имя Парменон), что мы уже несколько раз видели при освобождениях рабов под видом религиозного посвящения[6]; в других случаях он жил на свободе, и для его хозяина это служило средством использовать его по мере надобности, не беря на себя обязанности давать ему полагающееся содержание[7].

Закон, который охранял раба от злоупотребления со стороны хозяина своею властью, должен был также охранять вольноотпущенников от злоупотреблений со стороны их патронов. Они могли к этому законному «опекуну» (προστάτης) прибавить наблюдателя (ἐπίτροπος), род второго опекуна, который за некоторые услуги приходил в минуту необходимости ему на помощь[8]. Что касается законных прав патрона, то закон поддерживал их со всей суровостью. Процесс *апостасии* (отступничества, вероломства) вчинялся против вольноотпущенников, так же как процесс *апростасии* (измены своему покровителю, отказа от него) — против метеков, обвиненных в неблагодарности; он слушался перед архонтом полемархом, и судьями были члены трибы хозяина. В этом процессе все могли давать свои показания, будь то иностранцы или граждане. Если отпущенник был объявлен виновным, он опять стано-

вился рабом; он мог быть продан или закован в цепи. Если он выиграл (и приговор в этих условиях нельзя было подозревать в пристрастии в его пользу), то патрон терял все свои права, которыми он пользовался так несправедливо [9].

Таким образом освобождение на волю устанавливало положение, среднее между рабством и положением гражданина. Оно скорее извлекало раба из рабского состояния, но не делало его еще вполне свободным [10]. Освобожденный раб мог спокойно отбросить все знаки рабства, отрастить себе волосы [11], изменить свое имя, сделав его более благородным: какой-нибудь Стефан стал называться Филостефаном; Тромес, отец Эсхина, стал Атрометом; Симон принял поэтическое имя Симонида, а Сосий — имя воинственного Сосистрата [12]. Но тем не менее он оставался вне общества действительно свободных лиц, подавленный еще двойным гнетом патрона и государства.

Однако этот гнет в той или другой части мог быть смягчен.

Тот, кто и раньше удостаивался доверия своего господина, заведуя его торговыми операциями или управляя его состоянием, не мог найти в своем освобождении положения худшего, чем он имел, будучи рабом. С этого времени хозяин создавал ему такое положение, из которого и тот и другой могли извлечь выгоду; дело доходило до того, что, умирая, хозяин оставлял ему часть своего состояния, опеку над своими детьми и руку своей жены; что касается жены, то иногда он отдавал ее ему еще при своей жизни; у ораторов можно найти этому много примеров. Так, Формион, вольноотпущенник богатого банкира Пасиона, бывшего раньше тоже рабом [13], получил от своего господина вместе со свободой управление его банком и оружейную мастерскую за известную ежегодную плату; и он сделался настолько богатым, что мог дать взаймы своему бывшему хозяину 11 талантов [14]. Хозяин, умирая, оставил ему в наследство свою жену и приданое, а также опеку над своим младшим сыном Пасиклесом. Старший сын, Аполлодор, опротестовал распоряжения своего отца по завещанию, и Демосфен, защищая Формиона против сына, восклицал: «Думает ли он, что, убежденные в честности Формиона при исполнении им своих обязательств, вы будете упрекать его за его брак с вдовою Пасиона? Пусть он откроет глаза, он увидит то, что вы все видите: он увидит, что банкир Сократ, отпущенный на волю своими господами, подобно Пасиону уступил свою жену своему старому рабу Сатиру, что другой банкир, Сосиклес, заранее назначил для своей жены в качестве своего заместителя Тимодема, который еще жив и теперь и

который прежде был его рабом; он увидит такие примеры отношений хозяев к своим слугам и вне Афин: в Эгине Стримодор отдает свою жену, а потом, после ее смерти, свою дочь замуж за своего раба Гермея. Он увидит наконец двадцать таких фактов. И почему же этого не может быть также и в данном случае?» [15]. Правда, немного позже тот же Демосфен в речи, составленной для того же Аполлодора против того же Формиона, давал ответ на этот вопрос, нападая на завещание как подложное, незаконное, невозможное, негодуя на этого вольноотпущенника, который разорил детей своего прежнего хозяина; против этого раба, который не постыдился жениться на своей госпоже и обращаться как с женой с той, которая осыпала его голову печеньем и фруктами, согласно обычаю, когда он был куплен [16]. Но этот запоздалый ответ, оспаривая подлинность завещания, вовсе не опроверг приведенных примеров и подтвердил факт передачи господином наследства, включая и супружеские права, своему вольноотпущеннику.

Государство, так же как и хозяин, могло смягчить суровые условия, в которых обычно оно держало вольноотпущенника, и возвысить его положение в государстве, часто даже с известной выгодой для казны. Его включали в ценз как афинянина [17], т. е. из простого метека он делался «исотелес» — несущим одинаковые тяготы: гражданином с точки зрения податей, но не почестей, а тем более не с точки зрения гражданских прав; так, он не мог законным образом принимать заклады на землю [18], так же как он не мог оставлять завещаний [19]. Освобожденный от всякого патронажа, вычеркнутый из того списка, куда он был внесен благодаря своему освобождению от рабства, он мог записываться в реестры дема Суниона, заняв там такое положение, которое поэт Анаксандрит изображает как среднее между рабством и положением гражданина; но чтобы достигнуть всей полноты гражданских прав, ему нужно было сделать еще один шаг, причем формальности для этого были очень строги. Вольноотпущенник, как и иностранец, мог получить права гражданства только на основании решения, принятого на собрании 6 тысяч граждан, и это избрание могло подлежать апелляции: хотели избежать всяких неожиданностей и предоставляли народу возможность, если его первое решение было благоприятно, еще пораздумать [20].

Более легко получались права гражданства при освобождении раба государством.

Я говорю не только о тех, кого государство освобождало на основании закона, в силу особого постановления. Например декрет, изданный с целью обуздать ту контра-

бандную торговлю, от которой страдали Афины, обещал свободу рабу, донесшему об этом[21]. Я говорю о государственных рабах. Государство имело рабов так же, как и частные лица; оно могло, как и эти последние, освобождая их, вознаградить их рвение, проявленное и доказанное ими во время их службы. В таких случаях освобождение обыкновенно было простое и освобожденный должен был смешаться со всей массой метеков: он записывался в государственные списки, выбирал себе патрона из среды граждан и подлежал двум видам обязательств, которые касались права местожительства для иностранца. Но эта мера принимала иногда более широкие размеры. Народ, предоставляя государственному рабу свободу, которой он распоряжался на правах хозяина, мог прибавить сюда политические права, которые зависели от него как от суверена; и он их действительно давал в торжественные моменты, как вознаграждение или поощрение от имени всего народа; например он дал их тем, кто оказался победителями при Аргинусских островах[22], или тем, кто сражался при Херонее[23]. В этих случаях те из рабов, которые не принадлежали государству, были выкуплены у их хозяев и вписаны вместе с другими в число новых граждан; их называли *платейцами* в память того декрета, который некогда предоставил права гражданства жителям Платей, пришедшим на помощь Афинам в битве у Марафона.

Может быть, и на этой ступени своего социального положения вольноотпущенник не обладал еще всей полнотой гражданских и политических прав. Демосфен в речи, где, правда, его утверждение могло быть внушено интересами судебного процесса, заявлял, что Пасион как новый гражданин не имел права по духу солоновского закона оставлять завещания[24]. В другой речи он с большим основанием напоминал, что новые граждане не имели права мечтать ни о должности архонта, ни о жреческой должности и что сами платейцы были подчинены всей строгости этого закона[25]. Эта милость, т. е. вся полнота прав гражданства, была присвоена только их детям, рожденным от гражданки[26]. Таким образом клеймо этого гражданства «сегодняшнего дня» стиралось в их крови только во втором поколении; и не только это ограничение привилегий напоминало старому рабу о тех цепях, которые он с себя снял. Если он был богат и особенно если он по тщеславию добивался звания гражданина, то находили удовольствие подвергать испытанию его политическую правоспособность как нового члена гражданской общины, обременяя его всевозможными повинностями. Одно почетное поручение следовало за

другим, литургия за литургией; хорег, триерарх — никто не оспаривал у него этих титулов, связанных с огромными затратами, так как ондолжен был расплачиваться за все в меру своего состояния и требований массы. В другой речи Демосфена можно прочесть историю всех этих несчастий Аполлодора, сына банкира Пасиона и нового гражданина, во время выполнения им триерархии: ему приходилось нести огромные издержки на наем матросов, которые переходили к другим, давать авансы, которые ему не возвращались, всегда платить и быть всегда ограбленным, на все свои жалобы и заявления не получать иного ответа, кроме презрения и пословицы: «Ты этого хотел: мышь захотела отведать смолы» [27].

Были ли обычными эти милости? В одной речи Демосфен горько жалуется на легкость, с которой их расточали, как какую-либо продажную вещь, людям потерянным, «детям или внукам рабов» [28]. Этот упрек может быть преувеличенным в количественном отношении, но он правильно характеризует качество лиц, допущенных к этому положению. Народ, всегда столь ревниво относящийся к своим привилегиям, не проявлял себя столь ревнивым по отношению к своему достоинству; так, чтобы польстить Антигону, он пожелал дать звание афинского гражданина одному из его рабов; на это предложение Антигон ответил: «Я не хочу бить афинянина» [29]. Этим званием облекались люди темного происхождения: какой-то игрок в мяч за свой талант, торговец рыбою, наверно, за свои деньги и т. д. [30]. Когда город Перикла среди провинциальных городов римской империи не имел другой привилегии, кроме права считаться столицей изящной литературы и изящного вкуса, чести быть гражданином Афин добивались усиленно очень многие, и афиняне нашли здесь новый способ извлекать для себя выгоду, пока наконец Август из уважения к памяти их великих предков не запретил им продавать за горсть серебра право на афинское гражданство [31].

В цветущие времена Афин число новых граждан из числа вольноотпущенников повидимому было не очень значительно по сравнению с числом исконных афинян; равным образом и число вольноотпущенников не должно было значительно превышать числа рабов. Это доказывает перепись Деметрия Фалернского. И действительно, есть один только класс, с которым их можно было сопоставить, — это класс метеков. Как мы видели раньше, метеков было 10 тысяч человек в возрасте от 20 до 60 лет, т. е. приблизительно 40 тысяч мужчин и женщин; и так как иностранцы

составляли самую значительную часть этого класса, его часто обозначали их именем.

Итак, освобождение ожидало конечно далеко не всех рабов. Для большинства из них рабство оставалось тем, чем оно было по закону: бесконечным злом, вечной тюрьмой. Были удовлетворены тем, что выход был найден в возможности избавления для небольшого количества рабов. Если благодаря этому избегали взрывов восстаний или непрерывных потерь, вызываемых бегством, если общественная безопасность была обеспечена, этого уже было довольно — из этого не делали для себя никаких других выводов. Да и как могло быть иначе при распространенном среди греков взгляде на рабство, при наличии философских систем, которые в некотором роде освящали общественное мнение авторитетом разума? Эта сила общественного мнения, это новое могущество, которое она обрела в философии, является конечно не менее поучительной и не менее интересной частью истории порабощенных народов; и вполне естественно, что к этому приводит меня дальнейшее рассмотрение предмета моего исследования. Я показал, каковым было рабство с точки зрения права и фактически в жизни и в законах, в обычае, на практике; я приступаю теперь к тому, чтобы показать, чем оно было в теории; тогда мы будем иметь перед глазами всю совокупность идей и фактов, которые его образуют, и мы будем в состоянии судить о влиянии, которое оно оказывало.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВЗГЛЯД НА РАБСТВО В ДРЕВНОСТИ

Потребовалось очень много лет, для того чтобы принцип единства и равенства человеческого рода, не раз выраженный в творениях древнееврейского народа, проник в законодательства христианских народов; и теперь сколько еще есть государств, где он не успел окончательно восторжествовать!

Этот принцип, очень рано забытый, не так легко мог притти на память и особенно проявиться на практике, настолько противодействующие ему интересы были традиционны и могущественны. В действительности с ранних пор человек, вынужденный добиваться всего только трудом, возмутился против закона, который принижал его природу, и, не имея сил разбить это ярмо, более сильный переложил его на более слабого. Такое разделение произошло не только в общественном труде, но даже в недрах семейств, составляющих общество, и это разделение было объявлено необходимым теми, для которых оно служило основанием их благополучия и досуга [1].

Эти факторы, которые распространили и увековечили рабство среди стольких варварских народов в течение всех веков, с большей силой проявились у греков в силу характера их политических учреждений. Досуг и, как следствие его, порабощение другого класса, делавшее возможным этот досуг, оказались необходимыми не только для благополучия в частной жизни, но и для выполнения государственных обязанностей. Гражданин должен был отдать всего себя на службу государству; вся духовная его деятельность требовалась на служение государству; все физические силы его служили обязанности защищать свое государство. До пе-

риода возмужалости воспитание должно было приготовлять его к этой двойной задаче, и даже взрослым он продолжал еще эту подготовку среди забот политической жизни.

Таковы были взгляды греков на обязанности в отношении государства, взгляды, которые более или менее полно проявлялись во всех конституциях, под властью ли аристократии или демократии, и вполне осуществились в Спарте в законах Ликурга. Таким образом рабство было связано с основными принципами государственной жизни. Чтобы его уничтожить, нужно было, чтобы человек не имел ни обязанностей, ни потребностей, или, еще лучше, чтобы природа сама все давала ему для обслуживания, — дискуссионная тема, которая была подхвачена и развита согласно свойственному каждой из них духу античной эпопеей и комидией в описаниях золотого века: одной — с той прозрачностью формы и благородной простотой, которую сумел придать ей Гесиод [2], другой — с теми причудливыми чертами, которые были заимствованы из утонченности иного уже века, чтобы в карикатурном виде ввести ее в свои картины [3]. Единственно при этом условии допускали равенство людей и для того, чтобы оно вновь появилось в данный момент, требовали по меньшей мере, чтобы вернулись вновь к людям все эти чары древних времен. Так, комический писатель Кратес в новом проекте социальной конституции заставляет своего реформатора вести такой разговор: «Сверх того, никто не будет владеть ни рабом, ни рабыней». «А как же, — возражает другой, — старик тоже должен обслуживать сам себя?». «Вовсе нет, — продолжает реформатор, — я заставляю двигаться все нужные предметы без малейшего прикосновения к ним. Всякий корабль будет приближаться сам собой, когда его позовут. Нужно будет только сказать: стол, стань передо мной! Накройся! Квашня, замесись! Стакан, наполнись! Чаша, где ты? Ополоснись хорошенько! Пирожок, иди сюда на стол! Чугун, вынь из своего нутра этих животных! Рыба, подходи! — Но, скажет она, я еще не поджарилась с двух сторон. — Хорошо, перевернись, подсыпь под себя соли и сейчас же поджарься в жире» [4].

Эти времена давно уже прошли и отделены от рассматриваемых нами новыми поколениями, новыми творениями в нисходящем ряде веков. Это был век железа, век притеснений и рабства, и поэт напоминает об этом роковом законе судьбы, который пригнул головы всех [5]. Но в этих условиях, созданных для человеческого рода, когда необходимость труда влекла за собой необходимость рабства, кто применит его к новообразующимся обществам, по какому

признаку различать людей, имеющих право командования и обязанности повиноваться?

Для первых времен возникновения цивилизации, когда нравы носили еще отпечаток варварства, ответ на эти вопросы прост и ясен. Господствует право силы, право, которое легко распознать и которое проявляет себя в действиях. Рабство, позволяя утвердить себя путем насилия, тем самым в самом себе носило признак законности. Факт превращался в право, и победитель порабощал побежденного не в силу логического вывода, что он, победитель, став владыкой над жизнью побежденного, мог ему вернуть ее на известных условиях и с известными оговорками, но в силу права превосходства, вытекающего из факта победы. И такое его право, переходя к его потомству, не меняло своей природы по отношению к потомству порабощенных народов. Свободный человек был всегда начальником не как более благородный, но как более сильный. Славное происхождение само по себе не давало ему права господства, как и не защищало его от тяжелого положения раба. Сыновья богов, сыновья царей в одинаковой мере могли подпасть под его иго. Геракл был рабом, равно и все славное племя детей Приама, как и блестящее потомство героев, поработивших их себе. Самое молодое из эллинских племен, дорическое племя, которое даже не упоминается Гомером, установило и твердо держало свой деспотизм над славным народом ахейским, записанным первым в золотой книге Греции, над народом, который в героические времена песен Гомера превосходил всех славой своего имени. Кем стали сыновья спутников Ахиллеса? Пенестами. Кем стали сыновья благородных воинов Менелая и Агамемнона? Илотами.

Это грубое господство силы даже тогда, когда оно продолжало существовать в законодательстве народов, все-таки не могло удержаться в общественном мнении, и прогресс культуры должен был его осудить. Духовное развитие продолжало играть все большую и большую роль и обеспечивало себе преимущественное влияние в делах человечества; самый сильный перестает быть самым лучшим; им становится более ловкий и более умный; постепенное изменение этого понятия прекрасно можно проследить на последовательных оттенках слова, которое выражает это понятие: ἄριστος — «лучший, сильнейший» [6].

Но если право повелевать перестало теперь принадлежать силе, законность рабства уже не оправдывается одним только фактом [насилия], который его создал и его поддерживал. Его оправдания стали искать в самой сущности рабства; и так как *себя* они считали способными

властвовать, то хотели думать, что *других* природа умышленно создала существами, годными только для рабства. Рабство унижало человека:

> Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
> Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет [7].

И вот решили, что человек стал униженным не вследствие рабства, но для рабства — софизм, который применяется в интересах данного института вплоть до специального толкования этого стиха Гомера. Буквально создали расы свободные и расы рабов. И таким образом рабство, установленное государственным правом и гражданскими законами, стремилось найти еще себе основание в естественном праве, и человеческая совесть успокоилась при этом тройном освящении рабства.

Таковы были идеи, которые господствовали над человеческими умами; и когда имелись столь положительные и столь настойчивые интересы для того, чтобы считать рабство законным, понятно, что чувство первоначального равенства людей померкло и заволоклось в сознании человеческого рода. Но ведь в конце концов это забвение столь же мало говорит против единства человеческих племен и народов, как и почти повсеместно распространенное язычество не могло отвергнуть единства бога. Но во всяком случае поспешим сказать, что такое мнение, столь, казалось бы, распространенное, не овладело окончательно душами всех. Можно было принять факт существования рабства, склониться перед необходимостью и тем не менее протестовать против мнимых прав, предъявляющих притязание на то, чтобы их признавали. Поэты, особенно драматурги, более близкие к человеческой природе благодаря своей привычке изучать без предвзятой идеи ее инстинкты и затем изображать вдохновляющие ее идеи и нравы, не раз произносили красноречивые и достойные слова: «Если кто сделался рабом, то разве его тело не то же, что у нас? Никого природа не создала рабом: судьба поработила его тело» [8]. Равным образом и философы, заглянув в глубину своего сердца, видели истинное назначение человека и присоединялись к этим протестам. «Есть люди, — говорит Аристотель, — которые смотрят на власть хозяина, как на противоестественную. Это закон, говорят они, а не природа, разделил людей на свободных и на рабов. Таким образом рабство несправедливо, так как оно насильственно» [9].

Однако нужно сказать, что эти протесты и в театре и у философов бывали довольно редки. Театр обычно выражал мнение народа, а философы чересчур часто уступали

сами тому общественному мнению, которое господствовало в их время. Представляет значительный интерес рассмотреть, как перед лицом столь важного вопроса вели себя наиболее блестящие гении Греции, каковы были их предубеждения и системы, их поучения и рассуждения, их утверждения, их сомнения и признания. В исследованиях, где доказательства постоянно сталкиваются с их выводами, в исследованиях нерешительных, где встречается столько противоречий, чувствуется, что, желая убедить других, они чувствовали необходимость убедить самих себя; и эти усилия являются новым выражением уважения, воздаваемого священному закону природы — неискоренимому в человеке чувству права на свободу.

2

Платон оставил нам две большие системы организации общества: *«Республику»* и *«Законы»;* в первой он хотел представить перед нами в новом виде самую идею государства; во второй, представляющей нечто среднее между миром идей и миром явлений, он хотел выводы своей «Республики» сблизить с реальными условиями, сделать их применимыми в жизни, хотел возвести в идеал существующие установления Афин. Нечего уже и говорить, что в одном случае его мысль должна будет подчиниться влиянию политической необходимости, в то время как в другом она явится в полном блеске, освободившись от всякой посторонней примеси. В одной его работе он — государственный человек, в другой — философ. Какое же место в государстве для него, как для философа, т. е. с точки зрения чистого разума, занимает рабство?

В «Республике» государство — это взрослый человек, поднявшийся на высшую ступень силы. Естественное строение государства для философа представляется таким же, как и естественное строение человека; и это настолько верно, что, желая найти для человека определение справедливости, он ищет его в государстве, как в таком примере, где справедливость дает возможность рассмотреть себя в наиболее крупных и наиболее легко различимых чертах [1]. Он различает в государстве, как и в отдельном человеке, области знания, силы и инстинктов, смелых и слепых; но в нем так сильно чувство естественной свободы в его определении человека, что он в вопросах рабства будет восставать против соблазнов собственной системы. Нет, это вовсе не является признаком ума или силы, когда под предлогом естественного превосходства порабощают существа, у которых господствует один только инстинкт, и кладут как

бы на основе естественного права основание обществу на принципе командования и подчинения; первый естественный союз образовался благодаря добровольному объединению людей, равных по происхождению, которые соединяют воедино свои различные способности для служения общественным нуждам. Таким образом первое общество свободно и основано на труде: нет знатных, нет простого народа, нет хозяев, нет рабов в этом объединении существ, которые все же, несмотря на свое равенство, различны. Там есть только земледелец, строитель и ткач; затем те, которые будут делать для них орудия их труда, которые будут перевозить их произведения или обменивать их на иностранные продукты. Это для Платона «истинное государство, строение которого представляет собой здоровый элемент»[2]. Но, подобно тому как человек, не удовлетворяясь тем, что для него необходимо, прибавляет сюда тысячи искусственных потребностей, которые порождает испорченное воображение, так и государство портится и, так сказать, подвергается плохим настроениям. Тогда появляется наподобие кортежу паразитов толпа слуг, которых первоначальное и чистое общество еще совершенно не знало. И вот с этого момента, при наличии этих новых условий, противоположных тем, которые были у людей при добровольном объединении, начинается роль законодателя[3].

И на самом деле он берет общество таким, каким оно является в действительности, когда природа уже испорчена. Потребности общества не будут уже, как в первые времена, исключительно насущными потребностями жизни — хлеб, жилище, одежда и побочные мелочи, для получения которых труд общины делился без борьбы и усилий. Государство выросло, и в стремлении к расширению оно вступает в соприкосновение с соседними и соперничающими обществами; эти отношения усложняются и вовне и внутри, и одним из первых условий существования государства становится забота о его защите и о руководстве им.

Нужно было расчленить и согласовать в этих целях различные силы, которые благодаря простоте первых времен легко объединялись в естественной гармонии жизни; и Платон, предоставляя массе выполнение функций обеспечения материальной жизни, которая в былые времена была достаточно обеспечена, выдвигает людей с храбрым сердцем на защиту государства, людей ума — на управление им[4].

Таков тот двойной облик, под видом которого Платону рисуется идеал человеческого общества. Сначала общество естественно: смысл его основывается на общности потребностей, условием его является труд, а правом — свобода.

Затем появляется общество, отношения которого уже исказились под влиянием человеческих страстей и где за отсутствием естественного равенства господствует между различными классами известное равновесие, поддерживаемое действием закона. В первом государстве нет совсем рабов, во втором — слуги могут быть употреблены для нужд роскоши. Но философ, который повидимому их допускает, так как он только делает на это намек в нескольких местах [5], совершенно не выдвигает их в своем произведении и не вводит их как необходимый элемент в конституцию своего государства. Все заключается в трех классах: советников, управляющих государством, воинов, которые его защищают, земледельцев и ремесленников, полноправных хозяев земли и ремесел, оплачивающих продуктами своего труда первые два класса, обеспечивающих им управление и охрану [6]. Во всех этих классах он уважает свободу, вплоть до последних ступеней социальной иерархии, до чернорабочих, «людей, мало достойных принимать участие в жизни государства, но чьи крепкие тела недоступны усталости» [7].

Но не грозит ли рабство, которое повидимому является чуждым платоновскому государству, вновь появиться под другим видом? Не являются ли эти классы, облеченные столь различными обязанностями и правами, настоящими кастами? Как выглядит естественная свобода, если наследственно они образуют столько же совершенно разобщенных друг от друга поколений? Платон, далекий от того, чтобы в этом разобщении увидеть опасность, наоборот, стремится к нему, как к какому-то благу, и, вместо того чтобы покровительствовать прогрессу и объединению граждан различных классов, он хотел бы, не меняя их положения, обратить некоторым образом их профессию в их естественное состояние и иметь таким образом наследственно неизменные классы людей-земледельцев, людей-мастеровых, людей-воинов и людей-правителей. Он особенно хотел провести резкую черту между классами низшими и высшими и создать поистине привилегированный класс для управления и для ведения войны [8]. Но став на путь, столь пагубный для единства человеческой природы, этот великий и блистательный гений теряет здравый смысл, и с первых же шагов он впадает в эти страшные и чудовищные заблуждения: общность жен, бесплодные в силу закона браки, аборты [9]. И среди этих роковых заблуждений тем не менее так велика его вера в первоначальное равенство, что она вызывает воспоминания о них в различные века жизни человечества, чтобы сделать более священным столь резкое разделение этих классов. Даже при всеобщей наследственности обществен-

ных обязанностей он требует зачисления в правители и в класс воинов не только на основе права рождения; он требует от них прежде всего тех качеств, которые, как он надеялся, при помощи этих средств будут вечно передаваться в этих семьях из поколения в поколение по наследству. «Вы все, которые участвуете в жизни государства, вы все братья, сказал бы я им, продолжая это предположение, но бог, который вас создал, прибавил золота в тех, которым свойственно управлять другими и которые поэтому являются наиболее драгоценными; он прибавил серебра в состав воинов, железа и меди в состав рабочих и земледельцев... Вы будете иметь детей, которые будут на вас похожи. Но переходя от одного поколения к другому, золото может стать иногда серебром, как и серебро—перемениться в золото, и то же самое произойдет и с другими металлами. И прежде всего бог рекомендует правителям показать себя здесь хорошими стражами: больше всего обратите внимание на тот металл, который окажется смешанным в душе ребенка; и если у собственных их детей будет некоторая примесь железа или меди, абсолютно необходимо, чтобы им не было оказано никакой поблажки, но чтобы их удалили в тот класс, к которому они подходят: в среду мастеровых или в среду земледельцев. Если эти последние имеют детей, в которых проявляется золото или серебро, то они должны быть возвышены — одни до ранга воинов, другие до ранга правителей, так как есть предсказанье, гласящее, что государство погибнет, когда оно будет управляться или охраняться железом или медью» [10].

Таким образом рабство объявлялось необходимым и естественным. Платон не признает такого положения естественным и доказывает, что в нем нет необходимости в той структуре, которую он набрасывает как для примитивного общества, так и для того общества, которое может и должно в известном направлении перестроиться в руках законодателя. Он идет даже дальше: он требует уничтожения этого права, по крайней мере поскольку это касается греков, из страха проложить тем самым путь для господства варваров [11]. Он ничего не говорит о «варварах»; и действительно, насколько ему казалось противным природе и бесполезным само по себе иметь рабов, настолько ему представлялось трудным при современном положении греческих государств путем реформы дойти до уничтожения рабства. В «Законах», где мысль философа вновь возвращается к существовавшим тогда учреждениям с целью способствовать их улучшению, сопоставляя их, где это возможно, с их божественными образцами, ему ни на одну минуту не прихо-

дила в голову мысль открыть миру дорогу, которая привела бы его к состоянию, соответствующему его природе. Между обществом «Республики» и обществом «Законов» — целая пропасть, оправдываемая необходимостью. Итак, общество уже будет делиться на свободных и рабов. Платон признал естественную несправедливость этого положения и законное нежелание человека подчиняться ему, но он склоняется перед этим верховным законом судьбы, который властвует в его «Законах»[12]. Он исследует тут только выгоды и неудобства, и его вывод — не уничтожать рабов, но обращаться с ними так, чтобы они, оставаясь полезными, не были опасными. Я не могу удержаться, чтобы не привести в переводе весь этот важнейший отрывок, к которому нам придется возвращаться еще не один раз:

«Вопрос о рабах во всех отношениях является затруднительным. Основания, которые приводятся в его защиту, в одном смысле хороши, но дурны в другом; ведь они одновременно доказывают пользу и опасность иметь рабов. Если есть какая-либо трудность оправдать или осудить пользование рабами в той форме, как оно установлено у других народов Греции, эта трудность является несравненно большей, когда приходится говорить об илотах в Лакедемоне; меньше затруднений представляет вопрос о мариандинах, рабах жителей Гераклеи, и о фессалийских рабах, называемых пенестами. И когда посмотрим на то, что происходит там и в других местах, то чувствуется необходимость установить какие-либо правила относительно владения рабами. Мы знаем, что нет никого, кто бы не сказал, что нужны верные и преданные рабы: ведь среди них нашлось много таких, которые выказали больше преданности, чем братья или сыновья, и которые своим господам спасли жизнь, и имущество, и все их семейство; мы знаем, что так говорят о рабах... Но не говорят ли также, с другой стороны, что душа раба не способна ни на что хорошее и что никогда разумный человек не должен верить рабу? Это дает нам понять самый мудрый из поэтов, говоря:

> Разума лишь половину дает Зевс широкоглядящий
> Людям, которых постигнет печальная рабская доля.

В зависимости от того, какой из этих противоположных взглядов разделяют люди, одни из них, ни в чем не доверяя своим рабам, обращаются с ними как с дикими животными и силою палки и ремня делают их душу не в три, но уже в двадцать раз более рабской; другие действуют совершенно обратно... Ясно, что человек, — существо, трудно поддающееся управлению, — лишь с величайшим трудом со-

глашается на это разделение на свободных и рабов, на хозяев и слуг, вызванное необходимостью. Отсюда вывод — раб есть имущество очень хлопотливое. Опыт показывал нам это не раз: и частые восстания мессенцев, и те несчастия, которым подвергаются государства, где много рабов, говорящих на одном и том же языке, а также и то, что происходит в Италии, где бродяги производят всякого рода грабежи и насилия. Ввиду этих беспорядков нет ничего удивительного, что люди не знают, какого взгляда им держаться в этом вопросе. Я вижу только два выхода: первый — рабов иметь не одного и того же племени, но, насколько возможно, таких, которые говорят на различных языках, если хотят, чтобы они более охотно переносили гнет рабства; второй — хорошо обращаться с ними не только для них самих, но еще в большей степени в своих интересах. Это хорошее обращение заключается в том, чтобы не позволять себе никаких обид по отношению к ним и быть, если возможно, по отношению к ним еще более справедливым, чем по отношению к равным себе»[13].

Итак, Платон держится в некотором отношении как бы середины в вопросе о рабстве; он воздерживается как отвергать, так и оправдывать это учреждение, и фактически он его принимает со всеми преимуществами и опасностями, которые оно представляет в условиях существующих обществ. Но он не загоняет свою философскую мысль под ярмо общих предубеждений. Этим государствам, которых рабы столько же обременяют, сколько и обслуживают, он противополагает свое государство, где труд, свободный, хотя и регулируемый конституцией, дает достаточно для потребностей государства; во всяком случае он отвергает всякую видимость законности этого пресловутого естественного права, в котором хотели найти основание для унижения человеческой личности. Чтобы дополнить его мысль, хотелось бы отнести к положению рабов то, что он говорит о свободных в их отношении к авторитету правителей или богов: «В состоянии зависимости, как и в состоянии свободы, излишество является самым страшным злом, в то время как истинная мера—величайшим из благ. Быть слугами богов— это справедливость; быть слугами людей — злоупотребление»[14].

3

Система Аристотеля сильно отличается от системы Платона; она отличается и по своим выводам, она отличается и по принципу; причина этого, нужно сказать, заключается в том, что оба философа сами имеют и методы и тенденции,

совершенно противоположные. Платон, который как по привычке, так и по внутреннему инстинкту стремится ввысь, к идеалу, отгораживается от влияния окружающих его фактов; в его политической теории философ берет верх над государственным человеком. Аристотель, который исходит из опыта, остается более под воздействием установленных фактов, и в самых отвлеченных построениях своей политики в нем преобладает государственный человек. Таким образом в этой перестройке общественной организации главнейшим элементом для Платона является *человек*, для Аристотеля — *гражданин*. Отсюда следует, что, в то время как Платон организует свое государство по типу самой природы, Аристотель рискует воспринять самую природу, как слепок с государства.

Конечно это ошибка, в которую впал великий гений.

Государство, по определению Аристотеля, — это общество, сорганизованное таким образом, что оно в самом себе находит средства удовлетворить все свои жизненные потребности [1]. Его цель — благополучие, т. е. совокупность наибольшего количества благ как в мире, окружающем человека, так и в нем самом — в его физическом существовании и в духовном облике [2]; и так как духовные свойства имеют первенствующее значение, то показательным государством следует признать то, где благодаря законам всякий гражданин сможет обеспечить себе наибольшее количество благополучия благодаря личным достоинствам [3]. Но эти *личные достоинства*, понимаемые как проявление духовных качеств, требуют свободного от работы времени: нужно будет, чтобы гражданин был избавлен от всех забот материальной жизни, пусть же различные обязанности по земледелию или ремеслу, пусть все заботы о самом индивидуальном обслуживании падут на другую часть населения государства [4]. Таким образом между всей массой людей, которая составляет государство, начинает намечаться резкая линия раздела. С одной стороны —гражданин, который в самом себе воплощает все назначение государства, стремящийся к благу путем развития личных достоинств, имея свободное от труда время; с другой стороны — люди, единственной целью которых повидимому является давать гражданам возможное количество этого свободного времени: в области земледелия и ремесленного производства это пахари и ремесленники; в области частного обслуживания — это *рабы* [5].

Изложив так эту организацию, необходимую для государства, Аристотель старается найти ее и в семье и даже в самой природе человека. Ведь человек рождается со

склонностью к общению [6]. Полного завершения это свойство достигает в семье; а последняя предполагает три элемента: человека, который управляет семьей, женщину, которая продолжает жизнь семьи, и раба, который эту семью обслуживает [7]. Уничтожьте одну из трех линий этого треугольника, и треугольника уже не существует; таким образом раб является некоторым образом третьей составной частью человека: уничтожьте его, и перед вами не будет уже человека, человека общества, истинного человека. Сама природа дала ему это двойное и неизбежное дополнение — женщину и раба [8]. Но отношения раба к господину определяются не только положением человека в обществе, в семье; Аристотель открывает их в сущности природы отдельного человека: они подобны отношению души к телу. Раб — это тело, и это представление в конце концов переходит и в язык; раба просто и открыто стали называть «телом» [9]. Это — тело, отделенное от своего господина как бы для того, чтобы устранить от него то чувство усталости и печали, которые через посредство тела сообщаются душе [10]; но это тело настолько связано с его природой, что оно не имеет вне его своего реального существования; и Аристотель повидимому не хочет, чтобы это понималось как чистая абстракция, как идея; он говорит: «Господин является понятием господина только по отношению к рабу; наоборот, раб является рабом не только *по отношению к господину:* он целиком сам по себе есть раб» [11].

Таким образом рабство необходимо; рабство естественно. Этот вывод, извлеченный из идеи государства, из первичной организации семьи и из организации самого человека, согласно Аристотелю, находит свое подтверждение еще и в домашнем хозяйстве. «Эта область, как и все другие, — говорит он, — нуждается в специальных орудиях, и среди этих орудий одни являются неодушевленными, другие — одушевленными, как руль и матрос в руках хозяина корабля; равным образом собственность в общем есть орудие и раб есть живая собственность и первое из орудий» [12]. А кроме того рабство и необходимо; ведь нет ничего другого, что могло бы заменить раба, рассматриваемого как одушевленное орудие. Чтобы можно было обойтись без раба, нужно, чтобы неодушевленные орудия сами получили движение и жизнь, и таким образом философ выдвигает как принцип то, что внушало комедиографу эти причудливые сцены общества без рабов. «Действительно, — говорит Аристотель, — если бы всякое орудие могло работать само по данному приказу или даже предвосхищая его, как статуи Дедала или треножники Гефеста, которые, по словам поэта,

сами собой являлись на собрание богов, если бы челноки ткацкого станка ткали сами собой, если бы смычок сам собой играл на кифаре, то предприниматели стали бы обходиться без рабочих, а хозяева — без рабов»[13]. И все эти глупости, которые охотно можно было бы отнести на счет воображения сумасшедшего, находят себе место в теории философа, как основанные на доводах разума. Рабство естественно, ибо если для его отмены требовалось бы перевернуть все законы физического мира, то оно само должно стать законом природы; и перед лицом этой двойной необходимости не оставалось ничего другого, как склонить свою голову под это иго. Таким образом Аристотель считал, что он вполне доказал то, о чем он говорил вначале: «Наконец сама природа создала в целях сохранения одни существа для господства, другие — для повиновения. Она пожелала, чтобы существа, одаренные прозорливостью, повелевали как господа, и чтобы существо, способное по своим физическим свойствам исполнять приказания, повиновалось как раб; и этим самым объединяются интересы господина и раба»[14].

Но во всяком случае заметим: все эти рассуждения, посредством которых Аристотель старался найти законное оправдание рабству в самом человеке, в семье и в государстве, могли выводиться не столько из фактических данных, сколько из определенной идеи человека, семьи и государства, полученной в отрешение от понятий, соответствующих реальному миру. Мы все еще в области теории; освободимся от всех тонкостей той аргументации, которой он пользуется, и переведем принципы в область фактов, в это истинное поле наблюдений; за Аристотелем ведь навеки останется слава первого, установившего и укрепившего *науку*. И сюда он сам переносит рассмотрение этого вопроса. «Теперь нужно посмотреть, — говорит он, — есть ли люди, созданные так самой природой, или же они совсем не существуют; есть ли люди, по отношению к которым, кто бы они ни были, можно сказать, что для них справедливо и полезно быть рабами, или же, напротив, всякое рабство есть явление противоестественное. Рассуждение может легко разрешить эти вопросы»[15]. Но вместо того, чтобы открыто подойти к фактам и здесь заложить основы своей системы, он прибегает к различным изворотам неясной аналогии, чтобы возможно скорее опять броситься в область гипотез. В принципе он устанавливает величайшую полезность власти и повиновения; сверх того он устанавливает как факт, что есть существа, предназначенные природой к управлению и к повиновению: право и обязанность, откуда рождается со-

вершенная гармония[16]; и он старается найти осуществление таких взаимоотношений: в человеке — между душой и телом; в семье — между мужчиной и женщиной; во всем мире — между человеком и животными[17].

Так ли это происходит и в обществе между людьми? Аналогия, отнюдь не приводящая нас к такому выводу, казалось бы, должна заставить от него отказаться; ведь здесь уже нет больше речи о различиях по полу, роду или сущности: здесь речь идет об отношениях одного человека к другому. А между тем Аристотель продолжает: «И здесь тот же самый закон должен господствовать во всем человечестве. Если есть человек, стоящий ниже себе подобных, подобно тому как тело ниже души, как животное ниже человека (а это приложимо ко всем тем, лучшее проявление существа которых заключается в физической деятельности), то это раб по природе; для таких людей, все равно как для других существ, о которых мы только что говорили, самое лучшее — подчиняться власти господина; ибо тот является рабом по природе, кто может предоставить себя в распоряжение другого (он потому-то и отдается другим, что способен на это) и кто может понимать смысл указаний, сделанных другими, сам же рассудком не обладает»[18].

Но есть ли люди, созданные так природой, или же их совершенно не существует? Этот вопрос, как можно ясно видеть, далекий от разрешения, снова появляется перед нами. И, даже отвечая на него положительно, можем ли мы сказать, что рабство так, как оно существует среди людей, является осуществлением естественного рабства? Таковы два фактических момента, которые нужно точно установить. Без первого нет естественного рабства; без второго — нет рабства законного.

Если рабство является действительно частью естественного права, если природа создала известные существа с единственной целью отдать их на службу господину, то они должны быть такими, чтобы со всей точностью соответствовать этим целям. «Ведь природа, — говорил философ, — вовсе не так поступает, как наши кузнецы, выделывающие дельфийские ножи для всяких нужд; у нее каждое существо имеет одно только предназначение, так как орудия считаются совершеннее, если они служат не для многих целей, а только для какого-нибудь одного применения»[19]. Раб вовсе не должен иметь всех совершенств нравственного существа — личное достоинство, волю, — так как он никогда не следует своим собственным внушениям; вся его жизнь, все силы должны заключаться в способностях физических, подобно тем молодым девушкам из золота и серебра, ко-

торых Гефест выковал себе, чтобы они поддерживали его неровные шаги [20].

Подражала ли природа его искусству и создала ли она действительно это раздвоение души и тела? Аристотель хотел бы это установить хотя бы в известной мере; и эта часть его аргументации представляет странный контраст глубокого проникновения и ослепления, прямоты и различных уверток. Это — зрелище великого духа, борющегося против себя самого, увлекаемого в ту или другую сторону под двойным влиянием своих идей и своего метода. Он находит в фактах опровержение своей системы и не имеет сил решиться это признать; он снова прибегает к теории и все же не может уничтожить следов своих живых и блестящих исследований, которые должны были бы привести к другим выводам: «Если предположить в рабах личные (нравственные) достоинства, то в чем же будет их отличие от свободных людей? Если их отрицать, то дело получается не менее абсурдным, так как ведь *они — люди* и имеют свою долю разума» [21]. Ясно, что он колеблется; и одно это его сомнение подрывает всю его теорию. Если нельзя с уверенностью сказать, что рабы таковы, то естественное рабство не имеет твердого основания. Над всеми этими сомнениями поднимается один факт: «они — *люди* и имеют свою долю в сознательной жизни». Если бы он к этому единственному факту приложил всю силу своей логики!.. Но «*чем же они будут отличаться от свободных людей?*». Он останавливается и, вместо того чтобы следовать по пути истины, которая уже вырисовывается перед ним, он через различные уклонения и двусмысленности возвращается к своей чистой теории: «Свободный властвует над рабом совершенно иначе, чем муж над женой, отец над сыном; важнейшие элементы души предсуществуют во всех этих созданиях, но они выявляются у них в самой разнообразной степени. *Раб совершенно лишен воли*; женщина имеет ее, но в подчиненной форме; у ребенка она еще не вполне развита» [22]. Таким образом у раба нет собственной воли. Он имеет только волю своего господина. У него нет и собственного разума. Та часть разума, которую философ иногда ему придает как человеку, в его глазах является, так сказать, разумом переданным, пониманием заимствованным; раб поднимается до понимания разумного только тогда, когда оно ему указано. Разум поднимает его на одну ступень выше животных [23]; но что касается службы господину, то в этом отношении он не ставит раба выше животного, и законность такого сопоставления, как оправдание рабства, он находит не только в природе души раба, но даже в его физическом строении:

«Сама природа того пожелала, так как она сделала тела свободных отличными от тел рабов, дав этим силу, необходимую при грубых общественных работах, и, наоборот, сделав других неспособными сгибать свою прямую фигуру при исполнении этих грубых работ и предназначив их исключительно для занятия жизни гражданской, которая у них делится между военными упражнениями и занятиями мирными» [24].

И все же он колеблется при этом странном утверждении. Раньше в нем немедленно же возмущалось его нравственное чувство перед этой суровой необходимостью оскотинить душу раба, чтобы поработить его «естественно», «согласно законам природы». Здесь же он имеет против себя очевидность фактов и здравый смысл. Необходимо познакомиться с его рассуждениями: «Часто бывает, я с этим согласен, что одни являются свободными только своим телом, в то время как другие — только душой». Но он уклоняется от решительного вывода, подставляя вместо факта гипотезу: «Конечно, если бы люди были всегда так различны между собою по своему внешнему виду, как они отличаются от изображений богов, то пришлось бы единодушно согласиться, что менее красивые должны быть рабами других: и если это верно по отношению к телу, то еще больше оснований было бы так говорить по отношению к душе; но красоту души узнать не так легко, как красоту тела». Какой вывод можно сделать отсюда? Что никакой вывод невозможен. Аристотель, наоборот, делает очень неожиданный вывод: «Но как бы там ни было, очевидно, что одни естественно являются свободными, а другие—естественно рабами и что по отношению к этим последним рабское положение столь же полезно, как и справедливо» [25]. И таким образом этот вопрос, который является исключительно вопросом действительности, который по его же признанию имеет факты против себя, он разрешает вне мира реальностей, чтобы тотчас же навязать этой реальности свой столь легко полученный вывод.

Но, допуская, что существует естественное состояние рабства, какой поддержкой послужило бы это тому рабству, которое было установлено в обществе его времени? Для того чтобы система Аристотеля могла быть оправдана для данного времени, нужно было бы допустить, что человек низшего духовного развития становился всегда рабом и что при обращении в рабство можно было производить это различение, отмеченное природой. А ведь в действительности состав рабов всегда пополнялся или по рождению, в порядке наследственности, или через войну. Аристо-

тель допускал и тот и другой способ. Действительно, рождение кажется самым естественным путем, чтобы продолжить творения, которые природа сама создала; а война в глазах философа является средством, которое природа дала людям, чтобы вернуть к подчинению своим вечным законам тех, кто от них освободился. «Война,— говорил он,— является в некотором отношении естественным средством приобретения, так как она заключает в себе понятие охоты; ее необходимо вести против диких животных и людей, которые, будучи рождены для повиновения, отказываются подчиняться. Это война, которую сама природа сделала законной»[26]. Бесчестный и подлый обычай торговли рабами, обращенный в право, возведен в степень долга!

Но поражает ли война только людей, рожденных для рабства, и может ли рождение навсегда гарантировать, вместе с правом на господство и с обязанностью повиноваться, «естественные» условия для свободного человека и для раба? Аристотель высказывается не очень решительно по этому последнему пункту. «Верно,— говорит он,— что очень часто природа этого хочет, но не всегда может»[27]; что же касается второго пункта, как бы смог он ответить утвердительно при наличии живых традиций прошлого и этих вечных свидетелей его времени? Эти дочери царей, эти благородные пленницы, несчастья которых, воспетые Эсхилом, Софоклом и Эврипидом, всегда волновали души людей и вызывали в свободных сердцах самые живые симпатии, все они — Андромаха, Филоксена, Кассандра, старая мать стольких несчастных детей Гекуба, — какое, неправда ли, оправдание естественного права рабства и его применения в результате войны!

В душе ее дыханье видно божества;
Оно ее объемлет, хоть она раба,

говорит Эсхил о Кассандре[28]; вместе с Софоклом голос народа повторял:

Пусть тело рабское, но ум свободного[29],

или вместе с Эврипидом:

Раба позорное название носить —
Такая участь многих; духом же они
Свободней тех, кого рабами не зовут[30].

И как мог философ не выступить, даже во имя своей теории, в защиту этих несчастных, обладающих великой душой, этих жертв грубого насилия. Ведь эти несчастья отнюдь не были воображаемыми. Эти великие страдалицы не

вызывали бы такого живого чувства сострадания, если бы судьба их не имела повторений ежедневно; и души, наиболее предназначенные для свободы и господства, часто делались жертвами последствий войны, получивших оправдание философа: доказательство этому — малоазиатские греки, ставшие рабами варварской Персии в результате своей любви к свободе, которая была так велика, что они пожелали освободиться от всяких уз политической зависимости; доказательством служат и другие греки, порабощенные греками же в связи с войнами из-за стремления одних к независимости или даже честолюбию, других — к господству [31]. Обладало ли рабство даром переделать в один момент эти благородные натуры? Это было бы его приговором; но это было не так. Спартиат, ставший пленником и спрошенный при продаже, что он умеет делать, ответил: «Быть свободным». Другой при подобных же обстоятельствах показал себя не менее достойным свободы; когда глашатай стал кричать: «Продается спартиат», он прервал его со свойственной его народу гордостью следующими словами: «Скажи: пленник» [32].

Однако нужно обратить внимание на следующее: теория о естественности рабства осуждает политическую основу рабства, если она ее не оправдывает; а основа рабства не может считаться оправданной, если нельзя доказать законности средств, при помощи которых рабство установлено. Таким образом еще раз в этом пункте теория Аристотеля очень скомпрометирована. Как согласовать с этими принципами право рождения? Как оправдать в его общем применении право завоевания и власти над покоренными народами? Аристотель чувствует эти трудности; он отмечает отвращение к этому и возражения против всего этого [33] и однако он все еще ищет объяснений, собирает авторитеты, даже разумные доводы. «Эти два противоположных мнения, — говорит он, — были поддержаны людьми мудрыми. Причина этого разногласия и мотивы, приводимые той и другой стороной, заключаются в том, что личное достоинство имеет право, если оно имеет к этому средства, пользоваться до известной степени даже насилием и что победа всегда предполагает известное превосходство. Конечно можно считать, что и сила никогда не была лишена всякого достоинства и что здесь весь спор в сущности идет только об идее права, которая для одних заключалась в гуманности, а для других — в господстве более сильного» [34].

Итак, одна только сила может устанавливать право; и рабство действительно логически приводит к тем временам варварства, когда оно безраздельно господствовало. Однако философ не мог принять принципов, которые, подчиняя ду-

ховное развитие грубой силе, ниспровергали в интересах рабства всю его политическую систему, приспособленную для свободных людей; и в замешательстве от этой альтернативы, не имея возможности ни осудить право войны без потрясения рабства, ни оправдать его, не подвергая опасности свободу, он нападает на возражения и опровержения [35]. С своей стороны он повидимому склоняется к мнению тех, которые, «применяя имя рабов к варварам, с величайшим старанием отвергают его для себя» [36]. Но даже и такая условная «сделка» была неприемлема, да кроме того она была и бессильна; ведь если война слепо поражает *благородные души*, как и варварские тела, и если, даже предполагая, что он правильно классифицирует господ и рабов, рождение не является верным средством продлить в них естественные качества покорности и властвования, что же говорить о самом установлении рабства, которое однако всецело покоится на этих порочных основаниях? «Это вновь заставляет искать, — говорит Аристотель, — что является естественным положением рабства» [37]. Как философ он возвращается к этой легкой гипотезе воображаемого рабства; как политик он принимает его как факт и уже далее без малейших угрызений совести воздвигает на этих основаниях здание своего государства [38].

Благодаря этим простым сопоставлениям можно схватить всю мысль Аристотеля о рабстве, смысл его системы и причину его ошибок. Согласно его словам, рабство необходимо и естественно. Он находит его в современном ему устройстве государства и семьи, он поддерживает рабство с мыслью, что в основе его лежат принципы такой же организации. Так как он иначе не может их понять, то он полагает, что они именно так и созданы, организованы самой природой, и в этом он ищет для себя подтверждения, вплоть до сущности самого человека. Если действительно природа сделала из рабства основу семьи и государства, то она должна была создать людей для рабства и для господства. Философ определил теоретически раба и хозяина, и он хочет показать, что эти теоретические различия встречаются и в действительности. Вот вся его мысль, вот вся его система, и можно видеть, под каким влиянием она была создана. Он думает, что он идет методом эксперимента, и основывает свою теорию на наблюдении; он исходит из фактов, но фактов таких, какие он *находит* в обществе, которые он *предполагает* в природе, а по существу его выводы покоятся на гипотезе, слабость которой он вскрывает своими же собственными колебаниями и недостатки которой можно показать при самом простом анализе.

Нет, человек не является от природы рабом; нет, рабство не является необходимым элементом семьи и государства, естественно организованных. Раб, говорят, необходим для семьи, для общества, т. е. необходим для человека в его естественном положении в обществе и в семье. Но если раб является человеком, то тут получается противоречие в самом принципе: хотят сделать раба из того, кто сам хочет иметь рабов; и самая организация, которую предполагают для семьи и государства, нарушает права, которые хотели установить. Чтобы она действительно существовала, заключая в себе этот необходимый элемент рабства, в условиях естественной жизни, нужно было бы, чтобы сам раб стоял вне общего человеческого права, нужно допустить, что в человеческом роде есть два вида организмов — один для властвования, другой для того, чтобы служить, — и таким образом считать, что в этом их конечная цель и их самый законный и самый истинный интерес [39]. Существуют ли в действительности эти два вида организмов? Без сомнения, различия между людьми существуют, и Аристотель весьма основательно сводит их к двум принципам: человеческая природа двойственна; она состоит из души и тела; у людей, взятых как отдельные личности, могут преобладать в большей или меньшей степени качества или тела, или души. Но природа, которая вложила в них эти два элемента, никогда эти элементы не разделяла; и как бы велико ни было в отдельных случаях преобладание того или другого из них, оно никогда не доходит до того, чтобы установить такие родовые различия, которые не могли бы исчезнуть в той же самой личности, а должны передаваться ее потомству; а этого-то и требует рабство. Ведь раб — и это надо особенно отметить — это не индивидуум, это целая категория людей. Под тысячью самых разнообразных индивидуальных форм сохраняется все же единая человеческая природа, а следовательно случайные отношения могут быть очень разнообразны, но основные права индивидуума должны быть тождественны и общи для всех. Этот принцип, который благодаря чистым лучам гуманной философии, несмотря на потрясающее отступничество новейшего времени, остался аксиомой, доказывает незаконность порабощения человека в семье и семьи в государстве и до самого основания разрушает теорию Аристотеля относительно раздвоенной личности.

Его семья противоестественна: ведь как бы мало в рабе ни осталось общечеловеческого облика, у него осталось право иметь семью; это есть самое основное право человека; это, говорит Аристотель, дополнение к его существу.

Ведь в этом тройном сочетании человека, женщины и раба, которые, по его словам, составляют единство, я уже вижу элементы двух семейств — одного полного, другого искалеченного в своих составных частях и в своих правах. Равным образом и его государство столь же противоестественно; об этом можно судить сразу по одному факту. Граждане, которые посвящают себя исключительно государственным делам, должны быть очень немногочисленны и должны быть обслужены: значение и сила государства возможны только при этих двух условиях. Для обслуживания их философ допускает рабство; чтобы ограничить их количество в пределах, необходимых для внутреннего порядка, он допускает право аборта для женщин[40]. Чудовищность последнего приема плохо рекомендует первый. Но разберем дело по существу.

Природа, которая заложила основы семьи, не определила точно форм общества. Люди рождаются на свет с одинаковыми правами на семью, так как она является лишь законным развитием их организма, но они неравны по своим умственным и физическим силам, которые создают личность. Распределять государственные обязанности среди всех в соответствии со способностями, установить порядок и гармонию — таковы два необходимых условия, на которых возможно организовать идеальное государственное устройство, чтобы добиться действий, наиболее осмысленных и урегулированных и, как следствие этого, более могущественных и наиболее способных достигнуть объединения. Если пренебречь этими условиями, то в зависимости от того, будет ли все внимание обращено на то, чтобы распределить обязанности согласно с личным достоинством или прежде всего обеспечить общий порядок, начнутся бесконечные перестройки государства, будут происходить постоянные изменения в отправлении общественных функций; или же классы делаются чем-то постоянным, неподвижным и навсегда оставляют за каждым из них ту часть действия, которую считали нужным и полезным им ранее поручить. Некоторые из народов древнего мира пошли по этому последнему пути; современные фанатики примкнули к другому течению; известно, какова их судьба. В вопросе о рабстве Аристотель доказывает законность первого положения, а вывод делает в пользу второго! Это вовсе не значит, что он занял позицию между двумя крайностями; а очень может быть, что истина и была бы именно там. Человек не может следовать ни за природой в ее вечных изменениях, ни претендовать на то, чтобы фиксировать ее в формах неизменяемой организации. Общество должно представлять соединение устойчивости и изменяемости: устойчивости — в организации семьи

и в правах на собственность и наследование, рассматриваемое как приложение к этому праву; изменяемости — в социальной иерархии, предоставляя каждому в качестве исходной позиции то место, на которое его поставило рождение, с возможностью подняться или опуститься, в зависимости от своих заслуг. Если бы в обществе было естественное рабство, то следовательно там существовали бы племена, где принципы, обусловливающие низшую ступень развития, на которой основывается рабство, удерживались бы в силу своей собственной природы и переходили бы к следующему поколению, и так навсегда и неизменно. Но сам Аристотель восстал против этого пресловутого различия природы между людьми, нападая на олигархию. «Если бы некоторые властвующие люди отличались от подчиненных им других смертных настолько же, насколько, по нашему представлению, отличаются боги и герои от людей, превосходя последних как своими физическими качествами, так и духовными, и если бы с такой же несомненной ясностью можно было констатировать превосходство властвующих над подчиненными, то очевидно было бы лучше предоставить одним всегда властвовать, другим всегда быть в подчинении. Но эти различия не так легко установить, да и фактически очень трудно встретиться с таким превосходством, о котором рассказывает Скилакс: у индусов цари будто бы в такой именно сильной степени превосходили своих подданных. Таким образом становится ясным по многим причинам, что всем должно в одинаковой степени принадлежать право на очередное участие и во властвовании и в подчинении. Ведь равенство есть тождество прав и обязанностей людей, равных между собою. Государство было бы нежизнеспособным, нарушая законы равенства» [41]. Замените слово «властвующие» словом «господин» и слово «подданные» словом «раб», и вы будете иметь вывод, согласный с правильными принципами.

То, что справедливо по отношению к человеку в свободном состоянии, не является ли еще более справедливым по отношению к рабу? Или философ делает логические выводы только по отношению к гражданам? По крайней мере кажется, что он в некотором отношении насилует логику, когда он становится лицом к лицу с рабством; и получается таким образом, что при всех своих нападках на иерархию каст он приходит только к упрощению этой системы. Его государство — это каста свободных, покоящаяся на существовании касты рабов, в противоположность тем самым принципам, которые он нашел в природе во имя политической свободы государства.

Основной недостаток системы Аристотеля заключается, как я указал выше, в том, что он постоянно смешивает гипотезу и реальность в тех предпосылках, из которых он выводит свою теорию. На самом деле, раб обязан выполнять самые тяжелые работы, поэтому для него нужно тело более крепкое; раб работает по указанию хозяина: он должен иметь умственные способности более низкого порядка; раб действует по воле другого: у него нет надобности в воле. Аристотель предполагает его в действительности таким, каким он должен быть по его теории; и на основании этого тройного призрака, созданного его воображением, чтобы соответствовать действительным условиям рабства, он создает реальное существо, продукт природы, которое отныне оправдывает положение, творцом которого является только человек. На этот призрак своего воображения он направляет свои наблюдения; из этого призрака он извлекает свои истины. Развейте его, и все разрушится; и при этом разрушении его системы не останется ничего, кроме заключений без предпосылок и наблюдений без выводов. Нет, я ошибаюсь: исследования Аристотеля неизбежно оставляют после себя длинную светлую полосу; и теория, которая так долго занимала его гений, даже в тех ошибках, которыми она полна, для нас глубоко поучительна. Действительно, Аристотель верил в законность рабства, но он установил, на каких условиях оно только и могло существовать. «Всякий деспотизм в своей основе незаконен, за исключением лишь тех случаев, когда сама природа предопределила, что одним людям свойственно властвовать, другим — подчиняться. Если это так, то во всяком случае нельзя стремиться к деспотической власти над всеми, но только над теми, кто предназначен к этому» [42]. Но что нужно, чтобы рабство существовало как естественное право среди людей? Нужно, чтобы среди них существовали не только две природы тела и две природы умственных способностей, но еще две природы нравственности. Но ведь подобные условия являются осуждением самого факта рабства. Напрасно философ старается найти доказательства этому в реальном мире. У него нет фундамента, ему приходится прибегать к гипотезе, «окопаться», и при ее помощи уже он пытается согласовать реальные факты даже в ущерб логике, аргументируя одними доказательствами, а выводы делая из других. Подобно тому как Платон, эта столь чистая и благородная душа, всячески стремясь к созданию привилегированной группы в недрах человечества, впал в великий грех, защищая общность жен и аборты, равным образом и Аристотель, великий наблюдатель,

твердый логический ум, из желания найти рабство в природе позволил себе пойти на полное забвение фактов, данных наблюдением, на странные нарушения тех самых правил, которые он сам начертал для хода рассуждения,— два примера, которые доказывают в лице двух величайших гениев античности, что никогда не может быть нанесено оскорбление природе со стороны человека без того, чтобы она не отомстила за себя, искажая некоторым образом ум, виновный в том, что он не понял ее.

Рабство не выиграло и от школ исключительно нравственного характера. Перед лицом этого бедствия школы Эпикура и Зенона наглухо замкнулись — одна в своем эгоизме, другая в своем индиферентизме, обе одинаково безжалостные; первая — вследствие своей любви к благополучию и удовольствию, вторая—в силу презрения к ним. То рабство, которого Платон и Аристотель требовали во имя исполнения обязанностей лицами свободными, Эпикур провозгласил необходимой служительницей роскоши и удовольствий. Эпикуреец не меньше, чем спартиат, желал, чтобы его обслуживали; и всякий знает, могли ли эти презренные потребности внести какое-либо изменение в злоупотребления рабством. Что касается стоицизма, то он не знал, что ему делать с рабством; во имя чего же стоицизм мог требовать его уничтожения или ограничения? Для Зенона благо — это жизнь сообразно с природой[43]. Природу же он находил во всем, и своего рода фатум, или рок, увлекал таким образом человека в вечный поток вещей, в котором он существовал. Свободный или раб, он всегда находил себе свое место; одинаковая слабость духа — видеть в этом повод для гнева или сострадания. Тот, кто в своем рабском состоянии умел покоряться, не был рабом; тот же, кто не умел этого делать, был достоин быть таким рабом[44]. Таким образом рабство поддерживалось там, где его находили, но его находили также и в человеческой природе: Зенон объявил рабом всякого злого, а Посидоний обрекал этому состоянию всякого, кто, будучи слишком слабым, чтобы руководить самим собой, в обмен за свои услуги находил со стороны более сильного помощь и руководство, которых ему недоставало[45].

4

Обстоятельство, которое должно было бы сверх всего другого открыть глаза на действительный характер рабства, — это нежелание человеческой природы подчиниться ему, ее возмущения в стремлении скинуть его с себя; и Платон

это предвидел. Но рабство рассматривалось всеми если не как естественное, то как необходимое условие при данном положении общества, и всегда можно было установить линию своего поведения по отношению к нему. Философы склонялись к человеческому отношению к рабам, насколько они только могли это сделать, не потрясая основ рабства. Какова должна быть цель свободного, каков был его интерес? Предупредить столкновения, сопротивление и, если возможно, даже самую злую волю; сделать так, чтобы рабы употребляли силы своего духа и тела для содействия предначертаниям господина, а не для противодействия им. Не нужно ни очень вялых, ни очень решительных. «Надо остерегаться и тех, и других, — говорил Аристотель, — очень слабые не выносят совершенно труда, слишком гордые — командования» [1]. Особенно старались предупредить объединения рабов, которые усиливают их, и для этого рекомендовалось практиковать по отношению к ним систему изоляции. Изоляция в семье: никакого регулярного брака, как общее положение, разрешение браков исключительно в виде вознаграждения наиболее преданных или с целью иметь в лице детей как бы заложников их поведения [2]. Изоляция в обществе: Платон и Аристотель в этом отношении согласны друг с другом; для того чтобы помешать рабам понимать друг друга и сговариваться между собой, они советуют, как мы видели, объединять их так, чтобы они различались друг от друга и языком и происхождением [3].

После всех этих советов, основанных на недоверии к рабам, все рекомендовали по отношению к ним меры кротости и гуманности как лучшую политику. Мы уже видели, что Платон, после того как он признал в своих «Законах» жестокую и тягостную необходимость рабства, везде настаивает, как на лучшем средстве смягчения его, на хорошем обращении с рабами: «Обращение, которое состоит в том, чтобы, если возможно, быть с ними даже более справедливыми, чем мы бываем по отношению к себе равным» [4]. Ксенофонт, так сказать, осуществляет эти наставления в своем «Трактате о хозяйстве». Его благосклонность простирается на все ступени рабства: «Мы должны внушить ей чувство дружбы к нам, — указывает он, говоря о ключнице, — переживая вместе с ней все наши радости, когда мы веселимся, все наши печали, когда мы горюем; мы должны внушить ей желание беречь наше добро, показывая ей, что мы разделяем с нею наше благополучие; мы должны возбудить в ней желание справедливости, предпочитая честного человека плуту, показав ей, что первый будет жить более богато, в большем почете, чем другой. Вот как мы

должны держаться с ней»[5]. Он подчеркивает контраст между рабами, закованными в цепи, так часто старающимися бежать, и теми «слугами», свободными от всяких цепей, которые думали только о работе, которые испытывали удовольствие, оставаясь у своих господ[6]. Таким образом раб, заведующий делами, является почти членом семьи, раб-рабочий не лишен гуманного отношения; со всех доступных сторон хотят добраться до *человека*, мирными способами поработить его, привязать его к себе как при помощи лакомств, так и при помощи похвалы, привилегий и отличий[7].

«Трактат о хозяйстве» («Экономик») Аристотеля содержит те же правила и истины с меньшей вольностью, с бо́льшим чувством меры, сообразно с характером его гения. Ему диктует их не сердце, а разум, который все подсчитывает; это чувствуется с первых же слов. «Первая и самая необходимая собственность,—говорит он,—самая лучшая и самая важная, — это человек»[8]. Он, как и Ксенофонт, различает управляющего и рабочего; он указывает те же правила поведения хозяина по отношению к ним и резюмирует их коротко: «Никаких оскорблений, никакой фамильярности»[9]. Те же элементы в режиме их жизни, заключающие три вещи: труд, повиновение и пищу. Пища без труда и повиновения — это распущенность; труд и повиновение без питания — это уже притеснение; одно обессиливает, другое расслабляет; так двумя противоположными путями получается один результат. Все эти три условия надо комбинировать в известной мере, а их сочетание должно быть искусно соразмерено в соответствии с заслугами и свойствами каждого. К этим, так сказать, повседневным моментам присоединяются другие, более торжественные: праздники и жертвоприношения, которые на время прерывают труды и которые, как он говорит, организованы больше в интересах рабов, чем свободных людей[10]. И наконец — свобода, как награда за их службу.

Эти наставления как основные были признаны всеми, кто занимался этими вопросами, исключая ранний стоицизм, для которого рабство являлось вещью безразличной, а поэтому всякая мысль о реформе его была бессмыслицей, всякое сочувствие — слабостью. Известно непреклонное положение основателя этой школы: «Ни жалости, ни прощения»[11]. Но если он запрещал жалость, то в то же время он самым решительным образом лишал права и на гнев, а это запрещение было особенно выгодно рабу, так как Зенон находил равными преступлениями ударить раба или ударить отца[12]. Поэты пропагандировали эти положения с

подмостков театра. Раб, которого не щадят, говорил Менандр, будет плохим; будьте менее суровы, и вы сделаете его лучшим [13]; приводились примеры жестокости господ, немедленно за это наказанных отмщением небес [14].

Некоторые голоса поднимались даже выше этих чувств личной заинтересованности и защищали право раба на признание в них человеческого достоинства. Филемон говорил: «Хотя и раб он, о, владыка, но он не менее человек, чем другие люди» [15], — слова столь же возвышенные по своему настроению и не менее прекрасные по форме, чем слова Алексиса, столь хорошо переведенные Теренцием:

Homo sum, humani nihil a me alienum puto

(Я человек, и мне не чуждо, думаю,
Все то, что свойственно людям другим) [16].

Но, нужно признаться, этот голос остался почти без отзвука. Не таковы были господствующие настроения. Рабов презирали, и потому, не считая их достойными занимать внимание своей персоной, философы в своих советах занимались ими исключительно с точки зрения интересов хозяина. Сам Платон, порицая жестокость обращения с ними, предлагает их презирать: «Жестокий по отношению к своим рабам, вместо того чтобы их презирать, как делают те, кто получил хорошее воспитание» [17]; и он преследует их этим презрением даже за пределы их рабской жизни [18]. Ксенофонт, всегда такой гуманный, заимствует у искусства дрессировать диких животных способы, которые он хочет применить к рабу. Что касается Аристотеля, как мог он предписать человеку обязанность быть человечным по отношению к своему рабу? Ведь он мыслит только абстракциями; он превращает в закон правило смотреть на раба только как на раба, т. е. он сводит отношение к нему только к двум понятиям: зависимости и властвования. В своей никомаховой «Этике», трактуя вопрос о дружбе, он устанавливает, что ее не может быть между господином и рабом, в той же мере как не может быть ее между человеком и лошадью или быком; и он обосновывает свою мысль: «Это потому, что между этими существами нет ничего общего: раб ведь только одушевленное орудие, все равно как орудие — это неодушевленный раб. И поскольку он — раб, не может существовать дружбы по отношению к нему». Правда, он прибавляет: «Но этот вопрос осложняется постольку, поскольку раб является человеком; в самом деле, установлено, что отношения справедливости существуют между человеком и всяким, кто подчиняется одному с ним закону и участвует в одних и тех же общественных договорах» [19]. И нужно

быть признательным ему за это выражение непосредственного чувства. Продолжая сравнение философа, надо спросить: разве человек не любит свою лошадь, своего быка, в которых он видит своих хороших помощников? Аристотель в своей частной жизни не был чужд таким выражениям чувства: это доказывается теми либеральными распоряжениями, которые он делает в своем завещании по отношению ко многим своим рабам [20]. Но его теория делает его нечувствительным по отношению к бедствиям их положения. Раб для него лишь орудие, цель которого — служить, и в этом живом орудии он так мало замечает душу, имеющую потребности и права человеческой личности, что не претендует возложить на нее большие обязанности: «Мы установили, — говорит он, — что раб бывает полезен для повседневных потребностей. Отсюда ясно, что он должен обладать и добродетелью в слабой степени, а именно в той, чтобы его своеволие или вялость не наносили ущерба исполняемым им работам» [21].

Это систематическое, подтверждаемое доказательствами, презрение со стороны части философов легко переходило в сознание и представление массы; или, скорее, — будем в этом справедливыми — это было всеобщее предубеждение, распространенное, так сказать, повсюду в атмосфере древнего мира; оно господствовало над мыслями и подготовляло основания для всей системы. Мы уже видели, что Теофраст считал грубой деревенщиной тех, кто делил труды со своими рабами, говорил с ними о делах или кто останавливался, чтобы поделиться местными новостями с наемными рабочими, работающими в их имениях [22]. Расхождение этих двух классов намечалось более глубоко, чем когда бы то ни было раньше. Киническая школа, единственная, которая, казалось, была близка к классу рабов, не уменьшила неуважения к этому классу тем, что пожелала разделить его с ним [23]. К тому же это было чудачеством, немного меньшим, чем то, которым они заслужили свое название [24]. Но как эти философы могли поднять рабство в глазах общественного мнения, когда по своим нравам они спускались еще ниже, доходя даже до явного скотства? Возможно ли было реабилитировать труд, внушая рабу презрение к нему? [25] Насколько было хорошо подготовлять его к свободной жизни, прививая ему презрение ко всяким общественным законам? [26]

Диоген, выставленный на продажу, заявлял: «Кто хочет купить себе господина?» — и он нашел покупщика на этих условиях [27]. Каково бы ни было у киников основание их философии, унаследованное ими от сократовской школы, нужно

сознаться, что форма выражения у них была достаточно грубой; и в дальнейшем всегда у их подражателей встречалось больше бесстыдства, чем добродетели. Ссылались на Геракла (это он, одетый в львиную шкуру, был образцом для киников) [28], который, поставленный во время своего рабства сторожить стадо, убил в честь Зевса самого тучного из быков, устроил праздник и пригласил, в тоне достаточно властном и угрожающем, принять в нем участие своего хозяина, вполне законно недовольного таким своеволием. Еще указывали на молодого спартиата, достойного отпрыска племени Геракла: став рабом, он без возражений исполнял все обязанности свободного человека; но когда от него потребовали выполнения какого-то дела чисто рабского, он разбил себе голову с возгласом: «Я не буду рабом» [29].

В первом случае имели в виду киников, во втором — стоиков, которые, выйдя из недр кинической школы и сбросив, по крайней мере на некоторое время, эту звериную внешность, тем не менее сохранили почти то же отношение к рабству. Мудрец, будь он свободным или рабом, идя по определенному пути, всегда имеет право прервать его; и если он не может итти дальше, не делая ошибок, то он не только в праве, а уже обязан положить этому конец. И вне стоицизма это мнение было очень распространено в греческом обществе. Не отрицая власти судьбы над миром, греки вовсе не отказывались от всех прав; и, подчиняясь этой всеобщей зависимости, они оставляли все же за человеком частицу свободы: это свобода делать что-либо или не делать, и в крайнем случае — свобода смерти. Мы хотим сказать: тщетно война поражала всех своими слепыми ударами; тщетно самые знаменитые люди могли быть ввергнуты в рабство; все это не помогало, чтобы поднять раба в глазах общественного мнения. Среди превратностей судьбы рабство оставалось как бы пробным камнем, который обличал натуры истинно рабские. «Ведь совершенно напрасно, — как говорил Филон после вышеприведенных примеров, — покупатель стал бы составлять договор о продаже раба, который не хотел бы работать» [30]; массы свободных людей смотрели на этих несчастных, попавших в рабство и переносивших все его унижения, как на существа, достойные своей судьбы. Природа тут проявила свои права; и война просто выполнила здесь свое провиденциальное назначение, которое ей приписывал в этом смысле Аристотель. Без всякого угрызения совести презирали тех, кто оставался под игом рабства; и это презрение преследовало их иногда до самой могилы. В Марселе (древней Массилии) было две

повозки, чтобы отвозить на место похорон людей свободного звания и рабов [31]; и сам Харон, у Аристофана, отказал рабу в своей лодке, чтобы переехать на берег теней [32].

Подведем итоги. Рабство было санкционировано у греков самим фактом своего существования, законом и общественным мнением. По мнению всех, оно было необходимо; по заявлению многих, оно было естественно. Немного голосов поднималось в защиту этих людей, в которых не хотели даже признавать права на человеческое достоинство; большинство же старалось доказать в общем, что по своим нравственным качествам рабы стоят на более низкой ступени; а эта низшая ступень оправдывала презрение к ним и манеру обращения с ними; и нужно сказать, что те послабления, которые были введены практикой, не имели другого основания, кроме хорошо понятого личного интереса.

Было ли рабство действительно необходимо? Да, конечно, оно было необходимо в государствах, организованных так, как Спарта, или таких, о которых мечтали Платон и Аристотель, организованных по аналогичному, хотя и более совершенному плану. Но надо было бы исследовать, была ли необходима такая конструкция общества, была ли она естественна, нельзя ли было тот институт рабства, который объявлялся основой такого общества, считать одним из видов государственных преступлений, основанных на законе и которые оправдывали и рекомендовали оба философа. Были ли рабы действительно существами низшего порядка? Опять-таки да, такими они бывали часто; но тут нужно было бы принять в соображение, что даже на самой последней ступени рабства они обязательно должны были удерживать права *человека* в силу своей природы; нужно было бы посмотреть, не является ли само рабство одной из причин этой деградации обращенных в рабство племен. Тогда рассуждение, освобожденное от всех чуждых ему предубеждений, от всех предвзятых мыслей, могло бы охватить весь этот вопрос в целом; оно могло бы смело и верно исследовать все эти извилины мысли, рассеять весь этот мрак, и заключения против рабства были бы в той мере ясны и четки, как этого можно было ждать от предпосылок. К сожалению, нет ничего более трудного, чем освободиться от предубеждений, продиктованных старыми обычаями или собственническими интересами; можно ли упрекнуть древнюю философию в том, что она защищала рабство в своих системах, когда в наше время, при господстве христианских принципов, широко применяемых в нашем законодательстве, можно было видеть, как в колониях, где имеются рабы, продолжало сохраняться это «естественное право» рабства,

и оно удерживалось на этом проклятом участке жизни до того момента, когда государственное постановление, довольно решительное по существу, оставило за ним лишь ограниченное поле применения, со всеми оговорками, которые оно могло им предоставить? И в наше время стоит тот же вопрос, что и в древности, и заключения, к которым мы приходим на основании тех текстов, которые у нас остались, применимы и к старому французскому колониальному режиму. Опровергая Аристотеля, я опроверг и все те софизмы, которые, конечно с меньшим авторитетом, повторялись о естественном праве рабства со времени появления его книги; равным образом, показав на примере Греции, какое гибельное влияние оказывает один факт наличия рабства на классы свободных и порабощенных, я отвечу на эти странные теории, которые превозносят рабство и восхищаются им, как благодеянием для человечества.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВЛИЯНИЕ РАБСТВА НА ПОРАБОЩЕННЫХ И НА СВОБОДНЫХ

Прежде чем рабство было уничтожено в колониях, оно принципиально получило почти всеобщее осуждение. Но его защищали как необходимое условие для тех стран, где оно еще существовало; его восхваляли как оказавшее благотворное влияние на те страны, где оно некогда господствовало. Если верить его апологетам, то рабство было воспитателем человеческого рода. Это оно извлекло дикие народы из их жалкого состояния; это оно подняло свободные народы на столь высокую ступень цивилизации. Все — и люди и вещи — произошли от этого института; и мы, сбрасывая с себя его спасительные оковы, дети рабов или свободных, мы должны благословлять рабство, как вторую природу, как мать, которая выносила и вскормила нас.

За этими панегириками, за этими свидетельствами чисто сыновней благодарности, к которой очень часто склонны прибегать даже враги современного рабства, скрываются сожаления о его уничтожении, и они не настолько уже замыкались в прошлое, чтобы не иметь никакого отношения к настоящему. Ведь почему бы тому, что было некогда хорошим, не сделаться опять таким же при аналогичных обстоятельствах? Если рабство могло служить на пользу человечеству, значит оно больше не является уже одним из тех противоестественных учреждений, которые были созданы волей человека и оскорбляли провидение; нет, оно означает в таком случае учреждение, благословенное самим богом, служащее прогрессу человеческого рода; оно имеет провиденциальный характер; вот то значение, кото-

рое хотели бы ему придать. Изгнанная философией из области естественного права, эта идея устремилась в иную сферу, в которой нет места доводам разума, — в сферу божественного права. Но чтобы там укрепиться, она должна была подвергнуться исторической проверке. И если самый простой анализ принципиальных положений теории естественного рабства был достаточен для того, чтобы заставить рухнуть всю систему, то точно так же анализ фактов разрушает теории, которые хотят показать нам благодетельное действие рабства и найти в нем божью волю. Во всех этих теориях имеется один недостаток: они считают точно установленным то, что является вопросом и требует доказательства. Древний мир в широком масштабе практиковал применение рабства, и цивилизация в этом мире принесла плоды, которые новейшее время собрало как самое дорогое его наследие. Но какое отношение существует между этими двумя фактами? Помогло ли рабство развитию цивилизации или, наоборот, не помешало ли оно ее развитию и не уменьшило ли ее результаты? Вот что надо установить прежде чем решать, надо ли воздавать за него хвалу провидению или признать его преступлением человечества. Каковы были естественные последствия рабства, в каком отношении находятся между собой теоретические выводы и факты,—таков вопрос в целом, и, не выходя из пределов Греции, я думаю, можно будет подтвердить те выводы, которые не раз уже проходили перед нашими глазами.

1

Раб был «купленной вещью» (κτῆμα), «одушевленным орудием», «телом» (σῶμα), имеющим естественные движения, но не имеющим собственного разума, существом, совершенно поглощенным другим [1]. Собственник этой вещи, двигатель этого орудия, душа и разум этого тела, начало этой жизни — это хозяин. Хозяин для него все: его отечество и его бог [2]; это, так сказать, его закон и его долг: «Он для меня,— говорил Менандр, — и государство, и убежище, и закон, непреложный судья справедливого и несправедливого; только для него я должен жить» [3]. Таким образом бог, отечество, семья, жизнь — все слилось для раба в одном существе; он не имеет ничего, что делает человека членом общества, ничего, что делает его человеком нравственным; он не имеет даже своей личности, не имеет своей индивидуальности («раб безличен») [4].

Но он мог, вернее, он даже должен был оставаться чуждым этих понятий добра и зла, которые являются зако-

ном жизни свободных людей; ведь для него, в обиходе его жизни, весь закон заключался в единственном слове — *повиноваться:*

Раб! Владыку слушай, прав ли он или неправ [5].

Не полагалось, чтобы голос его совести находился в противоречии с волей его хозяина. Поэтому-то философы и старались всегда регулировать эту волю, которая для стольких зависимых существ являлась единственным правом и справедливостью. Для рабов нравственность ограничивалась этими правилами, находящимися в полном согласии с высшим законом их положения, влияние которого могло сделать их более послушными воле господина, более энергичными при обслуживании его, более преданными его интересам. С этой целью Ксенофонт советует хозяину развить в них на собственном примере привычку поступать честно; повидимому в этих пределах он ограничивал обучение их справедливости с применением к ним некоторых законов царского времени и еще более суровых законов Драконта и Солона [6]. Аристотель уточнял этот вопрос. Он спрашивал себя, можно ли требовать от рабов что-либо кроме их пригодности как орудия («помимо его пригодности быть орудием для работ и службы»), как например скромности, храбрости, справедливости и т. д. [7]. Он колеблется и уклоняется от категорического ответа; но в дальнейшем он их исключает из любого общества «как неспособных к счастью и к жизни, устроенной по собственному предначертанию» [8], и когда он определяет науку для раба, он под этим понимает только подготовку его, начиная с детского возраста, ко всем деталям своих служебных обязанностей [9], их обучение тому, на основе чего некогда в Сиракузах создали целое предприятие [для торговли «высококвалифицированными» рабами].

От раба требовали талантов и ловкости в исполнении его обязанностей. Правда, от него могли требовать еще других достоинств, но в меру их полезности; к чему нужен ловкий раб, если добро хозяйское не является для него священным? [10] Какая польза в бдительном надсмотрщике, если он «выносит сор из избы»? Нужно, чтобы он обладал верностью и молчаливостью: fide et taciturnitate [11]. Но что касается достоинства в собственном смысле этого слова, то для раба оно отрицалось принципиально. «Господин, — говорит Аристотель, — должен быть для раба источником достоинства» [12]; и вовсе не было желательно, чтобы в этом отношении раб делал большие успехи. Один из персонажей Эврипида говорит:

Нет радости в рабах, коль лучшими они
Окажутся своих владык;
Не нужно, чтобы раб, уж если стал рабом,
Людей свободных мыслями владеть он мог,
С презрением осмелившись на нас смотреть;
Не люб мне раб,
Умом хозяина который превзошел [13].

Что должно было получиться из всего этого?

Рабы оставались в общем чуждыми тех нравственных достоинств, которые сохранялись только для свободных людей, но в той же мере они не имели и тех специальных достоинств, которые хотели наложить на них, как узду, не заботясь о воспитании их душ на основе этих принципов. Они оставались тем, чем их называли в жизни, *«телами»;* в теле они видели все свое благо, и своего благополучия они искали в удовлетворении своих чувств. Чувственность была основой их природы, и все в их воспитании служило для ее развития. Исключенные из гимнасий, где воспитывались дети свободных, не обученные даже домашним обязанностям, они росли в полном неведении добра и слишком часто близко знакомясь со злом; они жили в полной зависимости от человека, абсолютного владыки всего их существа, который в числе своих прав считал и право злоупотреблять их телом. Что же удивительного, если чувства господствовали над разумом этих бедных созданий, которые становились жертвами чувственности даже раньше того возраста, когда пробуждаются страсти? Что же касается других, то как могли бы они подняться над этой материальной жизнью, к которой такими крепкими оковами приковывали их обязанности, свойственные их положению? Деградируя под влиянием гибельного для них благоволения или от дурного обращения, потеряв человеческий образ от ранних пороков или чрезмерных трудов, они действительно вполне подходили под определение Аристотеля, который обрекает рабству человека, в котором господствуют чувства. Но то, что Аристотель относил на счет природы, не было ли это скорее извращением характера под влиянием рабского положения? Вот именно этот-то вопрос и избегал ставить Аристотель, а его между тем было так легко проверить опытом. Таким образом тот самый факт, который оправдывает определение философа, осуждает его теорию.

Чувственность, которая в силу самого принципа рабства и вследствие физического воспитания рабов составляла всю их сущность, породила и развила в них все пороки, корнем которых она сама и является. Раб обладает чувствами, нуждающимися в удовлетворении, но так как все принадлежит

хозяину, он может это сделать только за счет хозяина; он похитит у него свой труд и плоды своего труда, чтобы доставить себе несколько незаконных удовольствий в течение этого похищенного отдыха. Лень, инстинкт воровства— таковы были первые признаки противодействия со стороны его подавленной природы; затем хитрость и притворство, чтобы подготовить или чтобы загладить свои мошенничества, или бегство, если другого средства не оставалось; грамматики, руководимые конечно более хорошим знанием характера самого раба, чем языка, искали корня общего имени «дулос» (раб) в слове «до́лос» (обман), а слова «андраподон» (беглый раб) в слове «аподостаи» (бежать) [14]. Если ни обман, ни бегство его не могли защитить, он смело шел на побои, и «Большая этимология» доходит до того, что это значение находит в третьем его имени «терапон» (слуга), производя его от «типто» (ударяю)! [15] Но все эти наказания, которые, по словам Платона, делали его душу в двадцать раз более рабской, достигали только того, что укрепляли в нем все пороки рабства и сверх всего прочего ненависть к господину, жажду мести и уменье применять всю утонченность, все уловки и коварство, которые слабый применял как орудие против сильного. К этому влиянию основных условий рабства надо присоединить влияние господина, который посвящает его в свои развратные похождения, использует его плутовство и тем дает ему право на наглые выходки, в которых раб ищет себе вознаграждения за свою преступную угодливость: деспотизм рабства, который тяготеет над господами, в свою очередь позорно порабощенными.

2

Таков логически должен был быть и таким в сущности и был характер раба; таковы были характерные черты, которые получили отображение на подмостках древнего театра. Я не говорю о трагедии: трагедия, которая представляет нам в действии сцены древнего эпоса, сохраняет за своими персонажами те достоинства, которых не находили, а тем более и не предполагали в рабе. Когда трагедия показывает нам его, она поднимает его до высоты своих героев; и если и она свидетельствует о вырождающейся основе его природы, она показывает это некоторыми косвенными намеками, а не ходом действия. Но уже в сатирических драмах, обычно дополнявших трагедию, действительность является без трагических ходуль и без прикрас, и раб получает все естественные черты своего характера. «Киклоп», долгое время единственная и до сих пор одна только

полная сатирическая драма, дошедшая до нас[1], дает нам истинный портрет раба в лице Силена[2], готового отдать все стада своего хозяина за кубок вина, бесстыдного, ленивого лгуна, готового ложно клясться жизнью своих детей, ищущего в предательстве возможности скрыть свое воровство[3]. Комедия должна была воспроизводить его личность с неменьшей реальностью; и я уже отметил выше, говоря об отношении раба к хозяину, то место, которое в сценах частной жизни комедия уделяет рабу, чья роль меняется в зависимости от различного характера самой комедии в каждом из трех ее периодов[4]. Аристофан, как в общем и вся древняя комедия, не сделал из раба ни разу главного действующего лица своей комедии. В «Лягушках» Ксанфий в конце концов является случайным персонажем вступительной сцены; то шутовское выступление, где он фигурирует, является только введением, очень длинным, без сомнения, и очень комическим, к тому, что является главным предметом комедии: спору между Эсхилом и Эврипидом; и даже в «Богатстве», истинно бытовой пьесе, Карион, который участвует в стольких забавных выступлениях, в развитии хода действия не является необходимым. Но в рабах Аристофана уже можно найти черты, которые проистекают необходимым образом из их положения. Эту чувственность, родную мать этих пороков, если можно так выразиться, которую Эврипид уже характеризовал словами «желудок — это все для раба»[5], Аристофан описывает с большой привдоподобностью, устанавливая контраст двух натур, в зависимости от условий их жизни, в том диалоге, где хозяин и раб восхваляют каждый со своей точки зрения достоинство денег: «Они дают возможность иметь всего, чего лишь хочешь, вдоволь: любви, — хлеба, — музыки, — сластей, — славы,— пирожков, — почестей, — фиг, — честолюбия, — сладкой каши, — власти, — чечевичной похлебки»[6]. Невозможно более резко отметить различие точек зрения обоих собеседников.

Было бы нетрудно у того же Аристофана найти детали, которые дополняют эту картину: привычку раба к обжорству и воровству, привычку к обману, ставшую инстинктом, эту испорченность женщины, ставшую ее второй натурой вследствие условий ее жизни; эту единственную и часто все же бесполезную узду в виде страха наказания и пытки; эти попытки к бегству, жестоко наказываемые, но на которые тем не менее всегда решались[7]. Совокупность этих черт можно найти у двух действующих лиц из «Богатства» и из «Лягушек». Карион, который так наивно раскрыл только что перед нами всю сущность своей природы, несмотря на похвалу, довольно впрочем двусмысленную, своего хозяи-

на [7а], выявляет все, чего это заявление и заставляет ждать: он чужд всяким честным побуждениям как в тех советах, которые он дает, так и в образе действий [8]; свое обжорство он доводит до воровства, а воровство до святотатства ради самой грубой алчности; он говорит с оттенком превосходства, по праву человека осведомленного, и о пьянстве своей хозяйки [9], и о жульничестве жертвоприносителя [10], и с одинаковым неуважением относится как к богам, так и к людям с того момента, когда они благодаря порокам снижаются до его уровня [11]. Эта горькая насмешка над свободным человеком, который делается равным рабу или даже опускается ниже него, становясь порочным, это презрение к наказанию, эта гордость зла, которая свидетельствует о его превосходстве, — все это является облеченным в форму гениального выражения шутовства, грубости и сарказма в лице Ксанфия из «Лягушек», этого достойного собрата Кариона. Все это резюмируется в одной сцене, где Эак (который еще не заседает среди судей подземного царства наряду с Миносом) удивляется этому герою бесстыдства и хочет с ним соревноваться:

А странно, что тебя не изувечил он,
Когда ты, раб, назвал себя хозяином! —
— «Попробовал бы только!» — Это сказано,
Как слугам подобает. Так и я люблю. —
— «Ты любишь, говоришь?» — Царем я чувствую,
Как выбраню хозяина исподтишка. —
— «А любишь ты ворчать, когда посеченный
Идешь к дверям?» — Мне это тоже нравится. —
— «А суетишься попусту?» — Еще бы нет. —
— «О, Зевс рабов! А болтовню хозяйскую
Подслушивать?» — Люблю до сумасшествия. —
— «И за дверьми выбалтывать?» — И как еще!
Мне это слаще, чем валяться с бабою. —
— «О, Феб! Так протяни мне руку правую
И поцелуй и дай поцеловать себя!» [12].

Такие действующие лица, еще редкие у Аристофана, в позднейшей комедии становятся необходимейшими персонажами. Они обычно облечены теми же пороками с некоторыми оттенками, но одна черта господствует над всеми — это гений обмана, дух воровства и жульничества. Раб главным образом с такими чертами характера становится твердо установившимся типом театра Менандра:

Есть на свете пока лживый раб и родитель суровый,
Подлая сводня пока в жизни встречается нам,
Ласковым взором маня, завлекает пока нас девица,
Дивный Менандр, среди нас жить будешь вечно и ты [13].

И среди этих типов, которым Овидий дает такие краткие характеристики, раб по полному праву занимает первое

место. Не то, чтобы комедия так решительно отказалась от описания человека свободного и обратилась к изображению раба, чтобы в нем она искала своего вдохновения и чтобы ему посвятила все содержание своих пьес. Раб сохраняет в них то место, которое он занимает в обществе; и делая его душой своей комедии, поэт все же желает, чтобы он оставался, как он был и в жизни и в учении философов, орудием в руках выше его стоящего лица. И тем не менее он является главным двигателем интриги, и если все, что делается там, делается *не для него,* то по крайней мере все делается *через него.* В «Андрянке», сюжет которой заимствован из двух пьес Менандра, Дав обнаруживает хитрый план старого Хремеса и руководит своим молодым хозяином, пуская в ход все свои хитрости, пока не наступает желанный конец. В комедии «Сам себя наказавший», заимствованной целиком, включая ее название, у того же автора, раб Сир играет ту же роль. В «Формионе», подражании Аполлодору, Гета, поставленный, чтобы наблюдать за двумя молодыми людьми, хочет их удержать и подвергается побоям. Он уступает, но возвращается старик, и нужно, чтобы он за свой страх и риск нашел средство скрыть проступок или его поправить; в этом вся завязка пьесы. Сир в «Братьях», заимствованных у Менандра, выявляет те же черты характера, но имеющие меньшее значение в пьесе. Если бы мы могли с уверенностью вскрывать в подражаниях Плавта картины из жизни Греции, мы нашли бы там образцы еще более замечательные. Ограничимся теми пьесами, которые, как безусловно заимствованные из греческого источника, должны были воспроизводить жизнь Греции как в общей форме, так и во всех перипетиях действия. Вот перед нами раб Либан со своим спутником Леонидом, который в «Ослах» подготовляет и проводит все «военные хитрости»; вот — Палестрион, искусно поддержанный хитростью молодой влюбленной женщины, играет на фанфаронстве «хвастливого воина». Вот еще Хрисал в двух «Бакхидах» — все они являются всегда величайшими мастерами плутовства. Эпидик, Транион, Псевдол — у всех у них под римской внешностью таится сущность, свойственная греческой жизни, что отмечается часто прямыми указаниями: *«В сердце у меня, как по центуриям, складываются сикофантские мысли»,* — говорит Псевдол [14]. Этими двумя словами характеризуется двойная природа комедий Плавта: он преподносит под видом римских образов и выражений всякие комические моменты греческого происхождения.

Эти комические выходки, из которых хозяин извлекал немалую выгоду, проводились за его счет и к выгоде раба.

Раб, поставленный на службу чувственности хозяина,— будто сам он не имел потребности удовлетворять такие же желания, как будто вся его жизнь была некоторым образом отгорожена от подобных настроений, — любил, так же как и хозяин, отдых, роскошь, хороший стол, удовольствия. Ему отказывали во всем, иной раз даже в остатках тех праздничных пиров, которые сервировались так роскошно: «Даже остатки от стола запрещены рабу, как говорят женщины; если один из нас выпьет одну единственную кружку вина, он уж ненасытное брюхо; если он стащит самый маленький кусочек, он уже бездонная глотка»[15]. Многие действительно проявляли воздержание, и им резонно удивлялись как чуду дисциплины[16]; но многие без борьбы позволяли себе катиться по той наклонной плоскости, по которой влекли их природные склонности, и присваивали для себя все, что только возможно, из тех радостей, бесчувственным орудием или бесстрастным свидетелем которых хотели их сделать. Они крали, отправляясь на рынок; хозяин, который посылал за ними других рабов, чтобы они следили за их покупками, этим часто добивался только того, что его обманывали вдвойне, а сам он, как в «Характерах» Теофраста, получал прозвище *недоверчивого*[17]. Они крали при исполнении обязанностей, поскольку на них не был надет намордник, как на раба философа Анаксарха[18]; они уже заранее старались стащить из обеда хозяина кусочки наиболее вкусные, дополняя их соответствующими возлияниями[19]. А если они бывали поварами? Воздержание было бы вещью невероятной... не будь даже такого случая, какой мы видим у Аристофана с его двумя рабами Тригея, выведенными им в первой сцене «Мира»[20]. Во всякой другой обстановке и особенно для наемных поваров воровство было традицией и правилом: один из «шефов» дает уроки этого своим помощникам в «Синефебах» Эфрона и в «Тезках» Диониса[21]. Каждый брал сколько мог, без зазрения совести, в зависимости от окружающей его обстановки: рабочий — от продуктов своего труда, управляющий — от всего. Так действовали все, начиная с честного эконома, который, имея желание беречь добро своего хозяина, обращал в свою пользу все, что он спасал от мотовства своего господина[22], вплоть до расточительного раба, который с одинаковым безразличием растрачивает как свои сбережения, так и состояние, которое он должен был охранять. Театр не был бы полным изображением реальных сцен жизни, если бы наряду с рабами, которые отдают свою ловкость на службу интересам хозяина, не было Таксила в «Персе» Плавта, ведущего смело и без всякой маскировки

всю интригу в своих интересах, корчащего из себя хозяина и даже больше чем хозяина, так как ему нечего беречь, кроме своих плеч, а их он не жалеет[23].

Какую узду можно было накинуть на подобные свойства, когда самый принцип нравственности не считали возможным признать для раба; и какой счастливый случай мог бы дать ему возможность применить правила, специально выработанные для раба философией господ? Использовать любой ценой все чувственные удовольствия — такова была вся философия рабов, и среди них не было недостатка в учителях подобного рода. В пьесе Алексиса, так и названной «Учитель разврата», один раб говорит:

> Чего ты мне еще городишь?! Ишь, Лицей,
> Софисты, академия! Давай-ка пить,
> Да брось все эти пустяки, ей-ей, Манес!
> Дороже нет, как собственный живот; он твой
> Отец и мать, тебя родившая опять[24].

Все эти пороки появляются перед нами как бы во всем их естественном, неприкосновенном виде в лице этих существ, преданных чувственности по доброй воле или из корыстных расчетов. Эти дети, воспитанные среди разврата трактиров или дворцов, эти танцовщицы, флейтистки, которые нанимались на празднества и продавались во время оргии[25], все эти рабы для удовольствий, тем вернее отдаваемые на бесчестие, чем щедрее природа одаряла их своими самыми блестящими дарами[26], — как могли они познать нравственность, даже если Сократ или Ксенофонт, Платон или Аристотель, Софокл или Эврипид были очень близки к ее познанию[27]; и какое противоядие могли они найти, когда сама религия во многих храмах покровительствовала и предписывала такие жертвы сладострастию, как будто это были почести, воздаваемые богам! Воспитанные в такой накаленной атмосфере страстей, они быстрыми шагами шли по пути зла, и поэты уже не знают, образ какого чудовища действительной жизни или мифологии может послужить им образцом для изображения той или другой куртизанки[28].

В таком виде они перешли из Греции в римскую комедию. Если роковое влияние не захватывало молодую девушку почти в колыбели, то ее вела к пороку страсть к нарядам, и ей отказывали даже в чувстве любви; ведь настоящая любовь не знает корысти! Ее учили:

> Люби как следует свое; его же обери[29].

Обязанность куртизанок, матерей или наложниц и спутниц куртизанок — задушить в душе молодых девушек все то природное хорошее, что могло еще сохраниться среди этого порока[30].

С одним жить — не любовницы то дело, а матроны.

А другая проповедует:

Преступно сожалеть людей, дела ведущих дурно.
Хорошей сводне надо обладать всегда
Хорошими зубами. Если кто придет —
С улыбкой встретить, говорить с ним ласково;
Зло в сердце мысля, языком добра желать;
Распутнице ж — похожей на терновник быть:
Чуть притронется — уколет или разорит совсем [31].

Таким образом разврат без любви и в возмещение этого любовь к золоту, привычка к разврату и оргиям, где золото расточается и собирается, — такова была жизнь этих рабов; и вполне естественно, что хозяин иногда сам бывал их жертвой. Рабы его обворовывали; если не было ничего лучшего, они выпивали его вино, а во время его отсутствия за его счет они предавались всему, что услаждало их чувственность, разбуженную и применяемую в своих интересах [32].

Все это, естественно, толкало раба на ложь и притворство, чтобы выполнить или скрыть свое преступление; а когда все открывалось, со стороны хозяина следовало жестокое наказание.

Все вышеописанное составляло обычные темы для театра, и слишком долго было бы приводить столь известные всем примеры. Но, не признавая в рабе сознательного существа, имели ли вместе с тем право возлагать на него всю ответственность за его поступки? Конечно, нет. Поэтому-то Аристотель хотел, чтобы ее отмеривали ему в том количестве, в каком ему оставлен разум; и так как он давал ему свободной воли и разума меньше, чем ребенку, то он поэтому требовал, чтобы с ним обращались и бранили его с большей снисходительностью [33]. Но его логика не оказывала своего действия: у хозяев была своя логика. Раб обладал малым разумом, поэтому и не обращались к его мыслительным способностям; но у него было тело, и к нему обращались на таком языке, который один только мог быть для него понятен, — удары и пытка. Таковы действительно и были обычные пути общения с ним со стороны свободного человека. Удары, при помощи которых воспитывали животных, служили для воспитания и раба; мы видели, что таким же путем получали их показания перед судом; с тем большим правом эти удары были общепринятой манерой их наказания, когда рабы бывали виновны. «У рабов, — говорит Демосфен, — тело отвечает почти за все грехи; напротив, свободные, даже при величайших преступлениях, находят средство сохранить его неприкосновенным» [34]. Всем

известно, какое место в театре занимали сцены подобного рода[35]. Соучастие хозяйского сына не давало никакой выгоды и не спасало слуги [от наказания]; и в последствиях этого общего преступления, где раб как орудие должен был рассматриваться менее виновным, ясно сказывалось различие этих двух натур: сыну — выговор, рабу — побои, и он их уже ожидал:

> Наслушаешься брани ты,
> Меня ж, подвесив, выпорют, наверное[36].

Эта, часто слепая, жестокость наказаний в конце концов заставила природу раба приспособиться к своему положению: низкий и пресмыкающийся, когда он еще боялся наказания, бесстыдный и не знающий удержу, когда он закалился и привык им бравировать. Эти черты изображены в комических сценах. В лице Силена из «Циклопа» Эврипида мы имеем пример низости; как пример бесстыдства следовало бы указать после рабов Аристофана, о которых я говорил уже раньше, персонажи Теренция и Плавта. Эта наглость принимает в новой комедии еще более яркий характер. Между другими примерами надо только вспомнить Траниона из «Привидений», который, после того как он широко использовал доверчивость своего хозяина и даже злоупотребил ею, находит еще средства, чтобы не бояться наказания. Феопропид, желая схватить его неожиданно, зовет своих слуг под предлогом допросить их в его присутствии. «Это хорошо, — говорит раб, — а я пока что заберусь на этот алтарь». — Это для чего? — «Ты ни о чем не догадываешься? Это для того, чтобы они не могли на нем найти себе убежища против того допроса, который ты им хочешь учинить». Старик, сбитый с толку, приводит ему тысячи оснований, чтобы выманить его из убежища (страх, который овладевает им при мысли о нарушении святости убежища, оправдывает то, что вся эта сцена перенесена в Грецию: право убежища не имело такой силы у римлян). Наконец, взбешенный, он вспыхивает гневом[37]. Но его гнев бессилен против этого упрямого и насмешливого раба, и так как он в конце концов отказывается простить его и настаивает на наказании, то Транион говорит: «Чего ты беспокоишься? Как будто завтра я не начну опять выкидывать своих штук! Тогда ты сразу и накажешь меня за обе мои провинности, и за новую, и за старую»[38].

Хозяева, прибегая к хитрости своего раба, развили его дерзость себе на горе. Это совмещение проступков и преданности раба, который вкладывает в предприятие всю свою душу и рискует своим телом, создали ему права, счет

на которые он предъявляет со всем бесстыдством. Посмотрите, как раб Сир играет роль господина и подражает ему в свободных манерах, осуществляя план, который он составил, покровительствуя любовным похождениям Клитофона. Он не терпит ни сомнений, ни указаний; слезы, просьбы — все его раздражает; он приказывает, грозит все бросить; нужно, чтобы молодой хозяин слепо и без возражений повиновался ему, и, когда его присутствие ему надоедает, он без всякой церемонии отправляет его прогуляться[39]. Некоторые действующие лица у Плавта заходят еще дальше! В «Ослах» Плавта, написанных в подражание «Онагу» Демосфила, два раба, в помощи которых молодой Аргирипп нуждается, чтобы приобрести себе любовницу, желают, чтобы она вознаградила их за те деньги, которые они ей приносят: один требует, чтобы Филения поцеловала его колена, и желает поцеловать ее в присутствии ее любовника, который это терпит; другой требует, чтобы Аргирипп согнулся до земли и носил его на своей спине, как лошадь[40]; и, унизив своего молодого господина, доведя его до уровня вьючного скота, они хотят доставить себе удовольствие, чтобы с ними, рабами, обращались, как с богами; они желают, чтобы он воздавал им божеские почести, как Спасению и Фортуне. Это бесстыдство, право на которое, что называется, они приобрели за «наличные деньги», конечно должно было продолжиться за пределы их услуги; навсегда сохранились тайные узы зависимости, которые, несмотря на всемогущество господина, держали его прикованным к своим рабам, и они давали ему это почувствовать своим сарказмом и своим презрением: достойное возмездие со стороны рабства тем людям, которые имели претензию быть господами по праву умственного превосходства и которые, утопая в пороках, были вынуждены прибегать к уму своего раба, чтобы добиться успеха.

3

Эта фамильярность, вызванная общностью проступков, проистекая не из искренней преданности, тем более не создавала привязанности. Чаще всего рабы служили своему господину потому, что требовалось, чтобы они покорились тому положению, которое им доставалось на долю. Рабы были неразрывно связаны с господином; если они не всегда участвовали в его радостях, они обычно испытывали его горе. Им приходилось делить его несчастия, им приходилось следовать за ним в изгнание и вести с ним вместе жизнь, полную приключений: это доставляет страдание Ка-

риону в «Богатстве» Аристофана [1]. Но бывали конечно примеры верности и преданности у рабов, как и мягкости обращения, доверчивости и доброты у господ. Даже при таком положении, которое из человека делало скота, если бросались в эти души семена добра, можно было собрать у более счастливых натур плоды любви и личных достоинств. Театр и здесь воспроизводил реальные факты. Мы видели, как трагедия в своих идеальных картинах из героических времен не раз заставляла проходить перед нами эти фигуры старых слуг, которые получали своего молодого хозяина еще в колыбели, которые направляли его первые шаги и которые с неизменной преданностью следовали за ним во всех превратностях его жизни [2]; и все уроки, извлекаемые из их примера, трагедия резюмирует в нескольких прекрасных словах безропотной покорности, предложенной в качестве образца для всех: «Пускай останусь я рабом, уж если меня таким сделало мое рождение, но пусть я буду считаться среди хороших рабов; и, не имея имени, пусть я сохраню чувства свободного человека. Разве это не лучше, чем носить двойное ярмо, как делают те, которые к власти господина присоединяют деспотизм своих пороков?» [3]. Комедия не могла отказаться от пропаганды нравственных принципов. Среди рабов-бездельников и плутов она поместила несколько верных и честных слуг с благородной речью [4] и заставила почувствовать господ то значение, которое они имеют для них:

Когда найти случится доброго раба,
Другого блага в жизни нет его ценней, —

говорит Менандр [5]. Хозяева старались крепко привязать к себе слугу, пропагандировать его пример; оказывая ему знаки внимания при жизни, они почтили его после смерти могильным памятником; мы уже раньше видели, что надписи сохранили память об этом. Очевидно было известное основание приписывать рабу этот язык истинной преданности и вечной верности:

Если на старости лет ты придешь, где и я, о, владыка,
Буду охотно рабом в царстве Аида твоим [6].

Другого, засыпанного землей в то время, как он рыл могилу для своего господина, можно было заставить говорить:

Земля легка надо мною:
Так и в Аиде твое солнце мне будет светить [7].

Но, конечно, нужно открыто признаться, что такие рабы были редки, и было гораздо легче приписать мертвым такие мысли, чем внушить их живым.

Те, кто был одушевлен такими чувствами по отношению к своим хозяевам, на самом деле в среде себе подобных рассматривались как предатели [8]. Ненависть к хозяину была как бы в природе раба [9]; она сохранялась даже и при той тесной связи, которую иногда преступление устанавливало между ними. Под маской униженности, под внешним выражением бесстыдства и шутовства могло расти это чувство, настолько сильное, насколько оно должно было быть скрытым. «Ничто так не подходит к низкому характеру раба, — говорит Лукиан, — как в тайне сердца питать свой гнев, давать расти своей ненависти, заключив ее в недрах своей души, скрывать одни чувства и обнаруживать другие, под внешним видом, дышущим веселостью комедии, переживать трагедию, полную печали и горя» [10]. Против своего хозяина он пускал в ход все обычные средства измены; в Греции у него в руках было средство государственного значения — донос. Такая возможность имела часто место и всегда охотно принималась в среде подозрительной афинской демократии. Гражданин, который отломал например ветку от священной оливы, видел себя отданным почти на произвол своих рабов; ненависть, подстрекавшая в них желание предать хозяина в руки правосудия, усиливалась еще любовью к свободе: ведь его осуждение вело за собой их отпущение на волю [11]. Так, один раб обвинил Фереклета в том, что он справлял мистерии у себя в доме [12]; в другом процессе подобного рода Лисий старался предостеречь судей против подобных обвинений, указывая им на ту опасность, которая нависнет над головами всех, если позволить таким обычаям забрать силу [13]. Сколько других средств для удовлетворения своей ненависти мог найти раб и не удаляясь от домашнего очага, не черпая их где-либо на стороне, а находя их в своей испорченной положением натуре! Действительно, мало того, что рабы могли более или менее открытыми путями покушаться на жизнь своего господина; их изобретательная ненависть давала им возможность наносить иные удары. Допущенные со своими пороками в недра семьи, они доставляли себе гнусное удовольствие распространить в ее среде позор и бесчестие; и для них было величайшим счастьем, если им удавалось когда-либо осквернить подобными оскорблениями последние минуты умирающего, радуясь не столько своей безнаказанности, сколько бессилию его бешенства [14].

Преданность была так редка, ненависть так опасна, что хозяин мог желать от своего раба больше всего того безразличия, которое, не привязывая его к своему положению, не толкало его, однако, ни на преступное пренебрежение

своими обязанностями, ни на стремление насильственно разорвать связывающие его узы; повидимому это и было то, к чему в общем пришло рабство, своего рода компромисс между требованиями деспотизма и сопротивлением подавленных классов [15]. Поддерживая полностью все права господина, допускали некоторое послабление в отношении суровости дисциплины. Такова была политика Афин в вопросах внутренней жизни, но в этих актах снисходительности было также кое-что от политики *паразита* Плавта [16]. Раб в конце концов находил себе в этом известную компенсацию за самую тяжесть своих цепей; и конечно не упускали случая дать ему это почувствовать:

Уж лучше быть рабом, служа хозяину
И доброму, и щедрому, чем вечно жить
И впроголодь, и плохо, хоть свободным будь, —

говорит Менандр [17]. Правда, труд наложен тяжелый, но зато жизнь обеспечена:

Когда б свободным был, на свой бы страх я жил;
Теперь живу на твой я счет [18].

Больше того, хлеб у него был всегда обеспечен, а уклониться от работы ему представлялось много возможностей. Благодаря ловкости и хитрости его чувственная сторона даже среди всех унижений, связанных с его положением, умела доставлять себе моменты радости; и привычка к пороку и его удовольствиям, завоевывая все больше и больше эти души, в конце концов тушила в них чувство любви к свободе:

И многие, сбежавши от господ и став
Свободными, приходят добровольно к ним
Назад, к кормушке той же [19].

Действительно, это уже крайний признак нравственного падения. Я согласен, что это может быть результатом их крайней нужды, результатом печальным и вместе с тем вполне закономерным; но для других это было результатом преступной слабости. И с этого момента рабство хорошо выполняло свое дело: оно создало среди людей подлинно *рабские* натуры; оно создало для себя своего рода естественное право против прав природы и гуманности.

4

Итак, до какой степени и в какой категории рабских классов можно найти черты благодетельного влияния рабства? Рабство поражало как греков, так и варваров. Что

касается греков, то с трудом можно было бы защищать положение, что благодаря ему они могли что-либо выиграть; и для других также этот вопрос не может получить иного разрешения. В самом деле, каковы были те варварские области, где вербовались рабы? Север, жители которого всегда славились воинственным характером, и Азия, замечательная по своей способности к изящным искусствам.

Аристотель признает за греками одно только преимущество перед указанными областями — это умение соединить в своем лице вместе то, что составляло специальную особенность каждого из них [1]. Какое же благоприятное влияние могло оказать рабство на эти страны и на людей, в них живущих? Что касается стран, то они не получали никакого: у них лишь отнимались рабочие руки. Что же касается этих людей, то, уведенные или проданные в рабство, какой ценой и в какой мере они могли возвыситься до цивилизации победителей? Цивилизация есть результат прогресса нравственности и умственных сил. Она предполагает в себе те добродетели государственные, семейные и личные, которые создают нравы народа; и среди трудов того или другого народа на первом месте она считает умственный труд, примененный ко всему прекрасному, истинному и полезному, к литературе, к знаниям, к искусству. Но как варвары могли улучшить свои нравы, как могли они приобрести эти достоинства, которые становятся правилами нравственности, если они были лишены отечества, семьи, своей собственной личности? И как без этой нравственности они могли подняться до высоких идей свободных народов, особенно когда гордость этих народов закрыла для них область духовного развития, чтобы бросить их в область физической чувственности? Осужденные на одуряющий труд или погруженные в грязь опасных милостей домашней службы, они брали из этой культуры то, что подходило к их природе, плохо воспитанной или уже испорченной, — любовь к роскоши и к самым грубым удовольствиям. И таким образом они на самом деле опускались под влиянием того положения, которое вместо самых необходимых прав человека давало им украденные радости удовольствий, пользуясь которыми они подвергали себя опасности.

Вот каково было влияние рабского положения, и таким оно и должно было быть. Рабство разрушало в человеке его личность; лишение человека в самом начале самой основы нравственности—плохое средство, чтобы приготовить его к восприятию культуры. Правда, встречаются иногда исключения, вызывающие наше уважение и удивление, так как природа никогда не теряет окончательно своих прав.

Можно еще говорить о нравственных достоинствах молодых рабов, воспитанных достойным обращением в привычках и условиях свободных людей; греки, ввергнутые в рабство, умели иногда, что бы ни говорил Гомер, сохранить благодаря энергии своей натуры всю силу своих духовных качеств и счастливый отпечаток того свободного воспитания, в условиях которого они сформировались. Но о варварах мы знаем мало. Все это пресловутое воспитание при помощи рабства в конце концов создало особую природу людей — вольноотпущенников. И если отпущение на волю могло благотворно подействовать на более честных рабов и открыть им доступ в этих исключительных случаях, вызывающих наше уважение, в высшие сферы, то не менее верно, что в общем вся масса вольноотпущенников была ничуть не лучше массы рабов. Какого достоинства можно ждать от человека, который носил печать своего старого положения, поставленную иногда у него на лбу и всегда по меньшей мере на спине, в виде длинных кровавых рубцов? Те пороки, которые были свойственны рабскому состоянию, под влиянием породивших его принципов, он сохранял в силу привычки, став вольноотпущенником. Рабы, находившиеся в деревне, рабы из мастерских реже находили случай откупиться от своих господ: наиболее искусные из них были слишком дороги; что же касается других, то если они и ускользали из-под рабского ярма, то приносили в среду свободных гораздо меньше навыков к труду, чем привычек к дурным страстям, развившихся в их душах вследствие суровости их первоначального положения. Отпуск на волю был более частым уделом рабов, занятых домашней работой, рабов для роскоши и удовольствий. Но каким честным ремеслом могли они заняться на свободе, отвыкнув от труда еще во время своего рабского положения? Они обращались к своим прежним занятиям. Все эти Давы, Псевдолы, Эпидики — все они отдавали в наем свое заслуженное мошенничество. Они становились «трехгрошевыми людьми», такими, какими мы их видим у Плавта в его «Трехгрошевом»[2]. Другие некогда проданные в рабство сами в свою очередь становились торговцами рабами[3]; в грязи их юных лет и позоре их дальнейшей жизни они накопили достаточно привычек к разврату, подлости и низости, чтобы стать настоящими хозяевами домов терпимости[4]. Женщины, с детства воспитанные в этой испорченной атмосфере, впитавшие в себя ее нечистые испарения и купленные затем распутством какого-нибудь мота, а затем отпущенные на волю в результате его снисходительности или его пренебрежения, продолжали делать то, чему они научились. Еще молодые,

они шли за некоторое вознаграждение на празднества в качестве танцовщиц или флейтисток [5]; они продавали себя на день, на месяц, на год [6] или привлекали к себе распутников с еще большей для себя выгодой [7]; став матерями, они продавали невинность своих детей и на эти гнусные деньги покупали для разврата маленьких девочек, если не могли их похитить: достойные подруги того нечистого животного, которое так правильно называет Плавт за способность к похищению девушек и лицемерие «кошкой, ловящей девушек» [8].

Но рабство было пагубно не только для рабов, но и для свободных, которые их поработили; оно отомстило таким образом за оскорбленную природу.

5

Свободные возлагали на рабов тысячи видов всякого рода работ и частного и государственного характера. Но за эти услуги — они были ведь бесплатными — расплачивались особым образом; и не раз поэты, наблюдая затруднения, проистекавшие из этого института, проклинали рабство:

> И рабство — разве ты не видишь, злом каким
> Оно само уж по себе является? —

говорит Эврипид [1]; и далее:

> Нет бремени столь тяжкого, для дома нет
> Имущества и худшего, и вредного...[2]

И Менандр, который так высоко ставил значение и ценность верного раба, восклицал при других обстоятельствах:

> Раба, верь, хуже нет, будь самым лучшим он [3].

Влияние рабства сказывалось на господствующих классах и прямо и косвенно и обнаруживалось в аналогичных симптомах и в человеке, и в семье, и в государстве.

Оно искажало даже у свободного чувство нравственности. Человек не становится хуже, господствуя над животным, так как животное ему естественно подчинено. Но подобная же власть над существами, которые ему равны, вела к тем большему количеству эксцессов, чем менее она была естественной; и такой властью нельзя пользоваться без большой опасности лично для себя. Эти дурные страсти, которые нужно сдерживать столько же уважением к другим, как и силою разума, теряя одно из сдерживающих их начал, тем легче освобождались от другого; и они устремля-

лись ко злу тем скорее, чем хуже было положение рабов. Таким образом во все времена в самом господине развивались те пороки, которые доводили характер человека до злоупотребления властью одного человека над другим, развивались раздражительность и постыдное сладострастие. Пифагор говорил своему небрежному земледельцу-арендатору: «Я бы послал тебя на казнь, если бы я не был раздражен» [4]; а Платон держал свою палку над головой провинившегося раба до тех пор, пока у него не утихал гнев. Вот два примера выдержки, но их пришлось взять из очень высоких сфер; что же касается выдержки по отношению к тем женщинам, господами которых они были, то даже в этих высоких сферах мудрости не всегда можно было рассчитывать найти совершенные образцы. Здесь вообще пропадал всякий признак насилия; какое сопротивление могла оказать испорченная натура раба подобным наклонностям? Удобная обстановка способствовала распространению порочных проявлений, привычка прикрывала благопристойность, и нравственность, которая не отрицала права на это, спокойно переносила их применение. Таким образом разврат стал всеобщим или, лучше сказать, порок вошел, как правило, в жизнь свободных. Отец, потворствуя всем фантазиям своего сына в недрах семьи и дома, был очень рад, что он не идет разоряться где-нибудь на стороне, и иноземный гость находил себе временную подругу под кровлей того дома, который его принял, — одна из обычных обязанностей гостеприимства; то же самое происходило прежде, может быть не так часто, и в наших колониях [5].

Рабство исказило организацию семьи. Женщина была подчинена воле мужчины, но она упала значительно ниже той ступени подчиненности, которой требовало домашнее сотрудничество. Некогда мужчина покупал женщину, женясь на ней [6]; он имел в ней рабыню, а не подругу; и той интимности чувств, которой не давал ему брак, он искал на стороне. Товарищество героических времен узурпировало у женщины эти права, и позднее, когда исказилась простота прежних веков, эта узурпация пошла еще дальше. Под влиянием таких нравов женщине стало еще труднее занять свое прежнее положение в обществе мужчины. И даже тогда, когда брак установился на условиях большего равенства, когда женщина, получившая приданое от своей семьи, вместе с ним приносила как бы свой выкуп, она все же оставалась в этом мире низших интересов, куда она некогда была удалена [7], и очень часто ее нравственный облик оказывался результатом того положения, в которое ее по-

ставили, — это ее жадное любопытство, склонность к воровству и обжорству[8], любовь к вину, над которой насмехаются даже рабы[9], это тайное влечение к беспутству, от которого ее муж напрасно старался себя уберечь[10].

К этим результатам античного рабства женщины прибавьте более непосредственное влияние рабства, державшегося рядом с ней у домашнего очага. Жена, не отличавшаяся ни образованием, ни преимуществами своей культурности, легко находила в тех рабынях, которые ее окружали, своих соперниц. Именно в этом кругу, порожденном рабством, почти исключительно здесь, культивировался вкус к литературе и искусствам; куртизанки обладали очарованием живой беседы, являясь истинной душой общества[11]. Молодежь стекалась к ним[12], и сам Сократ покидал свою ворчливую Ксантиппу, чтобы послушать Аспасию[13]. Но подражали ли ему в его воздержности его ученики, которых он приводил с собой? Я уже говорил, какие имена фигурируют в позорном каталоге Афинея. Там мы находим Платона и ту эпиграмму, обращенную к прекрасной Археанассе, которую приписывают ему; Аристотеля с сыном, которого он имел от гетеры Герпиллиды[14]; Эврипида, который так ненавидел женщин[15], и Софокла, который обесславил среди них свои седые волосы[16]; Лисия, Исократа, Демосфена[17]; Аристиппа, проповедника наслаждения, и Диогена-киника, соперника без ревности[18], и прославленного Эпикура, более логичного в своей философской системе, чем можно было бы это сказать вообще о его жизни[19]. Эти интимные связи философии с искусством куртизанок остались не без результата. В подражание школам философов Гнатена составила правила, которые должны были соблюдаться, когда входили в дом к ней или к ее дочери. Каллимах рассказывает о ней в III таблице своих «Законов»[20].

В свою очередь куртизанка появлялась в самом доме гражданина, чтобы занять то место, которое свободная женщина оставила за его столом пустым: отсюда нечистый характер домашних собраний, эти развращающие прелести, бросаемые без покрова в обстановку празднеств, эта изощренность обольщений, эта грубость разврата[21]; отсюда та распущенность нравов, которая нашла себе отображение даже в таких произведениях, как например «Пир» Ксенофонта. Обычай узаконил все. Супруга, наложница, куртизанка в греческом обществе в обычаях многих имели свое совершенно определенное место, и Демосфен не боится признавать это открыто[22]. И нечего говорить, кому будет тут принадлежать первая роль. Куртизанки имели свою

историю [23], свои общественные памятники: пример — Фрина, которой жители Дельф воздвигли золотую статую [24]; они имели иногда не только поклонников, но и алтари, и поэт-комик находил вполне справедливым, что подобные алтари не воздвигаются нигде для замужних женщин:

Совсем понятно, что везде по Греции
Святилища гетер находим, но нигде
Не видно в ней хоть одного — законных жен [25].

То же самое распределение мест мы находим в картинах, где рисовалась частная жизнь греков. Наложница, куртизанка — почти исключительно и только они фигурируют в речах ораторов; они господствуют в театре [26], и свободные женщины выводятся там единственно для того, чтобы язвительностью своего характера некоторым образом оправдывать те беспутные попойки, на которые уходили их мужья, чтобы забыться [27].

Эта дезорганизация семьи, столь пагубная и для мужчины и для женщины, оказывала свое влияние и на ребенка. Сюда нужно прибавить то непосредственное влияние, которое он испытывал более прямым путем от рабства, когда забота о его воспитании доверялась рабам, несмотря на все запреты древних законодателей и вполне определенные предостерегающие указания философа [28]. Остатки уважения к свободному воспитанию заставляли приобретать кормилиц из Спарты [29], как будто все благородство спартиата не заключалось в его свободном состоянии! Но после спартанской кормилицы появляется педагог; ни одна страна не имела привилегии подготавливать их из среды рабов с мужественными качествами любви к свободе. В первые годы жизни ребенка, когда он особенно восприимчив к внешним впечатлениям, он был исключительно предоставлен руководству учителей-рабов; он впитывал в себя их пороки, а философских систем было так много у греков, что под любую дурную наклонность можно было подвести свою теорию, для всех безумств найти свое оправдание. «Негодяй! ты погубил моего сына!—восклицает слишком поздно один отец, обращаясь к одному из таких рабов.—Тому, кто был поручен твоим заботам, ты внушил выбрать путь жизни, не свойственный его природным качествам. Ты виновник того, что с раннего утра он уже пьян, чего прежде с ним не бывало».—«Но если он научился жить, за что же, хозяин, ты бранишь меня?». — «Так это ты называешь жизнью!?».—«Так по крайней мере говорят мудрецы. Ведь Эпикур учит, что удовольствие есть высочайшее благо. А разве можно жить радостно иначе, чем живя без стеснения?».—«Но скажи

мне, видел ли ты когда-нибудь пьяного философа или преданного очарованиям тех удовольствий, о который ты говоришь?». — Всех!»[30].

6

Как ни опасно было это влияние рабства на характер отдельных лиц или на семейные отношения, все же была надежда, что оно будет обезврежено и удержано в надлежащих границах государственными мероприятиями. В своем рабе господин встречал существо, стоящее ниже его, но во всяком другом гражданине находил себе равного; устои семьи были потрясены в самой внутренней своей организации, но она могла вновь восстановиться на более широком фундаменте как часть общей семьи, т. е. государства. Такова была природа учреждений Ликурга, поскольку это касалось семьи, такова была та форма, которая грезилась Платону в его идеальном государстве. Однако ни суровая дисциплина спартанского законодателя, ни гений афинского философа не могли уничтожить в этом государственном строе его пороков, не создавая вместо них еще более тяжких злоупотреблений. Что касается отдельных, частных лиц, то привычка к гражданскому равенству не уничтожала домашнего деспотизма; наоборот, они сами давали тем большую волю их личным чувствам и проявлениям суровой жестокости по отношению к рабам, чем более суровость законов заставляла их сдерживать себя в отношениях друг к другу; доказательством этого является опять-таки Спарта.

Но если рабство в этих пределах представляло те недостатки и затруднения, которых не могли исправить даже государственные установления, то быть может в возмещение этого оно представляло для самого государства какие-либо выгоды? По крайней мере так думали. В сумме тех нужд, которые жизнь и правительство возлагали на плечи народа, делалось подразделение согласно тому различию, которое было установлено между рабами и свободными: для одних — физическое тело и его потребности, для других—умственное развитие и его права; на первых возлагались обязанности, необходимые для поддержания материальной жизни, на других — различные обязанности политической жизни; на грубом и тяжелом труде рабов покоился тот досуг, в котором нуждался свободный гражданин, чтобы заниматься исключительно благородным трудом для государства. Это как раз то, что мы видели в Спарте; равным образом это и есть то, что, не исключая и Афин, в

более или менее ясно выраженной форме занимало всецело философию в ее приложении к политике.

Однако оставалась одна трудность: как и на чем укрепить тот фундамент, на котором должен был покоиться государственный строй? Каким бы способом ни старались разрешить этот вопрос, все же в решении этой проблемы оставалась страшная по своей неизвестности величина: это воля, свободная даже в состоянии рабства, могучая сила, которая умела становиться не только равной, но даже большей, чем самые могущественные средства воздействия; и кто же мог тогда дать гарантию против потрясения столь неустойчивого равновесия? В самом деле, не раз восстания нарушали это равновесие, как мы это видели например во времена Дримака на Хиосе. Рабство, окрепшее благодаря самому факту гнета, могло иногда при известных обстоятельствах найти себе помощь, которая позволяла ему разорвать свои оковы. Оно извлекало себе пользу из всех внутренних переворотов, с равным жаром примыкая как к дворцовым заговорам[1], так и к народным движениям, как это можно было видеть в Сиракузах и на Коркире[2]. То, что, по признанию философов, должно было служить необходимым орудием для поддержания общественных свобод, на самом деле всегда готово было стать орудием для деспотизма. Повсюду рабство служило с одинаковым усердием и тирании и демагогии, этой тысячеголовой тирании, пользуясь безнаказанностью со стороны одной и милостями со стороны другой; и сам Аристотель должен был вполне признать это[3]. Ненависть рабов очень хорошо помогала политике тирана, будь это отдельный человек или народ, против богатых; мстительность тирана очень хорошо соответствовала их грубости; примеры: Омфала, отдавшая на волю рабов дочерей самых знатных лидийцев, чтобы отомстить за нанесенное ей оскорбление; а во времена исторические — Херон из Пеллены, ученик Платона, отдавший на подобное же поругание жен и дочерей тех граждан, которые попали в его проскрипционные списки[4]. То же было, когда те овладевали властью, как Афинион, который, став хозяином Аттики, постоянно вспоминал пословицу: «Рабу не давать ножа!»[5]. Раб находил также поддержку и у внешних врагов[6]; это оказалось роковым для Хиоса при приближении афинян, которые подняли против господ всех рабов; а при приближении Митридата кто выдал ему в полное его распоряжение самих господ? И историк склоняется перед этим разрушением и гибелью, как перед приговором судьбы: «Так постигло их справедливое отмщение божества, их, которые первые стали пользоваться для своих услуг куплен-

ными рабами, хотя у них было достаточно свободных людей для нужд самообслуживания» [7].

В государствах, которые умели подавлять эти мятежи или, более того, умели предупреждать их более мягким обращением, рабство оказывало другое влияние, менее страшное, но не менее гибельное: оно задушило или разложило свободный труд. Напрасно Сократ, этот философ здравого смысла, спрашивал, почему свободные граждане считают для себя почетным быть более бесполезными, чем рабы; и почему кажется менее достойным и справедливым работать, чем мечтать, сложив руки, о средствах для жизни? [8] Предрассудок господствовал над здравым смыслом. Геродот в другом случае показал нам, как распространен был этот предрассудок среди варваров, а равно и среди греческих народов [9]; а философия его поддерживала и укрепляла, далекая от того, чтобы бороться против него. Эта же мысль Сократа в тексте Ксенофонта применяется меньше к мужчинам, чем к свободным женщинам [10]; он это хочет показать в басне о собаке и овцах, где мужчина вполне доволен своим положением стража и защитника. На этом основании и в этой форме Платон требует для своих классов воинов и правителей привилегии жить на средства рабочих классов, поставленных на самую низшую ступень и почти что исключенных из государственной жизни [11]; тот же принцип воспроизведен и у Аристотеля со всей строгой последовательностью его выводов. С его точки зрения только воины и правители составляют «политическое», правомочное государство, и с большим неудовольствием он делает соучастниками их гражданской, частной жизни, но не их прав, всех этих земледельцев, ремесленников, наемных рабочих [12]. Земледельцев он хотел бы видеть рабами [13]; ремесленники и наемные рабочие, по его мысли, идут вслед за земледельцами [14], и он напоминает о конституции Фалеаса, который всех их делает рабами [15]. Он объявляет все их занятия «недостойными свободного человека», и он запрещает молодым гражданам изучать их [16]. Таким образом труд в любом виде является признаком рабства; те, которые им занимаются, ведут *существование унизительное, не оставляющее места нравственным достоинствам* [17]; они являются уже рабами в душе, и они живут свободными только потому, что государство является не настолько богатым, чтобы заменить их рабами [18], или не достаточно сильным, чтобы обратить их в такое состояние, как это однажды предлагал сделать Диофант [19].

Какие можно сделать выводы из всего вышесказанного? В Спарте, единственном государстве, где было проведено

это абсолютное разделение между трудом и общественной жизнью, мы могли проследить быстрое развитие процесса вымирания. Свободное население растворилось среди населения, низведенного на более низкую ступень и порабощенного, жившего ремеслом или земледелием, подобно тому как растение, занесенное на вершину скалы, сохнет и погибает, задушенное терновником, которого рождает и кормит вокруг него более благодатная почва. В Афинах и в тех государствах, которые, как и они, развились прежде всего на основе труда, земледелие, ремесло и торговля никогда не подвергались такому презрению: наоборот, они пользовались общественным уважением. Но вместо того чтобы уважать рабочего, основную силу, создававшую их процветание, они унизили его настолько же, насколько сами возвысились. Действительно, по мере того как они поднимались, совершенно естественно происходило это разделение, на которое я уже указывал, между руководством большим предприятием или его внешними сношениями и мелким производством или торговлей на рынке. Первое из них привлекало к себе знатных и богатых, объединенных между собою в одну и ту же группу в силу своего состояния; но и второе не всегда являлось исключительно уделом бедных, и по мере того как крупная коммерция облагораживалась участием в ней знатнейших фамилий, труд спускался со ступени на ступень благодаря своему соприкосновению с рабской массой [20]. Для свободного класса это было смертельным ударом. Бедные, жившие трудом своих рук, должны были выдерживать конкуренцию с рабами со всеми последствиями того презрительного отношения, которое отражалось и на их положении. Да и как, предоставленные самим себе, они могли бороться под гнетом такого общественного мнения против союза капиталов богачей и труда рабов? И действительно, многим приходилось уступать: одни из них под гнетом необходимости шли просить у богача места рядом с его рабами в тех мастерских, где они находили наряду с большей возможностью получить средства для пропитания еще бо́льшую потерю уважения к себе [21]; другие, избегая этого презрения, искали себе средств для жизни вне труда, продавая свое уменье вершить дела, по существу еще более унизительные: они делались паразитами за столами богачей, за право кормиться, торгуя заготовленными ими заранее анекдотами и остроловием, которые составляли все их имущество [22], и в большей степени вызывая смех не столько своими остроумными шутками, сколько печальной фигурой голодного, старающегося шутить [23]; они делались сикофантами — ябед-

никами — на народной площади и соперниками вольноотпущенников, продающими себя за деньги на различные роли при помощи всякого рода обмана [24]; или еще чаще они становились наемниками другого рода, уходя далеко от своего города, чтобы поступить на службу к какому-нибудь азиатскому царю в надежде вернуться оттуда по горло набитыми золотом и фанфаронством, не потеряв ничего из своей глупости и трусости: обычный багаж солдата в комедии, этого «хвастливого воина» [25].

Что касается остальной массы народа, продолжавшей заниматься своим ремеслом, она не в меньшей степени была испорчена гибельным влиянием рабства. Униженные в своей внутренней частной жизни, не переставая быть господами в жизни общественно-политической, бедные мстили за презрение к себе притеснениями, за муки свободного труда расхищением богатств и конфискацией наследств. Таким образом вместо народа живущего трудом и уважаемого, каким хотел его сделать Солон своими законами, каким старались сохранить его все государственные люди, включая Перикла, получилось население, работающее по необходимости, праздное по своим инстинктам, испорченное, во всем усвоившее себе привычки и характер тех рабов, с которыми оно смешалось, и по своему положению и благодаря распущенности афинской жизни, население презренное и в то же время суверенное, которое свое рабское настроение внесло в управление государством. Все это объясняет, не оправдывая их, те теории философов, которые, вместо того чтобы искать реформы государства в восстановлении почетного положения труда, подвергали труд изгнанию и желали его целиком свалить на рабов,—гибельные теории, которые могли только отягчить зло, но совершенно не могли излечить его.

Эти симптомы вырождения государства можно было бы объяснить разными причинами; но если хотят открыть источник всех этих второстепенных влияний и истинный корень зла, нужно обратиться к рабству. Рабство бросило одно и то же семя разложения и гибели в недра двух видов управления, столь противоположных друг другу, — аристократии Спарты и демократии Афин. Мы видели, что именно под влиянием рабства спартанская аристократия, уменьшавшаяся из-за растущей бедности, обратилась в олигархию и закончила тем, что окончательно вымерла. «Она погибла за недостатком людей». В той самой книге, где Аристотель предает изгнанию труд, он написал эти слова, которые являются осуждением системы Ликурга и своих собственных теорий, и действительно в его время эти слова почти уже исполнились. Из уважения к мужественному ге-

нию дорян не следует уже называть Спартой тот город, который не захотел принять реформ Клеомена, город, который победоносно боролся с римлянами, находясь под властью тирана, и который, став свободным, продался им, чтобы разрушить свободу греков и свою собственную! Равным образом и демократия Афин, искаженная под влиянием рабства и по духу и по своей организации, обратилась в демагогию и, испорченная в этом странном сочетании власти и бедности, оказалась готовой продать себя, когда появились римляне. Вырождение человека, дезорганизация семьи, разрушение государства — вот истинные результаты рабства в Греции.

7

Но этот великий народ исчез в потоке времен, завещав нам свою культуру; и, оставляя в стороне преходящие формы, имея перед глазами только тот блистающий ореол расцвета, в каком Греция всегда будет жить в наших воспоминаниях, поставим себе вопрос: какую долю труда, затраченного на создание этой культуры, мы можем отнести на счет рабства?

Два фактора особенно содействуют прогрессу культуры: достижения и развитие умственных и духовных сил и достижения и развитие жизни материальной. Что касается потребностей общественной жизни, то они первоначально удовлетворялись самими гражданами; и какой век мы можем назвать более великим, как не тот, когда свободный труд, облагороженный Солоном, возвеличенный и удостоенный всякого почета Фемистоклом и Аристидом, сохранял свое первенствующее положение, исполненное благородства, под сенью трофеев Марафона и Саламина! Но не получив никакого улучшения в руках рабов, он мог только приходить в упадок под влиянием того презрения, которое, поражая свободный труд, в то же самое время душило всякое проявление изобретательности и прогресса. Рабы были машинами; они воплощали в себе все их недостатки, не имея их преимуществ. Машины, инертные по своей природе, отдают себя на волю человеческого разума как послушная сила; рабы, сила мыслящая, могли использовать эту внутреннюю силу не столько для того, чтобы помогать, сколько для того, чтобы противодействовать. И даже если они не противодействовали, то во всяком случае они совершенно не помогали: так как если ненависть к своему игу не всегда воодушевляла их, то и не так часто они выходили из того состояния безразличия, которое являлось обычным в их положении.

Но быть может рабы способствовали прогрессу умственному, духовному? Самое поверхностное изучение истории литературы, науки и искусства нам указывает, что в Греции они были в общем совершенно чужды всему этому. Религиозная поэзия и эпос, священные гимны и военные песни были немыслимы без свободы. Да и могло ли такое великое вдохновение чистым ключом забить из рабского источника? Откуда могло оно там проявиться? Спарта дошла до того, что запрещала своим илотам петь гимны и военные песни. В области прозы *красноречие*, которое иногда оказывало влияние на действие народов, *история*, которая изображала их судьбу, слишком близко соприкасались с интересами *граждан*, чтобы не остаться навсегда их неотъемлемой собственностью; и философия могла претендовать на место рядом с ними, та философия, которая со времени Сократа занималась вопросами политическими, изучением гражданина и государства. Науки, которые развились на основе философии, постигла в общем та же участь: не только науки отвлеченного характера, но и науки практические, даже медицина, основание которой приписывалось божеству, которой занимались герои божественного происхождения при осаде Трои, вплоть до исторических времен передавалась как священное наследие в семьях, которые назывались по имени своего родоначальника асклепиадами. Наконец искусства всегда оставались уделом свободных людей у народа, который создал культ красоты и видел в ней высший идеал добра и справедливости. Живопись, скульптура, которые столь достойным образом содействовали поэзии в ее стремлении придать незабываемые черты своим богам и сохранять память о героях, архитектура, которая создала в честь их памятники или храмы, все виды искусства, так неразрывно связанные с религиозным или национальным движением Греции, — все это было запрещено рабам. Тем менее могли быть им дозволены занятия музыкой и гимнастикой; это были искусства, применявшиеся не к грубой материи, но к самому человеку: гимнастика формировала его тело, музыка — его душу; в силу этого они были признаны философами главнейшими и наиболее необходимыми средствами воспитания. Таким образом литература, науки и искусства развивались в общем вне сферы рабства. Рабы могли к ним приближаться лишь на определенное расстояние: к литературе как переписчики, к искусствам как ремесленники, к наукам в качестве подручных, к медицине как ассистенты или же обманом; если некоторые из них, заслужив по своему уму расположение своего хозяина, поднимались на более высокую ступень [1], то это было лишь ред-

ким исключением, допускавшимся не для всех видов литературы. Эзоп был рабом [2]. Нравоучительная басня, со всеми своими завуалированными намеками, была обычным жанром литературы, который вполне подходил слугам. Философия в своей отвлеченной части, поэзия чувств могли быть также доступны для них. Что же до нас дошло из поэтического творчества? Песни куртизанок, как например стихи Аспасии о любовных похождениях Сократа [3], или грязные отрывки, которые нашли развратника, чтобы их собрать и переложить в стихи [4], или несколько трудовых песен, таких, какие даже негры импровизируют под кнутом надсмотрщика, песни, происхождение которых мы можем приписать им в той же мере, как и свободным рабочим, участвовавшим вместе с ними в общем труде [5]. В философии Эпиктет, который был рабом в эпоху, когда римляне держали Грецию под своей властью, имел только четырех предшественников: сатирика Мениппа, Помпила, раба Теофраста, Персея, раба стоика Зенона, и Миза, раба Эпикура [6]. Подобные исключения лишь подтверждают правило, а имена этих рабов являются только исключениями на протяжении всей великой и богатой истории греческой культуры. Эта культура ничем не обязана рабам, более того, можно сказать, что она достигла такой высоты исключительно потому, что греки так старательно не допускали их к области искусства. Это факт; повторение его мы найдем в Риме, где знание и искусство свободных являлись достойными соперниками Греции, тогда как искусство рабов существовало недолго, и то при содействии греков.

Но если рабство не принимало прямого участия в развитии литературы и искусства Греции, нельзя ли ему приписать хотя бы косвенное участие: ведь оно предоставляло свободным людям возможность и время для того, чтобы им заниматься? Еще раз нет, так как свободный труд был способен удовлетворить всем потребностям Греции и мог оставить у народа достаточно свободного времени для всестороннего развития умственных и духовных сил. И у нас, так же как у греков, были великие и блестящие гении во всех областях культуры; и если они были более редкими, никто конечно не осмелится видеть причину этого в исчезновении рабства; сравните в пределах одного отрезка времени и в одинаковых численных выражениях страны, обладавшие рабами, и то, что они создали.

Таким образом, подводя итоги, мы должны сказать, что рабство было пагубным для человечества, было пагубным для варваров так же, как и для греков, для рабов так же, как и для свободных; пагубным для человечества в самой

своей основе, приводившей к его вырождению, делавшей из него животное, простое орудие, отнимая у него, насколько могла, вместе с личностью также и сознание и основу всякой нравственности. Рабство было гибельным для варваров, страны которых оно опустошало, а народы ослабляло, бросая их без подготовки в лоно культуры, которую они воспринимали чувственной своей стороной, усваивая ее пороки. Рабство было гибельным для греков, которых оно развратило на всех ступенях их существования — как отдельную личность, так и семью и государство. И если культура Греции развилась столь блистательно, если она поднялась высоко, несмотря на все эти покушения мертвящих принципов, которые разрушили в ней все вплоть до любви к свободе, то это является плодом деятельности свободного гения. В этом заключалась ее жизненная сила.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

I

[1] О рабстве в Греции существует немецкая работа, написанная в прошлом столетии Рейтемейером, книга не очень большая и достаточно неточная. Есть небольшая брошюра Сен-Поля, которая затрагивает также вопрос о рабстве в Риме («Об организации рабства на Западе»); ее нельзя читать, не приняв во внимание тех замечаний, которые сделаны на нее Ноде (Naudet) в «Journal des Savants». Другие работы, менее специальные, более для нас полезны, например «Доряне» Отфрида Мюллера по вопросу об илотах. Я буду их цитировать в своем месте.

[2] *Страбон*, VII, стр. 327; *Геродот*, VIII, 44.

[3] Гимн к Дионису, 6. Сравн. «Циклоп» Эврипида.

[4] *Гесиод*, Труды и дни, 109-120.

[5] Там же, 153.

[6] *Гомер*, Илиада, II, 226; IX, 664-669; XI, 625 и след.; I, 125 и 366. Сравн. *Фукидид*, I, 11.

[7] «Илиада», IX, 592. Сравн. «Одиссея», VIII, 523-530.

[8] «Илиада», XXIV, 729 и след. Сравн. VI, 455.

[9] *Эврипид*, Гекуба, 442-479. Другой хор, еще прекраснее, 889-933. Сравн. еще «Троянки», 186 и след., 1060 и след.

[10] «Одиссея», XV, 383—389, XIV, 240-265. Эти стихи повторяются в песне XVII, 431-434. Заставляет ли поэт выдумывать Одиссея или выдумывает рассказ сам, это мало меняет дело. Сравн. еще «Одиссея», XV, 427 и XXIV, 113.

[11] «Одиссея», XIV, 207-235; *Фукидид*, I, 5.

[12] *Софокл*, Трахинянки, 245; «Илиада», I, 124 и след. Сравн. *Эврипид*, Троянки, 186 и след.: Гекуба, 96. Хор в «Финикиянках» Эврипида состоит из пленниц Тира, посланных в Дельфы как «начатки от добычи».

[13] *Эврипид*, Троянки, 282.

[14] «Илиада», XXIII, 265, 704:

> ...решил наградить он рабыней,
> В разных работах искусной, в четыре быка оцененной.

[15] «Одиссея», VII, 10; «Илиада», IX, 128 и след. Чтобы умилостивить Ахиллеса, Агамемнон предлагает ему семь женщин с Лесбоса и обещает ему после взятия Трои двадцать троянок, столь же прекрасных, как сама Елена. Рабыни составляли часть тех вещей, кото-

---

По техническим причинам греческий текст печатается без акцентов.

рые дарились женщине при ее замужестве (*Эврипид*, Ифигения в Авлиде, 857).

[16] «Одиссея», XIV, 115, 297 и 340; XV, 387; «Илиада», XXI, 40; XXIV, 752. На Лемносе греки обменивали пленников на вино («Илиада», VII, 472 и след.):

> А остальное вино пышнокудрые дети ахейцев
> Все покупали, платя кто железом...
> Или рабами-людьми.

[17] «Одиссея», XX, 383:

> Дай нам твоих благородных гостей на корабль крутобокий
> Бросить, к сикелам отвезть и продать за хорошие деньги.

Сравн. XV, 473.

[18] *Софокл*, Царь Эдип, 1109:

> Не купленный я раб, воспитанный в дому.

[19] *Гесиод*, Труды и дни, 602.

[20] *Эврипид*, Алкеста, 1-2, и древн. коммент.; *Отфрид Мюллер*, Доряне, т. I, стр. 322. Позднее это предание видоизменило мотив рабства (*Плутарх*, О любви, XVII, стр. 761).

[21] *Софокл*, Трахинянки, 248-253 и 274-278.

2

[1] Засевание полей («Труды и дни», 470), жатва (502), строительные работы (595) и т. д.

[2] «Одиссея», XIV, 104. Сравн. *Гесиод*, Труды и дни, 441.

[3] «Илиада», XVIII, 525-529 и 577-587; «Одиссея», XIV, 2-29 и 409-414; XIV, 522-532; *Эврипид*, Циклоп — повсюду.

[4] «Одиссея», XV, 322-325; XX, 160; IV, 216; VI, 69; XVIII, 297 и след.

[5] «Одиссея», V, 644; «Илиада», XI, 843.

[6] «Илиада», IX, 658; XXIV, 580; XIV, 6.

[7] «Илиада», III, 143, и «Одиссея», I, 335 и след.; «Илиада», VI, 324 и след.

[8] «Одиссея», VII, 103:

> Жило в пространном дворце пятьдесят рукодельных невольниц:
> Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,
> Нити сучили другие и ткали, сидя за станками.

[9] «Одиссея», XXII, 421; XX, 105, 147-162; XVII, 310 и след.

[10] «Одиссея», I, 139; IV, 55; VII, 175. Сравн. I, 315 и след.; «Одиссея», III, 393; XVII, 91-95; XV, 138.

[11] «Одиссея», I, 136; IV, 53; VII, 172.

[12] «Одиссея», IV, 49.

[13] «Одиссея», X, 358-366.

[14] «Одиссея», VI, 209-222:

> Страннику пищи с питьем принести поспешите, подруги;
> Прежде ж его искупайте...

И ответ Одиссея:

> Девы прекрасные, станьте поодаль; без помощи вашей
> Смою с себя я соленую тину и сам наелею
> Тело...

[15] «Одиссея», VIII, 454:

Когда же
Тело омыла ему и елеем натерла рабыня,
Легкий надевши хитон и богатой облекши хламидой...

[16] «Одиссея», IV, 49; XVII, 88; VIII, 454 и т. д. Сравн. «Илиада», XIV, 4: Гекамеда и раненый Махаон в палатке Нестора.

[17] «Одиссея», XXIV, 366.

[18] «Илиада», IX, 664-669; XXIV, 675.

[19] «Одиссея», III, 267.

[20] «Илиада», I, 115:

Предпочел я ее Клитемнестре,
Первой законной жене, оттого что и эта не хуже
Телом и ростом своим, ни умом, ни искусством в работах.

Так и Клитемнестра, прикрывая свое преступление покровом мести, издеваясь над трупом Агамемнона, говорит:

Лежит любовник грязный этой женщины
Под Троей, сладость всех там бывших Хрисеид.

(*Эсхил*, Агамемнон, 1411. Сравн. *Эврипид*, Гекуба, 34, 810 и след.).

[21] *Эсхил*, Семеро против Фив, 349; *Эврипид*, Троянки, 200 и след.

[22] *Эврипид*, Андромаха, 183-200:

Иль чтоб сама тебе в замену я рожать
Детей могла, рабов раба, несчастный груз
Дальнейшей жизни.

Сравн. 169-176.

[23] «Одиссея», XIV, 202-205:

А я от рабыни,
Купленной им, родился, но в семействе почтен, как законный
Сын, был отцом благородным Кастором, Гилаксовым сыном.

[24] ***Софокл***, **Аякс, 118 и след.**

[25] С твоим же сыном мне придется, как рабе,
Есть рабский хлеб.

(***Софокл***, Аякс, 494-497. Сравн. «Одиссея», XIV, 210).

3

[1] ***Гесиод***, Труды и дни, 20 и 42.

[2] ***Гесиод***, Труды и дни, 297-309:

Помни всегда о завете моем и усердно работай,
Перс, о, потомок богов, чтобы голод тебя ненавидел.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,
Сам не трудяся, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои во-время делать и с рвеньем,
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары:
Труд человеку стада добывает и всякий достаток.
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям; бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе; позорно безделье.

[3] *Гесиод*, Труды и дни, 381-616.

[4] Там же, 616-693.

[5] «На Иде пастырь стад быков» (*Эврипид*, Гекуба, 926. Сравн. «Андромаха», 281).

[6] «Илиада», V, 313. Равным образом Буколион и нимфа Абарбарея. Там же, VI, 25.

[7] Там же, VI, 420.

[8] Там же, IX, 205-208.

[9] Там же, VIII, 187; «Одиссея», VII, 4; VI, 75; «Илиада», V, 731.

[10] «Одиссея», I, 356-362. Эти же стихи повторяются в XXI, 350.

[11] «Одиссея», II, 97-102; «Илиада», XXII, 40; «Одиссея», XV, 124; «Илиада», VI, 324; «Одиссея», XXIV, 278; «Илиада», XIII, 432. За этими занятиями застают посланники богов добродетельных жен в отсутствие их мужей-царей, как об этом говорит еще Валерий Флакк («Аргонавты», II, 138):

Мужа к себе она ждет, утомляя служанок
Шерсти тканьем, и, войны медлительный ход наблюдая,
Время не раз считает, около сирого ложа
Сидя и длинной куделью смягчая бессонные ночи.

[12] «Одиссея», XV, 26; III, 403; «Илиада», XXII, 154; «Одиссея», VI, 58.

[13] «Одиссея», III, 464-468:

Тою порой Телемах Поликастою, дочерью младшей
Нестора, был отведен для омытия в баню; когда же
Дева его и омыла, и чистым натерла елеем,
Вышел из бани он...

[14] Одиссей пришел в Трою, переодетый нищим, «рубищем бедным покрывши плеча. как невольник»; и эти услуги он получает раньше, чем открыться Елене:

Но когда и омывши его, и натерши елеем,
Платье на плечи ему возложила...

(«Одиссея», IV, 244-255).

[15] «Одиссея», XVII, 422. Отфрид Мюллер, мне кажется, совершенно напрасно принял эти слова не только буквально, но и придал им большое значение; это приводит его к очень рискованному заключению, что эти столь многочисленные рабы получились при завоевании самой территории.

[16] «Одиссея», XXII, 421; VII, 103.

[17] Тимей у Афинея, VI, стр. 264с. Геродот (VI, 137) говорит то же самое относительно афинян, — что употребление рабов подобного рода («домашний раб», οἰκέτης) было не очень давнишним у греков.

[18] «Одиссея», XIV, 101:

Стад... не менее козьих (пасут их
Здесь козоводы свои и наемные).

Сравн. X, 85.

[19] *Гесиод*, Труды и дни, 368:

Другу всегда обеспечена будь договорная плата.

[20] Матросы занимались ремеслом перевозчиков пассажиров из Кефалении в Итаку («Одиссея», XX, 187-189).

[21] «Илиада», IV, 110.

[22] «Илиада», VII, 220:

...и держал он огромный, как башня,
Медный свой щит семикожный, что Тихий, трудясь, изготовил,
Лучший из шорников всех, обитающий в городе Гиле...

[23] Золотых дел мастер («Одиссея», III, 425). Икмалион, знаменитый токарь («Одиссея», XIX, 57 и след.).

[24] «Одиссея», XVII, 382 и след.:

Лишь тех приглашают, кто нужен для дела:
Или гадателей, или врачей, иль искусников зодчих,
Или певцов, утешающих душу божественным словом.

[25] «Илиада», V, 59-65.

[26] «Одиссея», XXIII, 189-202.

[27] «Илиада», XIV, 178.

[28] Нужно конечно сказать, что Гефест обладал кузнечными мехами, полными сознательности. Ему нужно было только сказать («велел им усердно работать»), и они сами приходили в движение, ускоряя и замедляя свой ход, как того требовало дело («Илиада», XVIII, 469 и след.). Для того чтобы поддерживать неровный шаг Гефеста, у него были также две прекрасные рабыни, сделанные из массивного золота, способные помогать ему во всех его трудах (там же, XVIII, 417-424).

[29] «Илиада», XXIII, 704.

[30] «Одиссея», I, 430-434.

[31] «Илиада», XXI, 79.

4

[1] *Эврипид*, Гекуба, 55.

[2] Там же, 417.

[3] Там же, 352-366.

[4] «Илиада», XIX, 301:

И прочие жены рыдали
Все, на словах о Патрокле, но в сердце о собственном горе.

[5] «Гекуба», «Ифигения в Тавриде», «Финикиянки», «Троянки», «Елена».

[6] *Эврипид*, Андромаха, 136 и след.

[7] Старая служанка остается при Гекубе (*Эврипид*, Гекуба; во многих местах).

[8] *Эврипид*, Андромаха, 56.

[9] Там же, 64. Сравн. «Гекуба», 50.

[10] *Эсхил*, Агамемнон, 925:

Введи же в дом ты эту чужестранку,
И обласкай ее. Кто ласково
Обходится с рабами, на того
И боги смотрят кроткими очами:
А добровольно ведь никто рабом
Быть не захочет.

[11] *Эсхил*, Агамемнон, 1004-1015:

И ты войди — Кассандру я зову, —
Когда охотно Зевс желает, чтобы ты
Вошла в чертоги эти и была
Участницею в жертвоприношенье

Со многими рабынями моими
При алтаре домашнем нашем.

[12] *Софокл*, Трахинянки, 298 и след.

[13] *Эсхил*, Агамемнон, 1009:

Ведь сын Алкмены также был в плену
И допустил, чтоб продали его,
И принужден неволю был сносить.

[14] Паниасис у Климента Александрийского, «Строматa» («Пестрый ковер»), VI, 751p.

Сравн. прекрасное начало эврипидовой «Алкесты»:

Вот дом царя Адмета, где, бессмертный,
Я трапезу поденщиков делил... и т. д.

а также *Лукиан*, О жертвоприношениях, 4 и след.

[15] «Одиссея», XV, 444:

...раздраженный, меня он
В цепи велит заключить.

Сравн. XXII, 465 и след.

[16] *Гесиод*, Труды и дни, 605; *Гомер*, Одиссея, XXIV, 226. Эвмей, проданный морскими разбойниками, был воспитан женой Лаэрта вместе с ее младшей дочерью и на его долю доставались почти такие же заботы:

...и, почти как она, был любим в их семействе.

(«Одиссея», XV, 363 и след.).

[17] «Одиссея», XVII, 33:

...и скоро
Все собрались одиссеева дома рабыни, и с плачем
Голову, плечи и руки они у него лобызали.

Сравн. XVI, 15.

[18] *Эврипид*, Алкеста, 192:

...и сколько нас
В адметовом чертоге, каждый плакал,
Царицу провожая А она
Нам каждому протягивала руку;
Последнего поденщика приветом
Не обошла, прощаясь, и словам
Внимала каждого.

[19] Слишком же щедрыми быть нам не можно, рабам, в беспрестанном
Страхе живущим; понеже теперь господа молодые
Властвуют нами.

(«Одиссея», XIV, 59).

[20] «Одиссея», XIV, 513; XIV, 7; XIV, 449; XIV, 414; XV, 373.

[21] «Одиссея», XIV, 62-68; XXII, 214-217.

[22] *Эврипид*, Андромаха, 89; Ипполит, 434 и 641. Сравн. еще в «Ифигении в Авлиде» примеры преданности раба, который составлял часть приданого Клитемнестры, а также кормилицы Медеи и старого раба, который воспитывает ее детей.

5

[1] *Аристотель*, Политика, I, 1, s: «Какой является каждая вещь, когда ее сущность находится в полном расцвете, это мы и называем природой каждой вещи, например: человека, коня, дома».

Глава вторая

1

[1] *Эврипид*, Гекуба, 494.

[2] Менандр, у *Стобея*, Цветник (Florilegium), LVII, 3. Наиболее обширной работой о положении порабощенных народов в Греции, главным образом у дорян, является труд Отфрида Мюллера об этом народе («Доряне»). Я многим обязан его огромной научной эрудиции.

[3] *Фукидид*, IV, 78; II, 101; VIII, 3. Сравн. *Ксенофонт*, Греческая история, VI, 1, 10.

[4] *Эсхин*, О посольстве, 285. Без сомнения, фессалийцы заняли на этих собраниях место тех народов, землю которых они захватили.

[5] *Геродот*, VII, 132.

[6] *Ксенофонт*, Греческая история, VI, 1, 19.

[7] *Архемах* («История Эвбеи», III; у Афинея, VI, 264) говорит только о беотийцах из Арне. *Фсопомп* (в XVII книге своей «Истории»; у Афинея, VI, 265) указывает на перребов и магнетов. Как я указал выше, нужно подразумевать здесь только небольшое количество этих последних.

[8] «Пенесты не рабы по рождению, но военнопленные» (*Афиней*, 264. Сравн. *Гесихий*, *Гарпократион* и *Фотий*, Лексикон, под словом «пенесты»). Нечего говорить, что это толкование, правильное для первых пенестов, совершенно неприложимо к их потомкам, которые оказались в том же положении по рождению.

[9] Архемах у Афинея (вышеуказанное место) и *Фотий*, Лексикон. Дионисий Галикарнасский повидимому производит это название от слова πένης — «бедный», объяснение, которое более подходит к грамматик чем к истории (см. ниже). < Современная научная этимология, решительно отвергая толкование Дионисия Галикарнасского, сближает это слово с латинским penitus — «внутри», penates и т. д. и переводит: «слуги, прикрепленные к земле» (W a l d e, Lateinisches Etymologisches Wörterbuch, 573; B o i s a c q, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, 706). Некоторые, как например Фик (Fick, Hatt. u. Dan., 32), считают это слово не греческим. — *Прим. перев.* >

[10] Архемах у Афинея, VI, 264: «Они передали себя фессалийцам в качестве рабов по договору, под тем условием, что их не будут ни вывозить из этой страны, ни убивать, они же, возделывая для них землю, будут платить им условный взнос».

[11] По словам древних, их положение было средним между рабством и свободой (*Поллукс*, Словарь, § 83: «между рабами и свободными»).

[12] *Эврипид*, Фрикс (у Афинея, указ. место):

> Слуга — пенест мой, с нашим древним домом он
> Всегда был связан.

[13] *Феокрит*, XVI, 34.

[14] *Архемах*, у Афинея, указ. место.

[15] *Демосфен*, Περὶ συντάξεως, 173.

[16] *Ксенофонт*, Греческая история, VI, 1, 11.

[17] *Демосфен*, Против Аристократа, 687 и 173. Известно, что на кавалерию всегда смотрели как на избранный род войск. См. *Аристотель*, Политика, VI, 4; II, 2.

[18] Филократ в книге («Вторая о фессалийских делах»), подлинность которой однако Афиней не гарантирует. Сравн. *Гесихий* и *Гарпократион*, Лексикон (под словом «пенесты»). В указанном вы-

же месте Феокрит точно так же делает намек на их службу по дому, сохраняя все же за ними имя пенестов:

У Антиоха в чертогах и в доме владыки Алева
Много пенестов себе ежемесячно меряли пищу.

[19] *Дионисий Галикарнасский*, II, 9: «Они обращались с пелатами презрительно, приказывая им производить работы, неприличные для свободнорожденных, и если они не делали чего-либо из приказанного, прибегали к ударам и в остальном обращались с ними, как с купленными рабами».

[20] *Аристотель*, Политика, II, 6, 2 и 3 (сравн. II, 2, 12): «класс фессалийских пенестов часто шел войной на фессалийцев».

[21] *Аристофан*, Осы, 1263, как его толкует Отфрид Мюллер. Титтманн в «Истории греческих учреждений», преувеличивая долю свободы, предоставленной пенестам, ошибается, смешивая их с пенестами, маленьким народцем Иллирии, где находилась Ускана, которые во время войн Рима против Персея колебались между этими двумя противниками (*Тит Ливий*, XLII, 20, 21 и 23).

2

[1] Их, называли «тебагенами» и Эфор различает их от фиванцев, хозяев Фив (*Аммоний*, под словом «фиванцы». Сравн. *Отфрид Мюллер*, Орхомен, 387, 388; «Доряне», III, 4, 6).

[2] Эфор у Страбона, VIII, стр. 365: «все покоренные окрестные жители однако должны быть равноправными со спартиатами, принимая участие и в государственной жизни, и в управлении; называться они должны илотами».

[3] Эфор в указ. месте и Феопомп у Афинея, VI, 272 и след.

[4] *Платон*, Законы, VIII, 846: «сохранять общий порядок государственного устройства».

[5] Феопомп у Афинея, VI, 265, и различные грамматики: *Свида*, *Фотий*, «Словарь» и т. д.

[6] *Павсаний*, VII, 13, 4: «городки, находящиеся вокруг Спарты».

[7] Эфор в указ. месте и *Отфрид Мюллер*, III, 2, 3. Спартиат, командированный на Киферу под именем киферодика (судьи на Кифере), представлял вероятно исключение, вызванное важностью этого острова.

[8] *Плутарх*, Ликург, 24.

[9] «У лакедемонян, — говорит Геродот (VI, 60),— глашатаи, музыканты на флейте, повара наследовали ремесло своих отцов», — утверждение, которое можно применить только к местным семействам, осевшим в среде спартиатов. Повара почитали своими покровителями известных героев, статуи которых были выставлены в публичных местах. Однако надо заметить, что эти служители, приготовляя свои печенья и смешивая вина для общественных столов («служители, приготовлявшие хлеб для общественных обедов и смешивавшие вино»), повидимому были очень близки к илотам (Деметрий Скептий у Афинея, IV, 173; сравн. II, 30) и, наоборот, талфибиады, которые наследственно удерживали должность глашатая (царя Агамемнона) Талфибия, повидимому имели привилегию полного гражданства (*Геродот*, VII, 134).

[10] «Лучшая обувь — лаконская, и плащи, самые приятные и самые добротные для ношения»; *Критий*, Лакедемонское государственное устройство, у Афинея, XI, 76, стр. 483; сравн. *Аристофан*, Женщины в народном собрании, 542.

[11] «Для Азии преимущественное место сбора его в Тире; для Африки — на [острове] Менинге и на Гетульском берегу Океана; для Европы — в Лаконии (*Плиний*, IX, 50 3. Сравн. XXI, 22, 1; *Павсаний*, III, 21, 6).

[12] *Афиней*, XI, 483, и различные указания у Отфрида Мюллера.

[13] Хартас, Сиадрас и Кратин, которых он называет спартиатами (*Павсаний*, VI, 4, 4; IX, 4); другие — просто лакедемоняне: Аристон и Телест (V, 23, 17), Дориклид и Медон (V, 17, 1), Феокл, сын Гегила (V, 17, 2), Донтас (VI, 19, 14). Гитиад, один из самых знаменитых, обозначен у него именем «человека местного происхождения» (VII, 17, 2). Несмотря на весь авторитет М. Бейлэ, в распоряжении которого были те же самые тексты, которыми располагаю и я, я не могу признать в них людей, принадлежащих к дорическому племени Спарты. См. *Бейлэ*, Искусство и поэзия Спарты по законодательству Ликурга, гл. VII, Париж 1855.

[14] *Павсаний*, III, 22, 5, и у Отфрида Мюллера в указ. местах.

[15] Отфрид Мюллер ссылается при этом на следующую фразу Ксенофонта («Лакедемонское государство», XI, 2): «и всадниками, а затем и гоплитами, и ремесленниками». При Платеях было 10 тысяч лакедемонян, из которых 5 тысяч периэков, как гоплитов, так и легковооруженных (*Геродот*, IX, 28). При Сфактерии на 292 гоплита, взятых в плен (*Фукидид*, IV, 38), было только 120 спартиатов; остальные 172 были таким образом периэками.

[16] Остров Кифера, где происходил обмен продуктов Египта и Ливии, образовывал один из округов Лаконии (*Фукидид*, IV, 55).

[17] Например *Фукидид*, VIII, 22.

[18] «Те, кого называют мофаками у лакедемонян, являются людьми свободными, но не лакедемонянами по происхождению. Филарх в 25-й книге своей истории говорит о них: мофаки получают питание вместе с лакедемонянами. Каждый ребенок гражданина, по его состоянию, соединяется с одним или двумя товарищами в своей жизни или даже и больше. Мофаки свободны, не будучи спартиатской крови, но в воспитании они во всем участвуют вместе с ними. Говорят, что в своих рядах они считали Лисандра, который победил афинян на море и за свою храбрость получил права гражданства» (*Афиней*, VI, стр. 271e). Вероятно в более поздние времена молодые илоты, воспитанные вместе с детьми спартиатов, получали то же достоинство и носили то же имя. Этим объясняется утверждение грамматиков, например Гесихия: «мофаки — дети рабов, воспитываемые вместе с сыновьями господ», и «Большой этимологии»: «мофы — так лакедемоняне называли рабов, родившихся в доме».

[19] *Элиан*, Различные истории, XII, 43. Относительно Лисандра есть еще свидетельство Филарха (у Афинея, VI, стр. 271); Плутарх однако утверждает, что он был гераклидом. По словам Элиана, сам Ликург допустил в число граждан молодых людей, воспитанных таким образом.

[20] *Геродот*, VII, 234; *Фукидид*, IV, 8 и след. Иногда к ним применяется имя лакедемонян или лаконян в противопоставление имени спартиатов. Срав. *Фукидид*, VIII, 22.

[21] *Ксенофонт*, Греческая история, III, 3, 6.

[22] Там же, VI, 5, 25 и 32.

[23] Во время войны против Набиса римляне отняли у спартиатов города и поселки (χῶμαι) Лаконии (*Тит Ливий*, XXXIV, 29) и присоединили их к союзу (*Тит Ливий*, XXXVIII, 31). Когда после смерти Набиса спартиаты вернулись туда, они просили сенат восстановить их старые права главенства над этими местами; это было предметом посольства, о котором говорит Полибий (XX, 12, 2). Рим-

ляне уклонились от решения этого вопроса, и все осталось по-старому (сравн. замечания Полибия). Страбон также делает намек на это движение в Лаконии: «Случилось, что и свободные лаконцы получили некоторое политическое устройство, когда с римлянами соединились прежде всех периэки, когда Спарта была под властью тирана, а затем и другие, равно как и илоты» (*Страбон*, VIII, стр. 366). Сравн. *Павсаний*, III, 21, в-в.

[24] *Тит Ливий*, XXXIV, 29; XXXVIII, 30.

[25] *Павсаний*, III, 21 в. Восемнадцать из тех, которых он называет, уже раньше пользовались этой привилегией; остальные еще повиновались тогда законам Спарты.

3

[1] Феопомп у Афинея, VI, стр. 272. Сравн. Эфор у Страбона, в указ. месте. В «Большой этимологии» под словом εἱλωτεύειν («быть илотом») говорится: «илоты — те, которые заселяют Мессению в Пелопоннесе, не исконные рабы лакедемонян, но некогда ими покоренные».

[2] «Большая этимология», в указ. месте; *Свида* под словом «пенесты» и т. д.

[3] Эфор у Афинея, VI, стр. 263.

[4] Эфор и Страбона, VIII, стр. 365: «Лакедемоняне имели их в некотором роде как бы государственными рабами»; *Павсаний*, III, 20, в: «Они были первыми общественными рабами лакедемонян».

[5] Под ними может быть, как я указал выше, нужно подразумевать тех, которые приготовляли кушанье для общественных обедов и служили у стола, а равным образом также определенное число тех, которые сопровождали спартиатов на войну.

[6] *Плутарх*, Ликург, 24; Мольпис у Афинея, IV, стр. 141.

[7] Гераклид из Понта, 2. Поэт Алкман родился от раба, приведенного в Лаконию из Сард (см. *Отфрид Мюллер*, указ. работа). Женщин, используемых для службы внутри дома, называли халкидянками (*Афиней*, VI, стр. 267d).

[8] *Геродот*, IX, 10.

[9] Например при Фермопилах (*Геродот*, VII, 200) и при Сфактерии (*Фукидид*, IV, 8). Сравн. *Геродот*, VI, 81 и след.

[10] Мирон из Приены у Афинея, стр. 271 и т. д.

[11] *Аристотель*, Политика, II, 2, 5; *Ксенофонт*, Государство лакедемонян, VI, 3.

[12] *Страбон*, VIII, стр. 365: «и подвергаться суду рабы должны у определенно назначенных лиц; так что владеющий ими не мог ни отпустить их на волю, ни продать за пределы страны». Нет необходимости говорить, что эти условия предъявлены государством к победителям, а не дарованы побежденным; запрещение давать вольную доказывает это достаточно само собой.

[13] «И передавши им землю, установили навсегда ту часть, которую они будут им вносить» (Мирон из Приены у Афинея, XIV, стр. 657).

[14] *Плутарх*, Ликург, 8: «каждому был дан такой надел, чтобы он мог внести оброк для мужчин в семьдесят медимнов зерна, для женщин — двенадцать и жидких продуктов соответствующее количество».

[15] *Плутарх*, Клеомен, 23.

[16] Это было верно, даже несмотря на следующую фразу Плутарха: «было строжайше запрещено брать более высокий налог,

для того чтобы они (т. е. илоты), наживаясь, «служили охотнее» («Лакедемонское государство», 41, стр. 239).

[17] Афинянин Критий у Либания, Речь 24 (т. II, стр. 85).

[18] Мирон у Афинея, XI, стр. 657.

[19] *Плутарх*, Ликург, 28. Это, говорит он в другом месте (Деметрий, I), был обычай праздничных дней.

[20] См. *Отфрид Мюллер*, II, 3, 3, и те тексты, на которых он основывает свои предположения. Среди тысяч других примеров презрения спартиатов к илотам можно прочесть следующий анекдот, сохраненный у Афинея. Когда Агесилаю преподнесли в подарок скот и всевозможные лакомства, он взял животных, а на все остальное не обратил никакого внимания; затем, показывая на илотов, он сказал: «Унесите все эти вещи и отдайте вот этим людям; будет лучше, чтоб они съели их и развращали себя, чем если бы это случилось со мной и моими лакедемонянами» (*Афиней*, XIV, стр. 657b).

[21] «С племенем илотов обращаются в высшей степени жестоко и обидно» (Феопомп у Афинея, VI, стр. 272).

[22] Клеомен, сын Анаксандрида, называл Гомера поэтом спартиатов, а Гесиода поэтом илотов, потому что он писал о земледелии (*Плутарх*, Слова и выражения лакедемонян, Клеомен, Анаксандрид, I).

[23] *Фукидид*, IV, 126.

[24] *Плутарх*, Ликург, 8: «всю остальную лаконскую землю он разделил для периэков на тридцать тысяч наделов, а ту, которая должна была платить подать на город Спарту, разделил на девять тысяч».

[25] *Геродот*, IX, 10 и 28.

[26] *Геродот*, VII, 234. Более молодые, которые не получили еще военного воспитания, и более старые обыкновенно оставались в пределах Лаконии (сравн. *Фукидид*, V, 64).

[27] «Законы», I, 633. Сравн. VI, 736b.

[28] *Фукидид*, IV, 80. Более подробно я разобрал вопрос о криптии в статье, помещенной в «Journal général de l'instruction publique», 1850.

4

[1] *Фукидид*, I, 132, и *Страбон*, VI, 280. После I Мессенской войны вдовы убитых воинов были даны в жены тем лаконянам, которых царь Полидор принял в число граждан, но с урезанными политическими правами, сохранив ограничения и для их детей, названных парфениями. От такого подчиненного положения они и хотели освободиться при помощи илотов.

[2] *Павсаний*, IV, 13, 6, и стихи Тиртея, которые он приводит; *Диодор Сицилийский*, XV, 66.

[3] Об этом говорит нам Платон в своих «Законах», III, стр. 692.

[4] *Фукидид*, I, 101 и 102. Сравн. *Павсаний*, IV, 24, 5. Это так называемая III Мессенская война. Укрепившись в Итоме, они выдержали там новую десятилетнюю осаду и капитулировали, добившись права свободно выйти из страны. Афиняне поселили их в Навпакте; во время Пелопоннесской войны они оказали афинянам большую помощь.

[5] *Фукидид*, VI, 41 и след.

[6] См. *Диодор*, XV, 66. Он кратко указывает на все превратности судьбы мессенцев в прежней их жизни. Сравн. также *Павсаний*, IV, 25-29. После битвы при Эгос-Потаме, изгнанные спартанцами из Навпакта, они расселились по Италии и по Африке, где оста-

вались до того времени, когда Эпаминонд вновь призвал их на их родину.

[7] *Аристотель*, Политика, II, 7, 8: «Илоты восставали часто». Был момент, когда, казалось, мессеняне забыли свое чувство злобы: это было тогда, когда Спарта перестала быть страшной, а над Пелопоннесом нависла угроза честолюбивого Пирра. Мессеняне пришли им на помощь против этого царя; но когда Спарта вновь обрела свою силу и стала осуществлять свои прежние планы при Клеомене, мессеняне вновь почувствовали к ней прежнюю вражду; они фигурируют среди победителей в решительной битве при Селласии (*Павсаний*, IV, 29, 9).

[8] *Фукидид*, IV, 80.

[9] Там же, VII, 19.

[10] *Диодор*, XV, 65.

[11] *Ксенофонт*, Греческая история, VI, 5, 32.

[12] Илоты, данные Брасиду в качестве гоплитов (*Фукидид*, IV, 79), получили вольную только по своем возвращении (*Фукидид*, V, 34).

[13] «Лакедемоняне часто отпускали на волю рабов», — Мирон из Приены у Афинея, VI, 272.

[14] См. *Фукидид*, V, 34 и много других мест того же автора, а также у Ксенофонта.

[15] Последняя группа достаточно определяется самым ее названием. Первые же вероятно имели своей задачей охранять своих господ, прикрывать их от ударов врагов и в случае нужды удалять их с поля сражения: таковы значения, которые мы можем получить из корня глагола ἐρύκειν (см. тексты Феопомпа и Мирона из Приены у Афинея, VI, стр. 271, 272).

[16] В одном месте (V, 34) Фукидид упоминает об освобожденных илотах и неодамодах, в конце концов не противополагая их резко одних другим. Но в другом месте, сближая неодамодов и илотов, он довольно ясно указывает, что первые были вольноотпущенными (VII, 58): «все остальные были неодамодами и илотами [возможно, что термин «неодамоды» обозначал уже свободных]», и этот смысл точно устанавливается грамматиками: «отпускаемых на свободу илотов лакедемоняне называют неодамодами» (*Поллукс*, III, 83, сравн. *Гесихий* и *Свида* под этим словом).

После Мессенской войны рабы были отпущены на волю лакедемонянами и даны в мужья вдовам (*Юстин*, III, 5).

[17] С этого времени можно найти приблизительно триста неодамодов, посланных на помощь Сиракузам (*Фукидид*, VII, 58). Пятнадцать лет спустя Фимбон имеет их у себя тысячу человек (*Ксенофонт*, Греческая история, III, I, 4), и они фигурируют еще в большем числе, может быть в виде корпуса в две тысячи человек, под начальством Агесилая (*Ксенофонт*, Греческая история, V, 2, 24 и след.).

[18] *Плутарх*, Изречения спартанцев, 25.

[19] *Страбон*, VIII, стр. 365: «власть над илотами они удержали и дальше, до римского завоевания».

5

[1] *Плутарх*, Ликург, 16. По этому поводу см. великолепную главу в книге Отфрида Мюллера «Доряне», III, 10, 3 и 4.

[2] Глава дома назывался ἑστιοπάμων — «хозяин помещения», и те, за кого он делал взносы, ὁμόκαποι — «едящие вместе»; ὁμοσίπυοι — «живущие одним и тем же хлебом» (*Аристотель*, Политика II, 1, 6),

или еще πάσται — «собеседники», «συγγενεῖς — «сородичи», οἰκεῖοι — «из того же дома», как говорит Гесихий в своем словаре.

[3] «Нелегко было принимать участие людям очень бедным; это было основным положением государственного устройства еще со времен отцов, чтобы тот, кто не может давать такие взносы, не принимал участия в государственной жизни» (*Аристотель*, Политика, II, 6, 21). В другом месте он возвращается к тому же вопросу (II, 7, 4): «В Лакедемоне каждый поголовно вносит установленное количество; если же он не вносит, то закон запрещает ему участвовать в государственном управлении, как это сказано выше (см. IV (7), 9, 6).

[4] *Плутарх*, Агис, 5. Сравн. *Аристотель*, Политика, VIII, (5), 6, 7.

[5] Подробнее об этом см. Дикеарха и Сфера у Афинея, IV, стр. 141c, е. Полагалось для обеда на каждое лицо доставить прежде всего известное количество хлеба, вина, сыра и фиг, затем десять эгинских оболов, а затем продукты охоты и то, что каждый сезон дает деревня.

[6] Привилегии сильно поощряли к увеличению народонаселения, но в этих условиях, говорит Аристотель («Политика», II, 6, 13), они могли поощрять только возрастание числа несчастных.

[7] *Ксенофонт*, Греческая история, III, 3, 4 и след. Сравн. также *Аристотель*, Политика, VIII (5), 6, 1.

[8] «И говорят, что некогда у спартанцев было десять тысяч» (*Аристотель*, Политика, II, 6, 12).

[9] Это число ясно определяется числом распределенных между дорянами наделов (см. *Феопомп*, *Плутарх* и т. д., как было указано выше).

[10] *Геродот*, VII, 234.

[11] *Аристотель*, Политика, II, 6, 12: «и вот, хотя их страна могла прокормить тысячу пятьсот всадников и тридцать тысяч гоплитов, их число не достигало и тысячи».

[12] *Плутарх*, Агис, 5. Это число указывает только на одних полноправных граждан, этих ὅμοιοι. Что касается людей, способных носить оружие, их было 700, по Плутарху, и 1 500, по Макробию, где он говорит о Клеомене: «Тысяча пятьсот лакедемонян, которые могли бы носить оружие» («Сатурналии», I, 2, стр. 260).

[13] *Аристотель*, Политика, II, 6, 12. Этот прогрессивный упадок аристократии Спарты с достаточной ясностью показывает, что число «равных» ὅμοιοι не пополнялось по избранию, как неправильно хотели заключить из одной фразы Демосфена («Против Лептина», 107, стр. 489). По избранию входили в герусию, а не в спартиатскую аристократию.

6

[1] Аристотель («Политика», II, 6, 3. Сравн. 10) замечает, что различные государства Крита держали под своей властью порабощенные народности, которые он все без различия называет периэками.

[2] «Рабов общественных критяне называют мнойтами, а частных лиц — афамиотами; периэков же они называют подданными» (*Сосикрат*, История Крита, II, у *Афинея* VI, стр. 263). Гермон в одном месте у Афинея, исправленном по чтению Евстафия, говорит, что мнойты были местные жители (ἐγγενεῖς вместо чтения εὐγενεῖς «благородные». См. *Афиней*, VI, стр. 267 и критические примечания); Каллистрат (там же, стр. 263) говорил, что афамиоты были военно-

пленные, обращенные в рабство. Это то же самое происхождение их порабощения.

[3] Встречается форма δμοιτας, которая сближает ее с δμωες Гомера; так у Стефана из Византии под словом «Хиос»; но первая форма более распространенная.

[4] «От всех получаемых плодов и стад, от всех государственных доходов и податей, которые вносят периэки» и т. д. (*Аристотель*, Политика, II, 7, 4). Сравн. также Стефана из Византии, который в цитированном выше месте сближает мнойтов, илотов, пенестов и т. д.

[5] «Заботу о сисситии несет на себе женщина, взявши себе на помощь трех или четырех из общественных рабов» (*Досиад*, История Крита, IV, у *Афинея*, IV, стр. 142).

[6] Те эргатоны, которым, по Гесихию, на Крите было поручено заботиться о погребении мертвых, могли быть только общественными рабами.

[7] По Гесихию, αφαμιαι обозначает «поле».

[8] *Отфрид Мюллер*, Доряне, III, 4, 1. Древние производили это слово от распределения по жребию самих пленных: «Афамиоты — это местные жители в деревнях, обращенные в рабство в силу войны; вследствие распределения их по жребию они названы кларотами» (Каллистрат у Афинея, VI, стр. 263). «Кларотами критяне называли рабов в связи с производившейся по отношению к ним жеребьевкой» (*Эфор*, там же).

[9] «Каждый вносит из получаемых им продуктов десятую часть в свое товарищество и в доходы государства, которые поставленные от государства лица распределяют по каждому дому» (*Досиад*, Об общественных обедах у критян, у *Афинея*, IV, стр. 143).

[10] *Полибий*, VI, 46. Злоупотребления, которые получились в результате этого и на которые автор указывает в данном отрывке, относятся, без сомнения, к более позднему времени; но из этого нельзя сделать вывод, что они находили помеху в древнем законе.

[11] «Из рабов каждый вносит с головы эгинский статер» (*Афиней*, там же).

[12] «Амфамиоты (афамиоты) — это те, которые на полях» (*Каллистрат*, указ. место); у Гесихия читаем: «афамиоты — деревенские рабочие, паройки».

[13] *Аристотель*, Политика, II, 2, 3.

[14] «Рабов, находящихся в городе, критяне называют хрисонетами» (*Каллистрат*, там же). Быть может это были те, которые, под именем «служителей», θεράποντες, сопровождали своих хозяев на войну (Евстафий к Дионисию Периэгету, 533, цитируется по Гёку (Hoeckh) — Крит). Между прочим в связи с кларотами Эфор упоминает о знаменитых сатурналиях в Кидонии, во время которых граждане покидали город и целиком предоставляли его в распоряжение рабов, которые оставались там хозяевами всего и даже имели право бить и хлестать свободных, если кто-нибудь из них попадал им под руку (у *Афинея*, VI, стр. 263). Факты здесь настолько преувеличены, что я не счел нужным использовать их в основном тексте.

[15] *Аристотель*, Политика, II, 2, 12, и II, 7, 1. Имя Миноса, о котором говорит автор, было повидимому распространенным у местных жителей в той же мере, как и у дорян.

[16] *Аристотель*. Политика, II, 7, 4, указ. выше.

[17] Там же, VI, 3. Сравн. VII, 8.

[18] Chrishull, стр. 129, цитируется Гёком там же.

[19] Полибий говорит, что у них никакая выгода не считалась позорной (*Полибий*, VI, 46, з: «так что у одних только критян из всех людей никакая выгода не считается позорной»).

[20] Там же, IV, 53-54. Аристотель уже раньше указывал, что Крит своим благополучием обязан своему островному положению: «Отдаленность положения заменила ему те законы, которые в других местах запрещали появляться иностранцам. Оно же удерживало крепостных в исполнении их обязанностей, тогда как илоты так часто поднимали восстания» («Политика», II, 7, в).

[21] См. Эфор у Страбона, X, стр. 481. Аристотель («Политика», II, 7, 1) склоняется к первому предположению.

[22] Из Павсания (IV, 3, в) можно видеть, с каким рвением Кресфонт старался понравиться местным жителям и наперекор аристократии (без сомнения дорической) его семья стремилась войти в местную среду, усваивая ее обычаи и широко воздавая почести божествам этой страны. См. Эфор у Страбона, VIII, стр. 361.

[23] Бодлейанский кодекс, 334; цитируется по Отфриду Мюллеру.

[24] См. *Отфрид Мюллер*, III, 9, 1.

[25] *Геродот*, VIII, 75: «Они (кинурии) превратились в дорян частью потому, что находились под властью аргивян, а частью от действия времени: они занимают Орнею и окрестности Аргоса».

По Отфриду Мюллеру, орнеаты были порабощены Аргосом около 50-й олимпиады (580 г. до н. э.).

[26] *Поллукс*, Ономастикон, III, 83: «между свободными и рабами находятся илоты у лакедемонян... и у аргивян гимнеты».

[27] *Геродот*, VI, 83. Сравн. VII, 148.

[28] *Павсаний*, VIII, 27, 1. Тиринф и Микены, которые были включены в то же число, чтобы подвергнуться той же участи, стали с тех пор независимыми. См. *Отфрид Мюллер*, I, 8, 7.

[29] *Аристотель*, Политика, VIII (5), 2, в.

[30] В эпоху, когда Аргос стал во главе пелопоннесской лиги, говорит историк Диодор, этот город, который в продолжение долгого времени находился в глубоком упадке, вновь получил значительные средства и имел в изобилии деньги и достаточное население. См. *Диодор*, XII, 75.

[31] Гесихий под словом κυνόφυλοι, буквальное значение: «племя собак».

[32] Жители Мегары, мужчины и женщины, когда умирал в Коринфе кто-либо из Бакхиадов, должны были являться туда чтобы почтить его похороны (схолии к *Пиндару*, Немейская ода, VII, 155). Это одно из обязательств, которое лакедемоняне возложили на побежденных мессенян:

Плач над владыкой свершат вместе и жены, и мужи,
Если постигнет его жребий злосчастной судьбы

(Тиртей у Павсания, IV, 14, 5).

[33] *Павсаний*, VI, 19, 9.

[34] *Плутарх*, Греческие вопросы, I, стр. 291.

[35] Коринефоры — «люди, носящие дубины, вооруженные ими», составляли иррегулярные отряды, которые никогда не ставились наряду с гоплитами; катанакофоры — «люди, носящие платье с оторочкою из овечьей шкуры» (*Поллукс*, Ономастикон, III, 83, и Феопомп у Афинея, VI, стр. 271). Сходство, которое Феопомп устанавливает между ними и эпеунактами (соложниками), является родовым, а не видовым; оно никоим образом не должно относиться к собственному значению имен.

[36] Поллукс в цитир. месте; Стефан из Византии под словом «Хиос».

[37] Страна киликранов, по словам Скифина [поэта] из Хиоса, была опустошена Гераклом, героем дорян, который сам основал там Гераклею (Трахинскую). Совсем иное говорит Полемон: «Жители Гераклейской области около Эты и Трахина являются отчасти киликранами, пришедшими из Лидии вместе с Гераклом, отчасти афаманами. Гераклеоты не допустили их сделаться своими гражданами, смотря на них как на чужеземное племя. Они называют их киликранами, потому что они носят на плече отпечаток чаши (κύλιξ)» (Полемон у Афинея, XI, стр. 462а). Эта этимология может показаться чересчур смелой. Я бы не очень настаивал на преимуществе другой этимологии Никандра из Фиатиры, который их имя сближает с именем Иликса, одного из спутников Геракла (там же). Новая колония была основана спартанцами во время Пелопоннесской войны в Герадее. Деспотизм, который они там проявили, быстро привел ее в упадок.

[38] *Эсхин*, Против Ктесифонта, § 107. *Гарпократион*, Лексикон, под этим словом.

[39] «И таким же образом мариандины подчинились гераклеотам, обещая навсегда быть их крепостными, доставляя им все необходимое, поставивши дополнительным условием, что никто из них не будет продан за пределы Гераклеотской земли, но только здесь, в своей земле» (Посидоний у Афинея, VI, стр. 263). Страбон (XII, стр. 542), указывая на эти условия, сравнивает их с положением мноитов на Крите и пенестов в Фессалии.

[40] Эвфорион и Каллистрат у Афинея, цитир. место. Название ἄναξ — «владыка», «царь» — давалось людьми свободными своему вождю; название δεσπότης — «владыка», «господин» — давалось рабом своему господину, и у свободных людей сохранилось только по отношению к богам. Один воин говорит Ипполиту:

Владыками, о, царь, богов нам нужно звать.

(*Эврипид*, Ипполит, 87).

[41] «И византийцы являются такими же господами вифинцев, как лакедемоняне над илотами» (Филарх у Афинея, VI, стр. 271).

[42] *Аристотель*, Политика, II, 4, 13.

[43] «Калликирийцами в Сиракузах назывались те, которые попали под власть геоморов» («Большая этимология» и *Свида*. Сравн. *Геродот*, VII, 155). Евстафий сравнивает их с кларотами Крита (схолии к «Илиаде», стр. 295. Сравн. *Отфрид Мюллер*, III, 4, 4).

[44] «Свободные, даже будучи немногочисленными, могут властвовать над гораздо большим числом несвободных... например в Аполлонии на Ионическом море и в Фере» (*Аристотель*, Политика, VI (4), 3, 8).

[45] *Геродот*, IV, 161.

7

[1] «Ионяне жили по деревням, ахейцы же основали города» (*Страбон*, VIII, стр. 386). Он прибавляет, что каждый из 12 городов Ахайи объединял 7 или 8 местечек, находящихся в его окружности.

[2] «Эвпатриды — это те, которые занимают самый город» (*Беккер*, Anekdota, стр. 257, у Отфрида Мюллера, и «Большая этимология», слово «эвпатриды»).

[3] *Телеонты* — вероятно ремесленники, население городов; *гоплиты*, или знатные; *эгикореи* и *аргады* — пастухи и земледельцы, население деревень.

[4] Диодор (I, 28) дает это тройное деление афинского народа, которое сравнивали, конечно ошибочно, с египетскими кастами.

Дионисий Галикарнасский делает намек на разделение Афин между знатными (эвпатридами) и той массой населения, которую он обозначает общим именем «деревенские» (агройки) («Римские древности», II, 8). Если под этим именем нужно подразумевать только земледельцев, то класс ремесленников мог образоваться позднее, может быть из иноземцев; но в конституции, приписываемой Тесею, он занял положение высшее, чем эти агройки.

[5] Евстафий к Дионисию Периэгету, 533; цитиров. у Отфрида Мюллера.

[6] Афиней (VI, стр. 271) приводит одно место из Феопомпа, который приписывает аркадянам обладание 300 тысяч проспелатов; но в другом месте (X, стр. 443) тот же народ назван «ариэи». Уже раньше было доказано, что в обоих местах надо читать «арднэи». Это—иллирийские народности, упоминаемые Аппианом («О событиях в Иллирии», 3) и Полибием (II, 11, 10). Этот народ, власть которого, по словам Аппиана, разрушили автариаты, и которого, по словам Полибия, консулы Фульвий и Постумий покорили мимоходом, не мог никогда, даже во времена своего морского могущества, объединить такое количество рабов.

Геродот (VI, 137) делает преувеличение в другую сторону, когда он говорит, что во время переселения пеласгов Беотии в Аттику ни у афинян, ни у других греков не было рабов. Это как раз то самое время, когда вторжения фессалийцев и дорян распространили и установили как общее положение крепостное право в Греции; и обычай у молодых девушек свободного происхождения ходить за водой к источникам, привычка, которая наводит его на эти размышления, очень хорошо согласуется даже для более ранних времен, в героическую эпоху, как мы видели, с использованием рабов. Он только доказывает, что применение рабов было реже, но что оно не было неизвестным.

[7] Агатархид Книдский у Афинея, VI, стр. 272.

[8] «...карийцы пользуются и прежде, и теперь лелегами как рабами» (*Афиней*, VI, стр. 271). «Как лакедемоняне илотами, так италийцы пеласгами» (*Стефан Византийский*, под словом «Хиос»).

[9]
Вот в чем богатство мое: меч и копье,
К ним прекрасный мой щит, телу защита;
Им я пашу, им я и сею,
Им выжимаю вино из винограда,
Им я толпою рабов владыкой зовусь.

(*Афиней*, XV, стр. 695f).

[10] Диоген Лаэртский, I, 7, 5 (98); Гераклид из Понта, по указан. Отфрида Мюллера.

[11] *Геродот*, V, 68.

[12] См. выше стр. 50.

[13] *Аристотель*, Политика, III, 3, 4; или вообще от рабских занятий, как говорили греки, — «сидячих работ» (βάναυσων ἔργων). См. «Политика», VII (6), 4, 5.

Глава третья

1

[1] «Когда же Тесей объединил их и утвердил демократию» (*Демосфен*, Против Неэры, стр. 1370, 16 (по изд. Reiske). Сравн. *Теофраст*,

Характеры; правда, Теофраст вкладывает эту ссылку в уста одного экзальтированного олигарха.

[2] Бедняки, оказавшись должниками по отношению к богатым и не имея возможности заплатить свои долги, были принуждены или платить им всю жизнь шестую часть доходов со своих земель, что и дало им имя *гектеморов* («шестидольников»), или *фетов* («наемников», <собственно — тот, кто старается, спешит; одинаковый корень с русским «теку»>), или же отдавать им под заклад свою собственную личность (*Плутарх*, Солон, 13).

[3] До Солона свободные люди брали деньги взаймы под заклад своей личности, закладывая таким образом свою свободу (*Плутарх*, Солон, и Об опасности долгов, 8, стр. 851).

[4] «Пелаты и феты — это имена свободных, которые вследствие бедности за деньги работают, как рабы» (*Поллукс*, Словарь, III, 82. См. также определения Аполлония и Фотия под этим словом). Они сравниваются с пенестами и теми классами, которые живут в рабстве, не совсем потеряв свою свободу.

[5] *Плутарх*, Солон, 22.

[6] *Диодор*, XI, 43.

[7] *Дионисий Галикарнасский*, Лисий, 32 (из его работы: «Замечания о древних ораторах»), стр. 526 (по изд. Reiske), цитировано у *Бёка* (Boeckh), Политическая экономия афинян, IV, 3.

[8] *Ксенофонт*, Трактат о хозяйстве — повсюду. Сравн. *Лисий*, Против Полистрата, стр. 693.

[9] *Плутарх*, Солон, 22.

[10] *Плутарх*, Перикл, 12, и <Псевдо> *Ксенофонт*, Афинская полития, I, 17 и след.

[11] Бёк в своем ученом труде, названном французским переводчиком «Политическая экономия афинян», ясно установил этот факт, сопоставляя цену предметов потребления и таксы заработной платы, предположительные расходы всего населения и государственное богатство.

[12] Награды побуждали к усовершенствованиям в сфере искусства (см. схолии к *Аристофану*, «Лягушки», 775). В Афинах законом было запрещено рабам занятие медициной; оно было запрещено также женщинам, и этот запрет был снят только для свободных женщин и только для тех случаев, где исключительно требовалась их помощь (см. *Гигин*, Басни, 274).

[13] Смотрят как на подложный на тот декрет, который открывал Гиппократу двери Пританея в Афинах на остаток его жизни, равно как и на рассказы о тех услугах, которые он оказал афинянам во время чумы (см. *Литтре*, Введение к произведениям Гиппократа, стр. 39 и след.). Аристофан («Богатство», 408) намекает также на жалованье врачам в том самом стихе, где он жалуется, что их так мало привлекают в Афины. У врачей был другой прием получать вознаграждение за свои труды. Некий Менекрат, по заявлению Афинея, брался лечить больного в безнадежном случае под условием, что он отдастся ему (*Афиней*, VII, 289) «...в качестве слуги (servus), так как он им спасен (servatus)».

[14] *Афиней*, XIV, стр. 623, и те комики, о которых он говорит при речах о посольстве (стр. 325. Сравн. *Бёк*, I, 21).

[15] Текст Платона («Протагор», 311) — самое важное свидетельство древности относительно Гиппократа — доказывает, что этот великий врач преподавал свое искусство за деньги. Сравн. *Платон*, Менексен, стр. 90, где идет вопрос о медицине и о многих других искусствах; *Диодор*, XII, 13, и *Страбон*, IV, 181 (по цитат. у Бёка).

[16] В школе Гиппомаха ученье стоило только одну мину, по анек-

доту, переданному Афинеем (XIII, стр. 584с. Сравн. тексты, касающиеся различных софистов, в интересной главе Бёка «Политическая экономия», I, 21, 206-208).

[17] *Фукидид*, II, 40. Известные занятия, которые в Риме были специальностью рабов или во всяком случае вольноотпущенников, например секретарство, у греков были сохранены за свободными: по крайней мере Корнелий Непот говорит, что Эвмен исполнял эти обязанности при Филиппе (*Корнелий Непот*, Эвмен, 1).

[18] *Фукидид*, II, 16; *Аристофан*, Всадники, 805, и Мир, 225.

[19] *Аристофан*, Ахарняне, Мир, Всадники, Женщины в народном собрании и др.

[20] *Аристофан*, Мир, 130.

[21] «Одни крестьяне сделают, другой — никто» (там же, 515 и вся дальнейшая сцена).

[22] *Аристофан*, Женщины в народном собрании, 677.

[23] Это ясно из той важной главы Фукидида, на которую я только что ссылался (II, 16). Я даю ее полный перевод:

«Итак, раньше в течение долгого времени афиняне жили по деревням, пользуясь автономией; после объединения их в один город они сохранили свои старые привычки. Как старики, так и последующие поколения вплоть до теперешней (т. е. Пелопоннесской. — *Прим. перев.*) войны (большинство их от рождения) жили семьями все-таки на своих полях. Поэтому нелегко им было сниматься с места всем домом, потому что они лишь незадолго до этого, после персидских войн, устроились снова своим хозяйством. Неохотно, с тяжелым чувством покидали афиняне дома и святыни, которые были для них «отческими» искони, со времени их старинной государственной жизни, и, прежде чем усвоить себе этот новый образ жизни, они полагали, что покидают не меньше, чем свою собственную родину».

[24] *Плавт*, Купец, I, 1, 65:

Так строго содержал его тогда отец.
В деревне занят черною работой был
И мог он в город съездить лишь на пятый год,
На плащ Афины еле взглянет — и тотчас
Назад в деревню гонит уж его отец.

Сравн. *Теренций*, Братья, I, 1, 45, и Свекровь, II, I, 224.

[25] *Аристофан*, Всадники, 1009, и Осы, 630.

[26] Чтобы заставить их отказаться от этой манеры запрашивать, хотели запретить им уступать что-либо из их первого запроса под страхом заключения в тюрьму (Алексис у Афинея, VI, стр. 226а). Сравн. у других комиков — Антифана, Дифила и др. — относительно их наглости и мошенничеств (у Афинея, VI, стр. 204).

[27] *Демосфен*, Против Неэры, стр. 1367. Известно, как Аристофан издевается над Эврипидом за [социальное] положение его матери «Ахарняне», 492; «Женщины на празднике Фесмофорий», 456). Он говорит в этой же пьесе — и, кстати, без оттенка презрения — о некоторых других мелких ремеслах, практикуемых женщинами, например в стихе 448.

[28] *Ксенофонт*, Воспоминания, II, 7, 5-9. Сравн. *Лукиан*, Паразит, I, и Беглецы, 12. «Глядя на них, — говорит одно из действующих лиц Аристофана о женщинах, переряженных мужчинами на народном собрании «Женщины в народном собрании», 406), — мы их приняли всех за башмачников. В самом деле, все собрание состояло из белых лиц». Таков был повидимому цвет лица башмачников того времени.

[29] *Аристофан*, Богатство, 510-525;

Если зренье к Богатству вернется опять и разделятся
поровну деньги,
Кто же займется тогда ремеслом из людей, кто наукою
мудрой займется?
Ни один человек! А исчезнут совсем ремесло и наука,
что будет?
Кто же будет кузнечить, строгать корабли, кто же будет
скорняжить, гончарить,
Кто башмачничать будет, телеги ковать, кто портным будет, кто портомоем,
Кто, сохою вспахавши сырой чернозем, собирать будет
жатву Деметры,
Если в лени и праздности сможете жить, не заботясь о
хлебе насущном?
— Пустяковый пустяк! Все работы, весь труд, все, что
ты нам сейчас насчитала,
Будут слуги над этим потеть!—Хорошо: а откуда же слуг
вы возьмете?
— Мы за деньги их купим.— Сперва объясни: ну, а где
продавцов вы найдете,
Если вдоволь у каждого будет добра?

[30] *Аристофан*, Лягушки, 173. Сравн. «Женщины в народном собрании», 308.

[31] Лукиан, который в своих картинках нравов всегда так охотно переносится мыслью к классическим временам Греции, оценивает дневной заработок башмачника приблизительно в 7 оболов (т. е. около 40 копеек золотом). См. *Лукиан*, Петух, 22. Обучение ремеслу, а равно и искусству оплачивалось такой же суммой и составляло доход рабочего-мастера (*Лукиан*, Паразит, 18).

[32] *Лукиан*, Тимон, 6. Афиней (IV, стр. 168) рассказывает о двух философах, которые, для того чтобы в течение дня предаваться философским размышлениям в полное свое удовольствие, нанялись на ночь на работу к мельнику за две драхмы (около 70 копеек золотом). Но эта цена (ведь мельник платил им не как философам) явно преувеличена. Об этом можно будет судить, когда мы увидим, какова была оплата наемных рабов, в главе о цене рабов.

[33] Отсюда пословица: «Поздно пришел; ну, иди в Колон (у *Поллукса*, VIII, 133).

[34] *Демосфен*, За Эвбулида, стр. 1313, 2: «Как я слышу, много женщин-гражданок вследствие несчастий нашего города в те времена должны были стать няньками, ткачихами, работницами на виноградных точилах». Сравн. 1309, 19, и *Исократ*, Ареопагитик, 38.

[35] *Исократ*, Ареопагитик, 30.

[36] По поводу помощи, оказываемой в случаях необходимости, Бёк говорит еще, как об обществах взаимной поддержки, об ассоциациях, обозначаемых именем ἔρανοι, имевших свою собственную организацию, свои законы и иногда свое судебное производство. Но голландский ученый ван Хольст в специальной работе «De eranis veteribus graecorum» («О древнегреческих эранах»), 1832 г., разбирая смысл и применение слова ἔρανος в различные эпохи, от Гомера до эпохи римлян, хотел показать, что там, где Бёк видел право, вышедшее из благотворительных учреждений, не было ничего другого кроме добровольных взносов; но положение Бёка, вновь принятое Вешером («Надписи острова Родоса относительно религиозных обществ», Revue archéologique, т. X, 1864 г. т. XII, 1865 г.), вновь подверглось возражениям со стороны Фукара (*Foucart*, Des associations religieuses

chez les grecs, 1875). <Новейшая литература по этому вопросу у Цибарта (*Ziebart* Das griechische Vereinwesen, 1896) и у Поланда (*Poland*, Geschichte des griechischen Vereinwesens, 1909)>.

Единственный пункт, который может нас тут интересовать, — это желание знать, должна ли касса, составлявшаяся из складчины участников и из подарков благотворителей, в случае необходимости приходить на помощь. Что касса должна была платить по расходам за угощения, за религиозные церемонии и по другим расходам, значащимся вообще в программе ассоциации, в этом нет никакого сомнения; но она должна была также участвовать в расходах по оплате похорон своих сочленов; не могла ли она иногда приходить им на помощь в минуту необходимости? Было бы затруднительно отрицать это абсолютно; по крайней мере уже в римские времена можно видеть, как рескрипт императора Траяна, давая разрешение на учреждение ассоциации «эранистов» в Амизе, говорит: «особенно если такими общими взносами будут пользоваться не для шумных пиров или недозволенных собраний, но *для поддержки более неимущих в момент нужды*» (*Плиний*, Письма, X, 93, 94); но я считаю, что ни один текст не устанавливает, что это было общее правило. Во времена Демосфена, Ликурга и Исея «эраны» были добровольными взносами, которые собирались между друзьями кем-нибудь из них, чтобы притти на помощь другу не под видом подарка, а под видом ссуды, вполне возможно ссуды беспроцентной, возвращение которой тем не менее оставалось обязательным; отсюда эта черточка в характере Брюзги у Теофраста («Характеры», XVII): «Друзья собрали сумму денег ему на пособие. «Поздравляю тебя», — обратятся к нему. — «С чем это, — спросит он, — *разве я не должен возвратить каждому его взнос, да и вдобавок поблагодарить, будто и за настоящую услугу?*»

В одном процессе о наследстве, о котором говорит Исей, фигурирует счет в 1 тысячу драхм, подлежащий оплате в кассе «эранов» (*Исей*, О наследстве Агния, 43). В другом месте мы видим, как Леократ поручает одному из своих друзей заплатить свои долги и выкупить свои «эраны» (*Ликург*, Против Леократа, 22). Такой вид «эранов», или ссуд, подлежащих уплате, мог быть под этим именем предметом заклада (*Фукар*, Надписи из Аморга, № 45, стр. 226) или поручительства: речь, приписываемая Лисию против Аристократа, носит название «О поручительстве за взнос» (ἐράνου) (*Лисий*, Фрагмент 16, указ. Гарпократиона); он мог иметь место в судебных процессах, которые продолжались в течение месяца. Образовывались ли при этом настоящие общества или те друзья, которые делали взносы, были связаны между собою только теми узами отношений, которые рождаются при этих случайных встречах? Вполне добровольный характер этих взносов заставляет меня склониться ко второму предположению. Я не могу считать ассоциациями другие соединения кроме тех, которые имеют регулярные взносы, месячные или трехмесячные, смотря по обстоятельствам; а это мы видим только при тех ассоциациях, которые устраивают общие обеды или другие церемонии и имеют религиозный характер.

[37] *Аристофан*, Осы, 310 и след.

«Из того, сын, что сегодня получу,
На троих нам надо хлеба,
Надо щепок, надо мяса,
Тут уже не до лакомств!»—
«Ах, отец мой, если б судьи
Не сидели в гелиее,
Где б добыл ты нам на завтрак?..»

[38] См. тексты, собранные и разобранные Бёком («Политическая экономия Афин», II, 17, 1, 395 и след.).

2

[1] «Что законом не разрешено чужестранцу торговать на площади и рынке» (*Демосфен*, За Эвбулида, стр. 1308). Но повидимому иностранец мог приобрести это право, что в конце концов только подчеркивает существование такой привилегии.

[2] Патрон во всех случаях служил как бы посредником между иностранцем и государством; *Свида* под словом «ἀποστασίου δίκη» <обвинение против вольноотпущенника, не выполняющего своих обязанностей по отношению к своему бывшему хозяину> по отношению к рабам, причем он старательно различает акт ἀποστασίου < (судебное дело против метека, не выбравшего себе патрона из среды граждан> по отношению к иностранцам. См под словом, «νέμειν προστάτην» («взять себе покровителя»).

[3] Цензовые списки Навсиника выделяли из действительного состояния (οὐσία) богатого человека пятую часть как подлежащую налогу (τίμημα): для метеков выделялась шестая часть (*Демосфен*, Против Андротиона, стр. 612, 2). В этих числах не нужно видеть определенной доли состояния или доходов, которые государство отбирало авансом; это не было налогом, это было основанием для налога. Это были соотносительные цифры, по которым регулировалась раскладка. См. *Бёк*, Политическая экономия, IV, 10, 2, стр. 369, 370.

[4] *Поллукс*, Словарь, III, 55, и «Большая энциклопедия» под рядом терминов. См. доклад Сен-Круа «О метеках» в Academ. des inscriptions, XLVIII, 182 и след., 1808 г.; более новые работы: *Schenkl*, De methoecis atticis, 1880; *Clerc*. Les metheques athéniens, 1893, и в специальных работах по греческим древностям Бузольта, Герман-Тумзера и др.

[5] «...и если мы установим охрану метеков так же, как имеем охрану сирот» (*Ксенофонт*, О доходах, II, 7).

[6] *Беккер*, Anekdota, 304; *Элиан*, Различные истории, VI, 1. Сравн. *Аристофан*, Ахарняне, 507.

[7] *Ксенофонт*, О доходах, II, 6.

[8] *Самюэль Пти* (Samuel Petit), Аттические законы, II, 5, 2.

[9] Там же. Уголовный закон делал различие между гражданином и метеком. Гражданин, убивший метека, подвергался изгнанию, метек, убивший гражданина, подвергался смерти.

[10] См. словари Гарпократиона, Аммония, Фотия под словом ἰσοτελεῖς («равноплатящие»); *Поллукс*, III, 56.

[11] Некогда Афины были менее скупы на дарование этих прав, но, начиная с Солона, введение большого числа иностранцев в среду граждан было всегда мерой исключительной или революционной. Клисфен принял их целую массу, когда он вновь организовывал трибы; равным образом к концу Пелопоннесской войны были допущены в число граждан те, которые хотели носить оружие (*Диодор*, XIII, 97).

[12] *Афиней*, VI, стр. 272.

Глава четвертая

1

[1] *Ксенофонт*, Экономик, IX, 5.

[2] Как в анекдоте у Серена (*Стобей*, Цветник, XII, 48).

[3] Из 435 надписей, опубликованных Вешером и Фукаром («Надписи, найденные в Дельфах», Париж, 1863 г.), можно насчитать таких рабов приблизительно 70 на 200 рабов иноземного происхождения. Известное число их может находиться еще среди тех, которые не имеют указания на свое происхождение. <Более новые работы по дельфийским надписям: *Haussoullier*, Bull. de la correspondance hellenique, V (1881), стр. 406 и след., № 15—48; Sammlung der griech Dialekt-Inschriften, Band II, Cöttingen 1899; *Baunack*, Die Delphischen Inschriften, стр. 176 и след., №№ 1684—2342. Эта работа в данное время является основной. Fouilles de Delphes (École Française d'Athènes, T. III, Epigraphie Colin, Paris 1909—1913)>.

[4] *Демосфен* Περὶ συντάξεως, стр. 172. По указанию грамматиков, это к рабам такого рода относилось название οἰκίς («ключница»), лат. verna (Ферекид у *Афинея*, VI, стр. 263):

Не был он рабом фригийским, не был в доме ключником.
Но и то ему пришлось по дому много вынести.

[5] *Плутарх*, Солон, 23.

[6] «Взявшие (ребенка) продают дитя давшему даже самую маленькую цену; и относительно его дается письменный документ и согласие воспитывать дитя и, когда оно вырастет, иметь его рабом или рабыней, беря от него эту службу как бы в виде платы за воспитание» (*Элиан*, Различные истории, II, 7). Этот закон замечателен: надо спуститься до христианского законодательства времен империи, чтобы там найти нечто подобное у римлян.

[7] То место, которое оно занимает в комедии, позволяет все примеры, находящиеся у Плавта и Теренция, отнести на счет Греции: это самая основа тех пьес, которым они подражают (см. *Плавт*, Cistell., I, 2, 125; *Теренций*, Свекровь, III, 3, 400; Сам себя наказавший, IV, 1, 640). В этом отрывке отец жалуется, что его дочь не была убита, как он приказал, но подкинута и благодаря этому может быть отдана во власть рабства и бесчестия:

Дочь свою ты той старухе предала прямехонько!
Ведь через тебя пришлось бы ей заняться промыслом
Или быть совсем открыто проданной в публичный дом

[8] Стоик Посидоний у Афинея, VI, стр. 263; *Плутарх*, Солон, 13.

[9] *Плутарх*, Солон 13; Об опасности долгов, 8.

[10] *Демосфен*, Против Неэры, стр. 1350, 20. В Ликии рабство было наказанием за воровство (*Николай Дамасский*, фрагмент 129, § 2). Декрет города Галикарнаса (приблизительно 457 г. до н. э.) наказывал изгнанием и конфискацией всего имущества в пользу храма Аполлона того, кто нарушал предписания. Если его имущества было меньше, чем на десять статеров, виновный должен был быть продан в рабство за границу (*Ньютон*, Галикарнас, Книд и т. д., т. II, ч. II, стр. 671).

[11] *Дион Хрисостом* («Златоуст»), Речи, XV, 242: «И естественно, что первые, кому пришлось быть рабами, родились не от рабов, но ими овладели морские разбойники или они попались в плен на войне, и таким образом они были принуждены быть рабами для тех, кто их захватил».

[12] *Аристотель*, Политика, IV (7), 13, 14.

[13] См. *Фукидид*, I, 55; VIII, 41 и 62; *Ксенофонт*, Греческая история, I, 14, 15; III, 2, 5; IV, 5, 8 и 6, 6. См. *Летронн* (Letronne), Заметки о населении Аттики.

[14] *Геродот*, I, 66.

[15] Там же, VII, 156.

[16] Жители Лемноса и Имброса, обращенные в рабство Кимоном и т. д., *Фукидид*, I, 98; *Диодор*, XI, 60.

[17] *Фукидид*, III. См. *Демосфен*, Против Ниэры, стр. 1380, 13.

[18] Там же, V, 116.

[19] Там же, V, 3 и 32.

[20] *Ксенофонт*, Греческая история, II, 2, 3.

[21] *Плутарх*, Никий. Фукидид (VII, 87) определяет число афинских пленников и их союзников до семи тысяч.

[22] *Фукидид*, IV, 48.

[23] *Ксенофонт*, Греческая история, I, 6, 14, 16.

[24] Сравнение Пелопида и Марцелла у Плутарха, I.

[25] «Все равно как считается несправедливым обращать в рабство друзей и справедливым — врагов» (*Ксенофонт*, Воспоминания, II, 2, 2).

[26] *Диодор*, XVI, 53 и 55. Благородное поведение Сатира, о котором он говорит здесь, нашло мало подражателей.

[27] Цитата у *Аристотеля*, «Политика», I, 2, 19.

[28] *Эсхил*, Семеро против Фив, 308, 309; Агамемнон, 1035 и повсюду; *Софокл*, Трахинянки, во многих местах; *Эврипид*, Андромаха, 11; Гекуба, 55, 95, 351, 441 и т. д.; Троянки, 205 и в других местах.

[29] *Эврипид*, Гекуба, 889 и след.; Троянки, 206 и 1060.

[30] Там же, 1080.

[31] Там же, 330.

[32] Авл Геллий, II, 18. По свидетельству Диогена Лаэртского, Федон, вышедший из знатнейшего рода, но ставший рабом еще с детства, был выкуплен Алкивиадом или Критоном (II, 9, 1, § 105).

[33] *Плутарх*, О спокойствии души, 13, стр. 471; *Диоген Лаэртский*, III, 19.

[34] Авл Геллий в вышеуказанном месте. Сравн. ораторов: *Демосфен*, За Эвбулида, стр. 1304 и след.

[35] *Диоген Лаэртский*, I, 5, 32.

[36] *Плутарх*, Жизнь X ораторов, Ликург § 12, стр. 842. Поллукс говорит, что в Афинах раб-грек отличается от варвара именем θητεύς («наемник») или πελάτης («служитель») («Словарь», III, 82). Не знаю, насколько это утверждение основательно.

2

[1] Ахеяне, зиги и гениохи — маленькие народцы по берегу Черного моря — обычно занимались морским разбоем подобного рода (*Страбон*, XI, стр. 495-496).

[2] Бёк (Boekh), Corpus inscriptionum, Suppl. № 2265c. Среди победителей на олимпийских играх был некий Никострат, человек не низкого происхождения. Похищенный пиратами в Примнесте во Фригии, он был продан какому-то жителю Эгий (*Павсаний*, V, 21, 11). Парфений рассказывает подобное также о фессалийских женщинах, даже очень знатного происхождения, которые были похищены фракийскими пиратами («Эротика», 19).

[3] «Ведь ты знаешь, что и законы велят выкупленному из вражеских рук быть во власти выкупившего, пока он не отдаст суммы выкупа» (*Демосфен*, Против Никострата, стр. 1248-1250).

[4] *Пти*, Аттические законы, VII, 1, 7.

[5] *Свида*, Лексикон, под этим словом. Лукиан («Разговоры богов», IV, 1) дает это имя Зевсу, похитителю Ганимеда.

[6] Как и относительно подкидывания детей, мы имеем право отнести к Греции различные тексты латинской комедии по поводу этих

похищений: *Плавт*, Пленники, пролог, 8; V, 2, 908; Ларчик, 125; Проделки паразита 651; Близенцы, пролог, 33; Пенулус, пролог, 67 и 84, и других похищений пиратами: «Хвастливый воин», 118 и т. д.

[7] Антифон у Афинея, III, стр. 108.

[8] *Поллукс*, Словарь, VIII, 102.

[9] *Эсхин*, Против Тимарха, стр. 85 и 89 (изд. Reiske) и вся речь Лисия против Панклеона. Если заявление было не обосновано, то в казначейство платили половину стоимости спорного предмета (*Демосфен*, Против Теокрина, стр. 1328).

[10] *Филострат*, Жизнь Аполлония из Тианы, VIII, 3, стр. 400.

[11] *Геродот*, V, 6. «Они продают своих детей для вывоза». Для Фракии см. пример у *Антифонта*, Об убийстве Герода, § 20 (изд. Бласса); для Фессалии см. *Аристофан*, Богатство, 520:

За наживой гоняясь, прискачет
Из Фессалии дальней сквалыга, торгаш, безобразнейший душепродавец.

[12] *Аристофан*, Птицы, 1129, и Лягушки, 1428.

[13] *Теофраст*, Характеры, XXI.

[14] *Вешер* и *Фукар*, Дельфийские надписи, Париж 1863 г., №№ 1, 35, 320, 335, 377, 378, 380.

[15] *Филон*, стр. 882d.

[16] *Страбон*, т. III, стр. 164.

[17] *Демосфен*, Филиппики, III, стр. 119: «...македонская язва, откуда и прежде нельзя было купить даже порядочного раба».

[18] См. *Аристофан*, Птицы, 1235:

...иль думаешь меня ты устрашить,
Как будто бы раба из Фригии иль Лидии?

[19] *Аристофан*, Осы, Мир, Женщины на празднике Фесмофорий.

[20] У Аристофана повсюду; у Филемона по Стобею; у Мнесимаха по Афинею, IX, стр. 402; у Теренция во многих местах. См. *Страбон*, VII, стр. 304; *Фотий*, Библиотека, стр. 1587 и след. Равным образом Демосфен, желая обозначить раба вообще, говорит: «Это ведь не Сир или Манес, это Формион». (Против Стефана, стр. 1127, 25). На основании рагментов Николая из Дамаска можно прочитать следующие стихи Писандра из Родоса, где он указывает на имя Бабес как на обычное имя раба:

Мужу название было Гиппемон, «коней укротитель»;
Лошадь Подаргом зовут, «быстрой всегда на бегу»;
Имя ж рабу, как всегда, «родом с Востока Бабес».

(*Николай из Дамаска*, фрагмент 147, изд. Didot.
Сравн. «Палатинская антология», VII, 304).

[21] *Вешер* и *Фукар*, указ. работа, №№ 179 и 396.

[22] Там же, №. 403.

[23] *Теренций*, Братья, II, 3, 230:

Много женщин куплено и сверх того
Отсюда кое-что еще везу на Кипр.

[24] «И он посылал отыскивать себе многих гетер из Пелопоннеса, многих музыкантш из Ионии и других молодых девушек со всей Эллады, отчасти певиц, отчасти танцовщиц; обычно с друзьями он устраивал их состязания, и в связи с ними он проводил все время (Феопомп у *Афинея*, XII, стр. 531, и *Элиан*, Различные истории, VII,

2, где вновь воспроизводится та же фраза). Тут идет дело о Стратоне, царе сидонян, который жил во времена Александра.

[25] *Аристофан*, Богатство, 147:

> Ну, да! Вот этак, из-за мелкой денежки,
> Рабом я стал. Богатства нехватало мне.

[26] *Демосфен*, Против Неэры, стр. 1351.

[27] *Геродот*, VIII, 105.

[28] *Афиней*, XII, стр. 515: «чтобы всегда ими пользоваться, остающимися юными».

[29] *Гесихий*, Лексикон, под этими словами, и *Поллукс*, Словарь, III, 77 и 78.

[30] *Теренций*, Братья, II, 1, 161:

> «Сводник я».—«Известно».—«Но из самых добросовестных.
> После извиняться станешь: обижать, мол, не хотел я —
> Ни во что я не поставлю оправданий, так и знай!
> Отстою свои права я! Словом не искупится
> Сделанное делом».

[31] Николай и Посидоний у *Афинея*, VI, стр. 266.

[32] *Плануда*, Жизнь Эзопа, цитировано по работе *Жюглер*, Об аукционах рабов, гл. 3.

[33] *Лукиан*, Аукцион душ, I и след.

[34] *Платон*, Законы, XI, стр. 916a.

[35] Гесихий под словом κύκλος — «круг». Πρατὴρ λίθος («камень, на котором рабы выставлялись для продажи») называлось место, с которого глашатай объявлял об аукционе («камень глашатая»). См. *Поллукс*, III, 78, и *Жюглер*, цит. работа.

[36] Все относящиеся сюда документы собраны в Lettres patentes, в королевских Ordonnances и в Code noir (стр. 332).

Глава пятая

1

[1] *Эврипид*, Троянки, 204; *Аристофан*, Лисистрата, 332; *Плавт*, Жребий, 381; Канат, 252; Проделки паразита, 76; *Теофраст*, Характеры, 18; *Лукиан*, Диалоги морских богов, VI, 1; *Афиней*, III, стр. 123e; IV, стр. 137 и 147; *Поллукс*, Словарь, X, 28 и след.

[2] *Рейтемейер*, История и состояние рабства в Греции.

[3] *Теофраст*, Характеры, XXIII, XXVII, XXI, II, XXX, XXIV; *Ксенофонт*, Воспоминания, II, 1, 9.

[4] *Лукиан*, Лжец по природному характеру, 35: «Он побудил меня оставить моих рабов в Мемфисе и одному сопутствовать ему, говоря, что у нас не будет недостатка в слугах. И действительно, вот как мы жили. Когда мы приезжали на постоялый двор, мой спутник, взявши засов от дверей, палку от метлы или какой-нибудь кол, одевал их и, произнеся над ними магическое заклинание, заставлял этот кусок дерева ходить, так что все принимали его за человека. Этот слуга черпал нам воду, приготовлял нам обед, приводил в порядок мебель и во всем служил нам с замечательным проворством и ловкостью. Затем, когда этот маг не нуждался уже более в его услугах, при помощи другого заклинания он делал его снова засовом или палкой, если таково было его первоначальное состояние». Известно продолжение этой остроумной сказки, которой воспользовался Гёте. Спутник, услыхав как-то случайно слова, которыми маг делал водо-

носа, заставил его носить воду, но не мог уже его остановить и обратить в прежний вид; в доме началось наводнение. Он взял топор и перерубил пополам палку, но он не уничтожил водоноса, а, напротив, сделал их два, которые прекрасно продолжали свое дело, пока на счастье не пришел заклинатель (там же, 36).

[5] «Учитель рабов» δουλοδιδάσκαλος. Такое название носила одна из пьес Ферекрата (*Афиней*, IX, 396с).

[6] *Аристофан*, Лисистрата, 517.

[7] «Тканье для женщин дело, не собрания» («Однострочные выражения»—«Sententiae monost.», 260).

[8] *Аристофан*, Облака, 52. В этом стихе есть некоторая двусмысленность, игра слов, которая заставляет думать, что эта женщина, преданная роскоши и мотовству, проявляла менее интереса к своему тканью, чем к деньгам своего мужа; но в конце концов даже в утопической картине общности всех благ, которая возлагает на рабов почти все труды, приготовление одежд остается всегда уделом женщин («Женщины в народном собрании», 677 и 680).

[9] *Теренций*, Братья, V, 3, 850.

[10] *Плавт*, Трехгрошевый, II, 1, 222. Сравн. о рабынях, провожавших женщин, у Афинея, VI, 267с.

[11] Филоксен и Архестрат у Афинея, VII, 310а, IX, 409а и XV, 685.

[12] *Теренций*, Евнух, I, 2, 165; *Афиней*, XII, 515.

[13] Какие имена давались обыкновенно классу рабов? Слово δοῦλος, обычное имя раба, зачастую употреблялось в переносном значении; характерным для рабской работы было слово οἰκέτης, другие слова примыкали к этим понятиям с некоторыми чертами различия, по самой ли их природе, по качеству ли тех, кто ими обладал.

Λατρις, < общий корень с латинским latro — «разбойник», «наемник»>, говорят, назывался проданный пленник; ἀμφίπολοι, как и πρόπολος, раб, мужчина или женщина, специально находящийся при хозяине; ατμενος назывался и раб и свободный, поставленный в зависимость от кого-нибудь. Αφοι, θεράποντες, ἀκόλουθοι, διάκονοι, ὑπηρέται — все они имеют значение: служитель с сильным оттенком свободы; θεράπων часто указывает на значение «спутника», хотя и низшего ранга, как например, Патрокл при Ахиллесе; θής <одинакового корня с глаголом θέω — «бегу», «тороплюсь»> и πελάτης <«тот, кто близко»; «кто подходит»> обозначали «наемники». Есть еще слова πιλμονες и ἐργάται в значении «трудящиеся», «люди труда». См. различные тексты у Афинея (VI, 267), Поллукса, Аммония, Фомы Магистра и других грамматиков.

Одна довольно интересная фраза Поллукса о персонажах трагедии и комедии, среди различных деталей, которые касаются масок, дает нам некоторые частичные замечания, применимые к именам и деятельности рабов.

В трагедии таковыми были лица рабов-мужчин (IV, 137, 138): раб деревенский, или пастух (διφθερίας) как в «Царе Эдипе», и два раба, служащие вестниками, специально отличающиеся остроконечной бородой и вздернутым носом. Женщины (там же, 138-142) — «старуха-рабыня», как в «Гекубе» и др.: в морщинах с шапочкой из шкуры ягненка; и другие, отличающиеся по одеянию и по прическе («выстриженный посередине», «раба, одетая в шкуру»).

В комедии среди рабов (там же, 148-150) есть старик (πάππος) с белыми волосами; обычно он играет вольноотпущенника; раб — «руководитель», первый персонаж, столь важный в новой комедии, с приподнятыми бровями — знак командования — и с рыжей косичкой, может быть указывающей на варварское происхождение; другое лицо, играющее руководящую роль, у которого волосы, вместо того чтобы

быть заплетенными в косу, топорщатся дыбом; другие рабы, различно причесанные, один лысый на макушке, с кружком рыжих волос; другой подстриженный, рыжий и сам, и по волосам, с косыми глазами; два раба-повара, один местный, по имени [illegible], другой иноземный, называемы[illegible] [illegible] («кузнечик»), единственный, у которого есть борода и черные волосы; иностранные повара могли притти только из Азии. Среди женщин — сначала старухи (там же, 150-151): старая служанка [illegible] ры ([illegible] — «волчица»), маленькая, слабая, морщинистая, с косыми глазами; старая воспитательница — толстая, грузная; старая горничная с приплюснутым носом, с двумя клыками в каждой челюсти. Затем идут молодые женщины (там же, 151-152): молодая приближенная ([illegible]) и несколько других ролей, которые не представляют обязательно рабов (οὔλη, κόρη, ψευδοκόρη, вторая ψευδοκόρη их окраска и их прическа — вот приблизительно и вся разница между ними; есть другие, у которых более точно можно указать их происхождение или их характер: танцовщица с седеющими волосами, уже стареющая куртизанка; узаконенная наложница и целая толпа гетер: зрелая гетера, гетера юная, гетеры, отличающиеся особенностями причесок — золотыми украшениями, повязками, пучками волос, поднимающимися, как пламя лампы; наконец две молодые девушки, специально прикомандированные к другим как их спутницы: одна с волосами, наполовину остриженными, другая с волосами, гладко причесанными, спутница куртизанок.

Считая некоторые черты этих фигур прихотью театра — прическу молодых девушек, два или три зуба старух, рыжие косички одних, косоглазость других, — можно, думается мне, из этих указаний извлечь несколько данных: из роли рабов в театре получить указания, как ими пользовались в реальной жизни. Из театральных пьес можно видеть, что в трагедии они являлись лишь как побочный элемент; только комедия дала им руководящую роль; сверх того в трагедии они встречаются редко; наоборот, в комедии их очень много, и мужчин и женщин, и они принимают очень активное участие в действии. Все эти маски Поллукса можно приложить к именам новой комедии, которые нам известны из Плавта и Теренция, и эти театральные имена были лишь *типами* для тысяч тех рабов, которые фигурировали в сценах частной жизни Греции.

В отдельных изданиях есть некоторые разночтения; так, вместо μαίσων читается μ[illegible]σος. которое можно перевести: «раб средних лет», или через латинский термин mediastinus — «раб для всяких мелких дел, по земледелию, по бане и т. д.»:

Раб суеты, о деревне ты тихим моленьем взываешь.

[14] *Ксенофонт*, Экономик, IV и след. *Аристотель*, Экономик, I, 2, по цитате Boeckh'a, I, 8.

[15] *Ксенофонт*, Экономик, повсюду.

[16] *Дионисий Галикарнасский*, Исократ, I (т. V, 534, 10, по изд. Reiske). Он говорит здесь об отце Исократа, рабы которого занимались выделыванием флейт; другие употребляли их для банковских операций, как это делал Пасион (*Исократ*, Речь о банкирах, 7), или для торговли на рынке, как скупой у Теофраста, который своему рабу поручал мелкую торговлю и заставлял его платить за размен, если он приносил следуемую с него сумму в медных монетах вместо серебра (*Теофраст*, Характеры, XXX. Сравн. <Псевдо> Ксенофонт, Афинская полития, I, 17).

[17] *Ксенофонт*, Воспоминания, II, 7, где он приводит много примеров.

[18] Бёк, I, 21, т. I, стр. 204; он приводит «Законы» Платона.

Между прочим афинский закон запрещал рабам медицинскую

практику. В одной надписи в Дельфах раб, проданный богу, — это особый вид вольной — остается обязанным, если потребуется, заниматься медицинской практикой вместе со своим хозяином еще пять лет (*Вешер* и *Фукар*, Надписи, собранные в Дельфах, № 234. См. ниже главу об освобождении на волю).

[19] *Ксенофонт*, Воспоминания, III, 11, 4.

[20] Эпикур у Афинея, VII, 354с.

[21] Намек на это делает Ферекрат у Афинея, XIV, стр. 612а.

Если верить Лисию, он приобрел ее за счет одного несчастного, притворившись страстно влюбленным в семидесятилетнюю вдову. Лисий, как будет видно ниже, имел полное основание желать ему этого.

[22] «Я дал ему взаймы, — говорит Лисий, — в расчете на то, что Эсхин, будучи учеником Сократа и имея обыкновение произносить длинные и великолепные речи о добродетели и справедливости, никогда не позволит себе такого образа действий как наиболее бессовестного и преступного» (*Лисий*, Фрагменты речи против Эсхина, стр. 4).

[23] Он был не один: доказательством этого служит та «толпа кредиторов, которые с раннего утра являлись, чтобы осаждать его дом в таком количестве, что прохожие думали, что он умер и что это пришли присутствовать на его похоронах» (*Лисий*, там же).

[24] *Демосфен*, Против Олимпиодора, стр. 1170.

[25] *Демосфен*, Против Афоба, стр. 816.

[26] *Эсхин*, Против Тимарха, стр. 118 и 121.

[27] *Ксенофонт*, О доходах, IV, 14.

[28] Там же.

[29] «...не покупать служанок, а нанимать их для выхода на улицу для прогулки» (*Теофраст*, Характеры, XXII).

[30] Не раз из детских приютов запрашивался ребенок, чтобы служить «грумом». Ему давалась ливрея на те часы, когда он выполнял свою службу, и 50 сантимов (20 копеек) жалованья в день; кормить его нанявшие не считали своей обязанностью. Это то, что Теофраст называет «нанять слугу на своем продовольствии».

[31] Хочу себе я поваров нанять двоих.
Искуснейших, какие только есть у нас.
(Алексис).

Эти наемные повара очень часто фигурируют во фрагментах и пьесах авторов средней и новой комедии. См. *Плавт*, Горшок, II, 4, 236, и III, 2, 404; Купец, IV, 2, 689 и след. Сравн. также *Теофраст*, Характеры, XXII. Чтобы приготовлять пирожные, также нанимали женщин, которых называли демиургами (творцами, создателями). См. Менандр и Антифан у Афинея, IV, стр. 172.

[32] *Афиней*, I, 15.

[33] «Одиссея», I, 152 и 325-333; VIII, 62, 266. Говорят, что древние допускали для пения на своих празднествах только гимны в честь богов, для того чтобы и самим держаться в пределах приличия и умеренности (*Афиней*, IV, 627-628). Но эта цель не всегда достигалась, как это доказывает последняя цитата.

[34] «Музыкантши и танцовщицы с флейтами, лирами и самбуками, некоторые родом с Родоса, для меня, по моему мнению, голые, если не считать, как говорили некоторые, что на них накинуты легкие хитоны» (*Афиней*, IV, 129а. Сравн. XIII, 607с).

[35] *Аристофан*, Ахарняне, 407 и 1175; Осы, 1245; Лягушки, 516, и различные фрагменты комедий у Афинея: VII, 186b; IV, 146е, 172с, 175; I, 27; XV, 665b. Сравн. *Плавт*, Стих, I, 2, 377 и т. д.

[36] *Теофраст*, Характеры, XI.

[37] *Ксенофонт*, Пир, VII, 5: «если бы они танцовали под флейту,

изображая такие фигуры, Харит, Гор или Нимф, в каких нам их пишут, я думаю, что они проводили бы время приятнее и самый пир был бы веселее».

[38] Платон в своем «Протагоре» достойным образом поднялся выше этого обычая (347d). Афиней (кто бы мог это подумать?) не менее сурово отнесся к нему в своем «Пире мудрых». Он находит, что педантичные рассуждения, которыми они здесь занимаются, гораздо выше подобных развлечений.

[39] *Демосфен*, Против Неэры, стр. 1351. Служанки этих гетер в свою очередь имели рабов, которых они повидимому заставляли служить себе с той же целью: свидетелем нам служит Пифионика, любовница Гарпала, старинная рабыня Бакхиды, музыкантши на флейте, которая сама была рабыней гетеры Синопы (*Афиней*, XIII, стр. 595b).

[40] Анаксил, Алексис и т. д. у *Афинея*, XII, 558, и VIII, 567-568; «Близнецы» и «Формион» Теренция и очень большое число пьес Плавта, где он подражал грекам.

[41] «...хотя она ведала ремеслом ни приятным, ни уважаемым, но воспитывала молодых девушек, которые потом становились гетерами» (*Плутарх*, Перикл, 24). Афиней говорит, что она наводнила всю Грецию такими девушками (XIII, 569f).

[42] Кратин и Эвполис у *Плутарха* (цит. место).

[43] *Платон*, Менексен, 235е. Он заставляет сказать Сократа: «Для меня по крайней мере, Менексен, нет ничего удивительного, что он умеет хорошо говорить, так как у него учительницей была не плохо знающая риторику, но та, которая сделала и многих других хорошими ораторами, особенно же одного, выдающегося из среды всех греков — Перикла, сына Ксантипа».

[44] Заметим однако, что ее называли также «ученицей Сократа» (*Афиней*, XIII, 569f).

[45] «Иногда посещал ее и Сократ со своими близкими» (*Плутарх*, привед. выше место).

[46] *Ксенофонт*, Воспоминания, II, 6, зб. См. «Экономик», III, 14.

[47] «...и родственники приводили к ней своих жен, чтобы они ее слушали» (*Плутарх*, Перикл, 24).

[48] *Демосфен*, Против Неэры, 1354. *Лисий*, Об одном злоумышлении, 166; Против Симона, 147-148. И при других обстоятельствах можно найти указание, что один раб был собственностью двух господ (*Вешер* и *Фукар*, Дельфийские надписи, № 112).

[49] *Лисий*, Об одном злоумышлении, стр. 175. Он предлагает решить вопрос самой женщине, о которой идет дело, чтобы она призналась, является ли она общей для обоих тяжущихся или нет.

[50] *Демосфен*, Против Неэры, 1360, и результат третейского разбирательства, стр. 1361.

2

[1] Никандр из Колофона и Филемон (стихи которого были приведены выше) у *Афинея*, XIII, стр. 569. Эти женщины на свои деньги воздвигли храм в честь Афродиты «Всенародной». По закону Солона, гетеры должны были носить «пестрое, украшенное цветами платье» (Свида); самые дешевые из них назывались казальбабами (κασαλβες; <одного корня с русским «кожа», «шкура», так же как латинское scortum>); См. *Аристофан*, Женщины в народном собрании, 1106; *Лукиан*, Истинная история, II, 46.

[2] *Страбон*, VIII, стр. 378. Таких примеров мы знаем много для малоазиатских городов: в Тире, в Каппадокийской Канане, в Библосе

на Кипре, в Вавилоне при храме Милитты. См. *Страбон*, XI, 532, и XII, 558; XIII, 627, и XVI, 748. *Геродот*, I, 199; *Лукиан*, Сирийская богиня, 6; *Афиней*, XII, стр. 516; *Элиан*, Различные истории, IV, 1.

[3] *Эврипид*, Ион, 309, 310:

Ион: Слуга я бога, так я и зовусь.
Креуза: Дар города? Иль продан кем-нибудь?..

Манто, дочь Тиресия, и другие уведенные в плен Терсандром, сыном Полиника, и аргивянами, победителями Фив, были отведены в Дельфы. Бог послал их основать колонию (*Павсаний*, VII, 3, 1 и 2).

[4] См. *Boeckh* Corpus inscript. graec., № 1607, 1608, 1699-1708, 1756-1757. Более подробно и в большем числе у Мюллера и Курциуса («Anecdota Delphica»). Основной работой < несмотря на новые публикации (см. стр. 265, прим. 3)> остается работа *Бешера* и *Фукара*, Дельфийские надписи, Париж 1863 г. Главными божествами, о которых говорят эти надписи, являются Дионис, Серапис, Аполлон, Асклепий, Афина-Полиас. Я уже не раз черпал из этих надписей нужный мне материал и не раз еще буду принужден возвращаться к ним.

[5] Владычица Кипра! Сюда,—

В рощу твою, чтобы жить на лугах зеленеющих,
Ксенофонт привел толпу девушек стоголовую,
Исполняя радостно обещание
За победу одержанную.

(Пиндар у *Афинея*, XIII, 573-574; по изд. Криста, фрагмент 122). Поэт обращается также и к этим девушкам, которых он на языке поэзии называет «служительницами богини Убеждения».

[6] *Страбон*, VIII, стр. 378.

[7] Алексис у Афинея, XIII, стр. 574b и с.

[8] *Афиней*, XIII, стр. 575с. Он цитирует Хамелеона из Гераклеи и эпиграмму Симонида на тот же сюжет.

[9] «Считая, что только таким образом они могут сделать приятным богине свое присутствие» (*Диодор*, IV, 83).

[10] *Страбон*, VI, стр. 272.

[11] Например в Смирне (*Boeckh* Corp. inscr., № 3394).

[12] *Аристотель*, Политика, VI (4), 12, 3.

[13] «Государственным рабом города является тот, который прислуживает при судах и общественных работах» («Большая этимология», под этим словом). Таков был обычай как в метрополии, так и в колониях: пример — Кротона (*Афиней*, XIII, стр. 522с).

[14] «Но если следует всем тем, кто занимается общественными работами, быть общественными рабами, подобно тому как в Эпидамне и как Диофант раз хотел устроить в Афинах...» (*Афиней*, XIII, стр. 522с).

[15] *Бек*, II, 2 (т. I, стр. 341). Он цитирует *Эсхина*, О посольстве, стр. 336.

[16] *Эсхин*, Против Тимарха. Без сомнения, в число рабов надо отнести и тех подметальщиков, на которых намекал Аристотель, когда он говорил о стратегах: «ведь не выбирать же начальников из подметальщиков» (*Демосфен*, Против Аристогитона, стр. 785, 13).

[17] *Ксенофонт*, О доходах, IV, 17.

[18] *Дионисий Галикарнасский*, Об удивительном красноречии Демосфена, 17; [Псевдо] *Ксенофонт*, Афинская полития, I, 19. После победы, одержанной флотом при Хиосе, афиняне отпустили на волю рабов, бывших на острове (*Фукидид*, VIII, 15).

[19] Во время сицилийской экспедиции много таких рабов, бывших при афинском войске, перешло на сторону сиракузян (*Фукидид*, VII, 13).

[20] *Павсаний*, VII, 15, 7, I, 29, 7.

[21] *Павсаний*, VII, 15, 7; 16, 8.

Глава шестая

1

[1] С самого начала я хочу указать для установления тех цен, которые будут встречаться, нижеследующее: *талант* равен *60 минам*, *мина — 100 драхмам*, а *драхма — 6 оболам*. По общеустановленным ценам *талант* стоит 5 216 франков 66 сантимов, *мина* — 86 франков 94 сантима, *драхма* — 0,87 франка и *обол* — от 14 до 15 сантимов. Конечно нечего говорить о том, что это — номинальная стоимость монет и что одна и та же сумма в древние времена и теперь представляет совершнно различную стоимость.

[2] *Лукиан*, Души на аукционе, I: «ты стань и пропускай мимо себя души; но сначала разукрась их, чтобы они казались с виду красивыми и привлекали к себе возможно больше народа. Ты же, Гермес, объявляй и созывай в добрый час, чтобы покупатели собирались на аукцион».

[3] Средняя цена рабов в наших [французских] колониях, если взять их в наших различных колониях en masse, была равна приблизительно 1 200 франков.

[4] Я не мог найти точной цены собаки в те времена, кроме собаки Алкивиада, которая, как и Диоген, являлась исключением; но вот несколько других оценок, даваемых Бёком: козленок средней величины — 1 обол; столько же — заяц; ягненок — 3 или 4 обола; жирная свинья весом до 100 мин — 5 драхм; овца — 2, упряжной бык — 10 и теленок — 5. Во времена Солона, замечает автор, бык стоил всего 5 драхм, овца — 1 драхму, столько же, сколько медимн зерна; но мало-помалу цены поднялись и стали в пять раз выше, а некоторые вещи стали стоить в десять и двадцать раз дороже («Политическая экономия», I, 10, т. I, стр. 102 франц. перев.).

[5] «Повидимому, ты медлителен и ленив... Но я тебя пошлю на мельницу и дам почувствовать, что я тебе господин в самом настоящем смысле этого слова» (*Лукиан*, Души на аукционе, 27).

[6] *Ксенофонт*, Воспоминания, II, 5, 2.

[7] *Плануда*, Жизнь Эзопа, по цитате Юглера «О продаже рабов».

[8] Такова выработка тысячи рабов Никия, шестисот Гиппоника, трехсот Филонида и рабов, которых нанимали для этих работ во времена Ксенофонта. Сравн. у *Ксенофонта*, О доходах, IV, § 14 и 15, где выработка сосчитана по дням, и § 23 и 24, где она приведена в годовой сумме из расчета 360 дней.

[9] *Бёк*, Политическая экономия, I, 22 (стр. 219-220). Таков был процент, который должен был платить муж, разводясь с женой и не имея возможности немедленно вернуть ей ее приданое. Автор показывает нам, что такой процент был в большом употреблении при обычных коммерческих сделках (*Демосфен*, Против Неэры, стр. 1362, 9; Против Афоба, стр. 818, 6, 27; *Эсхин*, Против Тимарха, стр. 121; *Исей*, О наследстве Агния, стр. 293; *Лисий*, Фрагмент речи против Эсхина-сократика, стр. 4).

[10] «Нет человека, — говорит Плутарх в своем сравнении Никия и Красса, — который одобрил бы труд, который Никий заставлял пе-

реносить в своих рудниках, где обычно употреблялись только преступники или варвары, большая часть которых была закована в цепи и рано или поздно погибала в этих подземных пещерах, где воздух всегда нездоровый».

[11] *Ксенофонт*, О доходах, IV, 25.

[12] При цене 193 драхмы после полных 6 лет можно было бы иметь 6 082 раба.

[13] Исчисляя цену раба на основании этого места Ксенофонта, Бёк ограничился только доходом за пять лет, и таким образом он пришел к цене в 125 драхм («О копях Лавриона», Известия Берлинской академии наук 1815 г., стр. 85). При такой цене доход в один обол в день (приблизительно 50% на капитал) ему показался преувеличенным, и он сделал заключение, что этот доход представляет прибыль не только с рабов, но и с того участка копей, которые отданы в аренду на тот же срок, как и рабы. Он пытается доказать это довольно благовидными предлогами на частном случае Никия. Никий, говорит он, имел большую часть своего состояния в копях; чтобы руководить таким крупным делом, он покупает управляющего этим предприятием и платит за него талант. Позднее он устал заниматься этим делом за свой счет и отдал в аренду все — и рабов и копи — Сосию из Фракии из расчета 1 обол в день за раба. Потому что, прибавляет он, невероятно, чтобы, с одной стороны, он имел своих рабов, работающих от его имени, а с другой — дал бы в аренду Сосию тысячу рабов. Но это доказательство, можно сказать, не вполне убедительно; даже более, такое предположение не только нужно принять для Никия и для других, но его можно найти и у Ксенофонта в тех расчетах и спекуляциях такого же рода, которые он рекомендует государству. Если бы это было так, как говорит Бёк, то разве Ксенофонт в своем длинном рассуждении о своей системе не дал бы нам основания для такой догадки? Наоборот, мне кажется совершенно достоверным, что, открывая казначейству этот новый источник доходов, Ксенофонт не закрывает никаких старых источников. Эта гипотеза необходима лишь постольку, поскольку было необходимо свести к более скромной цифре отношение между доходом и ценой раба. Но если повысить эту стоимость, как я это установил выше, то цифру дохода можно удержать как вполне достоверную, и она является ничуть не преувеличенной. Летронн, не прибегая ко второй части этого места Ксенофонта, не колебался видеть в этом доходе в 1 обол в день простую продукцию раба; он воспользовался для установления цены рабочего отношением 22:100.

[14] *Демосфен*, Против Пантенета, стр. 967: «...и вот он (Мнесиклес) купил их для него у Телемаха, прежнего их владельца».

[15] «Случилось, что он был должен Мнесиклею из Колитты талант, Филею из Элевсина и Плестору сорок пять мин» (там же).

[16] «Мы написали закладную, в которой была точно обозначена уплата и взнос ему с нашей стороны в определенно указанное время» (там же).

[17] «Я вам показал, как он отобрал от меня все, тогда как я купил ему рабов» (там же, 972).

[18] «...и продавши *мою* мастерскую и рабов в нарушение закладной, которую он дал мне», — говорит Пантенет в обвинительном акте; Никобул ему возражает: «Я заплатил ему из образовавшихся процентов свою часть и больше ничего» (там же, 975).

[19] «Продавцом у нас был Мнесиклес в его присутствии и по его желанию; после этого таким же образом мы продали другим, за ту

сумму, за которую сами купили, и он не только соглашался на это, но даже нас умолял» (там же, 975. Сравн. 971). Никобул мог тогда отказаться от продажи, так как назначенный срок еще не наступил.

[20] «...обвиняя нас, что они стоили гораздо дороже тех денег, которые прежде мы дали ему» (там же, 971).

[21] «То, что мы купили за сто пять мин, это позднее ты продал за три таланта и две тысячи шестьсот драхм» (там же, 975. См. стр. 981).

[22] Такая стоимость мастерской, которая, как признает и сам Бёк, предполагает частичную уступку копей, не представляется слишком высокой; тот же Пантенет имел вторую мастерскую ценою в 90 мин или в 1½ таланта, и в другой речи Демосфена идет вопрос об уступке из стоимости в три таланта, в каковой сумме противник Фениппа участвует в третьей части (*Демосфен,* Против Фениппа, 1049).

[23] *Демосфен,* Против Никострата, 1252-1253. Оратор указывает на цену этих рабов с некоторым оттенком презрения: «если я указывал на них как на рабов, которые не стоят больше 2½ мин по оценке моего противника...» (1246).

[24] «Отец оставил две мастерские, каждую с крупным производством: тридцать два или три мастера по выделке оружия, ценою по пяти или шести мин каждый, от которых он получал ежегодно дохода чистых тридцать мин; двадцать человек было числом тех, кто делал кровати — они были заложены за 40 мин. — и с которых каждый год ему приходилось получать чистых 12 мин» (Против Афоба, 816).

[25] Там же, 815. Нельзя считать за ошибку число 70 мин, так как это число, много раз повторенное в первой речи, встречается также и во второй (стр. 840, строка 18).

[26] *Эсхин,* Против Тимарха, стр. 118. Оратор этого не говорит, но все комментаторы считают, что это чистый доход, так же как в мастерской Демосфена.

[27] Текст Демосфена, где доход исчислен не по дням, а является годовым, может служить нам проверкой к тем цифрам, которые мы получаем по мастерской Тимарха. 20 рабочих-кроватников Демосфена, которые давали 12 мин дохода в год, приносят таким образом по всей мастерской в один трудовой день 4 драхмы, или 24 обола, т. е. 1⅕ обола с человека. 33 раба-оружейника, которые давали дохода 30 мин в течение года, приносят 10 драхм, или 60 оболов в один трудовой день для всей мастерской, т. е. немного меньше двух оболов с каждого, если смешивать доход с рабов самых дорогих с доходом от всех остальных, или, более точно, 2½ обола с первых, 1¾ обола со вторых, если их различать на том основании, которое я предложил. Действительно, исчисляя на 30 рабочих 105 мин и на трех старших, «руководителей производства», 15 мин, получим с первых по ⅞, с других по ⅛ обола полного дохода с 30 мин, или 180 тысяч оболов. А это дает для первых тридцати 15 750 оболов в год, или 52½ обола в день, т. е. 1¾ обола с человека; для трех остальных 2 250 оболов в год, или 7½ обола в день, т. е. по 2½ обола каждый. Эти доходы, несколько более низкие, чем доходы с рабов Тимарха, относятся также к рабам меньшей ценности.

[28] Другие оценки, даваемые ораторами, обычно неопределенны и не позволяют сделать никакого точного вывода. Рабы, вероятно металлисты, принадлежавшие Леократу, были проданы за 35 мин (*Ликург,* Речь против Леократа, 153). В имуществе Эвктемона стадо с пастухом оценивается в 8 мин. Все состояние определяется выше

трех талантов; перечисление отдельных частей, из которых оно состоит, дает 2 таланта 55 мин; но остаются еще рабы-рабочие, число которых не помечено и цена которых может колебаться в пределах от 5 до 20 мин. (*Исей*. О наследстве Филоктемона, 140).

[29] *Демосфен*, Против Спудия, стр. 1030.

[30] *Демосфен*, Против Феокрина. Отец Феокрина был обвинен за похищение этой рабыни и был еще должен казначейству под видом штрафа 5 мин, или половину судебной оценки. Другая половина, назначенная выигравшей стороне, под именем удовлетворения, должна, по мнению Бёка, представлять стоимость раба («Политическая экономия», I, 13, т. 1, стр. 119).

[31] *Плануда*, Жизнь Эзопа, по цитате Юглера (в указ. работе).

[32] Пять мин была плата, которую требовал Аристипп за преподавание философии, и когда раз какой-то отец воскликнул, что за эти деньги он может купить раба: «Купи,— сказал ему философ,— и ты будешь иметь двух» (*Диоген Лаэртский*, II, 8, и § 72). Без сомнения, он не предполагал, что за эту цену тот сможет купить очень знающего

[33] Аминократ, царь Индии, просил в письме у царя Антиоха прислать ему старого вина, сушеных фиг и *софиста* за ту цену, какой он только стоит. Антиох ему ответил: «я могу послать тебе сушеных фиг и сладкого вина, но что касается софиста, то законы запрещают мне его продавать («продавать софиста у греков считается незаконным»)». Не забудем, кто это говорит и в каком месте это говорится: это Афиней в «Пире софистов» (XIV, 652-653).

[34] *Плавт*, Раб-обманщик, III, 2, 797.

[35] *Плавт*, Эпидик, III, 2, 351.

[36] *Демосфен*, Против Неэры, стр. 1354.

[37] *Исократ*, Об обмене, стр. 124; *О ℮lli*: «так что выкупающим гетер приходится платить двадцать и тридцать мин». Текст Беккера (стр. 410) не дает слова «гетер», но смысл остается тот же.

[38] *Теренций*, Формион, IV, 3, 664; Близнецы, II, 1, 192; Формион, III, 2, 556.

[39] *Теренций*, Евнух, I, 2, 165-169:

Я не щедр к тебе?
«Служанку подари из Эфиопии».
Бросаю все дела свои, ищу ее.
«Хотелось бы мне евнуха» (а держат их
Одни богачки только) — разыскал его.
Вчера за них обоих дал я двадцать мин!

2

[1] *Геродот*, V, 77.

[2] *Аристотель*, Экономик, II, стр. 1349 (изд. Беккера).

[3] *Демосфен*, О посольстве, стр. 934.

[4] *Диодор Сицилийский*, XX, 84.

[5] *Плутарх*, Клеомен, 23.

[6] *Тит Ливий*, XXXIV, 50.

[7] *Диоген Лаэртский*, III, 14 (20).

[8] *Демосфен*, Против Никострата, стр. 1248. Все эти тексты и много других приведены у Бёка, стр. 120-122.

[9] Письмо Филиппа у Демосфена, стр. 159, 15.

[10] См. комментарий Летронна к этому памятнику.

[11] См. примечание с указанием литературы на стр. 265; прим. 3.

[12] Этот последний пример находится у Ф. Леба, в его «Археологическом путешествии» (Ph. *Lebas*, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure, ч. III, отд. II, § 8) (Дельфы), № 901.

[13] См. *Вешер* и *Фукар*, Дельфийские надписи и главным образом для более высоких цен №№ 93, 235, 261, 266, 275, 328, 344, 353, 434, 429. Общий обзор для надписей, им открытых, у *Курциуса*, Anecdota delphica, стр. 37. Сравн. *Бек*, Corpus inscript, №№ 1707, 1702, 1705, 1699, 1704 и 1607.

[14] Rheinische Museum, 3-я серия, т. II, стр. 553. Надпись не указывает по поводу последнего раба ни его особых качеств, ни его происхождения.

[15] *Вешер* и *Фукар*, №№ 253 и 254.

[16] Там же, №№ 19, 29, 166, 239, 255.

[17] Там же, №№ 125 и 128.

[18] У Аристофана («Облака») лошадь ценилась в 12 мин; другая была дана в качестве залога, в речи Лисия, как обеспечение такой же суммы. См. работу *Летронна*, О населении Аттики.

[19] «Купленными за соль называются те из рабов, которые ничего не стоят, потому что из фракийцев живущие внутри страны обменивают рабов на соль» (*Поллукс*, VII, 14).

Глава седьмая

1

[1] *Афиней*, VI, стр. 272с.

[2] Летронн доказывает, что число граждан в первый период было приблизительно 19 500, и, основываясь на этом, он исчисляет мужское население в количестве 32 600 человек; во второй период он принимает официальное число в 21 тысячу и все мужское население — в 35 тысяч человек. Следуя его методу, я воспользовался тем законом о населении, который приведен в Annuaire du bureau des longitudes, 1842.

[3] Тексты Фукидида (II, 13) относительно сил афинян подтверждают это число. Было 13 тысяч тяжеловооруженных (гоплитов) афинян, более 16 тысяч человек должны были защищать стены; среди последних были самые молодые и самые старые из афинян и все гоплиты из метеков. Кроме того было 1 200 всадников и 1 600 стрелков. Таким образом всего 15 800 гоплитов, всадников и стрелков, совершающих поход, и, с другой стороны, 16 тысяч человек, составляющих гарнизон. Из первого числа Летронн выводит численность граждан, из второго — численность метеков.

Что касается граждан, то он показывает, что, если вычесть из суммы в 15 800 человек сначала 600 скифских стрелков, затем приблизительно 1 000 фессалийских всадников, остается 14 200 афинян от двадцати до пятидесяти лет. Люди этого возраста, согласно тем таблицам, о которых я говорил выше, находятся ко всему мужскому населению в отношении 4 202 259 к 10 миллионам; таким образом эта цифра 14 200 может представлять мужское население в 33 791 человек. Но может быть ее нужно немного сократить. Предположим, действительно, что фессалийская конница, достаточно слабая, если считают только 1 000 коней, могла дойти до 1 200; можно будет, чтобы не менять всей суммы, свести афинскую конницу до 1 000 человек, т. е. точно по 100 человек на каждую трибу (как раз она и была организована по трибам; см. речь *Лисия*, Против Алкивиада Младшего, стр. 580). Таким образом число афинян от 20 до 50 лет

будет 14 тысяч вместо 14 200, и, применяя вышеуказанные отношения, мы получим число мужского населения 33 315 человек, что дает общее население Афин 66 630 человек—почти точно то число, которое было указано раньше.

Перейдем к метекам. Этот корпус в 16 тысяч человек, образующий гарнизон, включал также и афинян моложе 20 и старше 50 лет; так как это был тот двойной предел, который был принят в предыдущем исчислении, принимая для более молодых предельный возраст с 15 лет и для более старых предельный возраст до 70 лет, то, принимая отношения вышеуказанных таблиц (на 10 миллионов населения число молодых от 15 до 20 лет 896 954 и стариков от 50 до 70 лет 1 469 422, всего 2 366 381), для мужского населения в 33 315 мы получим число 7 884 человека. Возвратимся к тексту Фукидида. 16 тысяч защитников Афин насчитывали в своих рядах более молодых и более старых из афинян, число которых мы сейчас нашли равным 7 884 человекам, и всех гоплитов из метеков, т. е. разность этих двух чисел, равную 8 116. Но в другом месте мы нашли число афинских гоплитов равным 13 тысячам; и так как число воинов, взятое при тех же возрастных условиях, должно быть и в той и в другой группе афинского населения сравнительно с общим числом населения каждой группы в одном и том же отношении, то мы получаем: 13 тысяч гоплитов у афинян дают 33 315 человек населения; значит, 8 116 гоплитов у метеков дадут 20 798, или вместе с женщинами 41 596; это будет несколько больше, чем было найдено нами прямо из текста Афинея.

[4] *Летронн*, Mémoire sur la population de l'Attique, стр. 165 и след.

[5] «И в Аттике многие десятки тысяч рабов, закованные в цепи, работали в копях» (*Афиней*, VI, 272e).

[6] *Афиней*, VI, 272d, e: на слова Мазурия, который цитирует Ктесиклеса и другие авторитеты в интересах Греции, римлянин Ларенций отвечает: «Но из римлян каждый... имеет очень много рабов. Многие из них приобретают по 10 и по 20 тысяч и еще больше; и не для доходов, как этот несметный богач среди греков, Никий. Но большинство римлян имеют очень многих рабов, чтобы сопровождать их», и т. д.

[7] Эту обычную для Афинея манеру разговора заметил уже и Летронн: «Очень обычно, что один из его собеседников выдвигает какое-либо парадоксальное положение, которое он, справедливо или нет, всячески поддерживает; другой нападает на него и еще усиливает его при помощи утверждений, еще менее вероятных» («Mémoire», стр. 177). Эти слова вполне применимы к данному случаю.

[8] «Действительно, место, содержащее серебро, не уменьшается и не сокращается, но становится все больше и шире» (*Ксенофонт*, О доходах, IV, 3).

[9] *Ксенофонт*, там же, 4: «И теперь те, кто приобретает рабов для работы в копях, никто не снимает их числа с этой работы, но все больше покупает их, сколько только может».

[10] *Ксенофонт*, там же, 6: «а ведь подобно тому как при наличии многих медников и большого числа имеющихся поделок из меди медники кончают свою работу... и насколько большее число заинтересовано в сереброносной земле и чем больше является серебра, тем больше народа идет на эту работу».

[11] *Ксенофонт*, там же, 11: «Все это я показал для того, чтобы мы смело побуждали заниматься добыванием серебра возможно большее число людей, и спокойно и сами им занимались, так как никогда не почувствуем недостатка в серебряной руде, да и серебро никогда не обесценится».

[12] *Ксенофонт*, там же, IV, 14.

[13] Там же, 18-20.

[14] Там же, 17: «Если бы было выполнено то, о чем я говорю, то нового тут было бы только вот что: подобно тому как частные лица, приобретя рабов, тем самым получают постоянный доход, так и город мог бы приобрести себе государственных рабов, так чтобы их приходилось три на одного афинянина».

[15] Там же, IV, 21: рабы, заклейменные государственным клеймом.

[16] Там же, IV, 22.

[17] Там же, 23-24: «И когда число их дойдет до 10 000, то дохода будет получаться сто талантов. А в том, что можно получить гораздо более, свидетелями мне могут быть еще и те, которые...»

[18] Там же, VI, 26: «И то, что мы видим там сейчас, доказывает, что никогда там не было рабов более, чем требовало дело. Ведь те, кто там копает землю, не дошли еще до предела ни глубины, ни длины подземных траншей».

[19] Там же, I, 1-2: «...чтобы помочь и их бедности и (уничтожению) того подозрения, которое (к нам) существует у эллинов».

[20] Там же, IV, 30-34: «Ведь у афинян десять фил; если государство даст каждой из них равное число рабов, и они, объединившись в предстоящем риске, будут вести новые разведки...», и т. д.

[21] Там же, IV, 39.

[22] Указанная работа, стр. 211—214.

[23] См. главу «Крепостное право в Греции».

[24] *Фукидид*, VIII, 45 и 24.

[25] См. *Фукидид*, особенно I, 116 и 117; II, 56; IV, 31.

[26] *Фукидид*, VIII, 6.

[27] *Стефан Византийский* под словом «Хиос» (Χίος): «они первые ввели и стали пользоваться рабами, как лакедемоняне илотами».

[28] «...земля которых была прекрасно обработана и до тех пор не подвергалась никаким нападениям со стороны персов» (*Фукидид*, VIII, 24).

[29] *Афиней*, VI, стр. 265.

2

[1] Демосфен (против Аристократа, стр. 689) повидимому преувеличивает блеск некоторых частных домов.

[2] См. речи *Демосфена*, Против Неэры, Против Пантенета, В защиту Формиона и др.

[3] *Аристофан*, Женщины в народном собрании, 620 (русск. перев., 592):

> Чтоб этому толпы служили рабов, а другой не имел и холопа!

[4] В силу принципа равенства, который требует, чтобы к неравным вещам относились неравно, афинская конституция, начиная с Солона, налагала на различные классы граждан в различных пропорциях выполнение общественных повинностей и возлагала исключительно на более богатых экстраординарные государственные повинности, которые они должны были выполнять индивидуально. Но если какому-нибудь гражданину была назначена та или иная «литургия», он имел право указать на другого, как на более богатого, и предложить ему на выбор: принять на себя выполнение этой повинности вместо него или обменяться с ним своим состоянием.

[5] «Каждый выполняет литургию с промежутком в один год» (*Демосфен*, Против Лептина, стр. 459, 12; цитата у Бёка).

[6] См. *Демосфен,* Против Аристократа, стр. 689-690 и след.

[7] *Платон,* Государство, IX, 578: «...а что? Если бы кто-либо из богов какого-нибудь человека, у которого *пятьдесят или более рабов,* подняв на воздух, перенес из города...»

[8] «Рабами я пользуюсь, как частями тела, одним для одного, другим для другого» (*Стобей,* Цветник, XII, 45).

[9] *Теренций,* Сам себя наказавший, I, 1, 128 и след.

Как это, чтоб из-за меня единственно
Людей так много в доме беспокоились
И ублажали только одного меня?
Меня служанок столько одевали бы,
Для одного расходов столько по дому...
Рабов, служанок, кроме тех, которые
Издержки оправдать могли бы, на поле
Работая, всех вывел на продажу я.

[10] См. *Теофраст,* Характеры, цитированные выше места.

[11] *Афиней,* XII, стр. 533. Сравн. *Плутарх,* Кимон, 9.

[12] «Если ты носишь роскошные платья... и водишь за собой повсюду трех рабов» (*Демосфен,* В защиту Формиона, стр. 958, 15). Тот же упрек он делает Мидию: «сам имея трех или четырех спутников» (Против Мидия, стр. 565—566).

[13] «Подобно тому как в домашнем обиходе более многочисленные слуги иногда обслуживают хуже, чем меньшие числом» (*Аристотель,* Политика, II, 1, 10).

[14] *Диоген Лаэртский,* V, 1, 9 (12—16). См. *Сен-Круа,* Заметки о численности населения Аттики (Acad. des Inscriptions, т. XLVIII, стр. 147 и след.).

[15] *Диоген Лаэртский,* там же, II, 14 (55—57).

[16] Там же, III, 7, 62—64.

[17] Там же, IV, 9, 73, 74.

[18] «Теперь, по воле богов, всякий афинянин, вернувшись к себе домой, кричит на своих рабов и им приказывает», и т. д. (*Аристофан,* Лягушки, 933):

Да, Зевс свидетель мне. Теперь
Афинянин, в свой дом войдя,
На домочадцев и на слуг
Кричит...

Еще будучи бедным, Хремил в «Богатстве» (26) говорит о Карионе, что это самый верный из его слуг. См. различные пьесы Теренция, где он подражает грекам: «Сам себя наказавший», I, 1, 124 и след.; «Свекровь», III, 3, 367 и след. и целиком «Формион» и «Братья». Гораздо больше и более ярких примеров можно найти у Плавта: Гегион в «Пленниках» имеет по меньшей мере 10 или 12 рабов; Мегадор в «Горшке», Симон и Феропид в «Привидениях» — почти все главные персонажи — точно так же имеют большое количество рабов. Демон из «Каната», который потерял свое состояние, имеет их четыре; правда, они для него выгодная собственность, они поддерживают его в его «бедности» (paupertatem heri). Но эти детали Плавту могла внушить римская действительность. Можно было бы думать, что и в вопросе о их числе он действует только под влиянием своего каприза, если бы у нас не было тут для контроля формальных свидетельств ораторов.

[19] *Демосфен,* Речь против Неэры, стр. 1356, 1359. В Пенулусе каждая из двух рабынь *содержателя непотребного дома* Лика имеет

по два провожатых. «Каждой из нас даны по две служанки» (I, 2, 221). Сравн. «Стих» Плавта и «Свекровь» Теренция.

[20] *Демосфен*, там же, стр. 1386.

[21] «Если кто живет богато или приобретает много слуг или много домашней утвари» (*Демосфен*, Речь против Мидия, стр. 566, 8). Красавица Феодекта, о которой говорит Ксенофонт, также имела много провожающих: «много красивых прислужниц» (*Ксенофонт*, Воспоминания, III, 11, 4).

[22] Есть упоминание о женщине-работнице по пурпуру у Тимарха (*Эсхин*, Речь против Тимарха, стр. 118). Это не единственный пример, но тексты с такими указаниями очень немногочисленны.

[23] *Лисий*, Об убийстве Эратосфена, стр. 10, 14 и 18.

[24] *Исей*, О наследстве Кирона, стр. 219 (изд. Reiske).

[25] *Диоген Лаэртский*, указ. место.

[26] «И трех прислуг, если хочет, и девочку, которая у него есть» (там же).

[27] *Демосфен*, О ложных показаниях Стефана, стр. 1110, 12.

[28] «Не со своей любовницей и ее служанками, но один с прислуживающим ему мальчиком» (*Ликург*, Против Леократа, стр. 178).

[29] «Крики и вопли матери и прислужниц» (*Демосфен*, Против Конона, стр. 1259, 25).

[30] «Остальные прислужницы (они были на вышке, где они жили)» (*Демосфен*, Против Эвергета и Мнесиклея, стр. 1156, 10). Эпиграфические памятники повидимому подтверждают точку зрения, что женщины занимали преимущественное положение в домашнем обиходе. На десять надписей, найденных в Беотии, являющихся актами дарения или отпуска на свободу под покровительством Аполлона или Сераписа, шесть говорят о женщинах, три о мужчинах и одна о ребенке (*Бёк*, Corpus inscriptionum, ч. V, №№ 1607-1610). В Дельфах на восемь надписей подобного содержания семь относятся к женщинам (там же, ч. VI, №№ 1699-1708).

Более многочисленные надписи, открытые Вешером и Фукаром, дают менее резкие пропорции, но всегда в пользу женщин. На 435 надписей приблизительно 250 касаются женщин, и в этом числе двенадцать раз они упоминают вместе по две и по три; 170 относятся к мужчинам, приблизительно десять—одновременно к мужчинам и женщинам.

[31] *Исей*, О наследстве Агния, стр. 292.

[32] Там же, стр. 293-294.

[33] Там же.

[34] В одном примечании, касающемся похищения рабов, относительно следующего очень точного выражения Фукидида (VI, 91, 7): «достояние неприятельской страны перейдет большею частью в ваши руки или само собою, или будет взято силою». «Равным образом, — говорит Летронн, — слово κατασκευή («достояние») в другом месте надо понимать — женщины, дети и рабы (II, 14): стали переселять с полей в город женщин, детей и остальную движимость...»; и в другом месте (I, 89) «немедленно стали перевозить обратно афинских детей, женщин и уцелевшее домашнее достояние» (цитированная работа, стр. 206).

[35] *Исей*, О наследстве Агния, стр. 294.

[36] Мантифей говорит, что с целью предоставить матери приданое дом остался неподеленным: «с этою целью дом у нас был выделен из раздела» (стр. 1025, 13); а несколько выше он говорил не только о доме, но и о рабах: «дом и отцовских рабов мы сделали выделенными из раздела» (стр. 1012, 20).

[37] *Демосфен*, Против Афоба, стр. 815-816.

[38] Там же, стр. 824 и 828. «А он сам сверх этого приданого взял и рабынь и жил в доме».

[39] *Исей*, О наследстве Филоктемона, стр. 140 и 143.

[40] Мегадор в «Горшке» Плавта и Баллион в его же «Рабе-обманщике», хотя имеют много рабов, но при больших «оказиях» прибегают к наемным рабам.

[41] Феопомп у Афинея, VI, стр. 275.

[42] *Демосфен*, Против Эвергета и Мнесиклея, стр. 1155. В «Богатстве» Аристофана (26) Хремил, которого еще не посетил бог богатства, говорит, что Карион — самый верный *из его рабов.*

[43] *Плутарх*, Остроумные изречения о царях и т. д., Гиерон, 4, стр. 175.

[44] *Афиней*, II, стр. 55. Равным образом *Теренций*, Сам себя наказавший, II, 2, 292:

> А старуха та
> Ткала; была еще одна служанка там,
> Она пряла, одета кое-как, бедно,
> Небрежно, с виду грязная...

[45] «Он кричал, вызывая раба, который у него был всего только один, давая ему несчетное количество имен» (*Афиней*, VI, стр. 230).

[46] Эпихарм у Афинея, VI, стр. 236а, и Эвполис (там же), стр. 236е.

[47] *Лукиан*, Лексифан, 10. Приведу еще этот анекдот, который имеет тот же смысл. Встретив одного из своих друзей, у которого обувь была отлично вычищена, Стратоник огорчился за него, видя в этом знак того, что его дела плохи. «Никогда, — сказал он, — твоя обувь не была бы так чисто вычищена, если бы ты не чистил сам» (*Афиней*, VIII, стр. 351а).

[48] *Лисий*, О нечестии Каллия, стр. 137.

[49] «Но так как город состоит из более чем десяти тысяч домов...» (*Ксенофонт*, Воспоминания, III, 6, 14. См. Экономик, VIII, 22, и *Исей*, О наследстве Филоктемона, стр. 134).

3

[1] Использование рабов для перетаскивания руды из глубины шахты на поверхность было обычным и в Египте и в Испании; повидимому так было и в Аттике. По крайней мере ни разу нет вопроса о машинах, и эпитет «носители мешков», даваемый рабочим в копях, повидимому с бо́льшим основанием можно применить к тем мешкам, которыми они пользовались с этой целью, чем к той одежде, в которую они были одеты. См. Бёка («Лаврийские копи»), который в конце концов не высказывается решительно за последнее толкование. В подтверждение моего толкования можно привести то, что Поллукс во второй фразе, где он употребляет это слово (X, 149), непосредственно затем переходит к детальному описанию процедуры труда и орудий рабочих. И у Гесихия: «Носители мешков — горняки, переносящие посевную землю (σπέρματα) в мешках и в сумках, отчего назывались сумочниками». Поправка, которая заменяет слово σπέρματα («посевная земля») словом ἀργυρώματα («серебряная посуда, серебро»), должна быть удержана, несмотря на отрицательное отношение комментатора.

[2] Тогда был вопрос о том, чтобы гражданские права оставить только тем, кто имеет «собственность в земле», и пять тысяч граждан были под угрозой потери этих прав (*Дионисий Галикарнасский*, *Лисий*, 32; и Фрагмент этого оратора, 33).

[3] Демосфен в речи против Лептина говорит, что у царя Левкона были в Аттике большие земельные владения (стр. 469, 5).

[4] *Ксенофонт*, Экономик, особенно главы VII, IX и с XI до XVI.

[5] Пантенет, как мы видели, имел шахту, где работали 30 рабов, и вторую, ценой в 90 мин, которая должна была занимать не меньшее число рук.

[6] *Страбон*, III, стр. 147; *Афиней*, IV, стр. 23е. Сравн. *Диодор*, V, 37, цитировано у Бёка, «Лаврийские копи».

[7] *Ликург*, Речь против Леократа, стр. 179; *Исей*, О наследстве Эвктемона, стр. 140.

[8] [Псевдо] *Ксенофонт*, Афинское государство, I, 11.

[9] *Лисий*, Против Эратосфена, стр. 395.

[10] *Исей*, О наследстве Кирона, стр. 218-220.

[11] Так, Демосфен в своих мастерских имел трех рабов Феррипида, которые получали жалованье (*Демосфен*, Против Афоба, стр. 819, 26).

[12] *Рувелла де Кюссак* (Rouvellat de Cussac). Положение рабов (1845, 2), стр. 79 и в других местах. Многие граждане или из соображений выгоды, или под влиянием закона, запрещавшего держать рабов без дела, нанимали их по ценам, которые, естественно, повышались в дни уборки урожая. Но эта выгода была для них гораздо меньшей, чем для руководителей предприятия, которые в горячие моменты прибегали к их помощи; не имея сами никакого специального производства, они посылали своих рабов, как рабочих, одного за другим на различные работы, где в них была нужда. Добавим, что в Афинах не было исключительно наемных рабов, они были только продажные: ведь Афины, как мы видели выше, были одним из главных рынков Греции; может быть определенное количество рабов такого рода должно подразумевать в той группе, которая сохранялась для торговли и производства.

[13] «Я занимаюсь ремеслом, которое может принести мне мало выгоды; им я занимаюсь с трудом сам и не могу приобрести себе (раба), который бы мне помог в нем» (*Лисий*, За неимущего, стр. 743-744). Это пособие давали только тому, кто имел меньше 3 мин: это цена раба. См. у Теренция: женщина из Афин, «которая хиреет от горя и нужды» (Братья, IV, 3, 604), живет со своей дочерью и женщиной, которая их кормит, и рабом, труд которого поддерживает всю семью: «их он кормит, всю семью своим трудом один содержа» (там же, III, 4, 480).

[14] *Ксенофонт*, Экономик, IX, 5.

[15] [Псевдо] *Ксенофонт*, Афинское государство, I, 11.

[16] В Париже число детей, рождающихся вне брака, составляет приблизительно треть числа всех рождений. Дети, рождавшиеся у рабов с согласия или без согласия хозяев, не должны быть меньше ²/₃ числа детей, которые у них родились бы в состоянии свободы.

[17] *Эсхин*, О посольстве, стр. 336.

4

[1] *Ксенофонт*, О доходах, IV, 43 и след.

[2] Элевсин, Афидна, Филы, Рамнунт и Суний (*Демосфен*, О венке, стр. 238).

[3] *Фукидид*, II, 14.

[4] Там же, VI, 91. Я охотно признал бы, что оба выражения, которые употребляет автор в вышецитированном месте, тоже относятся к рабам.

[5] Там же, VII, 27.

[6] *Ксенофонт*, О доходах, IV, 25: «Если еще сейчас живы те, кто помнит, какой печальный результат имело бегство рабов в Декелею».

[7] *Фукидид*, VIII, 41; *Ксенофонт*, Греческая история, III, 2, 3.

[8] Смысл глагола [illegible] («продали») прекрасно определен в другом месте Ксенофонта, которое я уже цитировал (Греческая история, I, 6, 14-16). См. также *Фукидид*, VIII, 62; *Ксенофонт*, Греческая история, IV, 6, 6 и т. д. При первом вторжении в Аттику совершенно ясно видно, что Архидам опустошает страну, но ни в коем случае не обращается к рабам с призывом о свободе (*Фукидид*, II, 17-23 и 55-58).

[9] Не только те, кто взят в плен, но и те, кто сдается сам, рабы или свободные, были проданы (*Ксенофонт*, Греческая история, IV, 5, 8. Сравн. 5).

[10] *Фукидид*, VIII, 40: «...которые вследствие их многочисленности подвергались за всякую вину слишком жестоким наказаниям. Поэтому, лишь только оказалось, что афиняне при помощи своих укреплений утвердились здесь прочно, большинство рабов тотчас перебежало к ним...»

[11] *Аристофан*, Облака, 5:

> Чтоб чорт побрал врагов за многое, особенно
> За то, что я теперь раба наказывать — никак
> Я не моги.

[12] *Ксенофонт*, О доходах, IV, 41-43. Крепость, которую он советует немедленно построить, служила не столько для того, чтобы держать их там, как в тюрьме, сколько для того, чтобы их собирать и защищать.

[13] [Псевдо] *Ксенофонт*, Афинское государство, I, 8-13.

5

[1] «Политическая экономия», I, 15 (т. I, стр. 132) и вышеуказанное исследование <Летронна>, стр. 215-216. Медимн представляет немного больше 52 литров. Александр, брат македонского царя Кассандра, который хотел создавать новые слова, называл хеникс *гемеротрофидом*, т. е. «пищей на день» (Гераклид Лемб у *Афинея*, III, 98e). Когда Афинион распределял афинянам по хениксу ячменя на человека на четыре дня, то говорили: «это рацион петуха, а не человека» (Посидоний у *Афинея*, V, 214f).

[2] 7³/₈ медимна — для взрослого раба в течение года в 354 дня и 4 медимна для ребенка; первые исчисляются в количестве 340 тысяч, вторые в количестве 25 тысяч; всего 2 607 500 медимнов; 4 медимна для взрослого свободного и 2 медимна для свободного ребенка, считая, что дети в этой категории населения составляют половину числа взрослых, всего 405 тысяч медимнов для 135 тысяч человек; общая сумма будет 3 012 500 медимнов для 500 тысяч. Однако заметим, что Бёк мог бы сделать и для рабов такое же снижение количества, какое он допустил для свободных, так как и их питание, как и у свободных, не состояло исключительно из хлеба; только это дополнение было более грубой формы и состояло из всякого рода солонины. У Демосфена можно видеть, как ее ввозят для питания рабочих рабов в области, наиболее богатые зерном, которые свой избыток зерна посылают в Аттику—в Феодосию (Херсонес Таврический).

[3] При этих расчетах и перечислениях я пользовался прекрасными таблицами, приложенными в книге Дюро де Малля (Dureau de la Malle) «Политическая экономия римлян». Самая эта книга будет нам очень полезна, когда мы перейдем к римской эпохе.

[4] «Ко всему тому хлебу, который приходит из остальных гаваней, надо прибавить хлеб, приходящий из Понта; приходящие оттуда грузы хлеба составляют до 400 тысяч медимнов» (*Демосфен*, Против Лептина, стр. 467. Сравн. 466).

[5] *Фукидид*, VII, 28. Ороп, занятый тогда фиванцами, мог служить складочным местом для контрабанды.

[6] *Демосфен*, Против Неэры, стр. 1353, 20. Пошлина составляла до 50 %.

[7] *Ликург*, Против Леократа, стр. 149; *Андокид*, О своем возвращении, стр. 85, и различные тексты, приводимые Бёком, стр. 138.

[8] Относительно этого царя Левкона и о количестве зерна, посланного им в Аттику, есть один текст у Страбона, за который не знают, как взяться. Он говорит, что этот царь послал из Феодосии в Афины 2 100 тысяч медимнов; автор одного из сокращений дает 150 тысяч, но его текст повидимому испорчен. Предлагали понимать эту цифру Страбона как все количество зерна, которое Левкон послал в Афины за все время своего царствования, но это конечно очень мало; или что он это послал в исключительном порядке в год голода, но это чересчур много. См. *Страбон*, VII, 311.

[9] *Цицерон*, Против Верреса, II, 3, 47.

6

[1] 800 тысяч медимнов, ввозимых извне, и 600 тысяч, производимых самой Аттикой, представляют питание 240 тысяч человек, среди которых Летронн считает 220 тысяч жителей свободных или рабов и от 15 тысяч до 20 тысяч иноземцев. Если выкинуть отсюда 120 тысяч медимнов на семена, то вот уже хлеба нехватает на 10 тысяч человек.

[2] См. также *Сен-Круа*, О населении Аттики.

[3] *Бёк*, Политическая экономия, I, 7 (т. I, стр. 52).

[4] Между прочим *Крузе* (Kruse), Эллада, и Отфрид Мюллером в его статье «Аттика» в энциклопедии Эрша и Грубера.

[5] Фукидид, такой точный в этих измерениях, говорит, что между Декелеей и Афинами было растояние в 120 стадий и такое же или немного больше между первым пунктом и Беотией (VII, 19). Это то самое расстояние, которое современная карта дает между Афинами и Декелеей в олимпийских стадиях. То же расстояние, высчитанное по дороге, которая от Декелеи направляется к Беотии, обходя гору Озейя и проходя между горой Армении и горой Котрони, приводит нас к Влесиани, невдалеке от теперешней границы Аттики; не боясь ошибки, можно продвинуть до сих пор и древнюю границу.

[6] Город Ороп вышел из-под власти афинян в результате разгрома сицилийской экспедиции, около 412 г. (*Фукидид*, VIII, 60). Затем, когда вследствие внутренних волнений многие из его жителей должны были уйти в изгнание, они возвратились, при поддержке фиванцев, которые сначала признали свободу этого народа, а затем присоединили эту область к своей территории (около 402 г.; *Диодор*, XIV, 17). Ороп вновь становится свободным и вновь соединяется с афинянами, как это можно видеть из речи Исократа о платейцах (в 373 г. до н. э.); но на 3-й год CIII олимпиады им завладел тиран Эретрии Фемисон; фиванцы, взятые в качестве третейских судей между этими двумя сторонами, заняли это место и сохраняли его за собой до 338 г. См. по истории этих перемен рассказ *Диодора*, XV, 76. Сравн.

с *Ксенофонтом,* Греческая история, VII, 4, 1, *Демосфен,* За венок, стр. 259; эти и другие тексты собраны по этому вопросу у Виневского в его ученой работе и комментарии (стр. 26 и след.).

[7] *Диодор,* XIX, 77 и 78. Когда он говорит, что Птолемей отдал его фиванцам, это можно понимать относительно местных жителей в противоположность гарнизону Кассандра, который он выгнал. Действительно, мы видим, что он тотчас же направился к Фивам, союзным с Кассандром, и овладел Кадмеей.

[8] Скилакс, данные которого в общем относятся ко времени царя Филиппа, считает в описании «перипла» Аттики, от мыса Суния до границ Беотии, 650 стадий; когда он начинает «перипл» Беотии, он называет как первое место в ней Делий и дает береговые линии до Локриды только 250 стадий (*Скилакс,* № 58 и 60).

[9] *Дикеарх,* Греческие города, § 6; Фрагменты греческих историков, т. II, стр. 256.

[10] *Страбон,* IX, стр. 399. Сравн. стр. 403.

[11] *Тит Ливий,* XLV, 27.

[12] *Павсаний,* I, XXXIV, 1.

[13] Испорченное место Страбона повидимому указывает, что он помещал Элевтеры на склоне Беотии. Но Павсаний, текст которого сохранился в целости, говорит, что объединение с этим городом распространило пределы Аттики до Киферона. Он предполагает его по сю сторону горы. Сверх того можно видеть, что он находится на дороге от Элевсина к Фивам (ср. *Лукиан,* Разговоры мертвых, 27), что может оправдать предположение Отфрида Мюллера, который помещает их в Кондуру.

[14] Область Оропа, которая теперь входит в современную площадь Аттики, согласно моим вычислениям, равняется 21,70 квадратной географической мили. По всей видимости, позволяя фиванцам захватить это местечко, афиняне никогда не уступали им целиком всей его области. Для времен древности следовало бы эту площадь присоединить к той, которую мы высчитали раньше. Таким образом получаем 761,86 квадратной географической мили, т. е., считая всего 760 квадратных миль, 260 110 гектаров. Для современной Аттики нужно сюда присоединить и Мегариду.

[15] Обычно для обозначения поверхности употребляется термин «плетр», так как площади, измеряемые древними писателями, обыкновенно бывают очень маленькими. Но сам по себе он тоже мера длины, шестая часть стадии, или 100 футов. Например Страбон пользуется им, чтобы измерить очень маленькое расстояние от Беотии до Эвбеи (IX, стр. 400). Один только смысл фразы может указать, идет ли тут вопрос о длине или о площади, если число, выраженное им, является простым или квадратным. Это и вызывает здесь двусмысленность.

[16] Вопрос идет о том, где поставить запятую; это вопрос жизни и смерти для 100 тысяч жителей. Вот эта фраза: «И прежде всего пройдя по границе *больше чем сорок стадиев, кругом* я показал и засвидетельствовал против заявления Фениппа, что нет никаких пограничных знаков по ее краям» (Против Фениппа, стр. 1040, 15). Рейске ставит запятую перед «кругом»; Аугер (и новейший издатель Демосфена Бласс) — после; Беккер вообще нигде не ставит.

[17] *Лисий,* Об имуществе Аристофана, стр. 633 и 642; цитировано у Бёка.

[18] *Демосфен,* Против Фениппа, стр. 1040, 9.

[19] Там же, стр. 1039.

[20] Там же, стр. 1045, 17.

[21] Там же, стр. 1044, 25.

[22] Там же, стр. 1040, 2. См. *Бёк,* Политическая экономия, IV, 3;

«Отдельные примеры состояний афинских граждан» (т. II, стр. 271). Капитал в 11 талантов рассматривался уже как значительный. Наследство Демосфена поднималось до 15 и составляло очень значительное состояние, прежде чем оно было расхищено его опекунами. Многие имели и больше, но можно было перечесть по пальцам тех, кто подымался выше 30 талантов: Онетор, Эргоклес, Исократ, Конон, который оставил 40 талантов, богатый банкир Пасион, и на первом месте фамилии Никия и Каллия, которые иногда имели от 100 до 200 талантов. Но эти редкие исключения оставляли еще много места в группе 300, обязанных нести государственные повинности, тем, у которых состояние было от 25 до 30 талантов, как это было бы в случае с Фениппом, если принять вышеуказанные данные.

[23] См. *Бёк*, I, 15 (т. I, стр. 137).

[24] «Вы, земледельцы, получаете доходов больше, чем следует» (Против Фениппа, стр. 1045, 12).

[25] «Против Фениппа», стр. 1040-1041.

[26] См. статью «Аттика», указанную выше.

[27] *Бёк*, там же, стр. 135. Известно, с каким восхищением говорит Платон о своей стране: «то, что теперь осталось от нее, может равняться с чем угодно по своему плодородию и по удобствам жизни для всего живого» («Критий», стр. 110 до конца).

[28] Он считает 3 012 500 медимнов, из которых 1 миллион доставляется ввозом, остальное получается в стране. Вместе с семенами, оцениваемыми в 1/5, это количество равно 2 495 500 медимнам. См *Бёк*, I, 15, стр. 132.

[29] Можно было бы попытаться найти в этом излишке продукции ту часть, которая приходится на долю иноземцев, задерживавшихся ненадолго в Афинах по своим делам. Летронн, как мы видели раньше, считает их не меньше 15—20 тысяч. Если бы их пришлось присоединить к основному населению, ничто не изменилось бы в нашей гипотезе; но, по всей видимости, число иностранцев, приходивших в Аттику, компенсировалось, отчасти или целиком, числом исконных афинских жителей, свободных или рабов, которых те же причины задерживали далеко от своих пределов.

7

[1] *Афиней*, VI, стр. 272. Клинтон («Fasti hellenici», т. II, стр. 515, прим. по 3-му изд.) предлагает уничтожить слово «сорок» (τεσσαράκοντα) в обоих этих предложениях; это сводит число рабов в Коринфе до 60 тысяч, а в Эгине до 70 тысяч.

[2] Геродот (II, 167) говорит об особенной любви коринфян к производству; Цицерон—о пагубных последствиях их чисто торгашеского духа, который развратил их государство: «Некогда разрушили Коринф... эта блуждающая жизнь и распыление граждан; из-за страсти к торговле и морским предприятиям он отказался от возделывания своих полей и занятия военным делом» («О государстве», II, 4).

[3] «Разве ты не знаешь, что... очень многие из мегарцев живут выделкой туник с рукавами; ...у них есть купленные варвары с тем, чтобы заставлять их делать то, что в данный момент модно» (*Ксенофонт*, Воспоминания, II, 7, 6).

[4] *Афиней*, IV, стр. 173, и XII, стр. 550.

[5] *Афиней* (XII, стр. 519b) говорит о многочисленных рабах философа Архита из Тарента. Он упоминает (XII, стр. 541c) также о Сминдиде из Сибариса, который явился просить руки дочери Клисфена, приведя, как говорили в Коринфе, в качестве своей свиты тысячу поваров и охотников на птиц. Элиан (Различные истории, XII, 24,

и IX, 24) прибавляет сюда еще тысячу рыболовов. Заметим, что Геродот, на которого ссылается Афиней, ничего не говорит об этих подробностях в том месте, где об этом рассказывается.

[6] *Афиней*, XII, стр. 550a. Сравн. IV, стр. 151. Греческие цари на Востоке охотно подражали и даже старались превзойти эти примеры великолепия. См. то, что Афиней говорит об одном из Птолемеев (Птолемей Фиксон) и Селевкидов (XII, стр. 550a-b, и V, стр. 210e-f).

[7] *Афиней*, VI, стр. 264c.

[8] Там же, стр. 264.

[9] Отфрид Мюллер («Орхомен», I, стр. 242) считает, что все это племя было поставлено в своего рода рабское состояние под господством высшей «касты». Но в конце концов он не приводит ни одного доказательства в подтверждение своего мнения.

[10] Я уже говорил, с каким недоверием надо принять цифру 300 тысяч рабов, которую Афиней, ссылаясь на Феопомпа, приписывает аркадянам или скорее жителям Ардии, и всех этих крепостных, рабочих и воинов, которых он дает тысячами и более дарданцам, ссылаясь на Агатархида из Книда. У Афинея нет никогда недостатка в авторитетах!

Глава восьмая

[1] «Страх перед голодом — наш неизменный владыка» (*Либаний*, Речь XXXI «О рабстве», т. II, стр. 652a).

1

[1] *Эсхин*, Речь против Тимарха, стр. 147.

[2] «Молясь, чтобы прибыльней была и полезной новая покупка» (Схолия Макс. Плануды по Гермогену, *Вальц*, т. V, стр. 529). Сравн. *Аристофан*, Богатство, 768 и примечание схолиста к этой фразе, и *Демосфен*, Против лжесвидетельства Стефана, стр. 1123-1124.

[3] См. примеч. к Лукиану, «Тимон», 22, сделанные Гемстерхузеном; *Крейцер*, собр. соч., ч. IV, стр. 15-18; замечания Курциуса, которыми он сопровождает свои дельфийские надписи («Anecdota delphica»), и *Вешера* и *Фукара*, Дельфийские надписи (1865 г.). Это то, что заставило сказать Тертулиана: «Общность имен благодаря их положению вперед уже заставляет нас предвидеть, насколько негодные рабы издеваются над именами царей — Александра, Дария, Олоферна» (*Тертулиан*, Против Маркиона, I, VII).

[4] *Аристофан*, Мир, 1249, и Богатство, 253. К этому иногда присоединялись плоды, наиболее грубые, различного вида, в зависимости от страны (Ксенофонт и Полибий у *Афинея*, XIV, стр. 651d).

[5] «Набедренная повязка» — περίζωμα (см. «Египетский папирус», обещающий вознаграждение тем, кто приведет двух беглых рабов, и комментарий к нему Летронна).

[6] Так называемый ἱματίδιον (*Поллукс*; III, 119).

[7] «...рабам коротеньких туник...» (*Аристофан*, Мир, 1000).

[8] *Аристофан*, Осы, 455:

> Позабыв о прежних днях,
> О рубахах, об овчинах, о подарках старика,
> Позабыв о теплых шапках и о том, как ноги их
> Зимней стужей в шерсть он кутал...

[9] По замечанию Рейтемейера, <греческий романист> Ксенофонт из Эфеса никогда не употребляет этого слова, чтобы обозначить союз Левкона и Роде («Эфесская история», II, 4, 5).

[10] *Рейтемейер,* цитируя того же автора, V, 7, 72, и XI, 81.

[11] *Ксенофонт,* Трактат о хозяйстве, IX, 5: «Я показал ей и женское помещение; дверь отделена баней от мужского помещения, для того чтобы нельзя было вынести наружу, чего не следует, и чтобы рабыни не рожали детей без нашего согласия. Хорошие рабы, родивши детей, обыкновенно становятся еще лучше, а дурные, сойдясь, становятся еще более доступными для всяких скверных поступков». Сравн. *Аристотель,* Экономик, I, 5.

[12] *Плавт,* Жребий, пролог, 68-79.

Пожалуй, станут говорить друг с другом тут:
«Скажите! Это что же? Свадьба рабская?
Рабы жениться будут? Жен просить себе?
Придумали, чего на свете вовсе нет!»
А я скажу: бывает в Карфагене так
И в Греции, и здесь, у нас, в Апулии,
И с большею там помпой свадьбы рабские
Справляются обычно, чем свободные.

Считают, что этот пролог написан лет на 30 или на 40 позднее Плавта — обстоятельство, которое может уменьшить ценность стихов, но не значение факта.

[13] Так как повидимому воин посматривал слишком снисходительно на посланницу любви, то Палестрион восклицает (IV, 2, 1000):

Нет, эту не люби, пожалуйста.
Это ведь моя *невеста.* Как на той ты женишься,
Тотчас и я *женюсь* на этой.

Как видит читатель, это зерно тех любовных отношений между двумя парами — господином и его метрессой, горничной и слугой, столь обычных в нашей старой комедии. Ноде (Naudet) отметил еще одну такую же черту в следующем восклицании Сосия (Амфион, II, 2, 655): «Что ж, а я приду к подружке разве не желанным ей?»

В дальнейшем, цитируя Плавта, я буду указывать на примечания Ноде, которые помимо их литературного значения полны совершенно правильного чувства и понимания греческих и римских нравов.

[14] *Теофраст,* Характеры, X.

[15] «На своих хлебах» (αὐτόσιτος, Кробил у Афинея, VI, стр. 248. См. *Рейтемейер,* История и состояние рабства в Греции).

[16] «Собственная овца». На это делается намек в двух очень различных фразах Плавта (Ослы, III, 1, 522, и Купец, III, 2, 515).

[17] *Плавт,* Горшок, III, 5, 422.

[18] *Плавт,* Ослы, II, 4, 425.

[19] «Сначала вас приходят приглашать: это раб, который не лишен вежливости; чтобы сделать его к себе расположенным и не сойти за невоспитанного, надо, чтобы вы незаметно вложили ему в руку по крайней мере 5 драхм. Он, представляясь человеком бескорыстным, станет говорить: «Не надо! Чтобы я что-нибудь получал от вас! Клянусь Гераклом, этого не будет». Но он позволит скоро уговорить себя и выходит, смеясь, разинувши рот и издеваясь на вами». *Кукиан,* Корыстолюбцы, 14.

[20] Там же, 37.

[21]
Честен ты зачем напрасно; если твой
Господин все тратит, ты же не берешь, —
Мучишь лишь себя, ему же пользы нет.

(Менандр у *Стобея,* Цветник, XII, 10).

[22] *Плавт*, Грубиян, II, 7, 525—530:

Но уж раз он сам стремится к гибели, то под шумок
я помогу,
моей подмогой не задержится погибель.
На закуске здесь уменьшил мину на пять я монет
Для себя, стащил себе я долю геркулесову.
Это все имущество
Жалко гибнет, не встречая слова благодарности!
Это все вижу я, потихоньку тащу, подчищаю себе,
Из добычи добычу беру.

[23] *Плавт*, Трехгрошевый, II, 4, 368:

Что девкам дал? — Это я туда ж зачел.
Что я стащил? — Вот это счет побольше всех!

Пирон из Элеи просил своего гостя брать все без церемоний, так как, говорил он, большое число блюд всегда идет в пользу рабов (Гегесандр у *Афинея*, X, стр. 419d). По заявлению Агафарнида, друзья Александра, когда они его принимали, завертывали в золото лакомства, которые они подавали на стол; эти обертки, съевши лакомство, бросали, так что участники пира видали зрелище великолепия, а рабы получали себе прибыль (*Афиней*, IV, стр. 155c).

[24] *Теренций*, Формион, I, 1, 41-50:

Как неправильно устроено,
Что бедные всегда кой-что давать должны
Богатым. Что бедняга по грошам скопил
Из жалованья, обирая сам себя,
Все это заберет она, не думая,
Каким трудом досталось. А когда она
Родит, другим подарком будет Гета наш
Наказан. Там пойдет рожденья день,
День посвященья в таинства — опять дары.
Все это мать захватит. Для поборов тут
Ребенок — лишь предлог.

Эти последние слова носят на себе отпечаток греческих отношений.

[25] *Плавт*, Трехгрошевый, III, 3, 684:

Ну на площадь! Дал взаймы я дней так
шесть назад талант;
Стребую обратно: вот и деньги на дорогу
есть!

[26] См. конец «Раба-обманщика». Сравн. конец «Стиха» и «Перса».

[27] «Раб рабом, а волосы копной» (*Аристофан*, Птицы, 907). Эти слова стали пословицей и стали применяться к свободным, которые ведут себя, как рабы. См. Свида.

[28] *Аристофан*, Женщины в народном собрании. Сравн. *Поллукс*, Словарь, VII, 92, и [Псевдо] *Ксенофонт*, Афинское государство, I, 10.

[29] Аристофан, там же, 1111.

[30] «Раб не уступит тебе дороги» ([Псевдо] *Ксенофонт*, Афинское государство, I, 10).

[31] *Плавт*, Стих, III, 1, 436:

Прошу вас не дивиться, что рабы и пьют,
И любят, и устраивают свой обед:
В Афинах это можно.

[32] «Питтолак был государственным рабом; он был богат», и т. д. (стр. 79).

[33] [Псевдо] *Ксенофонт*, Афинское государство, там же. Подобные же примеры снисходительности по отношению к рабам мы находим и

в других местах, помимо Афин, но в более поздние времена. Одна надпись из Аргоса прославляет щедрость некоего Онестрона, который, устроив игры и дав денег народу, предоставил масло для всех бань и гимнасий, с утра до вечера, для всех, как для свободных, *так и для рабов* (*Бёк*, Corpus inscriptionum, ч. IV, отд. II, № 1122. Сравн. подобную же надпись под № 1123).

[34] Женщины-рабыни, равно как и вольноотпущенницы или куртизанки, не имели права носить имена предметов священных или имеющих национальное значение. Это было запрещено законом (Полемон у *Афинея*, XIII, стр. 587с, и Гарпократион под словами Νεμέας; Χαράδρα) Но этот закон или был издан очень поздно, или его плохо выполняли: свидетельница куртизанка Истмиас (у *Афинея*, там же, стр. 593f) и знаменитая Пифионика (там же, стр. 586с, 594е и т. д.). В надписях из Дельф мы находим имена Аполлонии, Асклепиады, Диоскориды, Каллиопы, Дионисии, Афродисии, Артемисии (*Вешер* и *Фукар*, назв. работа, №№ 47, 52, 74, 280, 400, и *Лёба* (Le-Bas), Археологическое путешествие по Греции, ч. III, отд. II, § 8 (Дельфы), №№ 899, 905, 911, 920, 930, 934, 959.

[35] *Аристофан*, Женщины на празднике Фесмофорий (279 и 293).

[36] *Афиней*, VI, стр. 262с. По многим деталям большой надписи, так называемой «о мистериях в Андании», можно видеть, что рабы не были оттуда исключены (*Лёба*, Археологическое путешествие по Греции, ч. II, № 326, и объяснение к нему Фукара).

[37] <Таково название горы на Родосе, где и стоял этот храм Зевса>.

[38] Фрагмент надписи, восстановленной Кейлем («Филолог», 2-е дополн., стр. 612) и цитируемой Фукаром в его работе «Религиозные ассоциации у греков», 1873, стр. 112.

[39] Надпись, найденная в 1868 г. *Куманудис*, Bulletin de l'Ecole francaise d'Athènes, стр. 55, и *Фукар*, Религиозные ассоциации, стр. 121 и 219.

[40] *Демосфен*, Против Неэры, стр. 1374.

[41] Прокл к Гесиоду, цитировано *Мерзнусом*, Lectiones atticae, IV, 14, т. II, стр. 1162. Демосфен (Речь против Мидия, стр. 531) говорит, что оракул предписал во время праздников в честь Диониса один день отдыха для свободных и для рабов.

[42] Гиакинфии, хотя и справлявшиеся торжественно в Спарте, были специально лаконским праздником; поэтому они были столь же чтимы и в других городах Лаконии, например в Амиклах (*Афиней*, IV, стр. 139f-140а). Я не колеблюсь отнести к лаконянам этот обычай соединять за одним столом, во время праздников, называвшихся «Копис» («Меч»), своих друзей и своих рабов. В числе имен религиозной коллегии в Спарте, где совершалось служение в честь Диоскуров и Елены, мы встречаем несколько имен рабов, правда исполнявших низшие должности (*Лёба*, Археологическое путешествие по Греции, ч. II, № 163).

[43] Этот праздник имел особое происхождение. Жители Сард, осаждая Смирну, довели город до крайности и потребовали, чтобы им были выданы женщины. Одна рабыня предложила, что она и ее товарки переоденутся в костюм своих хозяек; пусть их выдадут вместо них; она обещала, что это послужит к гибели врагов. Они пошли в лагерь врагов, и по данному знаку жители Смирны бросились на жителей Сард, обессилевших от попойки и разврата, и их перебили. Праздник был посвящен воспоминанию об этом странном самопожертвовании. Подобную же вещь рассказывали относительно женщин-рабынь Рима во время вторжения галлов. Праздник, который там сохранял воспоминание об этом событии, назывался, по свидетельству

Макробия (Сатурналии, I, 11), Nonae Caprotinae (7 июля). См. Плутарх, который на основании Досифея и Аристида из Милета передает два подобных анекдота («Жизнеописания», гл. 30, или стр. 312).

[44] Феопомп у Афинея, IV, стр. 149.

[45] *Афиней*, XIV, стр. 639. Он указывает на подобный же обычай на Крите, по свидетельству Каристия, в день праздника гермов [столбов с изображением Гермеса].

[46] *Павсаний*, II, 27, 4

[47] *Аристофан*, Богатство, 1140-1147. Они приносили ему в знак благодарности печенье, которое они тотчас же и съедали:

Затем его сейчас же сам ты должен съесть.

Равным образом в «Горшке» (Плавт, IV, 2, 577) Стробил обещает Счастливому Случаю, если он поможет ему открыть сокровище скупого, целый «конгий» (четверть) вина, которое он выпьет в его честь.

[48] Следующие стихи древнего латинского поэта Акция (у *Макробия*, Сатурналии, I, 7) доказывают, что сатурналии пришли в Рим из Греции:

Греки большею частью Афине с Кроносом жертвы
Тут совершают и Крониев имя всегда им дается;
Целый день веселятся, в деревне, в городе, всюду
Ими накрыты столы, и рабов своих каждый стремится
Всяк ублажать, угощать; вот оттуда-то этот обычай
К нам перешел, и для нас с того времени стало обычным,
Чтоб в этот день с господами рабы обедали вместе.

[49] Дмоида, лучшая всех по работе, любимая теми,
Кто ею вскормлен, холма, здесь умерев, дождалась.

Это стихотворение читалось на камне, найденном в Афинах (*Бёк*, Inscriptiones atticae, ч. II, колон. XI, № 939). Другая надпись, более длинная, прекрасная по содержанию, посвященная также молодой рабыне, читается под № 2344. Этот сборник содержит еще целый ряд таких надписей, дата которых никак не фиксирована и которые могут принадлежать к эпохе более поздней: две, на одном и том же камне, найденном на Коркире, посвящены детям 5 и 8 лет (№ 1890 и 1891); другая надпись (№ 1002), из Афин, посвящена Скифу, конечно государственному рабу; еще одна — государственному рабу из Лариссы (№ 1792). Сравн. еще №№ 2009, 2327 и след.

[50] *Теофраст*, Характеры, IV.

2

[1] По словам Свиды, первым, кто вывел на сцене наказания рабов, был Неофрон (*Свида*, под словом «Неофрон»).

[2] «Ахарняне», «Всадники», «Облака», «Птицы», «Женщины на празднике Фесмофорий», «Лисистрата», «Женщины в народном собрании» отводят еще незначительную роль слугам. Такова же повидимому их роль и во многих пьесах Эпикрата и Алексиса, цитированных Афинеем, VI, стр. 262c, и XII, стр. 544e.

[3] *Аристофан*, Лягушки, 51, и во многих других местах.

[4] «О ты, трусливейший из всех богов, из всех людей» (488).

[5] Там же, 628 и след.

[6] См. в частности всю первую часть «Богатства».

[7] Сравн. вышеуказанные места из «Мира», 110 и 884.

[8] Ноде правильно заметил, что гораздо менее в Риме, чем в Афинах, можно было объединять в одном приветствии хозяина с его рабом, как это делает Фильтон (*Плавт*, Трехгрошевый, II, 4, 392):

Привет мой господину и рабу его Лесбонику и Стасиму...

[9] *Эпидик*, V, 2, 654 и след.

[10]
Здорово. Что поделываешь? — Так, стою. —
Взгляни-ка, вот осанка! Прямо царская —
. . . .
Ну, говори. Но как я на тебя сердит! —
Сердит? Раб на хозяина? — Да что же тут
Диковинного?

(«Раб-обманщик», I, 5, 444 и след.).

[11] Там же, V, 2, 1276.
[12] *Теренций*, Андрянка, II, 3, в разных местах.
[13] Там же, IV, 1, 676.
[14] *Теренций*, Сам себя наказавший, II, 2, повсюду:

Кругом ты, Клитофон, несправедлив
И невыносим!.. Сир, послушай, Сир! Эй, эй!..
Пусти. — Нет, не пущу. — Ну, хоть немного. — Нет. —
Хоть поздороваться! — Всего умней тебе уйти.

[15] Там же, III, 3, 586:

Куда? — Куда тебе угодно. Дай
Им место. Уходи гулять.

Сравн. роль Хрисала в «Бакхидах» Плавта.
[16] «Андрянка», II, 7, 455:

И то, сказать по правде, чересчур ты скуп.
Не похвалю.

[17] «Сам себя наказавший», III, 2, 518. Сравн. также роли Сира в «Братьях» Плавта, роль Геты в «Формионе».

[18] «И вы полагаете, что свобода слова в нашем городе, не в пример другим, должна быть настолько широкой для всех, что вы дали ее и иноземцам, и даже рабам» (*Демосфен*, Третья против Филиппа, стр. 111).

3

[1] *Аристофан*, Мир, 744-750.

[2] «Археологический ежедневник» («Ephèm archéologique»), № 3139, надпись из Аттики, цитируемая Фукаром в его комментарии к надписи о мистериях Андании, где находится такое же различение (*Лёба*, Археологическое путешествие по Греции, ч. II, № 326а, строки 75 и след.).

[3] *Аристофан*, Осы, 1314.

[4] *Аристофан*, Лягушки, 812:

Где господа дерутся, там
Достаточно и нам перепадает слез.

[5] *Аристотель*, Политика, II, 2, з: «И из рабов мы чаще всего сталкиваемся (и наказываем) тех, которыми мы больше всего пользуемся для обычных услуг».

[6] *Гораций*, Поэтика.

[7] *Плавт*, Ослы, II, 2, 355, и вся последняя сцена второго акта. Менандр во многих комедиях характеризовал жестокость такого командования со стороны рабов.

[8] Ксенофонт, порицая этот обычай, свидетельствует, что он существовал в действительности.

[9] Теренций в «Формионе» говорит (II, 1, 249):

> Молоть ли мне на мельнице, быть битым ли, в оковах быть,
> Работать в поле...

См. также *Демосфен*, Против Стефана, стр. 1111, и «Басни» Эзопа (145-я): один беглый раб был найден хозяином, спрятавшимся на мельнице. «В каком другом месте, — воскликнул хозяин, — я больше желал бы видеть тебя».

[10] *Поллукс*, III, 78: «и там, где наказываются рабы, — мельницы, застенки, крупорушки для ячменя, перловки и пшеницы».

[11] Там же, 79: «бичи, кнуты, ремни, вожжи; самое же дело называется: бичевать, бить, чесать хребет... ударить, вытянуть, всыпать. Гиперид сказал: повесивши на столбе, выдрал; поэтому и до сих пор его кожа покрыта кровавыми рубцами».

[12] *Аристофан*, Богатство, 276: «Он просит хениксов» (игра слов: хеникс — мера зерна и хеникса — ножные оковы). В Этрурии рабов наказывали розгами под звуки флейт! (*Плутарх*, Надо сдерживать свой гнев, гл. II, стр. 460с. Сравн. *Феопомп*, стр. 220, и *Тимей*, Фрагмент 18).

[13] *Павсаний*, VII, 2, 3. Равным образом рабы, исключенные из празднеств Эвменид, были допущены до их убежища.

[14]
> Преступным дома божья надо избегать.
>
> (*Эврипид*, Гераклиды, 260).

[15] *Эврипид*, Молящие, 267-270.

[16] Эта надпись была найдена недалеко от древней Мессены. Она опубликована также *Лёба*, Археологическое путешествие по Греции, ч. II, № 326а. Это место, специально определенное в храме или около храма, чтобы служить убежищем рабам, напоминает о таком же месте, указанном в мирном договоре между жителями двух критских городов, Олонта и Лато, под названием: «всеобщее святое слово для тел рабов бежавших. Этот декрет должен был стоять в «храме... и в зале собраний бежавших рабов». Так эти слова переводит *Эгже* (Egger), Исторические статьи об общественных договорах у греков и у римлян, стр. 126, Париж 1866.

[17] «Меня не будешь бить уже: на мне венок» (*Аристофан*, Богатство, 20). Сравн. *Плавт*, Приведение, V, 1, 1066-1093.

[18] *Геродот*, II, 113.

[19] *Павсаний*, II, 13, 4. Эта привилегия, если она когда-либо существовала, была конечно уничтожена в то время, о котором говорит Павсаний. Она конечно не могла безнаказанно пережить декрета Тиберия. Что нам известно о праве убежища? В подтверждение этого обычая и закона Афин, который позволял рабам, подвергающимся дурному обращению со стороны своего господина, искать убежища у алтарей и требовать возможности перейти в другие руки при помощи публичной продажи, Поллукс (VII, 13) цитирует один фрагмент из комедии Эвполиса «Города»:

> Такие беды им терпеть приходится
> Безропотно, и даже, чтоб их продали,
> Они не просят...

и другой — из пьесы Аристофана, теперь пропавшей, «Времена года»:

> Лучше б мне, увы!
> Бежать в Тесея храм и там все время ждать,
> Пока другой меня не купит.

Сравн. *Плутарх*, О суеверии, 4, стр. 116, и Жизнь Тесея, 35; *Афиней*, VI, стр. 266-267 и след.

Храм Тесея должен был делить эту привилегию с другими священными местами в Афинах.

Курциус опубликовал и комментировал одну надпись, найденную в Акрополе, около храма Эрехтоя («Inscriptionesatticae nuper repertae duodecim», 1843, VII, стр. 19-21). В ней описывается целый ряд приношений в виде серебряных чаш весом каждая в 100 драхм, приношений, выписанных в надписи вероятно в том порядке, как они были сделаны, на двух сторонах камня, в таком виде: «Плина, живущая в Пирее, убежавши от Астинома из (дема) Эоя, (посвящает?) чашу в 100 (драхм)». Автор видит в тех, кто делает эти приношения, беглых рабов, освободившихся благодаря бегству в это святилище и свидетельствующих свою благодарность богу этим приношением, одним и тем же для всех. Рангабе (*Rangabe*, Греческие древности, Афины, т. II, 1855, стр. 572-574, № 881, 822) видит тут нечто другое. «Надпись, — говорит он, — является списком лиц, из которых каждый посвящает богам чашу, вероятно серебряную, в 100 драхм весом, как знак благодарности за выигранный процесс, что ему удалось избежать когтей ябедного обвинителя: ведь смысл слова ἀποφυγών не представляет сомнений». Так, у Плутарха, стр. 708 (изд. Reiske), читаем: «Ведь это признак крайнего легкомыслия подвергать себя судебному процессу, стараясь *избежать* обвинения (ἀποφυγεῖν), тогда как можно было просто бежать (φυγεῖν)». Но если тут дело идет о процессе, почему такая одинаковость в приношениях? Не должны ли они были согласоваться с важностью дел, которые конечно не были для всех одними и теми же? Почему эта торжественность приношений, если дело шло о добровольных приношениях, и почему одна такса для всех выигравших дело? Курциус, который конечно знал оба значения этого слова, ни минуты не думал о выигранном процессе, а Рангабе повидимому не знал толкования Курциуса. Курциус указал, что имена приносящих дары согласуются с идеей, что они были рабами. Ни одно из них не сопровождается именем отца и дема, как это было бы необходимо, если бы они были свободнорожденными и гражданами, как это мы видим в той же надписи при именах тех, от кого они ускользают. Если бы дело тут было в процессе, то как объяснить, что все свободные составляют сторону проигравших, а те, которые не являются такими, находятся на другой стороне? Ясно, что дарители были рабами и стали свободными; надпись дает нам указание на их местожительство, отличное по большей части от местожительства их прежних господ. Стали ли они свободными одним только фактом своего бегства в это убежище? Курциус повидимому так думает, и в этом пункте я не согласен с его мнением. Среди этих хозяев действительно находится один олинфиец; но все остальные — из Аттики, из демов Эвонима, Рамнусия, Пиреи, Алопеки, Эона, Левконои, Мелитты. Если бы еще было возможно, чтобы Афины давали убежище и возвращали свободу иноземному рабу, то как допустить, что они гарантировали такое же право афинскому рабу в ущерб его господину, афинскому гражданину? Что такой раб, например, мог обозначить свое местожительство в Пирее после того, как убежало столько рабов у стольких жителей Пиреи, если бы тут не вмешался акт, который дал бы возможность получить от хозяина эту свободу? Этот акт есть отпущение раба на волю. Так же, как в случае дурного обращения раб мог требовать, чтобы его продали другому, также если он имел средства выкупить себя, он должен был иметь право вернуть себе свободу за цену, о которой первоначально шел спор; храм, куда он бежал, для этой цели предлагал ему свое посредни-

чество, в то же время как и убежище. Этот акт здесь не обозначен; но из некоторых выражений можно сделать вывод, что он имел здесь место. Все рабы, получившие вольную в Афинах, как мы увидим ниже, в главе об освобождении рабов, должны были вписаться в число метеков, и надпись указывает местожительство нового вольноотпущенника; но надпись имеет целью констатировать не это. Она касается только счетоводства этого «святого места». Она единственно заботится о том, чтобы зарегистрировать, если можно употребить это выражение для надписи на камне, ту пошлину, которую храм собирает как плату за свое убежище и за те выгоды, которые беглый раб мог отсюда извлечь; эти-то выгоды и давали место такому приношению, так как они были одними и теми же для всех.

В одной надписи из Дельф хозяин, продавая раба (Фенеаса) Аполлону, договаривается в пользу третьего лица, Аполлодора, о пользовании этим рабом и о праве взять его из всякого города, из всякого святилища, если он не выполнит своих обязательств: «да будет Фенеас выводим отовсюду, из всякого города, из всякого святилища в пользу Аполлодора» (*Вешер* и *Фукар*, Дельфийские надписи, № 58).

[20] *Аристофан*, Богатство, 22:

А высечь не посмеешь: ведь на мне венок!

[21] *Эврипид*, Андромаха, 256 и след.

[22] *Плавт*, Канат, III, 4, 670.

[23] «Если кто оскорбит кого-нибудь, или ребенка, или женщину, или мужчину, из свободных или из рабов...» (*Демосфен*, Против Мидия, стр. 529, 14). См. также Афинея, который цитирует речь Ликурга «Против Ликофрона» и Гиперида «Против Мантифея»: «они постановили не только в интересах свободного, но также если кто оскорбит тело раба, чтобы был поднят процесс против оскорбителя».

[24] «Так как судят с одинаковой суровостью того, кто убил раба или свободного человека...» (*Антифонт*, Об убийстве Герода, стр. 728). Демосфен («Против Мидия», стр. 530) прибавляет, что многие заплатили жизнью за нарушение этого закона. Эврипид делает на это намек в Гекубе, стих 288:

У вас один закон о крови пролитой;
Равно для вас, будь он свободным иль рабом.

[25] «Ибо закон оказывает такое понуждение, что, если кто убьет того, кем он владеет, и нет того, кто за это отомстил, боясь общественного мнения и божеского закона, он очищает себя и удалится от того, что указано в законе, надеясь, что так он лучше всего сделает» (*Антифонт*, За Хоревта, стр. 763-764). Дальше он определяет эту форму очищения: «Уйдя из города, от храмов, от жертвоприношений, от празднеств, одним словом, лишенный всего, что для нас является самым дорогим и самым близким» и след.

[26] *Платон*, Законы, IX, стр. 865d.

[27] *Антифонт*, Об убийстве Герода, стр. 727.

[28] *Поллукс*, Словарь, VII, § 13; *Лукиан*, Разговоры богов, 24, § 2; *Плутарх*, О суеверии, стр. 166.

[29] «И рабу, так как он не является <юридическим> лицом, когда ему придется выступать против своего господина, борясь за свободу, судья должен дать ему защитника» (Схолия Григория Коринфского к Гермогену; *Вальц*, <Греч. риторы>, т. VII, стр. 1283).

[30] «Большая этимология» под этими словами; *Свида* и *Гесихий*, Словарь. См. прим. 19 к этой главе. В других местах закон гарантировал хозяину законное обладание своим рабом, давая ему право поднять судебное дело против тех, кто решился бы незаконно вме-

шиваться в его права. Это можно вывести из гарантий, предоставленных обратно тем, которые стараются восстановить свободу людям, незаконно задержанным и обращенным в рабство: «да не будут они подлежать наказанию и да не будут подсудными». См. надписи из Дельф, цитируемые в главе об освобождении рабов.

4

[1] Этот совет дает *Платон*, Законы, VI, стр. 777, и *Аристотель*, Экономик, I, 5, в конце: «не приобретать много одноплеменных рабов».

[2] *Платон*, Государство, IX, стр. 578-579.

[3] *Ксенофонт*, Экономик, III, 4.

[4] «Египетский папирус» и комментарий к нему Летронна.

[5] *Пиньори*, О рабах.

[6] «Если будет у нас клейменый беглый раб, он сойдет у нас за пестрого рябчика». (*Аристофан*, Птицы, 758). Повидимому в Греции был всегда обычай отпечатывать эти знаки тонким концом стилета, своего рода татуировка. В другой пьесе Аристофан называет раба «клейменым», «стигматированным» (Лисистрата, 333); тот же смысл придает этому слову Поллукс (III, 67). См. тексты, приведенные у Летронна.

[7] Давая образцы таких объявлений, которые мы находим у Лукиана, Летронн приводит изящные подражания у Мосха, Петрония и Апулея. <То же самое мы видим в более ранней эпиграмме Мелеагра из Гадар, Anthol Palatina, V (177), 178.>

[8] См. выше гл. 7. Были люди, специально назначенные для преследования этих беглых рабов, так называемые «драпетагоги», «приводители беглых» (V). Такое название носила одна пьеса Антифана (*Афиней*, IV, стр. 161c); Лукиан делает намек на это в «Хароне», 2.

[9] *Фукидид*, IV, 118, § 7. В отдельном договоре, который был заключен между Спартой и Афинами, афиняне обязались помогать спартанцам против всех рабских восстаний.

[10] «Рабам, убегающим из Ахайи, Македония была убежищем». Персей писал ахейцам, что «...им нужно подумать, дабы в будущем не было подобного бегства рабов». Частично как раз вокруг этого положения вертятся споры сторонников и противников союза с римлянами (*Тит Ливий*, X, 1, 23, 24). См. вышеуказанную работу Эгже, стр. 66.

В конце концов если не дали формального обязательства об их выдаче, то принимать их у себя было уже обидой. Это был один из тех пунктов, которые мегарцы выставляли против афинян (*Фукидид*, I, 139). Наоборот, в фрагменте декрета, найденном на акрополе Афин, можно видеть, что один из жителей Хиоса удостоился от афинян определенных почестей за то, что он безвозмездно прислал хозяевам их беглых рабов, которых он нашел на этом острове (*Рангабс*, Греческие древности, т. II, стр. 472). См. *Летронн*, О населении Аттики, стр. 206.

[11] «Он должен был в год платить восемь драхм, если же раб убежит, получить ту цену, которую он заявил... И всякий раз, как убегал раб, он приказывал сатрапу... найти его или выплатить господину его цену» (*Аристотель*, Экономик, II, конец, стр. 1352-1353, по изд. Беккера. См. *Бёк*, 1, 13).

[12] Восстание рабов в Лаврийских копях упоминается Афинеем (VI, стр. 272) на основании свидетельства Посидония и отнесено им ко времени второй войны с рабами в Сицилии (104 г. до н. э.). Эта дата дает слишком позднее время; в одном из примечаний к Афинею оно отнесено к восстанию киллириев (<килликириев>), сиракузских рабов (*Геродот*, VII, 155), т. е. ко временам Гелона (484—477), что не выдерживает критики; Бёк («О Лаврийских копях») относит этот факт

к эпохе Декелейской войны; но каким образом Фукидид, который рассказывает о бегстве 20 тысяч рабов, мог не упомянуть о столь важном факте? Бёк строит свое предположение на том, что из-за захвата Декелеи был укреплен Сунион, что имело место в конце 413 г. (*Фукидид*, VIII, 4); но текст Посидония самой формой своего выражения предполагает, что эти укрепления уже были, да это предполагает и вся обстановка событий. Как эти тысячи рабов могли долго грабить Аттику, если бы они не держались в укрепленном месте? Диодор («Эклоги», XXXIV, 2, 18) принимает время этого события совпадающим с эпохой первой войны с рабами в Сицилии и указывает их число в тысячу человек, чего Афиней нам не сообщает.

[13] *Фукидид*, VIII, 40.

[14] *Афиней*, VI, стр. 265-268.

[15] «Я возьму от любого из вас все то, что я возьму вот для этих (своей) мерой и весом; и взявши достаточно, запечатавши вот этой печатью склад, я остальное оставлю. Убегающих же от вас рабов, разобравши причину, если мне покажется верным, что они бежали, испытавши от вас нечто непереносимое, я возьму к себе; если же они не скажут ничего правильного, я отправлю назад к хозяевам» (*Афиней*, VI, стр. 265е). В истории позднейших восстаний рабов-негров подобные факты повторялись не раз.

[16] Он долго оставался окруженным почитанием беглых рабов и хозяев: беглые приносили сюда начатки от добычи, хозяева говорили, что благодаря его откровениям они спасались от козней своих рабов; для них это было единственным средством предупредить эти козни.

[17] Николай-перипатетик, Посидоний и поэт Эвполис у Афинея, стр. 267. Древнее восстание рабов на Самосе против своих хозяев с последовавшим затем мирным договором послужило причиной основания Эфеса, если можно верить Малаку в его «Летописи Сифнийцев» (*Афиней*, там же).

5

[1] *Платон*, Законы, VI, стр. 777; [Псевдо] *Ксенофонт*, Афинское государство, I, 11; *Аристотель*, Экономик, I, 5. См. ниже, глава XI. В других городах рабы допускались по воле тех, кто делал такой подарок, наравне со свободными людьми к распределению масла, будь то в банях или в гимнасиях (*Лёба*, Археологическое путешествие по Греции, ч. II, № 120 и 243).

[2] Своему племяннику (*Плутарх*, Как нужно воспитывать детей, 14, стр. 11). Или еще: он долго держал над ним палку, для того, как он говорил, чтобы исправить свой собственный гнев (*Плутарх*, О позднем отмщении богов, 5, стр. 551).

[3] «Не о рабах заботился законодатель, но, желая приучить нас уметь вполне воздерживаться от нанесения обид свободным, он предписал не совершать обид и по отношению к рабам» (*Эсхин*, Против Тимарха, стр. 43).

[4] *Плутарх*, О любви, 4, § 11, стр. 751.

[5] *Демосфен*, Против Мидия, стр. 529, 530.

[6] Там же: «и однако даже тем, выставив цену которым будут покупать их как рабов, даже этих они не позволяют оскорблять».

[7] [Псевдо] *Ксенофонт*, Афинское государство, I, 10.

[8] Уже цитированный текст и Григорий из Коринфа (*Вальц* <«Греческие риторы»>, т. VII, стр. 1283).

[9] Иногда мы видим, что они вызываются в случае неимения близких служить свидетелями по утверждению завещания (*Антифонт*, Обвинение в отравлении, стр. 620). Это уже отказ от прин-

ципа, чего никогда не потерпел бы римский закон. и в этом случае меньше, чем где бы то ни было.

[10] *Лисий,* Против Симона, стр. 173.

[11] *Антифонт,* За Хоревта, стр. 778.

[12] «...а пытка совершенно ясно показывает, кто из них говорит правду» (*Исократ,* Трапезитик, 27).

[13] *Исей,* О наследстве Кирона, стр. 202. Сравн. *Демосфен,* Против Онетора, стр. 874, 19.

[14] *Демосфен,* Против Афоба, стр. 846.

[15] «Есть пять видов внешних доказательств: законы, показания, сознание, пытка, присяга» (*Аристотель,* Риторика, I, 15).

[16] *Демосфен,* Против Афоба, стр. 848, 7.

[17] Демосфен в том же процессе отказался дать на пытку Милиаса, так как он был свободным; но он предложил для того же испытания раба, «который умеет читать»; он хотел подвергнуть тому же женщин-рабынь, которые помнили, что Милиас был отпущен на волю до дня смерти его отца (там же, стр. 852. Сравн. «Против Онетора» и т. д.).

[18] *Ликург,* Против Леократа, стр. 159.

[19] *Демосфен,* Против Тимофея, стр. 1200 и 1201.

[20] «...из этих вызовов, когда кто-либо передает на пытку тело» (т. е. раба. — *Прим. перев.*) (*Демосфен,* Против Эверга и Мнесибула, стр. 1142, 26).

[21] «Пытаемые, по существу своей природы, рабы и рабыни, скажут всю правду относительно всех преступлений» (*Ликург,* Против Леократа, стр. 161).

[22] *Аристофан,* Лягушки, 684:

Плетями бей,
Души, дави, на дыбу вздерни, жги, дери,
Крути суставы, можешь в ноздри уксус лить,
Класть кирпичи на брюхо. Можешь все! Прошу
Лишь об одном: не бей его былинкою.

Теренций, Свекровь, V, 2, 774:

Служанок выдам,
Под пыткой допроси любую их.

и *Плавт,* Приведение, V, 1, 1060, Грубиян, IV, 3, 726.

[23] «Поставим же Милия на пытку колесом» (*Демосфен,* Против Афоба, стр. 856).

[24] Гесихий, под словом βασανιστής («палач»); *Антифонт,* Об убийстве Герода, стр. 721.

[25] «Чтобы они говорили то, что я спрашиваю, не под моим давлением» (*Антифонт,* Обвинение в отравлении, стр. 608, 610. Сравн. «Об убийстве Герода», стр. 720-721).

[26] «Ведь нельзя же действительно говорить, что по отношению к одним, к кому он хочет, пытка дает ценные показания, по отношению же к другим, что она ничего не дает» (*Демосфен,* Против Афоба, стр. 848, 27).

[27] *Антифонт,* стр. 632-634 и 643-644.

[28] *Аристотель,* Риторика, I, 15.

[29] «При этих вызовах, когда дается на пытку тело <раб>, много народа присутствует тут, прислушиваясь, что тут говорится» (*Демосфен,* Против Эверга и Мнесибула, стр. 1142, 26).

[30] *Лисий,* Против Симона, стр. 175; О ране, случайно нанесенной, 178-179; О фигах, стр. 288; *Антифонт,* Обвинение в отравлении, стр. 607, 609-610; *Исократ,* Трапезитик, гл. 7, 9 и др. См. у Демосфена всю третью речь «Против Афоба» и речь «Против Эверга и

Мнесибула», в которых идет дело о вопросах подобного рода. Сравн. речи: «Против Онетора», стр. 870 и 874; «Против Тимофея», стр. 1200; «Против Конона», стр. 1265; «Против ложных показаний Стефана», стр. 1121.

[31] *Плутарх,* Жизнь X ораторов; *Андокид,* §§ 3 и 4, стр. 834. Он избег осуждения, только обещая донести на своих соучастников.

[32] Лисий в двух первых вышеуказанных местах; Исей в речи «О наследстве Кирона», стр. 201; *Демосфен,* Против Эверга и Мнесибула (в этом деле роль играет женщина); Против Афоба, стр. 852; Против Онетора, стр. 874; против Неэры, 1386—1387; *Ликург,* Против Леократа, стр. 160.

[33] Равным образом это был риск и убыток для того, кто предлагал его на пытку. «А если я искалечу твоего раба, ударивши его,— говорит Эак Ксанфию,— мне придется тебе платить?» — «Нет, это уже мое дело, бери его и пытай!» (*Аристофан,* Лягушки, 639).

[34] *Демосфен,* Против Пантенета, стр. 978. Вот почему их называли экспертами — оценщиками.

[35] «И если эти женщины будут испорчены от пытки, заплатить за то, что они получили вред» (*Демосфен,* Против Неэры, стр. 1387, 13 и 28).

[36] *Плавт,* Грубиян, IV, 3, 786.

6

[1] «И была у него наложница, которую Филоней хотел поместить в дом разврата» (*Антифонт,* Обвинение в отравлении, стр. 611).

[2] *Демосфен,* Против Макарта, стр. 1069. Цитируемый Демосфеном закон говорит об убитом и может быть говорит только о тех, «кто был найден убитым на дорогах».

Глава девятая

1

[1] Анаксандрид у Афинея, VI, стр. 263b. Относительно этой пословицы «нет города рабов» Стефан из Византии передает, что, по свидетельству Гекатея, в Ливии был город, названный «город рабов», и что, если раб приносил туда камень, он становился свободным, даже если он был иноземцем (*Стефан Византийский,* под этим словом, или *Гекатей,* Фрагменты греческих историков, фрагмент 118, изд. Дидота). Этот город помещен слишком далеко, чтобы мы его не считали сказочным.

[2] *Плавт,* Жребий, II, 5, 306:

Но даже если б оба вместе, ты и сын,
Того не пожелали, вам обоим я
Наперекор и назло за какой-нибудь
Ничтожный грош могу свободным сделаться.

Раб говорит о своей хозяйке и о хозяйском сыне, но при этом подразумевается, как это заметил Ноде (Naudet), согласие его хозяина, от которого все зависит.

[3] *Дион Хрисостом,* XV, стр. 240-241.

[4] «Иные же отпускают на свободу своих рабов, делая свидетелями этого освобождения всех эллинов» (*Эсхин,* Против Ктесифонта, стр. 434, цитировано Пти и Курциусом, «Anecdota delphica», стр. 12).

[5] Плавт в «Персе». Можно было бы тут не доверять Плавту, который обычно подставляет под греческие данные имена римских магистратов, как и римские процессуальные формы; но Курциус привел другой пример, заимствованный из Дионисия Галикарнасского (*Исей*, стр. 310): «...зная, что он отпущен на волю Эпигеном в суде».

[6] Свида под словом «Кратес» и «жертвенник», (βωμος) у Курциуса в цит. месте. Сравн. два простых упоминания об освобождении в храме («Отпущен на волю такой-то таким-то») (*Лёба*, Археологическое путешествие по Греции, ч. II, №№ 309 и 310).

[7] *Росс* (Ross), Неизданные греческие надписи, № 311.

[8] *Курциус*, там же, стр. 13-16.

[9] В памятниках, найденных в Ламии и опубликованных в «Journal archéologique d'Athènes», формула εν ταν πολιν иногда заменяется формулой εν ταν σταλαν для написания на государственной колонне. Сумма везде обозначена одинаково, в 15 статеров = =60 драхмам.

Хезей (Heuzey) привез из своего путешествия к горе Олимпу довольно большое количество надписей подобного рода, которые относятся к эпохе империи. Отпущенник «даровой» (κατα δωρεαν) или «по выкупу» (δουσαν λυτρα) платит одинаково во всех случаях в пользу города одинаковый налог в 22½ динария. См. *Heuzey*, Le mont Olympe et l'Acarnanie («Гора Олимп и Акарнания»), №№ 2, 3, 11 (который сам содержит восемь актов подобного рода), 14, 18, стр. 468-477, и приложение о Фессалии, которое он присоединил к своему большому труду «Mission archéologique en Macedoine» («Археологическая экспедиция в Македонию»), стр. 431 и след. №№ 214, 215 и 219; № 214 заключает в себе 21 освобождение за период двух лет.

Можно найти другой пример освобождения под гарантией государства, города Гифия, в «Археологическом путешествии по Греции» Лёба, ч. II, № 243; надпись дарительницы. Дары, которые она сделала городу, могли дать ей право требовать от магистратов гарантии той свободы, которую она давала своим рабам.

[10] Не раз приходилось мне цитировать книгу Вешера и Фукара, в которой они дали наибольшее число надписей того же содержания, которые они собрали на южной стене террасы, где возвышался дельфийский храм. Отфрид Мюллер первый очистил эту стену в длину на десять метров, и эта работа, во время которой началась его болезнь, так рано похитившая его у науки, подарила нам 52 надписи, данные Курциусом. Два наших молодых археолога, продолжая дело Отфрида Мюллера, очистили эту стену на протяжении 40 метров и извлекли оттуда 435 новых надписей, которые они и опубликовали («Надписи, собранные в Дельфах», Париж 1865); к этому Фукар присоединил впоследствии короткий комментарий в «Journal de l'instruction publique», 15, 22, 29 июля 1863 г. Мне были очень полезны при составлении данной главы эти тексты и некоторые из замечаний, пришедшие на ум тому или другому из авторов. В конце концов эти надписи, как и можно было ожидать, представляют скорее лишь новые случаи, чем новые формы. Ничего не изменяя, они подтверждают тот образ действий, который показали нам первые надписи.

[11] См. *Бёк*, указ. соч., № 1702, и многочисленные указания, соединенные Курциусом, стр. 32 и 33; более подробно см. в сборнике Вешера и Фукара: согласие отца, № 78; матери, № 53, сравн. № 432; мужа, № 437; жены, № 67; мужа и детей, № 33; детей, №№ 34, 39,

44, 46, 82, 140, 143, 151, 162, 229, 265, 270, 306, 345, 353, 419, 421, 426, 430, 448.

[12] *Лёба* Археологическое путешествие по Греции, ч. III, № 796: посвящение рабыни Артемиде (в Херонее). Сравн. 2-я часть, №№ 255 и 256, два посвящения рабов Посейдону (в Тенаре). Таков же повидимому характер надписи, опубликованной в «Bulletin de Correspondance hellinique» (январь-февраль 1879 г.), X, стр. 96, которая по формам букв, кажется, принадлежит V в. до н. э.; мужчина и женщина даны в качестве дара Посейдону в присутствии свидетелей, женщина со всем тем, что у нее есть.

[13] *Дешарм*, Сборник неизданных надписей из Беотии (*Dechar me*, Recueil d'insriptions inédites de Béotie), извлечение из Archives des missions scientif., 2-я серия, т. IV (1868), надписи из Орхомена, № 1-4; посвящение Исиде и Осирису.

[14] Надпись в Тифорее, опубликованная Ульрихом в «Rheinisch. Museum», 3-я серия, т. II, стр. 553 и след.

[15] «Как подтвердила Писта продажу богу, для того чтобы мы были свободны и никто в течение всей жизни не мог наложить на нас руку, делая, что я ни захочу, и обращаясь к кому бы я хотела» (*Бёк*, Corpus inscript., № 1699, и большая часть надписей у Курциуса и у Вешера и Фукара).

[16] *Вешер* и *Фукар*, Дельфийские надписи, во многих случаях; то же самое в надписи из Давлии: «Посвятили Афине Полиаде рабов, рожденных дома. Пусть они остаются у Каллона... посвященные, делая все им порученное, все по всей возможности... когда же они умрут, пусть все будут свободными» (цитировано Россом, а после него Курциусом, стр. 25). Равным образом в названной работе Дешарма «Inscriptiones», 4.

[17] «Отпускает на волю свою собственную рабу и ребенка от нее... Пусть будет невыполненным это посвящение» (*Курциус*, стр. 22 и 23).

[18] Два года (№ 319); три года (№ 31); пять лет (№№ 7, 8, 178); шесть лет (№№ 77, 251, 445); семь лет, платя каждый год по полмине (№ 202); восемь лет (№№ 37, 167, 313). По № 419 раб должен был оставаться около своего господина восемь лет и более; если он проживет меньше восьми лет, то раб свободен, заплатив за оставшиеся до восьми лет по полмине за год в пользу дочери своего хозяина.

[19] Там же, № 82. В № 306 не говорится о смерти хозяина, но только о свадьбе сына.

[20] Там же, №№ 85 и 58.

[21] Там же, № 52.

[22] В одной записи из Тифореи Никарет и Энанфа продают богу Серапису женщину Евфонину с согласия их сына Парамона, с условием воспитать для Парамона ребенка двух лет, который ей за это даст двести динариев («Надписи из Тифореи», № 4, «Rheinisch. Museum», 3-я серия, т. II, стр. 556).

[23] *Вешер и Фукар*, №№ 31, 53, 94, 213, 435.

[24] Там же, № 126 — три полумины в три года в «эранос», союзную кассу Диониса; там же, № 89, пять статеров и десять оболов каждые четыре месяца, пока будет существовать ассоциация, там же, № 126; см. еще № 213. Раб, отпущенный на свободу за 13 мин, должен кроме того дать еще 13 мин в течение тринадцати лет, внося каждый год по мине в «эранос» (там же, № 244).

[25] Там же, № 66, и «Надписи из Стириса», опубликованные Россом и использованные Курциусом, стр. 22; «Надписи из Тифореи» (см. выше), № 3.

[26] «Если же Афродисия не сделает, как написано, хотя бы и

могла, да будет право Эакиду наказать Афродисию, как ему покажется нужным, или другому вместо Эакида, кому он прикажет, только пусть они не продадут Афродисию, ни сам Эакид, ни другой вместо Эакида» (*Курциус*, № 16. Сравн. 30: «кроме того, чтобы не быть проданным». Ср. *Вешер*, № 354). Другая надпись (*Курциус*, № 11) разрешает хозяйке наказать свою вольноотпущенницу, не выполнявшую условий договора, хотя она обращается с ней, как с свободной. Так по крайней мере толкует это место (со своей коньектурой) Курциус.

[27] *Бёк*, № 1608.

[28] «Надписи из Давлии», опубликованные Россом и использованные Курциусом (вышеназванная работа, стр. 23).

[29] «Если же он не останется у Лампрона, то пусть он заплатит семьдесят... серебра, и пусть будет подвергнут написанному в договоре штрафу». «Надписи из Тифореи». В «Надписях из Стириса», цитированных выше, сверх отмены акта (освобождения) прибавляется еще штраф в 30 мин серебра.

[30] *Вешер* и *Фукар*, № 167. Сравн. №№ 24, 29, 31 и 209.

[31] Есть штрафы по 10 мин с раба, в надписях из Давлии, Коронеи и в одной надписи из Тифореи (№ 3); штраф в 30 мин мы имеем в № 32 собрания Вешера и Фукара и в надписях Стириса, Гиамполя и Тифореи (№ 4); в 60 мин — во второй надписи из этого последнего места, а раб был там освобожден за 5 мин. В единственном из договоров об освобождении на волю, найденных в Элатее, где еще мы читаем о штрафе, он точно так же обозначен в 1 талант (*Курциус*, № 39, строка 27). Некоторые надписи из Дельф выражают сумму в римских монетах: 2 000 и 4 000 динариев. См. также «Rheinische Museum», 3-я серия, т. II, стр. 553 и след.

[32] Так была освобождена женщина-рабыня за $4^1/_2$ мины (*Базен* (Basin) в Отчете об археологической поездке по Этолии в «Archives des missions scientifiques», 2-я серия, т. I, стр. 368, приложение № 11).

[33] В вышеназванной работе, стр. 31. Сюда можно прибавить еще надпись из Анапы (42 г. до н. э.) и другую — из Пантикапеи (81 г. до н. э.), где освобождение было произведено под видом посвящения, не богу, но в молитвенном доме, εν τω προσευχῃ в синагоге: хозяева должно быть были евреи, и освобождение, которое не подразумевает внесение платы, сделано было во исполнение обета κατ'ευχην: это дело благочестия (Стефани в «Mélanges gréco-romains» в «Известиях Петербургской академии наук», т. II (1859—1866), стр. 200; *Леви* (Levy) в «Jahrbuch f. Geschichte der Juden», т. II (1861), стр. 298—300, и *Деренбург* в «Journal asiatique», 6-я серия, т. XI (1868), стр. 526 и след., где он цитирует и комментирует еще другую надпись из Анапы того же характера).

2

[1] «Он сказал, что он раб и происходит от рабов и что ему следует внести шестую часть своего имущества вместе с метеками» (*Демосфен*, Против Андротиона, стр. 612). Сравн. *Пти*, Аттические законы, II, 6, 7. См. относительно остальных обязанностей главу 4 данной работы, «Свободный труд».

[2] *Пти*, Аттические законы, II, 6, 8.

[3] *Плавт*, Эпидик, III, 3, 351 и 4, 477.

[4] Алексис у *Афинея*, XIII, стр. 568a. Сравн. *Демосфен*, Против Неэры, и *Исей*, О наследстве Филоктемона, стр. 134.

[5] *Демосфен*, О ложных показаниях Стефана, стр. 1123-1124.

[6] См. *Курциус*, вышеуказанное место. Тимофей имел у себя казначеем вольноотпущенника (*Демосфен*, Против Тимофея, стр. 1187). Управляющий Милиас, о котором был вопрос в одной из речей «Против Афоба» (стр. 819), был тоже вольноотпущенником.

[7] *Плавт*, Хвастливый воин, III, 1, 787.

[8] *Пти*, Аттические законы, II, 6, 8. Вольноотпущенник мог начать дело против своего патрона, который незаконно беспокоил и мешал ему в его правах пользоваться своей свободой. Это вытекает из самых гарантий, данных патрону в том случае, когда он строго поступал со своим вольноотпущенником, не выполняющим своих обязательств (*Вешер* и *Фукар*, Дельфийские надписи, №№ 54, 56).

[9] *Пти*, Аттические законы, II, 69 и 10, и те тексты, которые он цитирует. Ср. *Валерий Максим*, II, 6, 6. Освобождение могло быть отменено три раза по делу о неблагодарности. В четвертый раз закон уже молчал и прекращал покровительствовать хозяину, который должен был обвинять только собственную снисходительность.

[10] Не следует настолько уже верить на слово Плавту, чтобы принимать буквально то, что он заставляет говорить Дордала, когда он в таких выражениях сообщает о куртизанке, гетере, которую он хочет освободить («Перс», IV, 3, 471):

Я ль не честен? Я ль не делен? Аттику великую
Увеличил я: гражданку дал ей нынче новую.

Здесь перед нами истый римлянин: в Афинах освобождение не имело столь полного эффекта.

[11] У лексикографов, под словом: «рабские волосы», ανδραποδώδη τρίχα.

[12] «Epigr. Anthol.», II, 47, стр. 262; *Демосфен*, О венце, стр. 270; *Лукиан*, Петух или Сновидение, 14; *Теофраст*, XXVIII, и *Лукиан*, Тимон, 22.

[13] *Демосфен*, В защиту Формиона, стр. 959, 10.

[14] Там же, стр. 945.

[15] Там же, стр. 953.

[16] *Демосфен*, О ложных показаниях Стефана, стр. 1123-1124. Не нужно ли, сохраняя честь Демосфена, отвергнуть одну из этих речей как подложную?

[17] *Нонн*, цитированный *Пти*, Аттические законы, II, 6, 10.

[18] *Демосфен*, Против Формиона, стр. 946, 5.

[19] Такое заключение можно вывести из текста Демосфена, который отрицал это право за всяким новым гражданином.

[20] *Демосфен*, Против Неэры, стр. 1375.

[21] *Кёлер* (Koehler), Аттические надписи, т. II (1877), № 546.

[22] *Аристофан*, Лягушки, 705.

[23] *Ликург*, Против Леократа, стр. 170, и *Дион Хрисостом* («Златоуст»), XV, стр. 240, 44. Те, кто умерли, были награждены честью общественного погребения, и их имена были записаны на *столбы*. Эти надписи, указывает Павсаний, говорят, что рабы храбро сражались вместе с их господами (*Павсаний*, I, 29, 7). В первый раз рабы сражались при Марафоне, и имена тех из них, кто погиб здесь, были записаны вместе с именами платейцев на погребальной стеле — «доске почета» (*Павсаний*, I, 32, 3). По примеру Мильтиада и Павсания Диэп, вождь ахейцев, дал свободу рабам, чтобы за это они сражались против Метелла (VII, 15, 7), и я говорил уже выше (стр. 86) о роковом исходе этого сражения. Незаконный сын Эвмена Аристоник, когда он хотел захватить для себя пергамский престол, точно так же вооружил рабов, обещая им свободу, но с тем же результатом (*Страбон*, XIV, стр. 646).

[24] *Демосфен,* Против ложных показаний Стефана, стр. 1133.

[25] «Гиппократ предложил, чтобы, начиная с этого дня, платейцы являлись афинскими гражданами, полноправными наряду с остальными афинянами, и чтобы они участвовали во всем, что является общим правом для афинян, будет ли дело касаться религии или священных обрядов, исключая должности жреца или частных семейных культов, равно как и должности одного из девяти архонтов; но их дети (имеют право и на это). Чтобы платейцы были распределены по демам и по филам и чтобы после этого распределения ни один платеец не мог сделаться афинским гражданином без постановления афинского народа» (*Демосфен,* Против Неэры, стр. 1380—1381).

[26] Там же, стр. 1376.

[27] *Демосфен,* Против Поликлета, 1208-1215.

[28] «Теперь же вы, господа афиняне, делаете гражданами людей погибших, оказывая эту честь рабам рабов, беря ее подобно какому-то дешевому, рыночному товару» (*Демосфен,* Об организации государства, стр. 173, 16).

[29] *Плутарх,* Остроумные изречения; Антигон, 12, стр. 182.

[30] См. различные другие примеры в речи *Динарха,* Против Демосфена, и у *Афинея,* I, 19. Сравн. *Meusius,* De fortuna Athen., т. I, стр. 35-37.

[31] *Дион Кассий,* LIV, 7, стр. 735-736.

Глава десятая

1

[1] «Жить в радости и роскоши есть признак свободных; это растит и укрепляет души; работать же есть удел рабов и маломощных; поэтому они и по природе своей становятся приниженными» (Гераклид из Понта, у *Афинея,* XII, стр. 512b).

[2] *Гесиод,* Труды и дни, 119-191.

[3] <См. статью *Ф. Ф. Зелинского,* Золотой век, в сборнике «Из мира идей», т. I, стр. 420, с выдержками из греческих комедий>. Афиней (VI, стр. 268) цитирует много других выдержек из Телеклида и Ферекрата, которые перещеголяли причудливостью и гротеском даже эти выходки комедии и которые я отказываюсь здесь воспроизводить. Кроме того я сомневаюсь, чтобы они имели когда-нибудь, я не говорю уже какое-либо влияние, но даже эти нравственные, моральные намерения и цели, которые в них вкладывает компилятор, когда он сопровождает их таким размышлением: «Этими веселыми рассказами древние хотели нам дать урок, чтобы мы приобрели привычку обслуживать сами себя».

[4] *Афиней,* VI, стр. 267. «Говорят еще, что во время Актеона люди работали все своими собственными руками, они совершенно не имели рабов, но трудились сами для себя; и самым богатым был тот, кто работал лучше других и проявлял наибольшее усердие в труде». Но это же предание сообщает и Палефат в своем трактате «О невероятных вещах», гл. III и IV, стр. 274 (изд. Вестермана).

[5] Рабы царей они, а царь же — бога раб;
А бог — судьбы. И если поглядишь кругом,
Одно другому служит, сильному — кто слаб:
Судьба всегда велит для них рабами быть.

(*Филемон у Стобея,* Цветник, XII, 8).

[6] *Гизо* (Guizot), История цивилизации во Франции, 2-я лекция, т. I, стр. 54 (1846). Фрасимах в «Государстве» Платона (I, стр. 340) играет по своей манере двойным смыслом его сравнительной степени κρείττων — «лучший», в смысле «более сильный» или «более добродетельный».

[7] *Гомер*, Одиссея, XVII, 322. Сравн. *Платон*, Законы, VI, стр. 777а.

[8]
И если кто живет рабом, имеет он
Такое ж тело, как и мы; никто рабом
Не был рожден природой никогда. Судьба —
Вот что рабом заставило быть тело их.

(*Филемон*, Фрагменты, 39, IV, стр. 47).

[9] *Аристотель*, Политика, I, 2, 8.

2

[1] *Платон*, Государство, II, стр. 368d.

[2] Там же, стр. 369-373.

[3] Там же, стр. 373.

[4] Там же, стр. 374 и след.; III книга — во многих местах.

[5] *Платон*, Государство, II, стр. 375с.

[6] Там же, III, стр. 416d.

[7] «Они продают право пользоваться их силой, и эту цену они называют жалованьем, являясь, как мне кажется, наемниками» — то, что включает в себя понятие о свободе.

[8] «Равным образом должны быть подобраны для таких людей и соответствующие женщины, чтобы жить вместе с ними и вместе с ними нести сторожевую службу, поскольку они способны на это и родственны им по природе» (там же, V, стр. 456b. Сравн. стр. 459d).

[9] Там же, стр. 452, 457с, 459е, 461с.

[10] *Платон*, там же, III, стр. 415; IX, стр. 487.

[11] «В том, что касается рабства военнопленных, кажется ли тебе справедливым, чтобы греки обращали в рабство целые греческие государства? Не должны ли они скорее их защищать от других, насколько только возможно, и в основном требовать, чтобы племя греков оберегалось, ввиду страха попасть в рабство к варварам? Поэтому не следовало ли бы им самим не иметь никаких рабов из греков и советовать другим грекам последовать их примеру?» (там же, V, стр. 469b).

[12] Такую же точку зрения мы встречаем также и у Метродора: «Раб — имущество необходимое, но совсем не приятное» (у *Стобея*, Цветник, LXII, 44. См. также ниже).

[13] *Платон*, Законы, VI, стр. 776b, 777.

[14] *Платон*, Письма, VIII, стр. 354е (друзьям и родственникам Диона).

3

[1] «И государством оно может быть названо только тогда, когда окажется, что это — самодовлеющее объединение массы» («Политика», II, 1, 7). «И, говоря просто, государство есть масса таких (людей), достаточная для самодовлеющей жизни» (III, 1, 8. Сравн. IV (7), 4, 8.

<Есть вполне удовлетворительный перевод на русский язык «Политики» Аристотеля, сделанный проф. Жебелевым>.

[2] Там же, IV (7), 1, 2.

[3] Там же, 2, 8.

[4] Там же, 8, 2: «Ясно, что в государстве, пользующемся красивейшей организацией и объединяющем в себе мужей абсолютно справедливых, а не условно справедливых применительно к той или иной государственной системе, граждане не должны вести жизнь, какую ведут ремесленники или торговцы (такого рода жизнь неблагородна и идет вразрез с добродетелью); граждане проектируемого нами государства не должны быть и землепашцами, так как они будут нуждаться в досуге и для развития своей добродетели, и для занятия политической деятельностью».

[5] «Политика», 8, 3.

[6] Там же, I, 1, 10.

[7] Там же, I, 1, 4. Сравн. I, 1, 6.

[8] «Самой природой ему предназначены женщина и раб» (там же, I, 1, 5).

[9] Фриних в «Выдержках» (Epitome) говорит, что употребление этого слова не было очень старым; Лобек в своем «Комментарии» (к Фриниху, стр. 578) сообщает, что первые примеры употребления этого слова (σωματα) без определения в значении «рабы» встречаются у Полибия. Но я нашел его уже у Демосфена, правда, при обстоятельствах, которые дают ему более точное и свойственное ему значение: когда рабов отдают при допросе на пытку.

[10] «Раб есть часть господина; это часть его тела, живая, хотя и отделенная» («Политика», I, 2, 20).

[11] Грамматики, которые один перед другим старались растолковать тексты и часто доводили свои комментарии до абсурда, утверждали, что в слове ανδραποδον — «раб» — они нашли, какую часть господина составлял этот раб: это слово, его конец они производили от слова πους — «нога». «Ведь раб, — говорил Свида, — так относится к господину, как нога ко всей верхней части тела» (Свида, под словом ανδραποδοχαπηλος).

[12] «Политика» I, 2, 4.

[13] Там же, I, 2, 5.

[14] Там же, I, 1, 4.

[15] Там же, 2, 7.

[16] Там же, 9.

[17] «Подобно тому как все живое состоит неизбежно из души и тела, а душа из ума и чувства, дом из мужчины и женщины и имущество из господина и раба...» («Политика», III, 2, 4).

[18] Там же, I, 2, 13.

[19] Там же, I, 1, 5.

[20] *Гомер*, Илиада, XVIII, 417-424:

> А с ним рядом, опорой служа для владыки,
> Две поспешали служанки из золота, точно живые.
> Был у них разум внутри, и могучая сила, и голос...

[21] «Политика», I, 5, 3.

[22] Там же, 6.

[23] Там же, I, 2, 13: «Остальные животные не могут даже понимать разумности. Они повинуются своим ощущениям. В конце концов польза от домашних животных и от рабов почти одна и та же: и те, и другие нам помогают при помощи их телесных сил удовлетворять наши жизненные потребности».

[24] Там же, I, 2, 14. То же уже раньше сказал поэт Феогнид:

> Раб никогда не может держать свою голову прямо;
> Вечно она склонена, шея согнулась его.
> (*Стобей*, Цветник, LXII, 36).

[25] «Политика», I, 2, 15.

[26] Там же, I, 3, 8.

[27] Там же, I, 2, 19.

[28] *Эсхил*, Агамемнон, 1054.

[29] *Софокл* (у *Стобея*, Цветник, LXII, 83).

[30] *Эврипид*, Фрикс, там же, 39. Сравн. Ион, 853-855.

[31] Спартиаты, обращенные в рабство тегеатами и т. д. (См. гл. V, «Источники рабства»).

[32] *Плутарх*, Остроумные замечания лакедемонян, 45.

[33] «В конце концов с трудом можно было бы возражать, что противоположное мнение не заключает в себе некоторой истинности. Идея рабства и раба может пониматься с двух сторон: можно быть приведенным в рабское состояние и оставаться в нем в силу закона, причем этот закон является договором, по которому побежденный на войне признается собственностью победителя; но многие законоведы обвиняют это право — как обвиняют иногда политического оратора — в противозаконности, так как ужасно, чтобы более сильный, благодаря тому лишь, что он может применить насилие, делал свою добычу своим подданным и рабом» (*Аристотель*, Политика, I, 2, 16).

[34] Там же, 17.

[35] «Каждое из этих двух противоположных мнений само по себе одинаково слабо и ложно, так как каждое из них, взятое отдельно, заставляет думать, что право властвовать и быть господином не принадлежит превосходству достоинств. Наконец есть люди, которые, опираясь на то, что они считают правом — а всякий закон всегда имеет некоторую видимость права, — заявляют, однако не не утверждая этого совершенно абсолютно, что рабство справедливо, когда оно является результатом войны; но самый принцип войны можно считать противным идее права, и никогда нельзя назвать рабом того, кто не заслужил такого названия; иначе окажется, что люди заведомо очень высокого происхождения могут стать рабами и даже проданными как рабы только потому, что они сделались пленниками на войне» («Политика», I, 2, 18-19).

[36] Там же; это можно видеть из другого места у Аристотеля: «Поэтому-то и говорят поэты:

«Прилично властвовать над варварами грекам».

(*Эврипид*, Ифигения в Авлиде, 1400); понятия варвара и раба по природе своей тождественны» («Политика», I, 1, 5).

[37] «Но ведь в таком случае весь вопрос сводится лишь к исследованию рабства по природе, о чем мы и говорили с самого начала» (там же, 2, 18).

[38] Эта путаница в мыслях Аристотеля проявляется самым поразительным образом в продолжение тех текстов, которые я цитировал: «Нужно со всей необходимостью согласиться, что известные люди повсюду должны являться рабами и что другие ни с какой стороны не могли бы явиться. Это относится и к знатности. Это положение обосновывает на естественном превосходстве и на низшем положении все различие между человеком свободным и рабом, между знатным и простолюдином. Это значит полагать, что от хороших родителей происходят хорошие дети, в той же степени, как от человека происходит человек, а от животного животное; правда, природа зачастую стремится к этому, но достигнуть этого не может. Из сказанного таким образом ясно, что колебание во взглядах о природе рабства имеет некоторое основание: что природа не создает одних людей рабами, других — свободными; что, напротив,

для некоторых классов такое разделение на рабов и свободных вполне естественно, причем для одного человека полезно и справедливо быть рабом, для другого — господином, равным образом как необходимо, чтобы один подчинялся, другой властвовал в пределах того подчинения и того властвования, какие дарованы ему природой. Дурное применение власти не приносит пользы ни господину, ни рабу: ведь что полезно для части, то полезно и для целого, что полезно для тела, то полезно и для души; а раб является своего рода частью господина, как бы одушевленной частью его тела, хотя и живущей отдельно. Поэтому между рабом и господином существует известная общность интересов, так сказать, взаимное дружелюбие, раз отношения между ними покоятся на естественных началах; в том же случае, когда эти отношения регулируются не указанным образом, но основываются на законе или насилии, происходит явление обратное» («Политика», I, 2, 19-21).

[39] См. «Политика», I, 2, 8 и 20.

[40] «Политика», IV, 14, 10.

[41] «Политика», IV (7), 14, 1-2: «Устойчивым государственным строем, — говорит он в другом месте, — бывает единственно такой, при котором осуществляется равенство по достоинству и при котором каждый пользуется тем, что ему по праву принадлежит» (там же, VIII (5), 6, 5).

[42] «Политика», IV (7), 2, 9.

[43] Зенон и Хрисип у *Диогена Лаэртского*, VII, 53, § 87.

[44] Свободно рабскую
Судьбу неси; тогда рабом не будешь ты.
(*Менандр*, фрагмент 279).

[45] *Диоген Лаэртский*, VII, § 121. Это было положением кинической школы, из недр которой вышел Зенон (*Диоген Лаэртский*, VI, 2, 6, § 66). Антисфен написал целый трактат, вероятно на эту же тему, о свободе и рабстве (там же, VI, 1, 9, § 16).

[46] Посидоний у Афинея, VI, стр. 263e.

4

[1] «Для работы самыми лучшими по своему характеру были бы ни очень вялые, ни чересчур смелые; и те, и другие равно не подходят; очень вялые не выносят работы, смелыми же не так-то легко управлять» («Экономик», I, 5).

[2] *Ксенофонт*, Экономик, IX, 5 (было цитировано выше), и *Аристотель*, Экономик, I, 5: «рождением детей следует воспользоваться как залогом с их стороны».

[3] *Платон*, Законы, VI, стр. 777d, и *Аристотель*, Экономик, I, 5: «И не нужно приобретать много рабов, говорящих на одном языке и принадлежащих к одному племени», и «Политика», IV (7), 9, 9: «Если уж говорить об идеале, то земледельцами должны быть преимущественно рабы. Они однако не должны все принадлежать к одной национальности и не должны быть горячего темперамента, потому что при соблюдении этих условий они оказались бы полезными для работ и нечего было бы опасаться каких-либо попыток с их стороны к возмущению».

[4] *Платон*, Законы, VI, стр. 777.

[5] *Ксенофонт*, Экономик, IX, 11.

[6] Там же, III, 4.

[7] Там же, XIII, 9 и след. «Похвала служит лишним стимулом для

благородных душ; она становится для них такой же обязательной потребностью, как для других питье и еда. Вот те средства, которые я применяю и благодаря которым, думаю, я приготовлю себе вполне покорных людей. Я их указываю тем, кого я хочу назначить своими управляющими. Кроме того я им помогаю еще вот как: когда я должен давать одежду или обувь своим рабочим, я не хочу, чтобы они все были одинакового качества, я требую и очень хороших, и худшего качества, для того чтобы лучшую одежду давать более хорошим рабочим в виде вознаграждения, а одежду худшего качества — тем, которые заслуживают меньшего. Я замечал, что хорошие рабы бывали очень обескуражены, так как все делается их руками, если они видят, что одинаково относятся к тем, кто не работает и кто, при надобности, охотно не делит с ними опасностей. Лично я всегда больше всего остерегаюсь установить малейшее равенство между хорошими и дурными слугами. Если я вижу, что мои управляющие разделяют лучшее между лучшими рабами, я их в этом хвалю; но если рабочий получает такие преимущества или за простую угодливость, или за лесть, то, совершенно не закрывая глаза на такое злоупотребление, я делаю выговор своему управляющему и стараюсь ему доказать, что в этом он плохо принял во внимание свои интересы».

[8] *Аристотель*, Экономик, I, 5.

[9] «Общение с рабами (должно быть таким), чтобы не позволять себе ни грубости по отношению к ним, ни вольного обхождения» (там же).

[10] «Жертвы и угощения устраиваются более ради рабов, чем для свободных. Ведь они получают из того, ради чего это установлено, большую часть» («Экономик», I, 5).

[11] «Пусть ни у кого не будет жалости, пусть никто не проявляет сочувствия» (*Диоген Лаэртский*, VII, 1, 64, § 123. Сравн. *Цицерон*, За Муррену, 29).

[12] *Цицерон*, О пределах добра и зла, IV, 27, § 76. Сравн. *Диоген Лаэртский*, VII, § 120.

[13] Всю брань и тяжесть рабства если раб несет,
Дурным он будет; откажись от гадких слов,
Намного лучшим это сделает его.

(*У Стобея*, Цветник, LXII, 27).

[14] Аристотель у схолиаста к Аполлонию Родосскому I, 188. Анкей (сын Посейдона и Астипалеи, по указанию Тзетза), очень занятый своими полями и виноградниками, был очень суров со своими рабами. Один из них сказал ему, что ему не придется попробовать плодов с этих полей. Когда был собран виноград (и приготовлено молодое вино), Анкей приказал своему рабу дать ему выпить (молодого виноградного сока), и, прежде чем поднести кубок ко рту, он напомнил ему его предсказание. Раб ответил ему: «Многое может совершиться за время от края кубка до кончика губ». Когда он это еще говорил, прибежали сказать хозяину, что огромный дикий кабан опустошает его плантации. Анкей оставил кубок и бросился против кабана, но кабан ударил и убил его; отсюда и пошла пословица.

[15] И если кто-нибудь и раб, не меньше он ничуть,
И человек, как все, кого людьми зовем.

(Филемон у *Стобея*, Цветник, LXII, 28).

[16] Ведь если я, как человек, несчастию
Другого человека помощь не подам,
Покажется ль, что я разумно поступаю?

(Алексис у *Стобея*, Цветник, LXII, 6).

В той же главе «Цветника» можно найти другие прекрасные мысли о рабстве, между прочим много выражений из Эврипида (№№ 25 и 26):

Позорно для рабов одно лишь имя их,
Во всем же остальном ничуть не хуже раб
Любого из свободных, если он хорош.

[17] *Платон*, Государство, VIII, 549.

[18] «Увидавши их, не скажешь ли ты, что они похожи на лысого и жалкого раба, едва только освободившегося от своих оков, который, собрав сколько-нибудь денег благодаря своей кузнице, бежит в общественные бани, чтобы вымыться, надевает новое платье и, разодетый, как новобрачный, отправляется жениться на дочери своего хозяина, которую ему отдают бедность и беспомощность, в которой она находится» (*Платон*, Государство, VI, 495e).

[19] «Этика Никомаха», VIII, 11 (или 13).

[20] См. выше, стр. 110.

[21] *Аристотель*, Политика, I, 5, 9.

[22] *Теофраст*, Характеры, IV. 6.

[23] Антисфен смеется над привилегиями, даваемыми рождением: «Какое значение имеет происходить от двух борцов, если я сам хороший борец» (*Диоген Лаэртский*, VI, 1, 4, § 4).

[24] <Имя «киник» происходит от греческого слова κύων — «собака»; они были так названы за то, что в своей жизни проявляли ту же неприхотливость и «откровенность» всех поступков, как и собаки. Но вероятнее, что это название перешло от той части Афин, которая носила название *Киносарп* и где была школа Антисфена, основателя кинической философии>.

[25] Мне кажется, что Ренувье в своем «Учебнике древней философии» (II, стр. 138) слишком буквально принял слова киников, считая, что они пытались облагородить труд и поднять нравственное достоинство рабов. Они превозносили похвалами (как говорит сам автор) труды Кира и Геракла (*Диоген Лаэртский*, VI, 1, 4, § 3), но вовсе не труды земледельца или ремесленника. Спартанцы, которые так презирали эти два вида труда, рассматривались Диогеном как люди, наиболее ушедшие вперед в развитии истинно человеческой жизни; их поступки вообще были живым комментарием к их словам.

[26] Их учением об общности имущества и женщин, которое перешло в школу Зенона (*Диоген Лаэртский*, VI, 2, 6 §§ 71 и 72; VII, 1, 28, §§ 33, 76, 131) и всеми странностями и гнусностями их жизни.

[27] *Диоген Лаэртский*, VI, 2, 6, § 74.

[28] Там же, § 71.

[29] *Филон Александрийский*, О том, что всякий добродетельный человек свободен, стр. 880-882. Сравн. *Плутарх*, Остроумные выражения лакедемонян, 45.

[30] *Филон*, указ. работа, стр. 881. Сравн. *Плутарх*, там же, 19, стр. 233.

[31] *Валерий Максим*, II, 6, 7.

[32] *Аристофан*, Лягушки, 190.

Глава одиннадцатая

1

[1] «Раб является в известной степени одушевленной частью собственности, как и вообще в мастерствах всякий мастеровой, как орудие, стоит впереди других инструментов» (*Аристотель*, Политика, I, 2, 4). «Раб — одушевленное орудие, а орудие — неодушевленный раб» (*Аристотель*, Этика Никомаха, VIII, 9, 6).

[2] Я думаю, рабу, лишенному родной
Земли, хозяин, если будет добр к нему,
То станет родиной ему.

(Антифан у *Стобея*, Цветник, LXII, 9).

Сравн. *Аристид*, XLV («О риторике»), 32, т. II, стр. 40 (изд. Диндорфа).

[3] *Стобей*, Цветник, LXII, 34.

[4] *Григорий из Коринфа*, гл. 21, у Вальца, т. VII, стр. 1283.

[5] «Греческие пословицы» (Paraemiographi graeci), изд. Гайсфорда, 114).

[6] *Ксенофонт*, Экономик, XI-XV и особенно XIV, 4-7.

[7] *Аристотель*, Политика, I, 5, 3.

[8] Там же, III, 5, 10: «Государство создается не только ради того, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо; в противном случае следовало бы допустить также и *государство, состоящее из рабов и прочих живых существ*, чего на самом деле теперь не бывает, так как *ни те, ни другие не имеют общения в блаженстве и в жизни, устроенной по собственному предначертанию*».

[9] Там же, I, 2, 22: «Правда, можно вообразить себе и науку о власти господина, как и науку о рабстве, последнюю вроде той, какая существовала в Сиракузах, где некто обучал людей рабству: за известное вознаграждение он преподавал молодым рабам знания, относящиеся к области обычного рода домовых услуг. Такое обучение могло бы простираться и на дальнейшие области, например можно было бы обучать кулинарному искусству и остальным подобного же рода статьям домашнего обихода. Работы ведь бывают разные — одни более высокого, другие более насущного характера, как и пословица говорит: «есть раб и раб».

[10] *Ксенофонт*, Экономик, XIV, 2.

[11] *Теренций*, Андрянка, I, 1 и 8.

[12] *Аристотель*, Политика, I, 5, 11.

[13] Эврипид у *Стобея*, Цветник, LXII, 19, 4 и 5.

[14] См. «Большая этимология», под этими словами.

[15] Там же, под этим словом.

2

[1] <Не так давно среди египетских папирусов были обнаружены большие отрывки другой сатирической драмы, принадлежащей Софоклу, называющейся «Ищейки». См. о ней *Софокл*, Драмы в переводе Ф. Зелинского, т. III, стр. 129 и след. 1914 г.>

[2] *Эврипид*, Киклоп, 23: «к одному из них — увы — рабами мы попали».

[3] Там же, 163, 191 и во многих других местах.

[4] *Тзетз*, О различии поэтов.

Настолько скверен этот род рабов: один
Живот лишь, дальше он не смотрит ни на что.

(*У Стобея*, Цветник, LXII, 15).

[6] *Аристофан*, Богатство, 189.

[7] *Аристофан*, Мир, начало и 5, 1138; Осы, 1210; Женщины на празднике Фесмофорий, 1180; Осы, 1929; Богатство, 276; Лисистрата, 333.

[7а] «Богатство», 20:

Средь слуг тебя всех выше чту;
Всех преданнее ты и вороватей всех.

(Последнее слово — по-гречески κλεπτιστατον — имеет двойной смысл: самый скрытный и самый вороватый).

[8] «Богатство», 45-51 и 273.

[9] Там же, 644 и след, и 707:

Хозяйка, да! Живей вина, вина достань!
Сама пригубь! Ведь ты у нас горазда пить!
. . . .
Десяток кружек винных не успела б ты
Опорожнить, и вот Богатство зрячее.

[10] «Богатство», 665 и след.:

Потом слуга при храме потушил огни
И богомольцам приказал ложиться спать,
А если шум услышим, повелел молчать.
Спокойненько, тихонько мы легли и спим.
Но глаз сомкнуть никак не мог я. В нос мне бил
Чудесный запах пшенной каши из горшка
У изголовья старушонки дряхленькой,
К горшку добраться до смерти мне хочется.
Глаза открыл, и что же увидал — жреца:
Глодал он смоквы и коврижки дерзко крал
С дарохранительницы. А потом пошел
Все жертвенники чередом оглядывать,
Глазами шарить, нет ли приношения.
Что ни находит, посвящает в свой мешок.
Пример благочестивый — так решаю я.
Встаю, иду к горшочку с кашей пшенною.
— Ах, разнесчастный, бога не боялся ты!
— Боялся, видят боги, как бы каши он
Не стибрил из-под носа, в золотом венке.

[11] Там же, 1140-1147:

Припомни, из кладовки хозяина
Таскал ты часто. Я ведь покрывал тебя. —
— Примазывался в долю ты всегда, нахал,
Тебе кусочек доставался жареный. —
— Ты сам же пожирал кусок в конце концов. —
— Но палок не делил ты и плетей со мной,
Когда я попадался за проказами.

[12] «Лягушки», 751-768.

[13] *Овидий*, Песни любви I, 15, 17. Гален в «Прирожденных способностях» I, 17, делает на это намек: «Равным образом и те рабы,

которые выведены нашим чудесным Менандром в своих комедиях, все эти Давы и Геты, которые считают, что они недостойны уважения среди своих сотоварищей, если они раза три не обманули своих господ...»

[14] *Плавт,* Псевдол, I, 5, 561:

> В дом зайду ненадолго,
> В порядок по рядам построю все свои
> Подвохи.

[15] Эпикрат и Антифан в их пьесе, озаглавленной «Диспрат» («Раб, которого трудно продать»); у *Афинея,* VI, стр. 262c, d.

[16] *Афиней,* там же.

[17] *Теофраст,* Характеры, XII, 548.

[18] *Афиней,* XII, стр. 548b.

[19] *Теренций,* Братья, IV, 2, 592:

> Подберусь, перехвачу-ка повкусней чего-нибудь,
> Прихлебну и из бокала! Так-то проведу денек!

Он возвращается, очень довольный сам собой (V, 1, 767):

> Друг Сир! Ты о себе подумал с нежностью.
> Свое исполнил дело восхитительно!
> Теперь, насытившись вещами всякими,
> Приятно прогуляться.

[20] «Никто б сказать не мог, что ел я, хлеб меся» (*Аристофан,* Мир, 14).

[21] *Афиней,* IX, стр. 377d и 381c. Сравн. о поварах Посидиппа и др., там же, XIV, стр. 659c.

[22] *Плавт,* Трехгрошевый, II, 3, 368 и 485; III, 2, 684.

[23] *Плавт,* Перс, повсюду.

[24] *Афиней,* VIII, стр. 336e. Наряду с этим грубым реализмом все добродетели ему кажутся каким-то сном:

> Все доблести, посольства, власть военная —
> Пустой набор лишь слов, как сон бессмысленный.

[25] «А затем позднее покупалась флейтистка, *как это обычно бывает в таких попойках*» (*Афиней,* XIII, 607d). См. другой пример молодой музыкантши, купленной за ужином (стр. 607e).

[26] См. работу, приписываемую Лукиану, «Амуры». Я прошу уволить меня говорить дальше о всех этих спутниках частных празднеств, кифаристках, певичках, флейтистках, танцовщицах (*Афиней,* VIII, стр. 339e, и XIV, 621b).

[27] Афиней посвящает свою XIII книгу этой скандальной хронике и умышленно вписывает туда эти имена, как наиболее почетные.

[28] Харибда, Сцилла, сфинкс, гидра, львица, ехидна и т. д. (*Анаксилас,* Неоттида, у *Афинея,* XII, 558). Афиней называет также Клепсидру («Водяные часы») и многих других еще более известных, цитируемых комиками (стр. 567).

[29] *Плавт,* Грубиян, IV, 2, 664.

[30] *Плавт,* Привидения, I, 3, 190.

[31] *Плавт,* Грубиян, II, 1, 196 и след.

Ср. *Теренций,* Свекровь, I, 1. См. также довольно длинную тираду Алексиса (у *Афинея,* XIII, 568a) о коварном искусстве куртизанок.

[32] *Плавт*, Раб-обманщик, I, 2, 179 и 215, и *Теренций*, Евнух, III, 6, 600.

[33] *Аристотель*, Политика, I, 5, 6 и 11.

[34] «...что у рабов их тело ответственно за все их преступления, для свободных же, хотя бы случилось, что они совершили величайшие преступления, удается спасти его неприкосновенным» (*Демосфен*, Против Андратиона, 610). См. *Платон*, Законы, VIII, 845.

[35] *Теренций*, Формион, II, 1, 247: «О Федрия!», — восклицает Гета в ответ на слова Демифона, что умный человек должен предвидеть все несчастья, которые ему могут угрожать, —

Насколько я умнее своего хозяина!
На всякие невзгоды я готов, когда вернется он:
Молоть ли мне на мельнице, быть битым ли, в оковах быть,
Работать в поле — ничего я нового не вижу тут.
Случится сверх расчета что, тогда я запишу в приход.

[36] Там же, I, 4, 219.

[37] *Плавт*, Привидения, V, 1, 1088-1093 (русск. перев. 1113-1121):

(Феопропид) Обложить велю соломой! Сжарю на огне плута!
(Транион) Не советую. Вареный я вкусней, чем жареный.
(Феопропид) На тебе пример дам!
(Транион) Значит, нравлюсь: я тебе пример!
(Феопропид) Сына я каким оставил, уезжая из дому?
(Транион) Руки, ноги, пальцы, щеки, уши — было цело все.
(Феопропид) О другом я спрашиваю.
(Транион). О другом и мой ответ.
Вот Каллидамант, приятель сына твоего, идет.
Так при нем какое хочешь дело начинай со мной.

[38] Там же, 1151 (русск. перев. 1178):

Чего упрямишься? Как будто завтра же вновь не провинюсь!
И за то, и за другое завтра отомстишь.

[39] *Теренций*, Сам себя наказавший, II, 2, 335; III, 3, 586.

[40] *Плавт*, Ослы, III, 3, 685:

(Либан) А разве я не стою?
Но чтоб ты недостойно так не говорил со мной,
Ты повезешь меня верхом, чтоб получить те деньги.
. . . .
(А г р и п п) Пропал! Но если вышло так, чтоб вез раба хозяин,
Влезай!

3

[1] *Аристофан*, Богатство, начало:

О Зевс и боги, что за должность кляузная
У господина спятившего быть рабом!
Пускай совет слуга подаст разумнейший,
Когда совет хозяину не по сердцу,
С ним заодно настигнет и слугу беда.

Увы, не властен раб над телом собственным,
Хозяин властен, боги присудили так!
Ну, с этим будь что будет!

Это же говорит и Филемон у *Стобея*, Цветник, LXII, 29:

Коль плохо действует хозяин, плохо раб
Тогда живет: ведь должен он участвовать
Всегда во всех его бедах-несчастиях.

[2] *Эврипид*, Медея, 53 и след.
[3] *Эврипид*, Елена, 726-733:

Да, плох тот раб,
Которому дела его хозяев
Не дороги, который мук семьи
И радостей не делит. Если в рабском
Рожден я состоянье, пусть меня
Рабом хотя считают благородным.
Нет имени — я душу сберегу,
Все ж лучше быть по имени рабом лишь,
Чем на плечи одни да оба зла:
И рабский дух имей и рабский жребий.

(Перев. Анненского).

Сравн. *Стобей*, Цветник, LXII, 2.
[4] *Теренций*, Андрянка, IX, 1, 673; Формион, III, 3, 55:

Да не бойся. Все снесем мы вместе — и добро, и зло...

[5] Менандр у *Стобея*, Цветник, LXII, 6.
[6] «Anthologia Palatina», VII, 178.
[7] Там же, VII, 180.

Кто из рабов господ породу любит, тот
Войной великою идет против себе
Подобных.

(Эврипид у *Стобея*, Цветник, LXII, 16).

[9] «Природна ненависть рабов к их господам» (Стих, цитированный Гермогеном у *Вальца*, «Греческие риторы», т. III, стр. 19).
[10] *Лукиан*, Клеветник, 25.
[11] *Лисий*, О ветке священной оливы, стр. 274-275 (§ 16, Blass): «Затем разве я не был бы несчастнейшим в мире человеком, если бы мои слуги, как свидетели такого преступления, стали на всю мою жизнь не рабами мне, а господами? Таким образом, как бы сильно они ни провинились передо мной, я не мог бы их наказать, вполне понимая, что от них зависит и мне отомстить, и самим получить свободу за донос».
[12] *Андокид*, О мистериях, стр. 8-9.
[13] *Лисий*, О святотатстве Каллия, стр. 187: «Не у них одних есть слуги, но и у всех других; видя их <т. е. слуг-обвинителей> удачу, слуги <других> будут думать уже не о том, как угодить господам, чтоб получить свободу, а о том, какой ложный донос на них сделать».
[14] *Лукиан*, Переправа («Κατάπλους»), 11 и 12.
[15] Часто рабы, предложенные хозяевами для допроса под пыткой, были отвергаемы противоположной стороной. Боялись ли они их преданности или тайного договора, который мог купить их по-

казания? (Сравн. *Лисий*, О ветке оливы, стр. 288, и Об умышленно нанесенной ране, 178-179).

[16] Цепями кто оковывает пленников,
Кто беглым надевает кандалы рабам,
Тот очень глупо делает, по-моему:
Беда к беде прибавится несчастному —
Тем более охоты убежать ему
И поступить неподходящим образом:
Из цепи — так ли, этак ли — он вырвется;
Закованный — распилит ли кольцо пилой,
Собьет ли гвозди камнем... Все ему пустяк!
Но если хочешь крепче приковать его,
Чтоб не бежал, прикуй его едой-питьем,
И мордой привяжи его ты к полному
Столу: покуда будешь пить и есть давать,
Чтоб был он ежедневно совершенно сыт —
Убийство совершивши, не сбежит, поверь;
Легко удержишь этакими узами.
Еда — оковы, гибкие до крайности:
Чем больше их растягиваешь, тем они
Затягиваются туже.

(*Плавт*, Близнецы, I, 1, 3 и след.).

[17] Менандр у *Стобея*, Цветник, LXII, 7.
[18] *Плавт*, Жребий, II, 4, 185.
[19] Эвбул у *Стобея*, Цветник, LXII, 32.

4

[1] *Аристотель*, Политика, IV (7), 6, 1.

[2] Эта пьеса Плавта была подражанием «Кладу» Филемона. Я взял этот образ из комедии как наиболее известный в истории; было конечно много других подобных ему, например тот Никомах, о котором говорит Лисий в речи «Против Никомаха», стр. 847-848 и след.

[3] *Афиней*, XIII, стр. 585с.

[4] См. для этих гнусных личностей, всегда жадных, всегда клятвопреступных, всегда обманутых и битых, «Братья» и «Формион» Теренция, «Проделки паразита», «Канат» и особенно «Перс», «Пэнул» и «Псевдол» Плавта. И здесь Плавт и Теренций находили свои образцы в греческом театре. Независимо от разрозненных намеков в различных комедиях, три пьесы Анаксиласа, Эвбула и Посидиппа носили название «Порнобоскос» («Содержатель гетер», или «Сводник»). См. *Афиней*, IX, 385f и 371f, III, 108d, IV, 154f.

[5] См. *Аристофан* и *Плавт*, Эпидик, III, 2, 351, и 4, 477. Сравн. *Лукиан*, Разговоры гетер, 15 и след.

[6] *Плавт*, Ослы, IV, 1, 730 и след. Иногда они ставили условием быть доставленными назад к себе по истечении срока найма: «Срок условию минует — ей домой вернуться бы» (Бакхиды, I, 10). Известны чудовищные состояния Лаисы, Фрины и др. Фрина предложила фиванцам восстановить их город, разрушенный Александром, под условием, что память о таком ее поступке будет закреплена надписью (*Афиней*, XIII, стр. 591с).

[7] Примером нам служит Неэра, которую Стефан выдавал за свою жену; она брала с них деньги, как с любовников, а Стефан — как с нарушителей его супружеского права (*Демосфен*, Против Неэры, стр. 1359. См. такую же фигуру в «Грубияне» Плавта).

[8] *Плавт*, Перс, VI, 9, 742. Сравн. «Канат», III, 3, 657. См. Клеерету в «Ослах» и старую куртизанку в «Ларчике» Плавта; для греческих образцов — Алексиса у *Афинея*, XIII, 568 и 595 и т. д. Три или четыре такие негодницы, которые эксплоатировали свободных женщин, были зашиты в мешок и брошены в море по приказанию Клеомена (Феопомп, у *Афинея*, X, 442f и 443a).

5

[1] Эврипид у *Стобея*, Цветник, LXII, 11.

[2] Там же, 12 и 14.

[3] Менандр у Мейнеке, «Фрагменты комиков», т. IV, стр. 344.

[4] *Валерий Максим*, IV, 1, 1.

[5] «Ту ночь она со мной по воле барина спала» (*Плавт*, Купец, I, 1, 101). Ср. *Шелхер* (Schölcher), Французские колонии, стр. 73.

[6] *Аристотель*, Политика, II, 5, 11: «покупали себе друг у друга жен».

[7] Ревность мужей сохранила им еще несколько черт их прежнего рабского положения; они держали их под запором в их апартаментах. См. *Аристофан*, Женщины на празднике Фесмофорий, 414. Поэт, правда, говорит здесь об этом только для того, чтобы показать, как они умели оттуда освобождаться.

[8] Аристофан в тех двух пьесах, где он, конечно с сильным преувеличением, выводит пороки женщин: «Женщины в народном собрании» и «Женщины на празднике Фесмофорий».

[9] *Аристофан*, Богатство, то место, которое я уже цитировал по поводу наглости рабов, и другие тексты Антифана, Алексиса, Ксенарха, Аксионика и Платона-комика у *Афинея*, X, стр. 441.

[10] В Тарренте было запрещено свободным женщинам выходить вечером из дому, если они не хотели собой торговать; этой мерой хотели удержать дома тех, которые заботились о своей чести. Днем их должен был провожать один из «гинекомов» («спутников женщин») и сопровождать один из рабов (*Афиней*, XII, 521b).

[11] Эфипп в своей «Покупке» («Ἐμπολή») восхваляет это искусство гетер (*Афиней*, XII, 521b).

[12] Феопомп у Афинея, XII, 532.

[13] *Плутарх*, Перикл, 24. Афиней, который вообще относится ко многому столь снисходительно, не может простить Сократу этих визитов и тех советов, которые он там давал.

[14] *Афиней*, XIII, 589c.

[15] Там же, 557c.

[16] Там же, 592a, b; 582e и 604-605.

[17] Там же, 592c и e.

[18] Там же, 589c, f.

[19] Там же, XIII, 585b.

[20] Там же, 585b.

[21] *Аристофан*, Лягушки, 516 и след.; *Афиней*, XII, 448b; *Лукиан*, Сатурналии, 4; Пир, 41 и след. Тирренцы, по сообщению Тимея, заставляли на своих пирах прислуживать обнаженных женщин (*Афиней*, IV, 153d, и XII, 517).

[22] *Демосфен*, Против Неэры, стр. 1386, 19. Мы видели выше, как он трактует эти вопросы.

[23] Аристофан Византийский сообщает со всеми подробностями историю 135 куртизанок; Аполлодор и Горгий сообщают их еще больше. Афиней, который говорит о них (XIII, 582d), сам перечисляет из них самых знаменитых, начиная со времен Геракла (XIII, 556-558, 576-578).

[24] *Афиней*, XIII, 591b. Стоящее здесь слово χρυσοῦν («золотой» некоторые переводчики передают с большой долей вероятия словом «позолоченный».

[25] Филетер у *Афинея*, XIII, стр. 572.

[26] Многие драмы носят их имена как заглавие. См. *Афиней*, XIII, стр. 567d.

[27] В противоположность этому Афиней (XIII, 558-560) собрал другие примеры деспотизма женщин, целый ряд текстов из Алексиса («Колдуньи»), Ксенарха («Сновидение»), Филетера, Амфиса, Эвбула, Аристофана, Антифана, Менандра и др., которые были повидимому источниками для шуточных выступлений Плавта по этому вопросу.

[28] См. «Государство» и «Законы» Платона и «Политику» Аристотеля, IV (7), 15, 6.

[29] «Они покупали лаконских кормилиц» (*Плутарх*, Ликург, 16. Сравн. 12).

[30] Платон (комик) у *Афинея*, III, стр. 103c.

6

[1] Коль победим, что ж, будут благосклонны к нам?
— Рабов ведь это свойство наруку тебе.
(*Эврипид*, Электра, 632).

[2] *Геродот*, VII, 155; *Фукидид*, III, 73. Общность этого явления повидимому ясна из того исключения, которое Аристотель подчеркивает на Крите («Политика», II, 6, 3).

[3] «Рабы и женщины не злоумышляют против тиранов, напротив, пользуясь при их господстве благоденствием, и те, и другие, разумеется, благосклонно относятся и к тираниям и к демагогиям» («Политика», VIII (5), 9, 6).

[4] *Афиней*, XII, 516a, и XI, 509b.

[5] Там же, V, 214a.

[6] *Аристид*, 1-я речь о Сицилии, стр. 560 (изд. Диндорфа). Два раба доносили Сулле обо всех операциях жителей Афин во время осады этого города Суллой (*Фрейсхейм*, Дополнения к Титу Ливию, LXXXI, 1).

[7] *Афиней*, VI, стр. 266f. См. выше стр. 153.

[8] *Ксенофонт*, Воспоминания, II, 7, 7.

[9] *Геродот*, II, 167: «Я не могу решительно утверждать, заимствовали ли эллины эти порядки от египтян, так как я вижу, что фракийцы, скифы, персы, лидийцы, т. е. почти все варвары, меньше ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслами, напротив, считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые ведают только военное дело. В таких принципах воспитаны все эллины, а больше всего лакедемоняне; меньше всех пренебрегают ремеслами коринфяне».

[10] *Ксенофонт*, Воспоминания, II, 7, 12 и след.

[11] *Платон*, Государство, II, 375 и след. Платон, у которого столь ярко выражена склонность к спартанской системе в его «Государстве», в своих «Законах» более верен старой мысли Афин. Он передает старинную традицию о том, что ремесленники сами происходят от некоего божества, и среди их богов-родоначальников называет Гефеста и Афину, великую богиню афинян: «их богов-предков» (*Платон*, Законы, XI, 920c; цитировано Крейцером в «Очерке римских древностей», § 148). Но Крейцер ошибается, когда он относит Ареса-Марса к той же категории; Арес, наоборот, указан опять-таки вместе с Афиной

как покровитель того класса, который должен защищать город силой оружия, тогда как ремесленники поддерживают его своим трудом.

[12] *Аристотель,* Политика, VI (7), 8, 6: «Теперь мы указали те элементы, без которых невозможно существование государства, определили и их число: хотя земледельцы, ремесленники и всякого рода поденщики необходимо должны быть налицо в государстве, но собственно элементами, составляющими государство, являются военное сословие и те, кто облечены законосовещательной властью». См. критику Аристотеля на систему Гипподама (там же, II, 5, 5): «прежде всего поставит, пожалуй, кое-кого в тупик проектируемое Гипподамом разделение гражданского населения. В управлении государством принимают участие все — и ремесленники, и земледельцы, и воины. Между тем земледелец не имеет права носить оружие, ремесленники не имеют ни оружия, ни земли, так что оказываются *почти рабами по отношению к имеющим право носить оружие*».

[13] Там же, IV (7), 8, 5: «если право собственности должно принадлежать гражданам, то ясно, что землепашцы должны быть рабами, либо периэками неэллинского происхождения».

[14] Там же, VII (6), 2, 2. Сравн. III, 3, 2: «Нужно ли ремесленника считать в числе граждан?». Он признает, что вопрос труден, но он отвечает на него отрицательно: «Некогда все рабочие были или рабами или иноземцами, и во многих государствах так остается и до сих пор; но хорошее государственное устройство никогда не допустит ремесленника в число граждан. Напрасно ремесленнику дают имя гражданина. Звание гражданина принадлежит не всем свободным людям только в силу того, что они свободные; оно принадлежит только тем, кто избавлен от всех работ, необходимых для насущного пропитания».

[15] Там же, II, 4, 13.

[16] «Так как все занятия людей разделяются на такие, которые приличны для свободнорожденных людей, и на такие, которые свойственны несвободным, то очевидно из первого рода занятий нужно участвовать лишь в тех, которые не обратят человека, занимающегося ими, в ремесленника. Ремесленными же нужно считать такие занятия, такие искусства и такие предметы обучения, которые делают физические, психические и интеллектуальные силы свободнорожденных людей непригодными для применения их к добродетели и для связанной с нею деятельности. Оттого-то мы и называем ремесленными такие занятия и искусства, которыми ослабляются физические силы. Это те работы, которые исполняются за плату: они отнимают досуг для развития интеллектуальных сил человека и принижают их» («Политика», V (8), 2, 1).

[17] Там же, VII (6), 2, 7. Сравн, IV (7), 8, 5: «Ремесленники не имеют прав гражданства, как и вообще всякий другой класс населения, деятельность которого не направлена на служение добродетели. Это очевидно из сделанной нами предпосылки, что быть счастливым возможно только в единении с добродетелью, а государство не может считаться счастливым, если принимается во внимание лишь какая-либо часть населения, а не вся совокупность граждан».

[18] «Известные обязанности являются рабскими, и их и поручают рабам, когда государство является достаточно богатым, чтобы их оплатить» (там же, VI (4), 12, 3). «Исполняющие подобного рода работы для одного лица — рабы, на общее пользование — ремесленники и поденщики» (там же, III, 3, 3). Отсюда видно, что между рабочим и рабом признавалось различие только внешнее.

[19] Там же, II, 4, 13. Повидимому Аристотель склоняется к подобно-

му же выводу. Это можно еще видеть из следующего места, где он помещает среди рабов также и мастеровых, а среди мастеровых указывает и ремесленников: «Рабы распадаются на несколько категорий, так как существует и несколько сортов работ. Одну часть этих работ исполняют мастеровые, именно такие рабы, которые, как показывает и самое наименование их, живут «от своих рук». К числу их принадлежат и ремесленники. Между мастеровыми нужно считать и всех рабочих механической профессии. Вот почему в некоторых государствах последние в древнее время, пока демократия там не получила крайнего развития, не имели доступа к государственным должностям» («Политика», III, 2, 8).

[20] Женщины, которые вели мелочную торговлю на площади, не могли, как мы видели, дать повода для обвинения в нарушении супружеской верности (*Демосфен,* Против Неэры, стр. 1367). То, что служило извинением для виновных, не должно было делать подозрительным невинного. Закон позволял подать в суд против всякого, кто упрекал гражданина или гражданку, что они ищут себе средств для пропитания этим низким занятием («Против Эвбулида», стр. 1308). Таким образом закон защищал их против обид, но не против презрения.

[21] См. выше, гл. IV, «Свободный труд».

[22] В «Персе» Плавта паразит обещает дать за своей дочерью 600 таких «острых слов», все чисто аттических и ни одного сицилийского.

[23] Эпихарм первый вывел на сцену паразита; Антифан, Антифонт, Эвбул, Аксионик в свою очередь старались оживить свои пьесы, вводя эти персонажи, столь известные по подражаниям Плавта и Теренция (см. *Афиней,* VI, 236-240, 240-245). В своем «Пире» Афиней заставляет своих «мудрецов» привести несколько примеров такого «острословия» паразитов (см. 245-246).

[24] *Плавт,* Трехгрошевый, IV; 2, 799: «Нынешнему дню прозванье дам я «трехмонетного»: нанялся за три монеты плутовать я целый день».

[25] См. для этого персонажа, предоставленного в добычу куртизанкам и паразитам, плавтовский «Хвастливый воин», типичную жанровую фигуру, то же мы видим в «Проделках паразита» (Куркулио), в «Эпидике»; его достойный слуга — пьеса «Раб-обманщик» (Псевдол). См. также «Евнуха» Теренция. Этот тип, столь чуждый римским нравам, они могли заимствовать только из греческого театра; греки делались наемниками, римляне — гладиаторами. Солдат Ферапонтигон Платагидор в «Проделках паразита» взял эмблемой своего кольца «воина, который одним ударом меча рассекает пополам слона» (стих 430); он грозит Каппадоку, что он искрошит его так, что:

Муравьями на кусочки будешь растащен весь.
(Стих 582.)

Нужно посмотреть также на все рассказы этого героя о битвах и на его поведение при малейшей опасности: при осаде дома Таисы солдат из «Евнуха», как настоящий генерал, становится в последних рядах, «чтобы лучше управлять действиями».

7

[1] Плиний указывает на Эригона, краскотера, который стал художником и оставил знаменитого ученика; но он не говорит, что сам он был рабом (XXXV, 40, 20).

[2] Он был рабом Ксантиппа и был отпущен на волю Идмономзаикой (*Гераклид из Понта*, X, § 13. Сравн. схолии к аристофановским «Птицам», 471).

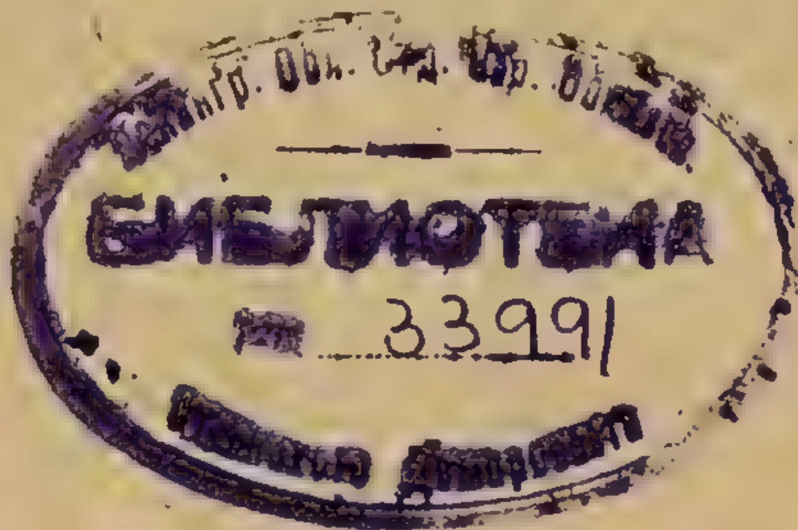
[3] *Афиней*, V, стр. 219с.

[4] Там же, стр. 578f-582 и след., до стр. 588. Об аналогичных произведениях см. *Свида*, под словом ’Αστυανασσα, и *Летронн*, Приложение к письмам антиквария к артисту, стр. 18.

[5] Были песни пастухов, «буколиасмой», автором которых считался некий Диомей, волопас из Сицилии; песни поденщиков, идущих в поле, жнецов на меже, наказанного раба на мельнице, в банях, в пекарнях; песня ткачей, названная «элинос»; песнь суконовалов («улос»), песня кормилиц и т. д. (*Афиней*, XIV, стр. 618-619). Никак нельзя ставить на счет рабства, тем превознося его, ни Алкмана, который, освобожденный за свою благородную внешность, отдался исключительно поэзии—«будучи очень красив, он был отпущен на волю и стал поэтом» (*Гераклид из Понта*, X, 2), ни Архилоха, рожденного от рабыни, но который жил, как свободный, и который был участником колонии, выведенной с Пароса на Фасос (*Элиан*, Различные истории, X, 13. Сравн. VI, 7).

Гермипп написал работу о рабах, которые были особенно замечательны. Его цитирует Свида по поводу Гистра, раба Менандра, который написал, как говорят, много вещей и в прозе и в стихах. От него ничего не осталось, а от других не осталось даже их имен.

[6] *Авл Геллий*, II, 18. Сравн. *Макробий*, Сатурналии, I, 11. Федон и Диоген были свободнорожденные. Точно так же нельзя зачислять в число философов-рабов таких лиц, как Платон, который был продан Дионисием.



ОГЛАВЛЕНИЕ

17-50